

PROLETARIAT OF ALL COUNTRIES, UNITE!
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

19

1927

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

	Стр.
Покровский, М.— Ленин и внешняя политика	3
Деборин, А.— Механисты в борьбе с диалектикой	21
Пашуканис, Е.— К характеристике фашистской диктатуры	62
Блюмин, И.— Теория Курно	92
Хмельницкая, Е.— Плановое регулирование в военном хозяйстве Германии	137
Гроссман-Рощин, И.— Мысли о Ленине	165
Фогараш, А.— Из истории диалектики в XIX веке	178

II. Стенограммы докладов читаемых в Комм. Академии

Местергази, М.— Эпигенезис и генетика	187
Прения по докладу М. Местергази (Волоцкой, М., Дучинский, Ф., Коёминский, П., Левит, С., Серебровский, А., Слепков, В.)	222
Заключительное слово М. Местергази	230

III. Критика и библиография

Кон, А.— Большая Советская Энциклопедия. т. т. I—V. Экономическая часть	234
Нагиев, Дж.— И. Луппол.— Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции	244
Митин, М.— Между спиритуализмом и материализмом. (По поводу философского сборника „Пути реализма“)	249
Сапир, И.— Э. Кречмер.— «Медицинская психология». Русский перевод с третьего немецкого издания	258

IV. Хроника

Устав Коммунистической Академии, при ЦИК СССР	269
---	-----

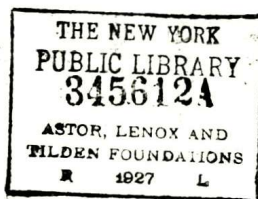
Приложение

Ченцов, Н.— Юбилейная литература о декабристах (окончание)	277
--	-----

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА
XIX

1927

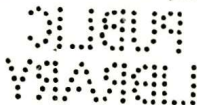
I.— СТАТЬИ

ЛЕНИН И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ¹⁾

Многогранность Ленина, изумительная многогранность, то, что он является еще до сих пор в значительной степени не открытым, что мы его изучаем, как некоего гиганта, палец за пальцем, один сустав за другим, — только это дает мне смелость выступить с докладом, весьма несовершенным, недоделанным, о Ленине и внешней политике. Сказать об этом мне хотелось бы очень много, но сказать я сумею очень немного, не только потому, что вы не выдержите, но и потому, что я не мог собрать материала, достаточно обширного, чтобы осветить все стороны этого вопроса. Кое-как мне помог в этом отношении, и после вчерашнего фельетона т. Радека говорить об отношении Ленина к Дальнему Востоку не приходится ²⁾. Этот фельетон все читали, так что некоторые отделы отпадают. Но некоторые отделы нет возможности охватить просто по недостатку у нас материала, не только у меня в этой библиотеке, которую я с собой принес, но и вообще материалов доступных нам, сколько-нибудь обработанных, сколько-нибудь приведенных в порядок, вообще существующих не только в себе, но и для других. Таких материалов очень немного. А между тем, товарищи, тема «Ленин и внешняя политика», которая принадлежит не мне, а была мне подсказана М. И. Ульяновой, эта тема меня страшно интересует, и я думаю, что она должна интересовать всех в настоящее время. Дело в том, что сейчас, как в прошлом, в 1910—14 г.г., мы опять вступаем в полосу интенсивного интереса к внешней политике. Наша партия не всегда этим интересом отличалась, и, например, в первую революцию 1905—07 г.г. внешняя политика в образе японской войны, которая тогда шла, была для нас просто агитационным мотивом. Мы от этой печки танцевали, когда нужно было ругать царизм. Но суть дела была в том, чтобы обругать царизм возможно хлеще, дать иллюстрацию, показать его

¹⁾ Доклад на Курсах Марксизма при Комм. Академии, 22 января 1927 г.

²⁾ Имеется в виду фельетон тов. Радека «Ленин и китайская революция», в «Правде» от 21 января.

неспособность, глупость, гнусность и т. д. А сама по себе внешняя политика так мало нас интересовала, что редко кто говорил и думал об Альжезиасской конференции, хотя в известной степени от нее зависела судьба нашей революции, потому что, если бы Николай не поддержал Франции на Альжезиасской конференции, он бы не получил тех миллионов, которые были ему нужны для удушения нашей революции. Еще меньше тогда думали об англо-французском сближении, а между тем англо-французское сближение тех дней было началом Антанты, т.-е., по сути дела, началом империалистской войны. Вот как мы были невнимательны к внешней политике. Дальше я покажу, что Ленин был внимателен, но мы-то были невнимательны. И только после 1910 г., когда уже слышался вдали гул будущей канонады, когда военные приготовления можно было ощупать руками, только тогда мы стали интересоваться внешней политикой. Тут и резолюция Базельского конгресса, и наши споры, и статьи в эмиграции, и отчасти в здешней литературе, и т. д., и т. д.

И вот теперь, после довольно длинного промежутка, когда мы тоже были заняты преимущественно внутренними делами, опять внешняя политика властно требует к себе внимания, опять она стоит в центре всего, и опять чувствуется гул приближающейся канонады. Этого можно было ожидать. Начинаящееся предвоенное оживление, которое несомненно, как бы мы на это ни смотрели, — готовится ли эта канонада непосредственно против СССР, или против чего-нибудь другого сначала, но до нас, вероятно, дойдет, — это есть оборотная сторона той самой стабилизации, о которой мы так много слышим. Буржуазия, как всякое меньшинство, тиранически господствующее над большинством, всегда занята или борьбой внутренней, или, если внутренней борьбы нет, начинает борьбу снаружи. Мнение о пацифизме буржуазии, это есть гнилое мнение. История, вероятно, скажет, что это был самый воинственный класс на земном шаре, куда более воинственный, чем средневековые рыцари. Буржуазия всегда дерется. Иногда она дерется со своими собственными рабочими, и тогда ей некогда драться со своими соседями. В период, когда буржуазный строй не стабилизирован, когда он качается, буржуазия обыкновенно настроена «мирно». Возьмите, напр., Францию и Англию в 30 — 40-х г.г. XIX века, Францию, которая была беременна 48-м годом, в которой все кипело внутри, в короля которой стреляли из всевозможных орудий, включая и предшественника теперешнего пулемета, который тогда называли «адской машиной», когда восстания на улицах Парижа разражались регулярно каждые два года, — в это время Франция была сравнительно мирной страной. Правда, она завое-

вала в то время Алжир, но это было в колонии. Чрезвычайно характерно, что, когда буржуазия находится в мирном состоянии по отношению к своим соседям, она всегда грабит и бьет кого-нибудь в колониях, и этим, так сказать, отводит душу. Душа буржуазная просит драки, но с соседями драться нельзя, это опасно, рабочие напирают с тылу, поэтому, давай, я буду колотить желтых, серых, синих, кого угодно, но в колониях. Возьмем Англию в это же самое время. Это как раз разгар чартизма, опять ей некогда заниматься войной в Европе, но она в это время исподтишка завоевала Индию. Индия как раз была окончательно завоевана в эти годы. Кончается все это, чартизм подавлен, революция 48-го года разразилась, рабочие Парижа расстреляны в июне 48-го года, буржуазия вздохнула полной грудью, и Англия, и Франция, вместе, через два года инсценируют крымскую войну. Затем идут дальше франко-австрийская война, австро-прусская война, франко-прусская война, и все это заканчивается Коммуной. Грозный красный призрак снова встает перед буржуазией, и снова она поджигает хвост на 20 лет.

Это, повторяю, эмпирический закон. Я привел один пример, вы можете его сопоставить со многими другими. Это оборотная сторона, или, если хотите, последствие той стабилизации капитализма, о которой сейчас так много говорится. Как она ни временна, ни условна, но результатом этой стабилизации должен был явиться военный задор буржуазии и ее военные проекты. Что она, вообще говоря, готовится к войне, это мы знаем не только из телеграмм о движении английских морских сил к Китаю, потому что это подходит под категорию колониальных войн, которыми буржуазия отводит душу в мирный период, но это видно из вот какого маленького газетного факта, взятого мелким шрифтом в хронике. За прошлый год в английском воздушном флоте было 176 катастроф, стоивших англичанам 72 человек. Английский военный флот в мирное время — это 800 аппаратов. Другими словами, почти 25% этого флота потерпело аварию. Что может это значить, товарищи? Летать, что ли, разучились англичане? Нет, это значит, что они, следуя примеру американцев, производят у себя маневры в почти боевой обстановке, почти не отличающейся от боевой, а местами и совсем не отличающейся, и проводят это, рискуя всем, не жалея ничего, ни своих летчиков, ни своих аппаратов, для того, чтобы в случае столкновения с Францией занять первое место, первыми сделать налет на Париж, на крупные железнодорожные узлы, склады и, таким образом, парализовать Францию с самого начала. Вот что это означает. Этого одного примера достаточно, чтобы показать, что мы находимся сейчас в предвоенной зоне. Я лично не думаю, чтобы

опасность непосредственно грозила СССР. Я не буду на этом останавливаться, это не входит в мой доклад, я не буду разбирать вопроса, насколько война непосредственно угрожает нам. Но ясно, что раз будет мировая война, а теперь кроме мировой войны представить себе войны нельзя, мы несомненно будем втянуты. Мы в стороне, в виде острова блаженных, остаться не можем. Может быть, действительно нас война заденет раньше, чем других; может быть, нет, но не в этом дело. Дело в том, что в мировом масштабе война приближается, и с этой точки зрения то, что нет у нас и над нами Ленина, является, конечно, особенно тяжелым и особенно чувствительным.

Ибо прежде всего другого Ленин, — это мы редко читаем в газетах, и об этом, мне кажется, редко говорят в речах, может быть потому, что сюжет от нас далекий и вообще мы редко обращаемся к внешней политике, — Ленин есть величайший дипломат нашего времени, в буквальном смысле этого слова, и это я постараюсь показать. Вы читали, наверно, вчера фельетон тов. Осинского, где цитируется Каутский, сравнивавший Ленина с Бисмарком. Это сравнение, конечно, нелепо, как сравнение двух исторических величин. Ибо величайший прусский юнкер в свое время сумел построить лишь что-то довольно убогое, что уже теперь, через 30 лет после его смерти, перестало существовать, в то время, как Ленин стоит во главе мировой эпохи, и, как я уже сказал в своем маленьком вступительном слове о 9-м января, новые стороны самого Ленина все более и более открываются. Я несколько не был бы удивлен, хотя и удивляться нечему, если через 200 — 300 лет, когда все будет механизировано и электрифицировано, Ленину будут ставить памятники, между прочим, и как отцу электрификации, как одному из апостолов электрификации. Так что Ленин — это неизмеримая, многогранная фигура, с которой, как исторической фигурой, ни в какое сравнение Бисмарк не идет. Но по отдельным линиям можно сравнивать Ленина с другими. Можно сравнивать его, как писателя, с другими писателями, и тут не будет никакой обиды для Ленина, если сравнивать, например, стиль Ленина и Плеханова. Так вот в одном отношении Ленин и Бисмарк — подходящее сравнение. Бисмарк, безусловно, крупнейший дипломат второй половины XIX века, это всеми признанный величайший мастер дипломатической игры, какой только был, который чрезвычайно ловко, верхним чутьем угадывал назревающие международные комбинации и все их сумел использовать для достижения своей весьма невысокой цели, доставления юнкерской Пруссии гегемонии сначала в Германии, потом во всей центральной Европе, а косвенно и в Европе вообще. Этого он достиг, в этом оказался победителем. Это

был действительно крупнейший дипломат своего времени. Но на что опирался этот крупнейший дипломат? Он опирался, во-первых, на сильное, молодое, растущее промышленное государство, экономическое развитие которого шло по восходящей. Пруссия бешено развивалась в хозяйственном отношении именно в эру Бисмарка. Он опирался, во-вторых, на самую совершенную технически армию в Европе. Прусская армия первая ввела у себя казнозарядное оружие и благодаря этому несла потери в боях втрое меньше, чем ее противники. Нам это кажется пустяком — откуда же и заряжать винтовку, как не с казны? — но тогда это был громадный шаг вперед. И этот шаг сделала именно прусская армия. Вот опираясь на какие возможности, экономические и технические, Бисмарк достиг своей скромной цели.

В чем была задача Ленина? В создании Союза ССР. Достиг он этой цели? Достиг, товарищи, есть Союз ССР, существует, растет, развивается, мы сами в нем живем. На что опирался он, достигая этой цели? Сначала, в самое трудное время, на минус-армию, если можно так выразиться. Потому что те разрозненные кучки несчастных беглецов из окопов, которые встречали каждого, кто под'езжал к фронту в декабре, январе 1917 — 18 г.г., — это была минус-армия, это была помеха для войны, но не орудие для войны. Надо было избавиться от этих беглецов, надо было сплавить их в их деревни для того, чтобы начать строить новую армию. А что касается экономики, то не мне вам рассказывать, что наша экономика шла в противоположном направлении с прусской. Там была круто восходящая кривая вверх, а у нас круто падающая кривая. И Ленин достиг при этих условиях своей цели, СССР был создан. Вот маленькое сравнение Бисмарка с Лениным. Кто из них крупнее? Что Ленину приходилось при этом вести дипломатическую игру, это опять-таки почему-то, к сожалению, не то что замалчивается, но на это как-то не обращается внимания. А между тем его переговоры с Робинсом в 1918 году и переговоры с Булайтом в 1919 г., это были мастерские дипломатические ходы, мастерские удары. Я не буду говорить о Брестском мире, о политике Ленина во время Брестского мира, об этом гениальном плане прикрыться одним империалистическим фронтом от другого фронта, устроить из Германии завесу. Это опять-таки был великолепный шаг, испорченный только тем, что не Ленин руководил тогда непосредственно нашей внешней политикой.

К сожалению, я не имею данных для того, чтобы осветить вам дипломатию Ленина в другой критический момент, в момент переговоров наших в Генуе и в Гааге. Я только могу догадываться по некоторым признакам, какая тут велась мастерская игра, которая предотвратила

объединение сил империалистических государств против нас. Я долго на этой стороне деятельности Ленина, как дипломата-практика, останавливаясь не буду. Это, так сказать,— всецело глава будущего. Она несомненно будет когда-нибудь написана. Но крайне курьезно, что основные документы по этой главе, которые делают величайшую честь Ленину, эти документы приходится опубликовывать кустарным способом, притом перевода с иностранных языков. Это крайне странно и это есть известное отражение нашей невнимательности к внешней политике вообще, в том числе невнимательности к этой стороне деятельности Ленина. Я думаю, что тут имеет место и некоторое обывательское отношение к самому пониманию внешней политики. Конечно, внешнюю политику с империалистическими державами вести так, как мы ведем у себя внутреннюю политику по отношению к рабочему классу и крестьянству, нельзя. Отношения нашей большевистской дипломатии к буржуазной дипломатии, или к буржуазным государствам, вполне точно, только в мировой проекции, воспроизводят наши с вами старые отношения к жандармам. Что, мы с жандармами откровенничали? Разве мы чувствовали стыд, когда мы жандармам не давали «откровенных показаний»? Наоборот, стыд был тому, кто с жандармами откровенничал. И если Ленин вел иногда «дипломатическую игру», то сам он этого никогда не скрывал, не скрывал даже в статье, которую он опубликовал в «Правде», когда он говорил о переговорах с Робинсом, не называя только последнего по имени.

Вот что он писал в «Правде» совершенно открыто: «Всякий здоровый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная. В такой вещи видеть что-либо «нечистое» могут только кисейные барышни да жеманные юноши, которые «читали в книжке» и вычитали одни жеманности. Кроме этих разрядов людей, разве еще заболевшие чесоткой могут впасть в подобную «ошибку»¹⁾. Ленин сам открыто в «Правде» говорил эти вещи, нисколько не скрывая и не замазывая ничего. Вот почему и эту сторону деятельности Ленина надо изучать, не уподобляясь кисейным барышням. Мы знаем ее отвратительно, почти не знаем. А не знать ее, это значит не знать крупной стороны этой гигантской фигуры, фигуры, которая является гигантской и в этом отношении. Ленин, несомненно, был самым крупным дипломатом нашего времени, не исключая Бисмарка, которого пришлось при-

¹⁾ Статья о „Чесотке революционной фразы“.

вести для сравнения, потому что это наиболее крупная фигура в их, буржуазном, лагере.

Это относительно Ленина дипломата-практика. Но Ленин тем и отличался от всех других практиков, что он умел свою практику осмыслить, чего великий Бисмарк не умел совершенно. Кто читал мемуары Бисмарка, тот наверное пережил такое же разочарование, как я. Найти там объяснение политики Бисмарка нельзя. Там есть масса интересных фактов, огромный материал для историка, который захочет объяснить политику Бисмарка, но сам Бисмарк не объясняет своей политики. Если брать мемуары Бисмарка буквально, то выходит, что он руководствовался разными мелкими случаями и т. д. На самом деле это, конечно, не так. Он руководился верхним чутьем, которое у него было очень сильно. Он многое угадывал, но сам не понимал, как угадывал. Меньше всего этот великий практик был теоретиком. Наш великий практик тем и отличался, что он был теоретиком в то же время, великолепно умел объяснять свою политику и самому себе, т. е. построить схему для себя, и другим. И вот, гораздо больше, чем мы знаем о Ленине-дипломате, мы знаем, конечно, о Ленине-публицисте, освещавшем вопросы внешней политики. Я не буду вам воспроизводить той общей схемы, которую дал Ленин в своем «Империализме», ибо «Империализм» принадлежит к политминимуму, и все политминимумцы должны знать «Империализм». А аудитория, перед которой я выступаю, гораздо выше политминимума. Но помимом этой общей схемы чрезвычайно интересен подход Ленина к отдельным вопросам внешней политики, внешне-политической истории. Ленин ведь говорил: мы, публицисты, пишем *историю* современности. Это интересно с методологической стороны, ибо дает великолепный урок всем нам, пишущим о внешней политике; это интересно и как образчик того, что можно назвать прозрением Ленина. Ленин схватывал тоже своего рода верхним чутьем много таких вещей, до которых мы докапываемся только путем анализа документов. Позвольте на нескольких примерах то и другое иллюстрировать.

Прежде всего относительно общей постановки. Только у Ленина, если не считать, конечно, Маркса, мы найдем то умение переводить национальные столкновения в классовую плоскость, которое должно составлять отличительную особенность всякого хорошего марксиста и без которого нет марксистского изучения внешней политики. Борьба между нациями и государствами есть тоже классовая борьба. Как общее место, это известно всем. Но поглядите, умеем ли мы пойти дальше общего места в наших анализах? Обыкновенно не умеем. Мы

или подходим к вопросу грубо идеологически и ставим дело так: если буржуазное государство, значит, конечно, против социализма и против социалистического государства. Если феодальное—против буржуазного. Вам сейчас приведут массу примеров, что на практике это вовсе не так, что типичный представитель феодального самодержавия, Николай I, был в двух вершках от союза с Французской республикой Кавеньяка. Конечно, Кавеньяк не очень симпатичная фигура, но, что эта фигура буржуазного мира, торжествовавшего над парижскими рабочими, это не подлежит никакому сомнению. И типичнейший феодал, Николай I, писал ему комплиментарные письма и был в двух вершках от союза с ним, при чем этот союз не состоялся больше по вине с французской стороны,—Кавеньяк не удержался,—чем с русской стороны. Николай был очень огорчен, когда Кавеньяк провалился на выборах в президенты Франции, а выбран был Луи-Наполеон. Вот вам образчик того, что нельзя так просто рассуждать, что если феодалы, то всегда против буржуазии.

То же самое насчет буржуазии и социализма. Нас Ллойд-Джордж звал в Геную, звал раньше на Принцесы острова. Буржуазия шла на нас не с дубьем, а в известный момент с рублем, только предлагая этот рубль на таких условиях, на каких мы принять его никоим образом не могли,—не сошлись, не столкнулись, но попытка столкнуться несомненно была. С другой стороны, современная Турция, это социалистическое государство или буржуазное? Буржуазное. Помогали ему мы, социалисты? Помогали. Гоминдан — коммунистическая партия? Нет, в сущности буржуазная, революционно-буржуазная партия. Помогаем мы ему? Помогаем. Если мы будем так подходить, то из этого ничего не выйдет. Ничего мы таким путем не поймем.

Или мы так подходим к этому вопросу, грубо идеологически, или мы трафаретно повторяем национальные характеристики, которые дает буржуазная литература, и говорим о вражде французов с немцами, англичан с французами, итальянцев с сербами и т. д., и т. д., забывая, что под каждым решительно национальным столкновением неизбежно скрывается классовое столкновение. Всякая война имеет определенный классовый смысл.

И вот вскрывать классовый смысл различных войн Ленин был величайший мастер. Никто как Ленин объяснил разницу между буржуазными войнами, когда буржуазия шла по восходящей, когда она вела за собой всю массу, включая иногда, по грехам, даже пролетариат, и когда эти войны носили прогрессивный характер, почему Маркс и Энгельс иногда к этим войнам относились положительно, а не отри-

цательно, и войнами упадочной империалистической буржуазии, загнивающей буржуазии, которые носят резко реакционный характер, когда буржуазия уже не ведет за собой массы, а давит и уничтожает эти массы во имя буржуазного Молоха: и к этим войнам все рабочие могут относиться только отрицательно. Этот подход Ленина чрезвычайно характерен. Это целая картина, которая открывается перед нами, картина международных отношений, которой до Ленина не было потому, что и Маркс не мог дать целиком этой картины. Маркс как раз и вводил в соблазн некоторых последующих марксистов тем, что положительно относился к некоторым войнам и ставил вопрос: что хорошо — эта страна победит, или та? Этим козыряли меньшевики во время империалистической войны, в период оборонческой кампании. Они говорили: как же Маркс и Энгельс относились положительно к франко-прусской войне, считали, что будет лучше, если победит Германия. Маркс и Энгельс говорили это потому, что то была война буржуазии восходящей, буржуазии становящейся, ведущей вперед народное хозяйство. А сейчас это войны загнивающей буржуазии, буржуазии, которая тянет назад все за собой, которая обрастает самыми реакционными элементами, благодаря чему от всей ее военной идеологии идет нестерпимая вонь, которую Ленин ощущал лучше, чем кто-нибудь другой: «На место борьбы поднимающегося вверх, национально-освобождающегося капитала против феодализма стала борьба реакционнейшего, отжившего и пережившего себя финансового капитала, идущего вниз, к упадку,—против новых сил. Буржуазно-национальные рамки государств, бывшие в первую эпоху опорой развитию производительных сил человечества, освобождающегося от феодализма, стали теперь, в третью эпоху, помехой дальнейшему развитию производительных сил. Буржуазия из поднимающегося передового класса стала опускающимся, упадочным, внутренне-мертвым, реакционным. Поднимающимся—в широком историческом масштабе—стал совсем иной класс».

Это общая его установка. Я хотел бы остановиться на некоторых установках частного характера, меньше известных, резко идущих вразрез с обычными определениями. Скажем, война Сербии и Болгарии с Турцией, первая балканская война, которая открыла, в сущности говоря, империалистическую войну, была прологом к империалистической войне. Как мы ее понимали и понимаем до сих пор? Национальная борьба за объединение болгар и сербов против Турции, под властью которой оставалась добрая доля сербов и болгар. Поглядите, как Ленин подходит: «Победы сербов и болгар означают подрыв господства феодализма в Македонии, означают создание более или менее свободного

класса крестьян-землевладельцев, означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями.— Буржуазные газеты, начиная «Новым Временем» и кончая «Речью», толкуют о *национальном* освобождении на Балканах, оставляя в тени *экономическое* освобождение. А на деле именно это последнее есть главное.— При полном освобождении от помещиков и от абсолютизма, национальное освобождение и полная свобода самоопределения народов были бы неизбежным результатом. Наоборот, если останется гнет помещиков и балканских монархий над народами, останется непременно в той или иной мере и национальное угнетение».

Видите, как мастерски в 10 строках национальное переведено в социальное, и в сущности дана такая схема балканской войны, которая ни одному буржуазному публицисту не приходила в голову и, по грехам, не всегда приходит в голову и новейшим марксистским историкам. Я не говорю о том, как мастерски Ленин умел раскрыть социальный смысл нашествия на нас немцев перед Брестским миром. Все его подчеркивания того, как буржуазия радовалась немецкому нашествию, яснее ясного показывают, что по сути дела это немецкое наступление было интервенцией, а интервенция, это—война социальная, война между классами. И этот мастерской перевод национального в социальное и обратно, если понадобится,— потому что Ленин не думал отрицать наличность национальных войн, он и македонскую войну понимал, как национальную, только переводил на социальный язык,— это дает ключ к невероятно смелой гипотезе, которую Ленин выставил вначале империалистической войны, к ужасу всех, о переводе борьбы между народами в борьбу между классами. Это казалось тогда безумно-смелой гипотезой. Как, всякая классовая борьба придушена, побеждает «гражданский мир», а он толкует о том, что эта война перейдет в войну между классами. А между тем был великолепный пример в прошлом, Парижская Коммуна. Как раз то же самое, превращение энергии национальной борьбы в энергию социальной, классовой борьбы. А затем, это оправдалось. Действительно, в конце концов, империалистическая война привела к классовой войне, к революции в России, к революции в Германии. Так что эта казавшаяся нам осенью 1914 года безумно-смелой гипотеза оказалась со-временем просто рабочей гипотезой.

Вот вам образчик ленинского метода в изучении международных отношений, ленинского умения переводить национальное в социальное, не давая себя обмануть, втереть себе очки национальными терминами,

которые, повторяю, многие принимают не только за термины, за оболочку, но за самую сущность движения. Ленин, признавая национальные войны, предсказывая их, поддерживая их в позднейший период (поддержка Китая и Турции), тем не менее никогда не давал себя обмануть, втереть себе очки.

И естественно, что человек, владевший таким совершенным методом анализа международных отношений, отличался чрезвычайной прозорливостью. Некоторые его пророческие статьи я бы хотел вам напомнить. Эти статьи относятся к тому времени, когда, как я уже упомянул, никто не говорил о внешней политике, эта внешняя политика считалась делом не нашим, нас не касающимся. Относятся они к 1908 г. В 1908 году в связи с аннексией Боснии и Герцеговины впервые в газетах всплыли международные вопросы, и Ленин посвятил этому статью «Горячий материал в мировой политике». Я не буду излагать всей этой статьи, приведу только одно пророческое место. Это раньше китайской революции. Те цитаты, которые приводил г. Радек, эти современники китайской революции, но вот эта раньше: «Шаг вперед всего международного социализма, на ряду с обострением революционно-демократической борьбы в Азии, ставит русскую революцию в особенные и особенно трудные условия. У русской революции есть великий международный союзник и в Европе, и в Азии, но вместе с тем *именно вследствие этого* у нее есть не только национальный, не только российский, но и *международный* враг».

Теперь прочтите все статьи английских твердолобых по поводу России, все речи сейчас. В конце концов за что английские консерваторы больше всего сейчас озлоблены на СССР? За помощь горнякам? Нет, за помощь Китаю, Гоминдану. Это главное, в этом суть дела. Тут эти самые международные враги выступают перед нами со своей физиономией потому, что там не одни англичане, там и японцы и американцы. То, что помогали горнякам, это нам простили, ничего, «пущай» себе. А то, что мы Гоминдану помогаем, этого простить нельзя. Разве это не оправдание ленинских слов, что мы наживаем международного врага потому, что у нас есть международный союзник — в Азии? Вот вам один образчик, который относится к 1908 году.

Дальше идет статья «Воинствующий милитаризм», написанная в том же 1908 году.

Прежде всего Ленин ставит вопрос, с которого мне пришлось начать. Как случилось, что в мировой политике, в международных отношениях происходит несомненно большое оживление, а между тем с.-д. совершенно не готовы к этому? «На первый взгляд — странное явление:

при такой очевидной важности этого вопроса, при таком явном, бьющем в лицо вреде милитаризма для пролетариата трудно найти другой вопрос, по которому существовали бы такие шатания, такая разногласица в среде западных социалистов, как в спорах об антимилитаристской тактике».

И дальше Ленин приводит вещи чрезвычайно любопытные просто фактически, тут никакого особого откровения Ленина нет, но я позволю себе эти факты вам процитировать, просто, как «пророческие» факты. «На одном полюсе стоят немецкие соц.-демократы типа Фольмара. Раз милитаризм — детище капитализма, рассуждают они; раз войны суть необходимый спутник капиталистического развития, то никакой специальной антимилитаристской деятельности не нужно. Так именно Фольмар и заявил на партийтаге в Эссене. В вопросе же о том, как вести себя с.-д. в случае объявления войны, большинство немецких с.-д., с Бебелем и Фольмаром во главе, упорно стоят на той позиции, что с.-д. должны защищать свое отечество от нападения, что они обязаны принять участие в «оборонительной» войне. Это положение привело Фольмара в Штуттгарте к заявлению, что «вся любовь к человечеству не может нам помешать быть хорошими немцами», а с.-д. депутата Носке — провозгласить в рейхстаге, что в случае войны против Германии «с.-д. не отстанут от буржуазных партий и вскинут ружья на плечи»; а отсюда Носке осталось сделать лишь один шаг, чтобы заявить: «Мы желаем, чтобы Германия была насколько возможно вооружена». В 1908 году это было, товарищи. Что же удивляться тому, что произошло в 1914 году? Оказывается, все это было уже в 1908 году.

Но это факты. А тут вот мы опять начинаем подходить к методу Ленина. Вы помните, что, когда разразилась война, все время вопрос о «виновности» вертелся около событий июля 1914 года, событий, непосредственно предшествовавших взрыву, и тех дипломатических комбинаций, которые в это время были. И в 1908 г. по этому поводу Ленин писал: «Не меньшим оппортунизмом проникнуто убеждение Фольмара и его единомышленников, что с.-д. обязаны принять участие в оборонительной войне. Блестящая критика Каутского не оставила камня на камне от этих взглядов. Каутский указал на полную невозможность подчас разобраться, особенно в моменты патриотического угара, вызвана ли данная война оборонительными или наступательными целями (пример, который приводит Каутский: напала или оборонялась Япония в начале русско-японской войны?). С.-д. запутались бы в сетях дипломатических переговоров,

если бы вздумали в зависимости от этого признака устанавливать свое отношение к войне».

Итак, не только комбинация 1914 года рисовалась Ленину совершенно отчетливо уже в 1908 году, но он уже в 1908 году предвидел возможность жалкого барахтанья около вопроса о «виновности», которому будет предаваться Каутский еще в 1918 году. Не предвидел только, что барахтаться будет именно сам Каутский...

Совершенно понятно, что человек, который так остро понимал сущность международных отношений, схватывал независимо от документов очень многое из того, что впоследствии нам стало ясно голько на основании документов. Я не могу не сопоставить с этой замечательной проницательностью Ленина, который поставил вопрос о надвигающейся войне и о том, как с.-д. встретят ее, уже в 1908 г., взгляда Жореса, который защищал союз Франции и Англии с Россией, смотрел на этот союз, как на гарантию мира, и приветствовал этот факт. Вот маленькое сравнение. Я сравнивал Ильича с Бисмарком, теперь позвольте сравнить Ильича с Жоресом. С одной стороны, Ленин, который представлял себе буквально всю комбинацию войны 1914 г., и, с другой стороны, Жорес, который наивнейшим образом воображал, что союз России с Англией и Францией приближает эру мира и является торжеством пацифизма.

Но я хотел не об этом говорить. Я хотел говорить о другом. Прежде всего, многие ли думали в течение империалистической войны, что под русско-германским столкновением, на самом дне всей этой империалистической комбинации продолжает существовать русско-английский конфликт? Казалось бы, что русско-английский конфликт соглашением 1907 г. снят окончательно и что война 1914 года, в которую Россия и Англия вступили рука об руку, сделала невозможным его возобновление. И только при свете секретной переписки русской и других дипломатий, переписки, попавшей в наши руки в 1917 году, нам удалось установить, что англо-русский конфликт из-за проливов и Константинополя все время империалистской войны грозил вскрыться ежеминутно¹⁾. И вот я беру статью Ленина о сепаратном мире, относящуюся к самым последним месяцам 1916 года, и там мы читаем: «На ряду со столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии существует не менее — если не более — глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии

¹⁾ См. мою брошюру „Царская Россия и война“. Гиз, 1924 г.

и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д. — И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию всей большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами. Англия выступала более долго, более упорно и более сильным противником этих стремлений, чем Германия. С 1878 года, когда русские войска подходили к Константинополю, и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в «Цареграде», до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск вглубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии), и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготавливая войну ее против России, — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов... Если бывший социалист г. Плеханов изображает дело так, будто реакционеры в России хотят вообще мира с Германией, а «прогрессивная буржуазия» — разрушения «прусского милитаризма» и дружбы с «демократической» Англией, то это детская сказка, приуроченная к уровню политических младенцев. На деле и царизм, и все реакционеры в России, и вся «прогрессивная» буржуазия (октябристы и кадеты) хотят *одного*: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.). Спор идет между этими «милыми дружками» только из-за того, *когда и как* повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, *когда и как*.

Схема неожиданная, кажущаяся совершенно фантастической для 1916 года, когда, повторяю, Россия и Англия были союзниками. Но сейчас у нас есть документ, который прежде всего освещает вопрос об уступке Англией России Константинополя, и мы знаем, с каким скрежетом зубным Англия уступила России Константинополь даже на бумаге, и приняла все меры к тому, чтобы на практике не уступить, начав атаку Дарданелл в самом спешном порядке, чтобы, придя в Константинополь, русская армия встретила на улицах солдат в хаки, своих «союзников». И тот англо-русский конфликт, который Ильич прозревал через невероятную массу чепухи и вранья в прессе, в буржуазных

газетах, вылавливая из этого мусора отдельные жемчужины, совершенно подтверждается теми документами, которые мы сейчас имеем. Методология Ильича позволила ему среди невероятной путаницы, среди самого гнусного вранья вскрыть настоящую подкладку международных отношений в течение империалистической войны, подкладку, которая выражалась в том, что конфликт Англии с Россией вовсе не был снят, а так сказать, лежал только на дне, покрытый русско-германским конфликтом. При чем Ильич предусмотрел и тот случай, что в течение самой войны Россия будет на этой почве шантажировать Англию. Он пишет: «Кончится ли данная война таким образом в очень близком будущем или Россия «продержится» в стремлении победить Германию и побольше ограбить Австрию несколько дольше, сыграют ли переговоры о сепаратном мире роль маневра ловкого шантажиста (царизм покажет Англии готовый проект договора с Германией и скажет: столько-то миллиардов рубликов и такие-то уступочки или гарантии, а не то я подпишу завтра этот договор) — *во всяком случае* империалистская война *не может* кончиться никаким иным, кроме как империалистским, миром». И этот шантаж опять-таки несомненный факт, теперь нам известный из документов: в период переговоров о Константинополе русское правительство форменно шантажировало Антанту, в частности Англию (повидимому, Франция в этот шантаж была посвящена), собираясь, якобы, заключить мир с Австрией. Ильич ошибся лишь в том, что пишет о договоре с Германией. Что означало заключить мир с Австрией? Это означало, что Германия будет отрезана от Константинополя и что Константинополь станет легкой русской добычей, поскольку немцы не в состоянии будут помочь туркам защищать его. Так что и это было угадано Ильичем. Вы скажете, что он это прочел в газетах. Конечно, прочел, но мы все читали газеты, а никому, кроме него, не пришла в голову такая комбинация. Несомненно, в газетах кое-что было, но там была целая куча всевозможнейшей чепухи и из этой кучи по крупинкам нужно было выбирать исторически ценное.

Совершенно так же, и в той же самой плоскости, в другой статье он предугадал ту характеристику, которую мы в настоящее время даем русскому империализму. Как известно, последним словом науки в этой области является открытие, сделанное товарищем, принадлежащим к Комм. Академии, и заключающееся в том, что по сути дела не было русского национального империализма, что по сути дела русский империализм, это был англо-французский империализм, опиравшийся на русские силы, на русские средства и оперировавший на русской территории. Это, так сказать, последний вывод нашей науки в этом отношении;

т. Ронин обосновал это в своей книге «Заграничный капитал и русские банки», а к т. Ронину присоединился в своем предисловии т. Крицман. И вот, раскройте теперь во 2-м дополнительном томе сочинений Ленина стр. 78 и вы там прочтете: «Россия ведет войну не на свои деньги. Русский капитал есть участник англо-французского. Россия ведет войну, чтобы ограбить Армению, Турцию, Галицию. Гучков, Львов, Милюков — наши теперешние министры — не случайные люди. Они — представители и вожди всего класса помещиков и капиталистов. Они *связаны* интересами капитала. Капиталисты не могут отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы. Во-вторых, Гучков-Милюков с К^о *связаны* англо-французским капиталом. Они на чужие деньги веди и ведут войну. Они обещали за занятые миллиарды платить *ежегодно* процентов *сотни миллионов* и выколачивать эту *дань* с русских рабочих и русских крестьян». «Поэтому обращение к Гучковско-Милюковскому правительству с предложением заключить поскорее честный, демократический, добрососедский мир есть то же самое, что обращение доброго деревенского «батюшки» к помещикам и купцам с предложением жить «по-божецки», любить своего ближнего и подставлять правую щеку, когда ударят по левой. Помещики и купцы слышат проповедь, продолжают утеснять и грабить народ и восторгаются тем, как хорошо умеет «батюшка» утешать и успокаивать «мужичков». И эта роль Гучкова и Милюкова, как агентов антантовского финансового капитала, не есть для Ленина *вывод* из наблюдений над деятельностью этих почтенных граждан, как министров «республиканской» России. Эту их роль он вполне предвидел еще при Николае II. В статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», написанной еще до февральской революции, Ленин говорит: «Сепаратный мир мог быть заключен между Николаем II и Вильгельмом II тайно. История дипломатии знает примеры тайных договоров, о которых не знал никто, даже министры, за исключением 2 — 3 человек. История дипломатии знает примеры, когда «великие державы» шли на «общий европейский» конгресс, предварительно договорив тайком главное между главными соперниками (например, тайное соглашение России с Англией насчет грабежа Турции перед Берлинским конгрессом 1878 года). Не было бы розно ничего удивительного в том, если бы царизм отверг формальный сепаратный мир правительств, между прочим, по соображению о том, что при теперешнем состоянии России ее правительством могли бы тогда оказаться Милюков с Гучковым или Милюков с Керенским, и в то же время заключил тайный, не формальный, но не менее «прочный» договор с Германией о том, что обе «высокие

договаривающиеся стороны» ведут совместно *такую-то* линию на будущем конгрессе мира».

История знает такие тайные соглашения. Например, в 1809 году Россия воевала с Австрией в качестве союзницы Франции, но действовала так удачно, что столкновений с австрийскими войсками почти не было. Так что такие случаи, что война на бумаге есть, а на самом деле никаких серьезных военных действий не происходит, могли быть. При этом для большей реальности местами могли и стрелять и убивать (что считается с жизнью каких-то крестьян и рабочих, если даже несколько тысяч их и перебьют?), но настоящая война не велась. Ильич понимал возможность таких тайных договоров, говоря, что бывают договоры, которые известны только 2 — 3 человекам, они не только не публикуются, но почти никому неизвестны. Тем не менее Россия будет вести себя так, чтобы не стеснять Германию военными действиями, но когда война кончится, Германия и Россия выступят вместе с теми или другими требованиями. Но что удерживает Николая от этого? Удерживает несомненно перспектива, что тогда власть перейдет в руки Гучкова и Милюкова. Таким образом, Гучков, Милюков и Керенский, как форменные англо-французские агенты, представлены в статье Ленина, написанной перед Февральской революцией, еще в конце 1916 г. А между тем, такой прогноз Ленина теперь совершенно оправдывается и политически и экономически. Мы знаем теперь вполне определенно, что действительно русский империализм был на содержании в буквальном смысле слова у Антанты, у англичан и французов, и что действительно не только Гучков и Милюков, но и хвастунишка Керенский были фактически агентами Антанты. Установить это как факт прошлого, путем анализа исторических событий, имея в руках документы, это одно, это легко. Но установить это как факт современный, к которому приходится приглядываться сквозь тусклое стекло газетной лжи, для этого нужен особый, гениальный и специфически ленинский подход к вопросам внешней политики. Вот почему иногда неожиданно открываешь, что ты больше ленинец, чем кажешься самому себе, потому что нам, изучив документы, приходится, как ученикам, повторять эти старые ленинские установки. В конце концов, содержание всех наших писаний о внешней политике великолепно можно извлечь из сочинений Ленина. Сделать это легче всего в форме эпитафий. Я берусь найти эпитафии из Ленина к любой из глав нашей внешней политики.

Вот другая сторона Ленина. Не Ленин-дипломат, а Ленин-историк внешних политических отношений. В этом отношении он также является учителем, громадной величины учителем, от которого мы

никуда не уйдем, потому что всякое новое открытие новых исторических документов будет оправдывать «новые» и «новые» — для нас — точки зрения Ленина.

Вот почему, товарищи, приходится нам оплакивать Ленина именно теперь. Именно сейчас мы подходим к тому моменту нашей истории и мировой истории, когда такой гений, как Владимир Ильич, с его методом изучения международных отношений, был бы для нас необычайно ценен, ибо нам в этой плоскости угрожают всевозможные опасности. Уже в 1920 году война с Польшей показала, как легко нам скатиться в болото вульгарного национализма. Я до 1922 года, примерно, поднимаясь по лестнице Наркомпроса, читал на стене лозунг «Смерть польской шляхте». Тут пожалуй есть классовый момент. Но ведь и солдаты, которые шли в 1863 году «усмирять» польское восстание, пели: «Взбунтовалась польска шляхта». Этого слишком мало. Мы должны помнить, что всякое наше будущее столкновение, это будет прежде всего столкновение социалистического мира с буржуазным. Это в особенности потому нам надо помнить, что многомиллионная масса мелкой буржуазии, которая у нас есть, конечно, будет тянуть нас в националистическое болото. Не подлежит никакому сомнению, что будущее столкновение с той же Польшей может облечься в форму войны русских с поляками, со всеми психологическими сопровождениями этого. И дело нас, марксистов, студентов и работников Коммунистической Академии, — твердо держать в этом отношении знамя Ильича, ни в коем случае не отступать от его мастерского классового анализа всякой войны, прежде всего вскрыть классовый смысл столкновения: кто против кого борется, какой класс против какого, и потом давать оценку всей войне, ту оценку, которая дает в конце концов совершенно ясное понимание отдельных перипетий борьбы, которая не дает себя запутать никакими дипломатическими документами, никаким газетным враньем, ничем другим. Вот отчего я говорю, что приходится жалеть, что Лениным-дипломатом, Лениным-историком внешней политики мы занимались слишком мало.

Позвольте, товарищи, надеяться, что мы все-таки в этом отношении останемся с вами твердыми ленинцами, не позволим сбить нас на националистическую идеологию, что мы всегда будем держать в этом отношении ленинского метода и что, несмотря на то, что индивидуально Ильича нет, тот коллективный разум, который он создал в образе своей теории, в образе *ленинизма*, поможет нам справиться со всеми врагами СССР и во внешней политике, как мы справились со всеми враждебными силами в политике внутренней.

М. Покровский

МЕХАНИСТЫ В БОРЬБЕ С ДИАЛЕКТИКОЙ

(Ответ А. Н. Тимирязеву)

В № 17 «Вестника Коммунистической Академии» т. Тимирязев «почтил» меня обширной статьей, в которой он поставил себе целью «скомпрометировать» в глазах читателя меня и моих единомышленников. Сама по себе его статья не заслуживает никакого внимания, и я готов был бы остаться перед ним неоплатным должником, если бы не некоторые «странности», которые необходимо разоблечь перед читателем, дабы не повадно было ему и его единомышленникам впредь прибегать к подобным приемам.

I

В самом деле, мы вели с механистами ожесточенный спор по вопросу о случайности и необходимости. Я доказывал, опираясь на Гегеля и Энгельса, Маркса и Плеханова, что случайность — категория не субъективная, а *объективная*. Механисты, во главе с т. Тимирязевым, отвергали энгельсовскую постановку вопроса. Особенно резко вопрос о случайности был поставлен на публичной дискуссии в институте научной философии. Механисты защищали там с пеной у рта *субъективную* природу случайности. Теперь они в лице, по крайней мере, Тимирязева, совершили отступление. Однако, посмотрите, как *маскируется* это отступление.

На упомянутой дискуссии механисты — и Тимирязев в особенности — всячески избегал ссылок на «Диалектику природы» Энгельса. Меня же он всячески поносил за мою постановку вопроса о случайности, выразившуюся в комментировании Гегеля и Энгельса и в принятии мною их точки зрения. Целый ряд моих единомышленников оспаривал антимарксистские взгляды по этому вопросу т. Тимирязева и его со товарищей. Что же делает т. Тимирязев теперь? Теперь он в своей статье «восхваляет» Гегеля и Энгельса. Он, между прочим, пишет следующее. «Мысли, высказанные Энгельсом в этом отрывке (в отрывке «Случайность и необходимость» А. Д.), имеют исключительный, можно даже сказать, злободневный интерес потому, что расширяющееся применение теории вероятности в современном естествознании выдвигает одну за другой сложнейшие задачи, решить которые мы *действительно* (курсив мой. А. Д.) не сможем, если не воспользуемся диалектическим

методом. Нам безусловно придется в ближайшем времени внимательно изучать взгляды Гегеля на случайное и необходимое, для того, чтобы осмыслить все то, что сейчас происходит в естествознании, но придется это сделать, конечно, далеко не так, как это делает «новейшая школа марксистов», руководимая т. А. М. Дебориным. Во всяком случае, так как в этом вопросе чаще всего можно заметить еще влияние, хотя и чисто внешнее — словесное — материалистов XVIII столетия, а наши «упразднители» естествознания любят цепляться за слова, не замечая дел, то нам на целом ряде примеров придется показать, что фактически естествознание давно отошло уже от этой позиции»¹⁾.

В стиле приведенной цитаты написана вся статья тов. Тимирязева, и надо прямо сказать: не знаешь, чему больше удивляться: непониманию или... чему-либо худшему.

Начнем хотя бы с признания, *вынужденного, отвоеванного* нами в ряде теоретических битв, признания тов. Тимирязева, что «нам безусловно придется в ближайшем будущем внимательно изучать взгляды Гегеля на случайное и необходимое, для того чтобы осмыслить все то, что происходит сейчас в естествознании». Но ведь мы-то именно боролись и боремся в течение ряда лет за необходимость изучения взглядов Гегеля и проч., а наши противники, с Тимирязевым во главе, упирались и всячески третировали Гегеля и в особенности «школу» Деборина, требовавшую этого изучения для того, чтобы осмыслить современное естествознание. Тов. Тимирязев опоздал на несколько лет. Такое изучение Гегеля давно уже у нас происходит. Казалось бы, люди правдивые и добросовестные должны радоваться тому, что марксисты-философы делают чрезвычайно важное для естествознания дело. Не было бы особой беды в том, что наши марксисты-естественники опоздали. Лучше поздно, чем никогда. И мы готовы были бы забыть, что именно они ставили нам в нашей работе *всевозможные препятствия*, что большую часть времени и энергии нам приходилось и приходится тратить на *борьбу с ними*. Убедившись теперь, после нескольких лет взаимной борьбы, в *принципиальной правильности нашей общей линии*, они должны были бы это честно признать, хотя бы в интересах дальнейшей совместной работы.

«Нам безусловно придется в ближайшем будущем внимательно изучать взгляды Гегеля», говорит т. Тимирязев. Подумаешь, какой прогресс! Изучением взглядов Гегеля у нас уже занимаются несколько лет и занимаются не только *философы*, но и *естественники*. У нас уже создано, можно сказать, целое движение вокруг Гегеля. Наши естествознатели — я имею в виду, разумеется, не т. Тимирязева, а прежде всего молодых естествовников — усердно изучают диалектику Гегеля по его подлинным произведениям, печатают соответствующие работы, пытаются осмыслить, посредством применения диалектического метода, современное естествознание; наш же храбрый «вождь» естествознания, который до сих пор упирался обеими ногами, не желая и шагу сделать в направлении к Гегелю и диалектике в то самое время, когда

¹⁾ См. «Вестник Комм. Академии», 17 кн., 145 стр.

молодая «армия» естествовников дружно взялась за дело, опередив своего «вождя» и оставив его в полном одиночестве, ныне милостиво объявляет, что «в ближайшем будущем нам (от чьего имени говорит здесь наш смелый воин: от своего собственного или от имени, быть может, еще Перовых и Боссе?) придется заняться изучением взглядов Гегеля... Как это все наивно и смешно! И так, первое великое наше «завоевание» сводится к милостивому признанию т. Тимирязевым *необходимости* изучения взглядов Гегеля. Это тем более «отрадно», что тот же т. Тимирязев совсем недавно призывал нас учиться диалектике не у Гегеля, а у Дж. Томсона.

Объявив свой смехотворный манифест о том, что «нам безусловно в ближайшем будущем придется заняться изучением взглядов Гегеля», т. Тимирязев далее возвещает, что это (т.-е. изучение. А. Д.) «придется сделать, конечно, не так, как это делает «новейшая школа марксистов», руководимая т. А. М. Дебориным».

Как и что будет делать т. Тимирязев — это мы увидим «в ближайшем будущем». Мы, в отличие от т. Тимирязева, будем рады, если он действительно выполнит свое обещание. Посмотрим, как он будет платить по столь легкомысленно выданному им векселю. Тока же т. Тимирязев в трактовке случайности, напр., руководствуется теми *указаниями*, которые сделаны мною, что не мешает ему заявить, что «придется это сделать, конечно, не так, как это делает школа Деборина»...

Выше мною приведено то место из статьи т. Тимирязева, где он говорит о том, что мысли Энгельса о случайности и необходимости имеют «исключительный, можно даже сказать, злободневный интерес потому, что расширяющееся применение теории вероятности в современном естествознании выдвигает одну за другой сложнейшие задачи, решить которые мы действительно не сможем, если не воспользуемся диалектическим методом».

Если, стало быть, тов. Тимирязев раньше думал, что современное естествознание может обойтись без диалектического понимания (случайности и необходимости), то теперь он считает, что мы *действительно* не можем решить сложнейших задач естествознания, если не воспользуемся диалектическим методом. Это большая уступка со стороны т. Тимирязева. Но и эта уступка «школе Деборина» не может не сопровождаться соответствующими колкостями по адресу Деборина и его единомышленников. Это тем более «справедливо», что самую мысль о значении *теории вероятности* для современного естествознания и о связи ее с диалектической трактовкой проблемы случайности и необходимости наш автор заимствовал у столь ненавистного им... Деборина. В подтверждение своей мысли я ссылаюсь на Бореля и Планка; я указывал на огромное принципиальное значение для естествознания законов вероятности, остановился специально на статистической закономерности, подчеркнул значение *категории случайности* в дарвинизме и проч. Разумеется, я не мог вдаваться в подробности. В мои задачи входило дать общую принципиальную постановку вопроса, а не специальный трактат по естествознанию. Тов. Тимирязев все мои принципиальные указания использовал и постарался

осветить их на еще нескольких всем известных примерах из области физики, составляющей его специальность. Характерно, что самые примеры были ему подсказаны «деборинцами» в дискуссии. После всего этого т. Тимирязев имеет смелость закончить «свои» соображения по вопросу о случайности и необходимости следующими словами:

«Посмотрим же теперь (т.-е. после того, как он, Тимирязев, списал у нас все основное и принципиальное по вопросу о случайности и необходимости. А. Д.), что же нам надал новая школа с ее главой тов. А. М. Дебориным? Ряд изданий периодов материалистов XVIII в., на которых переводчики теперь и сами же ополчились, а в интересующем нас сейчас вопросе о случайности и необходимости практически — ничего! Изложив, и притом весьма сбивчиво и неясно, несколько страниц из «Логики» Гегеля и не сделав попытки показать, как эти мысли Гегеля надо прилагать к современному естествознанию, а ведь блестящий образец того, как это делать, был дан Энгельсом в приведенных нами отрывках «Диалектики природы», тов. А. М. Деборин на стр. 82 № 1 — 2 «Под знаменем марксизма» делает следующий ошеломляющий всякого непредубежденного читателя вывод: «Мы изложили вкратце взгляды Гегеля на взаимную связь случайности и необходимости. Мы не будем входить здесь в рассмотрение того, насколько взгляды Гегеля приемлемы для нас во всех подробностях. Необходимо всегда иметь в виду, что Гегель при всей глубине трактовки проблемы действительности, случайности и необходимости стоит на идеалистической точке зрения и что для использования его правильных указаний надо их очистить от идеалистической скорлупы, которой они покрыты (!!! А. Т.)». Это мое заключение тов. Тимирязев сопровождает такими выкриками: «Тов. Деборин! А ведь мы все именно этой очистки от идеалистической скорлупы того ценного, что есть у Гегеля, от вас и ожидали. Ведь философ-марксист должен именно так подходить к Гегелю. Об этой задаче и говорил Ленин в своей статье о задачах журнала «Под знаменем марксизма». А потом разве необходимо удерживать и самую форму, в которой выражал свои мысли Гегель и о которой Энгельс писал, что это «вымученная и ужасная конструкция?» (стр. 221). «Таким образом, в том, в чем философ-марксист мог бы оказать большую помощь естествознанию, а именно: изложив ясным и простым языком диалектическую точку зрения Гегеля на случайное и необходимое, отделить при этом здоровое ядро этой диалектики от идеалистической скорлупы, ровным счетом ничего не сделано!»¹⁾

Мне, разумеется, очень неудобно говорить о самом себе, о своей литературной деятельности, но все же надо обладать изрядной долей недобросовестности, чтоб свести всю мою литературную деятельность к «ряду изданий переводов материалистов XVIII века». Но таково уже научное беспристрастие Тимирязева. Я охотно допускаю, что до тов. Тимирязева из моих писаний ровно ничего не дошло, что и переводы французских материалистов ему известны только по печатаю-

щимся время от времени в газетах объявлениям. Но зачем же писать так развязно о вещах, тебе неизвестных, друг мой, Аркадий! Однако, наше преступление более тяжко, чем можно себе представить с первого взгляда: мы не только переводим французских материалистов, но сами на них еще «ополчаемся», как выражается т. Тимирязев. Наш развязный автор пишет целую статью в доказательство того, что современный механический материализм вовсе не повинен во всех тех прегрешениях, какие мы ему приписываем, что «виновником» истинным является французский материализм XVIII века. При таких условиях, казалось бы, мы правильно поступаем, «ополчаясь» против французского материализма, и никакого преступления с точки зрения даже т. Тимирязева не совершаем. Тем не менее он нас и за это осуждает. Однако, в этой бессмыслице есть свой смысл. Тов. Тимирязев действительно не далеко ушел от французов и поэтому он обижается, когда мы их критикуем. Впрочем, справедливость требует сказать, что против французов мы нигде не «ополчались», ибо хорошо понимаем, что ограниченность их материализма обуславливалась тогдашним состоянием науки. Справедливость требует также признать, что наши современные механисты во многих отношениях стоят позади некоторых французов XVIII стол., с которыми наш сердитый критик, к слову сказать, абсолютно незнаком.

Итак, хотя мы, кроме переводов французских материалистов, согласно свидетельскому показанию т. Тимирязева, ничего не дали, тем не менее тот же Тимирязев с его сотоварищами только то и делают, что ведут с нами «перманентную» войну. Гнев способен помутить и самый разум, т. Тимирязев. Разве вы воюете с нашими «переводами»? Разве ваша путаная и злобная статья не направлена против целого направления, против целой «школы», как вы ядовито постоянно подчеркиваете? А если это так, то чего стоит ваше «свидетельское показание», не является ли оно, мягко выражаясь, не соответствующим действительности? Вы можете с нами не соглашаться — это ваше право; но отрицать самые очевидные факты, которые вы же подтверждаете своими выступлениями, — это уже свидетельствует о чем-то совершенно другом. Вы прячете, подобно страусу, голову под крылышком, чтобы не видеть угрожающей вам опасности от противника, и готовы объявить его не существующим. Нет, т. Тимирязев, противник существует, он здравствует и будет вас преследовать по пятам, пока вы будете угрожать марксизму. Впрочем, ваши силы сами по себе ничтожны. О вас можно сказать: сердит, да не силен. Но в условиях идейного наступления буржуазии на марксизм даже ваша механистическая группировка может принести огромный вред. Правда, под давлением превосходных сил «несуществующего» противника вы маленько отступили от первоначальных позиций, но это отступление изображается вами, как ваша мнимая победа над «несуществующим» противником — над переводчиками французских материалистов...

Далее, т. Тимирязев, со свойственной ему объективностью и правдивостью, повествует о том, что в интересующем его теперь вопросе о случайном и необходимом мы ничего не дали. Мы изложили, мол,

¹⁾ См. „Вестник Комм. Академии“, 17 кн., 153—154 стр.

сбивчиво и неясно несколько страниц из «Логики» Гегеля и не делали попытки показать, как эти мысли Гегеля надо прилагать к современному естествознанию. Излагать «Логик» Гегеля применительно к уровню понимания Тимирязева — дело действительно не легкое, но т. Тимирязев утверждает явную неправду, когда говорит, что нами не сделана попытка приложения мыслей Гегеля к современному естествознанию. Пусть читатель потрудится проверить правильность фактических показаний т. Тимирязева. Для этого ему следует только перелистать цитируемую т. Тимирязевым статью мою «Энгельс и диалектика в биологии» («Под знаменем марксизма», № 1—2 за 1926 г.), откуда, как уже было сказано, т. Тимирязев почерпнул для себя кое-какие сведения.

А теперь обратимся к «ошеломляющему всякого непредубежденного читателя» моему выводу, приведенному выше вместе с тимирязевскими неприличными выкриками и поучениями. Прежде всего необходимо обратить внимание читателя на тимирязевский способ цитирования. Мой вывод прерван т. Тимирязевым, который заменил конец фразы своими восклицательными знаками, очевидно, для того, чтобы напугать читателя. А продолжение «вывода» гласит так: «Гегель и здесь (т.-е. в вопросе о случайности и необходимости. А. Д.) стремится вывести законы действительности из законов мышления. По мнению Гегеля, достаточно исследовать процесс человеческого мышления, чтобы мы получили уже, вместе с тем, правильное представление о внутренней сущности мирового процесса. В этом его основной грех. Тем не менее, в общем и целом, его точка зрения, если отбросить его идеалистическую форму, заслуживает, как это подчеркивает Энгельс, самого серьезного внимания».

Таков конец «вывода», которого т. Тимирязев не счел нужным привести. Но это между прочим. Что же касается существа вопроса, то т. Тимирязев, по обыкновению, и здесь ничего не понял. Ведь дело-то заключается в том, что я представил взгляды Гегеля на случайное и необходимое уже в очищенном от идеалистической скорлупы виде, а т. Тимирязев все еще ждет, когда же, наконец, будет сделана эта «очистка». Он что-то слышал об идеалистической скорлупе, но не знает, что к чему. Изложив взгляды Гегеля на случайное и необходимое в той части, которую я считаю приемлемой для марксизма, попытавшись далее показать, как следует прилагать мысли Гегеля к естествознанию, я заключаю указанием, что взгляды Гегеля на случайность и необходимость в общем и целом для нас приемлемы, хотя сам Гегель стоит и здесь на своей исходной идеалистической точке зрения. Достаточно отбросить идеалистическую скорлупу, говорю я далее, чтобы мы могли использовать его правильные (правда не во всех подробностях и частностях) общие, принципиальные указания. Эти общие, принципиальные рассуждения Гегеля мною и были изложены ведь не в свете идеализма, а под углом зрения материализма. Или, иначе говоря, они были представлены уже в очищенном от идеализма виде, чего не понял т. Тимирязев.

Читатель видит теперь, чего стоят выкрики и восклицательные знаки т. Тимирязева и как он «ловко» цитирует своих противников.

Последуем далее за нашим «критиком». Объявив нас только что переводчиками материалистов, не попытавшись даже показать, как прилагать мысль о случайном и необходимом к естествознанию, т. Тимирязев тут же пишет: «В области же естествознания замечания тов. Деборина могут вызвать основательную путаницу. Так, на стр. 85 «Под знаменем марксизма» (№ 1—2, 1926 г.), мы находим *вполне правильную мысль* (курсив мой. А. Д.): «Дарвин исходил из той основной мысли, что эволюция осуществляется на основе случайных вариаций. Но Дарвин, разумеется, под случайностью никогда не понимал «беспричинности». Эту цитату наш бесподобный путаник сопровождает опять своими следующими мудрыми рассуждениями: «Однако ж, вслед за этим (т.-е. вслед за признаваемой нашим «критиком» вполне правильной мыслью относительно случайных вариаций. А. Д.) на следующей же странице оказывается, что (далее следует цитата из моей статьи) «изменения эти мы считаем случайными не потому только, как это подчеркивает Дарвин, что причины их нам неизвестны. Они случайны в более об'ективном смысле» (?! — вопросительный и восклицательный знаки принадлежат, разумеется, т. Тимирязеву).

Что же это значит случайный в более об'ективном смысле? — спрашивает наш критик. «Очень уже близко эта «случайность», может быть, даже стихийно, против воли автора, приближается к беспричинности», заключает наш строгий, но мало понятливый, «критик». При этом автором приводится из моей статьи цитата, которая имеет отношение к другому вопросу, но обходятся тщательно те места, которые специально посвящены выяснению этого вопроса в дарвинизме, не относящаяся же сюда прямо цитата дает возможность нашему критику поставить еще несколько вопросительных и восклицательных знаков. Я должен открыто признаться, что я не могу понять, чем об'ясняется такое бесцеремонное отношение к серьезным вопросам: действительным непониманием или недобросовестностью.

А теперь попытаемся об'яснить популярно нашему противнику ту элементарную и азбучную истину относительно об'ективного характера случайности, которой он никак не может понять.

Случайность можно понимать в различных смыслах: в идеалистическом смысле случайность может принять форму *беспричинности*. Но чаще всего под случайным понимают то, причины чего нами *суб'ективно* не познаны. В этом смысле говорят о случайности, как категории *суб'ективной*. Но гегелевское и марксистское понимание случайности носит *об'ективный* характер, исключаяющий вместе с тем даже намеки на *беспричинность*.

Чтобы эту мысль сделать доступной тов. Тимирязеву, я приведу несколько цитат из Энгельса и Плеханова. Вот что Энгельс пишет в письме к Штаркенбургу от 25 января 1894 г.: «Люди сами делают свою историю, но до сих пор не сознательно, не руководя ее общей волей, по единому общему плану. Этого не было даже в пределах определенного, отграниченного данного общества (не говоря уже о всем человечестве). Их стремления и перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому *необходимость*, дополнением и формой

проявления которой является *случайность*: Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь всякую случайность, — опять-таки исключительно экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Если мы этого человека вычеркнем, то появляется спрос на то, чтобы заместить его кем-нибудь, и такой заместитель находится, хорошо или плохо, но с течением времени находится. Что Наполеон был вот именно этот корсиканец, что именно он был военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнял бы другой. Это — несомненно, потому что всегда, когда такой человек требовался, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. показывают, что к этому стремились многие, а открытие того же самого понимания Марксом показывает, что время для этого созрело и это понимание *должно* было быть открытым.

Точно так же обстоит дело со всеми случайностями или со всем кажущимся случайным в истории. Чем дальше будет удаляться от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактной идеологической, тем больше будем мы находить, что она в своем развитии обнаруживает больше случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если же мы начертим среднюю ось кривой, то мы найдем, что, чем длиннее изучаемый период, чем больше изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет¹⁾.

Так как *примеры* более доступны нашему критику, чем *теоретические* соображения, то приведем еще несколько интересных цитат из замечательной статьи Г. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории». Вот что Плеханов пишет по вопросу о случайности: «Обусловленная организацией общества возможность общественного влияния личности открывает дверь влиянию на исторические судьбы народов для так называемых *случайностей*. Слостолюбие Людовика XV было необходимым следствием состояния его организма. Но по отношению к общему ходу развития Франции это состояние было случайно. А, между тем, оно не осталось, как мы уже сказали, без влияния на дальнейшую судьбу Франции, и само вошло в число причин, обусловивших собой эту судьбу. Смерть Мирабо, конечно, причинена была вполне законообразными патологическими процессами. Но необходимость этих процессов вытекала вовсе не из общего хода развития Франции, а из некоторых частных особенностей организма знаменитого оратора и из тех физических условий, при которых он заразился. По отношению к общему ходу развития Франции эти особенности и эти условия являются *случайными*. А между тем смерть Мирабо повлияла

на дальнейший ход революции и вошла в число причин, обусловивших его собою»¹⁾.

Таким образом, Плеханов другими словами, примерами подтверждает нашу общую теоретическую формулировку, что случайность вовсе не сводится к *неизвестному* для нас, как это все еще продолжает думать т. Тимирязев. Достаточно обратиться к его, Тимирязева, примерам и рассуждениям, чтобы убедиться в том, что он все еще понимает случайность в *субъективном* смысле. Я же писал, что определенные явления мы называем случайными не потому, что *причина* их нам неизвестна, но потому, что эти явления случайны в *объективном* смысле. Но зная, что мою статью будут читать Тимирязевы, я разясняю там, что под случайностью, разумеется, не следует понимать *беспричинность*, что беспричинных явлений не бывает, что «случайный характер изменчивости органических форм не только не исключает необходимости, но предполагает ее, что случайность представляет собою частную специальную форму необходимости», или, как Энгельс говорит, что *случайность есть форма проявления необходимости*. В этом именно смысле *случайность объективна*, а не субъективна, не форма нашего сознания, мышления только, а объективная форма необходимости, частный ее случай. Смерть Мирабо, говорит Плеханов, вызвана была определенными законообразными процессами; по отношению к общему ходу развития Франции физические процессы, вполне объективные и необходимые, вызвавшие смерть Мирабо, являются *случайными* (не в субъективном смысле незнания причин смерти, а в смысле объективного соотношения этих процессов с общим ходом развития Франции). Но с другой стороны, эта *случайность* повлияла на *дальнейший* ход революции и вошла в число причин, обусловивших его собою.

Если бы тов. Тимирязев не был обуреваем необузданной страстью критиковать и поучать других, а попытался бы продумать то, что он читает, то он из моей статьи мог бы узнать, что *случайность*, будучи сама по себе *объективна*, вместе с тем однако *относительно необходима* по отношению к другому процессу, в состав которого она входит. «Случайность есть только относительная, внешняя необходимость, писал я там. Достаточно изменения внешних обстоятельств, чтобы данный ход вещей мог принять несколько иное направление». Читатель видит, что я вместе с Энгельсом и Плехановым вижу в случайности нечто относительное, но объективное, внешне необходимое по отношению к *внутренне необходимому, к имманентному процессу развития данного явления*. Смерть Мирабо, физические процессы, обуславливавшие ее, являются по отношению к общему ходу развития Франции чем-то случайным, внешним, но объективным фактом, повлиявшим на дальнейший ход революции и вошедшим в число причин, обусловивших его собою.

Как же после всего сказанного можно писать, как это делает безответственный наш критик, что *случайное* у Деборина близко к *беспричинности*? Для этого есть одно только объяснение: тов. Тимирязев не понимает самого существа проблемы, а писать, возражать, шуметь,

1) См. «Письма Маркса и Энгельса», изд. Адоратского, 1922 г., 315—316 стр.

1) Плеханов. Сочинения, VIII т., 293—294 стр.

страсть как хочется. Если бы он понимал, о чем идет речь, то ведь он не пожимал бы плечами по поводу нашего утверждения, что случайность есть *объективная категория*. Но в этом нашем споре есть еще и другая сторона, чрезвычайно неприятная, о которой, однако, я вынужден сказать несколько слов. Порою мне кажется, что тов. Тимирязев сознательно маскирует свое частичное отступление от прежней позиции и заимствования из нашей работы, которая, как уже известно читателю из заявления т. Тимирязева, ровно ничего по вопросу о случайности и необходимости не дает. Чтобы тщательно скрыть *следы* позаимствования из моей статьи, необходимо было т. Тимирязеву превратить меня в переводчика произведений французских материаллистов и заявить, что моя статья ровно ничего не дает, что случайно у меня близко «приближается к беспричинности» и проч. Неужели т. Тимирязев думал, что все эти фокусы останутся никем не замеченными? Неужели он не догадывается, что такие наприличные выходы никому не делают чести?

Послушайте, читатель, что пишет т. Тимирязев, и посудите сами: «В области же естествознания, — пишет т. Тимирязев, — замечания тов. Деборина могут вызвать основательную путаницу. Так, на стр. 85 «Под знаменем марксизма», № 1—2, 1926 г., мы находим вполне правильную мысль: «Дарвин исходил из той основной мысли, что эволюция осуществляется на основе *случайных* вариаций. Но Дарвин, разумеется, под случайностью никогда не понимал «беспричинности». Однако, вслед за этим на следующей же странице оказывается, что изменения эти мы считаем случайными не потому только, как это подчеркивает Дарвин, что причины нам неизвестны. Они случайны в более объективном смысле? (?!). Что же это значит случайный в более объективном смысле? — спрашивает с удивлением т. Тимирязев. «Разбирая примеры из молекулярной физики (примеры, подкказанные на публичной дискуссии возражавшими нашему горделивому автору естествознаками-«деборинцами» в доказательство правильности наших взглядов на случайное и необходимое), продолжает он, мы указывали, что *помимо того, что причины перемещения определенных индивидуальных молекул нам неизвестны, мы считаем их случайными потому, что изучаемое нами какое-нибудь макроскопическое явление, скажем, давление газа, не зависит от того, находится ли данная индивидуальная молекула здесь или там. Необходимо — общее распределение молекул, а случайно — положение каждой из них* в этом общем распределении (хотя и это случайное причинно обусловлено, только знание этих причин для нас не важно потому, что не ими определено изучаемое явление). Но не это, видимо, имеет в виду тов. Деборин, как это ясно из дальнейшего»¹⁾, — лицемерно заключает т. Тимирязев, чтобы скрыть, что он «прилагает к естествознанию» высказанные мною мысли.

Так умудряется т. Тимирязев в *одном абзаце*, одним духом отвергнуть мою точку зрения и одновременно *принять* ее; отвергнуть нужно было для того, чтобы замести следы, чтобы запутать читателя

¹⁾ „Вестник Комм. Академии“, 17 кн., 154 стр.

и сделать вид, что он ничего не заимствовал у «переводчика французских материаллистов», а *принять* ее, хотя бы частично, т. Тимирязев вынужден под давлением обстоятельств.

В самом деле, достаточно коротко проанализировать хотя бы приведенную цитату, чтобы убедиться в этом «странном» факте. Я выдвигаю *три* положения: первое, что случайное не потому только случайно, что причины его нам неизвестны; второе, что случайное само причинно обусловлено, что оно не беспричинно, и третье, что случайное объективно. Все эти три положения т. Тимирязев подверг проверке на примерах из молекулярной физики, и оказывается, что мое общее утверждение правильно. Оказывается, как пишет т. Тимирязев, что «мы указывали (мы указывали! А. Д.), что, *помимо* того, что причины перемещения определенных молекул *нам неизвестны*», мы считаем их случайными потому, что *положение каждой из молекул* в макроскопическом явлении *случайно* (стало быть, случайно в *объективном* смысле, а не в субъективном только смысле *незнания*); случайное, далее говорит тов. Тимирязев, причинно обусловлено.

Таким образом, продемонстрировав на отдельном примере из молекулярной физики мои общие принципиальные положения, которые я пытался подкрепить на ряде других фактов, т. Тимирязеву не стыдно после этого выдать все это за свое «открытие» и писать: «Но не это, видимо, имеет в виду тов. Деборин, как это ясно из дальнейшего». А «из дальнейшего» действительно еще более ясно, что случайность имеет объективный характер, хотя Тимирязев-то приводит из моей статьи цитату, имеющую косвенное отношение к данному вопросу, но не приводит того, что имеет *прямое* к нему отношение.

По вопросу о роли случайности у Дарвина я указывал, что мы у него встречаем двойное понимание: с одной стороны, он понимает под случайным то, причины чего нам неизвестны; с другой же стороны, он понимает случайное в объективном смысле. Если т. Тимирязев находит «вполне правильной» мою мысль, что эволюция осуществляется, по Дарвину, на основе *случайных* вариаций, то ведь тем самым он признал, что эти случайные вариации *объективны*, а не субъективны. Зачем же он тогда задает нелепый вопрос: «Что же это значит случайный в более объективном смысле?» (Кстати, у меня вовсе не так сказано; я не знаю, лучше ли или хуже сказано у меня, с точки зрения Тимирязева. Надо полагать, что лучше, иначе он бы правильно цитировал. У меня сказано так: «...изменения эти случайны не потому только, как это думает Дарвин, что причины их нам неизвестны. Они случайны в более глубоком, объективном смысле»).

Итак, заимствовав у меня по вопросу о случайности и необходимости все основное, принципиальное, что им недавно публично отвергалось и подвергалось анафеме, наш «герой» прибегае для сокрытия этого факта к целому ряду достаточно жалких приемов. Впрочем, нам кажется порою, что т. Тимирязев не понимает того, что пишет собственной рукою. Все его *примеры* находятся в явном *противоречии* с его *теоретическими рассуждениями* и полностью подтверждают наши взгляды. Не понимая самого себя, рассуждая обо всем с удивительной самоуве-

ренностью, перепутывая все понятия и факты, он вносит невообразимую путаницу и сумбур в умы читателя, выдавая свои «рассуждения» за последнее слово теоретического естествознания. «В области естествознания замечания тов. Деборина могут вызвать основательную путаницу», пишет т. Тимирязев. Что т. Тимирязев чрезвычайно ревниво относится к естествознанию — это известно. Ему бы очень хотелось, чтобы мы отказались в его пользу от всяких суждений по вопросам естествознания. Но этого не будет, потому что т. Тимирязев не понимает задач марксизма в области естествознания.

Итак, заявив со свойственной ему безответственностью, что замечания Деборина в области естествознания вносят путаницу, т. Тимирязев своими примерами и приведенными из моей статьи цитатами, в доказательство вносимой мною путаницы, доказал как раз *прямо противоположное*.

Тов. Тимирязев пишет: «Сделав, как мы только-что видели, упрек Дарвину и привел еще несколько выписок из Дарвина, где говорится о том, что изменения бывают благоприятные для организма и неблагоприятные, тов. Деборин приходит к выводу, что «определенные изменения, связанные причинными отношениями и оказавшиеся случайно полезными, подхватываются естественным отбором, становясь, в свою очередь, основой для дальнейших приспособлений» (стр. 88). Где же тут объяснение более объективного смысла «случайных» изменений? В том, что они вызваны причинными отношениями и «случайно» полезны для данного организма? Мало все-таки это уясняет суть дела (и очень уже близко эта «случайность», может быть, даже стилично, против воли автора, приближается к беспричинности)».

Одно из двух: или тов. Тимирязев занимается сознательно *искажениями* и фальсификацией взглядов своего противника, или он действительно *не понимает* того, что он читает, и способен самый простой и ясный вопрос только запутать, но не выяснить. Это его «качество» делает совершенно невозможным вести с ним какие бы то ни было споры по существу.

В самом деле, ведь сам Тимирязев привел на той же странице своей «великолепной» статьи подлинную цитату из моей работы, где я говорю о том, что под случайными изменениями следует понимать не только такие, причины которых нам *неизвестны*, но что определенные изменения случайны в *объективном смысле*. Стало-быть, объективное противопоставляется субъективному в смысле неизвестности причин, вызвавших определенные изменения. Сам т. Тимирязев мысль о том, что эволюция осуществляется на основе *случайных* вариаций, считает «вполне правильной». Если это так, то, повидимому, случайными эти вариации являются в объективном смысле. Как же согласовать это с тем, что т. Тимирязев хотел сказать выше приведенной цитатой насчет *случайно полезных для организма изменений*?

Тов. Тимирязев так построил фразу, что у читателя получилось впечатление, будто, *помимо* определенных изменений, вызванных причинными отношениями и оказавшихся *случайно* полезными для организма, с моей точки зрения, существует еще какое-то «объясне-

ние более объективного смысла «случайных» изменений». А это уже дает ему возможность говорить о том, что «эта случайность... приближается к беспричинности». «Опять-таки, не знаю, чему тут больше удивляться: изворотливости или безнадежному непониманию нашим критиком простых вещей. Ведь в этой связи у меня *вовсе нет и речи* о «более объективном смысле случайных изменений», как выражается Тимирязев. Ибо, если бы это было так, то выходило бы, что, помимо случайных, в объективном смысле изменений, существует еще какая-то особая случайность... Но все это выдуманно нашим «критиком», потирающим руки от удовольствия, как он «поддел» Деборина. Но как назвать такие приемы? И могут ли они подвинуть нас вперед в деле выяснения основных проблем науки?

II

Мы выше уже познакомились с некоторыми «критическими» методами тов. Тимирязева. Однако, это были еще только цветочки, ягодки впереди. Мы не будем иметь возможность исчерпать тимирязевскую «мудрость» до дна. Это потребовало бы слишком много и времени и места, ибо в его статье нет ни одной строчки, которая бы не вызвала возражения и возмущения. Это объясняется тем, что наш автор, с одной стороны, под нашим давлением вынужден сделать отступление, но, с другой стороны, у него нет мужества признать это, и поэтому он делает вид, что ничего не случилось. Одновременно же он в общем и целом продолжает стоять на своей старой вульгарно-механической точке зрения. Таким образом, статья его представляет собою поистине эклектическую похлебку самого неприятного вкуса... К сожалению, мы вынуждены в настоящей статье заниматься не изложением наших положительных взглядов и не критикой взглядов нашего противника, а, главным образом, *разоблачением* его методов цитирования и комментирования. Последуем же дальше за нашим «критиком».

На стр. 131 своей статьи он приводит из «Диалектики природы» Энгельса известные места, трактующие о связи между органическим и неорганическим миром. Цитаты эти сопровождаются нашим автором следующим замечанием: «Однако, приведенные нами выдержки из «Диалектики природы» не пользуются большим вниманием у «новой школы марксизма», главой которой является А. М. Деборин. Марксисты этого толка предпочитают опираться почти на одно только место из «Диалектики природы»; которое мы еще не рассматривали и которое, будучи оторвано от всего остального, может, как сейчас увидим, повести к серьезным недоразумениям» (132 стр.).

Так пишет тов. Тимирязев, и читатель, конечно, готов ему поверить. Ведь читатель *не обязан* знать работы Деборина, а если и знает, то не обязан *помнить*, что цитировал по данному вопросу Деборин. Выходит, что мы не цитировали и всячески *боялись* цитировать приведенные тов. Тимирязевым выдержки из Энгельса, потому что это нам невыгодно.

В действительности же дело обстоит как раз наоборот. Именно нами приводились эти выдержки против механистов, в том числе и против тов. Тимирязева, который только теперь вспомнил о них, как он только теперь, после нашей борьбы с ним по вопросу о случайности и необходимости вспомнил об этой проблеме и об ее огромном значении для современного естествознания. В нашей статье «Энгельс и диалектическое понимание природы», напечатанной в журнале «Под знаменем марксизма» (1925 г., № 10—11), мы привели как раз те выдержки (см. стр. 22—24), о которых теперь вспомнил тов. Тимирязев. Напомним, что мы писали там же по поводу этих выдержек «В этих поистине гениальных строках Энгельсом дана исчерпывающая характеристика диалектики естествознания. Что она находится в резком противоречии с механическим материализмом, стоящим на почве механического «сведения», — это ясно само собою. Что Энгельс столь же далек от витализма, сколь звезда небесная от нашей грешной земли, это тоже понятно каждому грамотному человеку. Но что гораздо важнее в данном случае, приведенные нами строки Энгельса не только не противоречат прежним его взглядам, но составляют, я бы сказал, классическую их формулировку» (23 стр.). Далее нами дается анализ упомянутых мест из «Диалектики природы» Энгельса.

Спрашивается, как согласовать этот факт, который может быть проверен каждым грамотным читателем, с заявлением нашего «исследователя», что эти места не пользуются вниманием тов. Деборина и его «школы»? Тут делается тонкий намек на то, что эти цитаты говорят не в пользу диалектиков, а в пользу механистов. Между тем, как в действительности, значительная часть моей полемики с т. Степановым посвящена этим выдержкам, которые я выдвигал против механистов.

На тимириазевских комментариях вышеупомянутых цитат из Энгельса останавливаться нечего: здесь получилась сугубая путаница. Нас здесь интересует нечто другое, а именно: вопрос о так наз. «побочных формах» движения в связи с главной формой движения. Энгельс, как помнит читатель, говорит о том, что «наличие... побочных форм движения не исчерпывает существа главной формы в каждом данном случае». И вот наш смелый критик вслед за т. Степановым снова возвращается к вопросу об энгельсовском витализме. «... во всяком случае выражение «побочные формы», пишет он, нельзя признать удачными». «Если выставлять на первый план это неудачное, по моему мнению, слово «побочный» вне связи с приведенными нами мыслями Энгельса, то это только на руку виталистам (курсив мой. А. Д.), считающим, что физико-химические методы неспособны дать нам разгадку «тайны жизни» (133 стр.).

«Наши опасения (подумайте только, какие заботы несет т. Тимирязев!), что неудачное слово, выхваченное без всякой связи со всеми мыслями Энгельса, может повести к попыткам оправдывать витализм, как нельзя лучше оправдывается словами тов. А. М. Деборина в цитированной нами статье о Ф. Бэконе (стр. 11): «Современная наука на

Западе в лице целого направления, взгляды которого нами будут подвергнуты критике в другой связи, понимая недостаточность и внутреннюю противоречивость механической точки зрения и научную несостоятельность витализма, с другой стороны, ищет новых путей. Основным лозунгом этого направления является преодоление механизма, как и витализма. Очевидно, что будь представители этого направления знакомы с диалектическим материализмом, их задача была бы легко разрешена» (!— восклицательный знак — принадлежит, конечно, Тимирязеву, а «преступная» цитата, набранная у т. Тимирязева разрядкой, принадлежит мне).

Тимирязев не был бы Тимирязевым, если бы он не извратил простую мысль до неузнаваемости и не превратил бы ее в «лакомый кусочек» для своих безответственных комментариев, имеющих целью запутать читателя.

Тимирязевский комментарий к моей ясной и простой мысли, что только диалектический материализм преодолевает витализм и механизм, заслуживает особого внимания. Мы приведем его полностью: т. Тимирязев, быть может, все-таки устыдится, хотя надежды на это мало.

Вот этот замечательный комментарий: «Итак, преодоление механизма и витализма! Хорошо сказано! Ведь преодоление для диалектика означает синтез, а не только одно отрицание. Что же, спрашивается, можно позаимствовать у виталистов? Принципиально неразложимые качества, ведущие прямой дорогой к господу-богу? Роберт Майер, один из величайших физиков XIX столетия, о котором с особым вниманием отзывается Энгельс на страницах своей «Диалектики природы», следующим образом характеризует виталистов: «Допущением какой-то гипотетической силы пресекается путь к дальнейшему исследованию, и делается невозможным применение законов точной науки к учению о жизни. Странники этой жизненной силы восстают против духа прогресса, появляющегося в современном естествознании, и возвращаются к прежнему хаосу самой необузданной фантазии».

«А Энгельс (стр. 21) со всей категоричностью подчеркивает, что «жизненная сила является последним убежищем супранатуралистов».

«Хороша же методология, выдающая себя за последнее слово ортодоксального марксизма, которая, ухватившись за одно только слово «побочная форма» и не дав себе труда разобрать весь ход мыслей Энгельса в его «Диалектике природы», пускается в поиски за диалектикой в подогретых виталистических «теориях», пытающихся воскресить самое дикое мракобесие, и все это мракобесие объясняется тут же современной наукой! Первое правило марксистской методологии — умение критически разбираться в том, что такое современная наука, и не смешивать с наукой то, что не имеет с ней ничего общего. Ведь научились же мы разбираться во всяких искажениях, во всяких уклонах от правильной политической линии революционного марксизма и ленинизма, и никому, кроме безнадежных путаников и ревизионистов, в голову не придет недоумевать, что же есть настоящий марксизм, когда и те, против кого мы спорим и с кем мы боремся, сами называют

себя также марксистами. Более того, они даже уверены в своей ортодоксальности, — спросите, например, меньшевиков.

Ту же мерку, как и в вопросах политики, мы должны применять и в естествознании, отделяя золото от мусора и не смешивая того и другого вместе¹⁾.

Этот беспримерный по своему бестыдству «комментарий» моей мысли делает совершенно невозможной дальнейшую полемику с А. Тимирязевым. Но, может быть, он, действительно, не понимает самых простых вещей?

Итак, начинается этот поразительный ход «мыслей» с того, что «побочные формы» у Энгельса является «неудачным выражением», играющим на руку виталистам. Наш бесподобный Дон-Кихот был долго крайне озабочен этим «ляпсусом» Энгельса. Он опасался, что оно поведет к оправданию витализма, и теперь оказывается, что «наши опасения» действительно оправдались. Достаточно привести цитату из статьи Деборина о Ф. Бэконе, где черным по белому написано, что некоторые течения в Западной Европе начинают понимать недостаточность механической точки зрения и научную несостоятельность витализма и поэтому их лозунгом является преодоление механизма и витализма, каковое преоление возможно только с точки зрения диалектического материализма,— достаточно только привести эту цитату — более убедительной в доказательство моего витализма даже сам Тимирязев не мог найти,— чтобы написать неприличную, бесстыдную страницу о витализме Деборина и его «школы».

Прежде всего, в статье о Бэконе я ни словом не обмолвился о «побочных формах» Энгельса. На этом вопросе я подробно остановился в упомянутой уже статье «Энгельс и диалектическое понимание природы». Почему т. Тимирязев не дал себе труда подвергнуть «критике» мой ответ т. Степанову насчет «побочных форм»? Заметьте, читатель, что этот «исследователь» не привел ни одной цитаты из моей работы, где я говорю специально об этом предмете, и не потрудился поспорить по существу. Это во-первых.

Во-вторых, ответственным за мой мнимый витализм А. К. Тимирязев делает Энгельса. Я очень благодарен моему критику за любезность, которую он мне оказывает, давая мне возможность «прикрыться» Энгельсом. Но я должен отвергнуть предоставленный мне т. Тимирязевым «спасительный выход» и готов лично пострадать за свои «грехи». Энгельс тут ни при чем. Я знаю, что наши механисты не переварили «Диалектики природы» Энгельса, не поняли значения «побочных форм» и считают Энгельса если не виталистом, то полувиталистом. Я, с своей стороны, пытался, в меру моего разумения, втолковать им в голову эту правильную мысль Энгельса. Не поняв мысли Энгельса и чувствуя неловкость открытого обвинения Энгельса в витализме, они переносят всю силу своего гнева на мою скромную особу: пусть, мол, расплачивается за «грехи» Энгельса! И вот оказывается, что энгельсовские

¹⁾ „Вестник Комм. Академии“, 17 кн., 134. стр.

«побочные формы» якобы повинны в моем выше формулированном грозным прокурором Тимирязевым «преступлении».

Но метод рассуждения нашего Дон-Кихота примерно таков: в огороде бузина, а в Киеве дядька! У Энгельса «побочные формы», а у Деборина «поиски за диалектикой в подогретых виталистических «теориях». Если же «граждане судьбы» потребуют представления вещественных доказательств виновности Деборина, то страшный прокурор страшного суда ответит: «Он, преступник, требует, чтобы витализм (как и вульгарная механическая точка зрения), научная несостоятельность которого им констатируется, был отвергнут, был преодолен диалектическим материализмом! Ведь ничего другого, никаких других доказательств в пользу виновности «преступника» наш грозный прокурор не привел. Спрашивается, какого мнения должен быть читатель насчет умственных способностей прокурора, который даже не замечает, что он доказал прямо противоположное тому, что ему хотелось (ах, как хотелось!) доказать. Отныне мы будем знать, что виталистом называется тот, кто признает научную несостоятельность витализма и требует, чтобы его отвергли во имя единственно-научной точки зрения диалектического материализма.

Но это еще не все. Дальше один термин подменяется другим. Если я говорю, что определенное направление в Западной Европе (а не мы, марксисты) стремится преодолеть витализм и что в этом деле ему может оказать существенную, решающую помощь диалектический материализм, то т. Тимирязев немедленно «разъясняет» читателю, что Деборин предполагает синтезировать витализм с диалектическим материализмом, ибо «преодоление для диалектика означает синтез». Где он вычитал, что преодолеть значит синтезировать,— одному Аллаху известно. Пролетав этот изумительный трюк, А. Тимирязев в дальнейшем набрасывается на методологию ортодоксального марксизма, которая-де, ухватившись за одно только слово «побочная форма» (о которой, как сказано, вовсе у меня не было и речи), «пускается в поиски за диалектикой в подогретых виталистических «теориях», пытающихся воскресить самое дикое мракобесие» и т. д., и т. п. Читая эти возмутительные строки, становится стыдно за тов. Тимирязева!

III

Как это ни скучно, но мы вынуждены последовать дальше за нашим «странным» критиком. Мы уже знаем, что ни одно утверждение его не соответствует действительности, что в этом отношении он не заслуживает со стороны читателя ни малейшего доверия. Так что, если А. Тимирязев, напр., пишет, что такие-то места в «Диалектике природы» не пользуются вниманием Деборина и его школы, то можете быть уверены наперед, что это неправда, что наш «критик» довольно усердно проработал их по нашим писаниям (разумеется, не по нашим переводам французских материалистов), кое-что усвоил, но чтобы замести следы, приводит совершенно не относящиеся к делу места, что дает ему возможность вопрошать: почему эти места не цитируются

Дебориным? Мы позволим себе открыто сказать, что то, что имеется теперь в его статье более или менее правильного, то заимствовано им у нас. Но так как он не сумел свести концов с концами, то он внес еще большую путаницу во все основные вопросы, которые служат предметом спора. Да, видно большое мужество требуется для признания своих ошибок, и не всякий способен на такой подвиг.

Итак, механисты утверждали раньше, что энгельсовские «побочные формы» ведут прямым путем к витализму. Тов. Тимирязев теперь повторил это обвинение, хотя уже в несколько смягченной форме. Но как это обычно происходит с нашим автором, он сам теперь, под давлением противника, вступил — пусть боязливо — на путь «побочных форм» и опять-таки не понимает того, что сам же пишет. Так, он пишет: «Сведение физических и химических явлений к механике означает использование уравнений механики, даже более того — выражение законов этих «надмеханических» явлений в форме уравнений механики, но с условием использования и таких законов, которые из этих уравнений не вытекают. Так, в молекулярной механике громадную роль играют закономерности, выводимые из так наз. начальных условий (скорости и положения молекул) статистическим методом, при чем специфичными для молекулярной механики как раз и являются законы статистической механики, не выводимые нацело из уравнений механики. Подобно этому специфичным в электромагнитных процессах является участие эфира в движении заряженных тел; в этой области, как показал Гельмгольц, применение уравнений механики покупается ценой отказа от обычных в механике форм выражения кинетической и потенциальной энергии.

При чем формы этих выражений, как обычных в старой механике, так и найденных Максвеллом и Гельмгольцем для новой механики, не вытекают из уравнений самой механики! Диалектические узлы налицо, но кое-кому они, видно, кажутся маленькими, невзрачными!» (134 стр.).

Прежде всего, два слова относительно последней фразы. Она вставлена лишь для того, чтобы опять замаскировать поражение механистов. Диалектические узлы кажутся, мол, нам маленькими, невзрачными. Но дело-то в том, что механисты отрицали самое существование этих узлов. А теперь т. Тимирязев начинает только соображать, в чем дело. Если верно, как это пишет теперь т. Тимирязев, что даже в физических и химических явлениях необходимо «использовать» такие законы, которые не вытекают из уравнений механики; если верно, что специфичными для молекулярной механики являются законы статистической механики, не выводимые нацело из уравнений механики; если верно, что специфичным в электромагнитных процессах является участие эфира в движении заряженных тел и т. д., то о каком сведении, скажем, биологических явлений к уравнениям механики может быть речь? Во-вторых, если т. Тимирязев понимает хотя бы самого себя, то как он не видит, что раз он говорит о специфических формах движения для определенного круга явлений, то именно эти специфические формы и являются, выражаясь языком Энгельса, главными (для данных процессов) формами движения, а низшие формы могут быть

условно обозначаемы, как *побочные* именно потому, что не эти формы движения определяют *специфический* характер данных явлений, а некая новая форма движения, которая и будет считаться *главной* или *специфичной*, по терминологии А. Тимирязева. Таким образом, даже из путанных слов т. Тимирязева вытекает с очевидностью, что прав Энгельс и правы мы, отстаивавшие точку зрения Энгельса. Однако, это обстоятельство нисколько не мешает т. Тимирязеву кривить и вкось комментировать не только наши писания, но и работы Энгельса. Не справившись с «побочными формами», он пристаёт к Энгельсу с своими глубокомысленными вопросами, на которые способен дать ответ студент первого курса. Он пишет: «Если, как говорит сам Энгельс, химии удается изготовить белок, то «химический процесс выйдет из собственных своих рамок»; или если «организм есть, разумеется, высшее единство, связывающее в себе в одно целое механику, физику и химию, так что эту троицу нельзя больше раз'единить», то как же составные части этого единства могут быть побочными по отношению к единству, хотя и заключающему то новое, что дает взаимодействие этих составных частей?».

Читатель видит, что т. Тимирязев ровно ничего не понял в «Диалектике природы», несмотря на то, что сам уже заговорил о *специфичности* и проч. В самом деле, разве требуется быть профессором физики, чтобы понять ту простую мысль, что то, что делает организм организмом, и составляет то *специфическое* и *особенное*, что *отличает* его от не-организма (разумеется, это тоже следует понимать не абсолютно, а относительно), и что эта форма движения и составляет, выражаясь условно, его *сущность*, т.-е. *главную форму*, в отличие от тех форм движения, которые *общы* как организму, так и чурбану, скажем.¹¹ Помимо этого, надо еще раз иметь в виду, что Тимирязев или не умеет цитировать или сознательно неправильно цитирует и излагает мысли разбираемого им автора. С нами, грешными, как это уже достаточно убедительно доказано, т. Тимирязев обращается очень «вольнo». Но вольное обращение с Энгельсом — это уже верх всякой развязности. В самом деле, Энгельс вовсе не говорил того, что ему приписывает наш развязный автор в вышеприведенной цитате. Поэтому мы вынуждены привести подлинную цитату из Энгельса: «Химическое действие *невозможно* без изменения температуры и электричества, органическая жизнь *невозможна* без механических, молекулярных, химических, термических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих побочных форм *не исчерпывает* существа *главной формы* в каждом случае» (курсив мой А. Д.). определенные низшие формы движения являются *побочными* по отношению к высшей форме движения в том определенном условном смысле, что они *не исчерпывают* существа *главной формы* движения. Что высшие формы движения *необходимым образом* связаны с входящими в нее низшими формами движения и без последних *невозможны* — об этом Энгельс сам постоянно говорит, да это и без того понятно всякому грамотному человеку. И вот мы спрашиваем теперь т. Тимирязева, что же, по его просвещенному мнению, низшие формы движения *исчерпывают* существо *главной формы* или

нет? Пусть даст ответ. Ведь вопрос о соотношении побочных и главных форм движения представляет собою только иную формулировку вопроса о *сведении*. Когда Энгельс говорит, что «побочные формы» не исчерпывают сущности главной формы, то этим самым он говорит, что высшая, главная форма не сводится к низшим формам, что она, хотя и возникла из взаимодействия низших форм, составляет то новое — новое качество, — что не исчерпывается низшими формами движения, новый синтез, который отличает ее от других форм и подчиняется новым закономерностям.

Вцепившись в «побочные формы» и не зная, что с ними делать, наш критик начинает снисходительно похлопывать Энгельса по плечу, комментируя его таким образом, будто Энгельс просто употребил неудачное выражение, которое на руку виталистам, но что на самом-то деле Энгельс стоит чуть ли не на его, Тимирязевской, точке зрения. Но в том-то и дело, что т. Тимирязев всегда цепляется за слова, за буквы, но духа не понимает. Ведь дело здесь не в выражении, а в той мысли, которая выражена Энгельсом словами «побочная форма». Мысль же — можете с ней согласиться или не согласиться — остается не тронутой и после того, как будет объявлено, что Энгельс употребил «неудачное выражение». Ведь мы имеем у Энгельса определенную принципиальную постановку и формулировку интересующего нас вопроса, которая повторяется им неоднократно во всех его сочинениях, вплоть до Людвига Фейербаха. Спрашивается, как можно свести эту принципиальную формулировку вопроса к «неудачному выражению»?

Но прежде, чем продвинуться дальше, нам необходимо еще раз указать на «вольное» обращение «критика» с нашими писаниями. Мы уже указали, что он сделал ответственным энгельсовские «побочные формы» за наш мнимый витализм. Читатель помнит вышеприведенную цитату из моей статьи о Бэконе, где говорится *прямо противоположное* тому, что критик страстно хотел нам приписать. Но почему же он не цитировал тех мест, где *прямо* говорится о побочных формах, где в полемике с т. Степановым мы уже подробно выяснили наше отношение к этому вопросу? Да очень просто, потому что это т. Тимирязеву невыгодно, так как витализмом здесь и не пахнет. Куда легче излагать от себя, т.-е. писать отсебятину. Мы позволили себе привести и из этой статьи два места, которые дают вполне определенный ответ на наше понимание энгельсовского «неудачного выражения».

«Каждая высшая форма движения, писали мы там, представляет собою некий высший синтез, новый узел, новую форму связи, существенно отличную от составляющих ее низших форм движения или низших «узлов». Тот факт, что все узлы образуются из единой движущейся материи, нисколько не опровергает и того другого факта, что каждый узел составляет нечто специфическое и особенное, нечто *новое*, особую форму движения, которая подлежит изучению как в своей общности с низшими формами движения, так и в своем качественном своеобразии, в своем отличии от них. Неужели это непонятно? Подчеркивая, что организм есть «высшее единство, связывающее в себе в одно целое

механику, физику и химию, так что эту троицу нельзя больше разделить», Энгельс хочет сказать, что организм представляет собою своеобразное качество, специфический узел, включающий в себя все три указанные формы и не сводящийся к каждой из них в отдельности, а тем более к простой «механике».

Этот «узел» не есть и простая механическая сумма механики, физики и химии, а их синтез¹⁾. А этот синтез дает новые закономерности, и в этом вся суть. Наши механисты обычно говорят, что задача науки состоит в сведении сложных явлений к простым, биологических, напр., процессов — к элементарным механическим процессам. На этой точке зрения стоял т. Тимирязев, когда он в Тимирязевском Институте защищал т. Степанова, который утверждает, что наука сулит теперь свести и химию, и биологию к *атомно-электронной и молекулярной механике*. Теперь т. Тимирязев как будто от этого взгляда отрешивается — мы говорим «как будто», потому что трудно сказать, действительно ли отрешивается он от старого своего убеждения, вследствие «специфического» характера его статьи. Мы утверждали, что молярная механика не тождественна с механикой молекулярной, молекулярная не тождественна с электродинамикой и т. д., что между ними существует связь, единство, но и «разрыв», т.-е., что между смежными областями существуют *диалектические переходы*. Наши же механисты утверждали, что не только химия, но и биология *сводится* к атомно-электронной и молекулярной механике.

Теперь т. Тимирязев заявляет, что никто из механистов не ставит знака равенства между живым и неживым, ни один из них не упускает из виду того «усложнения движения», которое приводит его из области физики и химии в область физиологии, что из сложного взаимодействия более простых физико-химических процессов возникает то новое, что характеризует жизнь; «дело, следовательно, продолжает он, заключается в том, что комплекс этих физико-химических процессов не является просто суммой своих составных частей; взаимодействие этих составных частей и дает то новое качество, которое мы называем жизнью». Читатель видит, что эта формулировка т. Тимирязева представляет собою *повторение* своими словами того, что писали раньше те, которых он по своей недобросовестности осмеливается называть «упразднителями естествознания». Он ведь пересказал только то, что было мною написано в ответ т. Степанову и выше процитировано.

Спрашивается, что же, это «взаимодействие» составных частей дает какие-нибудь *новые закономерности* или же все сводится к простым закономерностям составных частей? Мы думаем, что жизнь обнаруживает такие свойства, такие закономерности, которых в неорганической природе мы не наблюдаем. Мало того, мы замечаем в органической природе процессы, противоположные процессам неорганической природы. Ведь достаточно указать хотя бы на то, что обмен

¹⁾ „Под знаменем марксизма“ 1925 г., № 10—11 (Энгельс и диалектическое понимание природы, 36 стр.).

веществ в мертвых телах является причиной их разрушения, а в живых — основным условием их существования и развития.

Теперь т. Тимирязев повторяет за нами, правда, «своими словами», что первая задача исследования жизни состоит в том, чтобы разложить ее на простые физико-химические явления; вторая задача — выяснить, что нового возникает из их взаимодействия, при чем он даже допускает, что «в живом организме... могут проявляться такие взаимодействия, каких мы не видели и не видим в неорганическом мире» (130 стр.); третья задача — построить искусственное живое вещество.

Вот что мы писали в статье «Энгельс и диалектика биологии» («Под знаменем марксизма», 1926 г., № 3, стр. 7—8). «Мы принципиально настаиваем на возникновении органической материи из неорганической; на определенной ступени мирового процесса неорганическая материя неизбежно превращается в органическую материю, отличающуюся от неживой рядом особенностей, специфических свойств; поэтому мы должны рассматривать органическую материю, как особое качество, особый узел. Процесс развязывания узла (т.-е. процесс анализа его на составные части) для нас важен лишь постольку, поскольку он в состоянии об'яснить процесс «завязывания», т.-е. возникновения сложного узла со всеми его специфическими особенностями». Далее, указывается на задачу «реконструирования» жизни, искусственного воспроизведения хотя бы простейших жизненных форм.

После всего этого для читателя становится более, чем очевидным, что у т. Тимирязева имеются все основания ругать нас последними словами.

Но как бы там ни было, т. Тимирязев *ныне* признает, что в живом организме «могут проявляться такие взаимодействия, каких мы не видели и не видим в неорганическом мире». Это значит, что в организме «могут» существовать свои *закономерности* (мы же говорим: не могут существовать, а действительно существуют), которых нет в неорганическом мире. Если это так, то, казалось бы, прав Энгельс, который утверждает, что в органических явлениях «механические законы хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают перед другими, высшими законами». Тем не менее, т. Тимирязев продолжает утверждать, что Энгельс *неправ*. Такова удивительная последовательность нашего крикливого критика.

IV

Наши механисты, во главе с т. Тимирязевым, постоянно повторяют, что энгельсовская критика механического материализма их, мол, не касается, так как Энгельс имел в виду только французский материализм XVIII стол. Удивительный чудак, этот Энгельс: пишет в семидесятых и восьмидесятых годах XIX стол., а воюет постоянно с механическим материализмом XVIII века! Так обстоит дело, если верить нашим механистам. Но в действительности дело обстоит совершенно иначе. Потребовалось бы слишком много места для полного выяснения этого вопроса, поэтому мы ограничимся здесь самым необходимым.

Энгельс воевал с *современными* ему естествоиспытателями, а не с французами XVIII в. «У естествоиспытателей,—пишет он,—движение всегда понимается, как механическое движение, перемещение. Это *перешло по наследству* (повидимому, к современному Энгельсу естествознанию, не так ли, т. Тимирязев? А. Д.) от дохимического XVIII столетия и сильно затрудняет ясное понимание вещей. Движение, в применении к материи,— это *изменение вообще*» (Диалектика природы, 27 стр.). Таким образом, Энгельс, ссылаясь на XVIII столетие, указывает на *источник* современных представлений о движении, но *критикует* он современных ему естествоиспытателей, которые продолжают стоять на точке зрения французов.

Разве Энгельс не критиковал Геккеля, который, как известно, жил не в XVIII веке, за то, что, по его мнению, «современная физиология... дает в своей области место только физическим, химическим или, в *широком смысле слова*, механическим силам»? (134 стр.).

Разве Энгельс не писал, что «только незнакомство *современных* (курсив мой. А. Д.) естествоиспытателей с иной философией, кроме той ординарнейшей вульгарной философии, которая процветает ныне в немецких университетах, позволяет им оперировать, таким образом, выражениями вроде «механический», при чем, они не отдают себе отчета и даже не догадываются, какие из этого вытекают необходимые выводы»? (145 стр.).

Напрасно наши механисты отсылают нас во Францию XVIII столетия. Речь идет у Энгельса, как видит читатель, о естествоиспытателях *XIX столетия*.

Таким образом, Энгельс утверждает, что только незнакомство естествоиспытателей с диалектической философией позволяет им оперировать выражениями вроде «механический», что самое приравнивание материалистического и механического имеет своим родоначальником Гегеля, который хотел унижить материализм эпитетом «механический». Если таковы взгляды Энгельса, то нашему прыткому критику прежде всего и следовало «свести счеты» с Энгельсом, доказать ему, что он «упразднитель естествознания» и что для него все «механики» и «механисты» одинаково неприятны в той же мере, в какой и по существу «неизвестны», как выражается т. Тимирязев по нашему адресу (136 стр.).

В чем заключается существо энгельсовских возражений против механического материализма нашему сердитому критику, осталось непонятным до сих пор. Он все еще борется с ветряными мельницами, защищая от мнимых врагов свою механику, как-будто кто-нибудь на нее покушается. Механика на своем месте великолепная вещь. Речь идет только об *ограничении* ее прав и притязаний. Механические материалисты видят в механике единственную основу общего мировоззрения. Французские материалисты стояли на этой точке (и то не все) и имели на это *историческое* право. Иначе дело обстоит в наше время, когда, помимо механики, получили широкое развитие физика, химия, биология, составляющие ныне основу общего мировоззрения, как выражается Энгельс.

Наши механисты ни разу не делали попытки разобрать возражения Энгельса против механического материализма *по существу*. Но нам кажется, что в своем стремлении отвести удары Энгельса в сторону французов, они даже не поняли теоретического, принципиального смысла возражений Энгельса. Надо было пункт за пунктом разобрать *тезисы* Энгельса о механическом естествознании, а не заниматься искажениями его взглядов и специфическим их толкованием. Мы не станем заниматься здесь разбором взглядов Энгельса, предполагая знакомство читателя с ним. Одно можно сказать: *современный кризис* (кризис, являющийся оборотной стороной небывалого развития!) в физике по самому существу является *кризисом механического мировоззрения* в самой физике. Таким образом, Энгельс оказался правым кругом, и мы, марксисты, можем гордиться нашей теорией, нашей методологией — диалектикой, которая, поистине, способна открыть науке новые пути. Тов. Степанов и Тимирязев доказывают, что Энгельс боролся против механического естествознания потому, что ему не были известны новейшие достижения науки, что, живи он в наше время, он боролся бы вместе с ними против... диалектики. Они утверждают, что современное естествознание «сняло» все возражения Энгельса. Нас завело бы слишком далеко, если бы мы занялись подробным анализом возражений Энгельса. Но это является лишним. Мы на этот раз ограничимся тем, что приведем некоторые цитаты из произведений современных физиков в доказательство того, что современная наука только *ныне* становится на тот путь, который Энгельс считал единственно правильным.

Перед нами лежит брошюра-речь известного физика Ми, которая целиком посвящена вопросу о *несовместимости механистического воззрения с современными достижениями физики*. Речь эта называется «Проблема материи». Вот что говорит проф. Ми (Mie): «Утверждение, что физика ведет к механистически-атомистическому воззрению, согласно которому все физические процессы в последнем счете объясняются движением материальных частиц, совершающимся согласно законам Ньютоновой механики, терпит крушение»¹⁾. «Если бы движения были только изменениями места в пространстве, в котором, кроме материи²⁾, ничего другого не существует, как это утверждает старая механистическая теория, то было бы совершенно непонятно, почему при изменении скорости проявляются силы инерции. Они были бы физическими действиями, не имеющими физических причин, и поэтому мы должны сказать, что понятие инертной массы в механистической теории противоречит логике естествознания. Но вопрос этот приобретает ясность, как только мы будем рассматривать само пространство, как физический объект, как эфир. В эфире, проникающем тело повсюду, все промежутки между атомами; возникают, при изменении телом его состояния, движения в виде реакции, новые состояния, которые в теле проявляются как противо-сила, как сила инерции»³⁾. Отсюда, очевидно, заключает Ми, что сведение всех физических явлений к дви-

1) Gustav Mie. Das Problem der Materie, 1925 г., 8 стр.

2) Здесь материя авторами противопоставляется эфиру.

3) Цит. сочинение, стр. 17.

жениям материальных частиц логически исключается. Ибо движения суть действительные физические процессы, поскольку они связаны с силами инерции; силы инерции же нельзя по самой природе вещей рассматривать, как первичные феномены, так как они должны быть действиями пространства, в котором движения совершаются. Стало быть, движение материальных частиц не может быть первичным феноменом, к которому все прочее сводится. Для сил инерции, которые сопровождают движение, следует, напротив того, искать объяснения в тех процессах, которые производят движение материи в эфире.

Если движение материи всегда воздействует на эфир, то невозможно, говорит Ми, чтобы существовала материя, которая бы не находилась в действенной связи с эфиром. Иначе говоря, в природе не существует изолированных, самостоятельных атомов, частиц, как это предполагает механистическая теория. Связью между материей и эфиром является электрический заряд. Нет материи, оторванной и обособленной от эфира, ведущей самостоятельное существование. Дуализм между материей и эфиром разрешается в *монизм*, который принимает в качестве единой мировой субстанции эфир и который отрицает самостоятельное существование материальных частиц, как это полагает механистическая теория. Элементарные материальные частицы представляют собою лишь *узловые пункты* в эфире, из которого возникают напряжения высокой интенсивности, — это пункты сгущения электрической энергии (электроны и ядра атома).

Если употребить слово «материя» в более широком смысле, чем это принято в физике до сих пор, говорит Ми, а именно в смысле субстанции, имеющей пространственную протяженность, то место старых атомов займет новая материя — эфир. Физика остается при этом, подчеркивает Ми, насквозь *материалистичной*, ибо она признает только пространственные процессы, пространственные субстанции, но не духовные.

Такова *тенденция* развития современной физики. Необходимо отметить в речи Ми еще один интересный пункт. «Я убежден, — говорит он, — что в истории умственного движения наблюдается повсюду известная связь различных областей. Атомизм, как и рационализм — детища XVIII стол. Он обнаруживает те же типические черты рационализма... Мы все еще питаемся сознательно или бессознательно духовными продуктами XVIII стол., поэтому в современном естествознании все еще *господствует атомизм и механистический способ мышления*. Но мы начинаем понимать, что атомизм и механистическое мировоззрение, подобно всякой рационалистической теории, достигает простоты и ясности тем, что они жертвуют истиной во имя простоты. Это чистейший самообман думать, что можно получить логически выдержанную картину мира при помощи механических принципов и атомистических представлений»¹⁾. В физике происходит то же движение, что и в других областях, скажем, в общественной жизни —

1) Там же, 23—24 стр.

стремление к единству и всеобщей связи, в противоположность процессу атомизации.

Таковы развиваемые Ми идеи, которые должны лечь в основу современной физики. Разумеется, экспериментальная физика еще далека от этого идеала. Но нам кажется, что в общем и целом направление, в котором движется современная физика, охарактеризовано правильно.

Другой современный физик — Вильгельм Вин — в речи, произнесенной им в Мюнхене, в июне 1926 г., также указывает на то, что, начиная с восемнадцатого века и кончая девятнадцатым, господствовало твердое убеждение, что «механика составляет теоретическую основу всего естествознания... Вопрос о том, обладаем ли мы действительно в механике ключом ко всем тайнам природы, современной физикой не решается в положительном смысле»¹⁾. Можно было бы привести по этому вопросу многочисленные цитаты из работ других физиков, — в том числе и такого крупного авторитета, как Макс Планк. Все они в один голос утверждают, что механистическая теория в физике недостаточна, что она не может дать объяснения целому ряду основных физических явлений, что господствующая в современной физике механистическая теория есть наследие XVIII века.

Что же мы слышим от нашего патентованного физика-марксиста, т. Тимирязева? Жалкие слова, смысл которых сводится, примерно, к тому, что все физики, которые ему не нравятся, черносотенцы, реакционеры и проч. Но мы никогда не слышали от него ничего серьезного по вопросам теоретической физики. То он обвиняет всю современную физику в *махизме*, то она оказывается насквозь *диалектической* — в зависимости от того, чего его левая нога хочет.

Современная физика переживает глубочайший кризис роста. В связи с накопившимся огромным материалом рушится и механистическая теория, на которой покоилась и покоится до сих пор физика. Казалось бы, марксисту-физику следует серьезно призадуматься над тем, что происходит в его специальности, и попытаться, по крайней мере, разобраться во всем происходящем с точки зрения диалектического материализма, а не читать всем жалкие нотации.

До какой степени т. Тимирязев не понимает современного теоретического естествознания, доказывают его реплики по поводу нашего замечания, что механистическая теория неизбежно приходит к признанию того, что все явления должны быть сведены к однородным материальным точкам, лишенным свойств и качеств. Он прыгает и танцует вокруг этих материальных точек до тошноты и, по обыкновению своему, призывает в свидетели даже всех теологов, которые якобы разделяют эту точку зрения и которые должны оказаться нашими союзниками. Оказывается, что, говоря о материальных точках и проч., мы, по просвещенному мнению нашего физика, подменяем «современное естествознание своим собственным вымыслом». И вот, читая эти мудрые слова, останавливаешься в недоумении и спра-

¹⁾ W. Wien. Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft der Physik. München, 1926 г., 4—5 стр.

шиваешь себя: неужели он серьезно не знает этого простого факта? Неужели надо приводить цитаты для доказательства этого всем известного положения? Вот что пишет Планк по поводу механики Герца: «Герц не довольствуется тем, что постулирует возможность полностью провести механистическое мировоззрение, на основании допущения о движении простых однородных материальных точек, единственных подлинных кирпичей мироздания. Он идет дальше той точки, которую занял Гельмгольц в своей работе о сохранении силы, и совершенно отрицает различие между потенциальной и кинетической энергией, а вместе с тем и все те проблемы, которые связаны с исследованием отдельных видов энергии»¹⁾.

Сам Планк также определяет вполне правильно механистическое мировоззрение, как такое воззрение, согласно которому все физические явления могут быть полностью сведены к движениям материальных точек, понимая движение только как перемену места. Мало того, механистическое воззрение на природу предполагает обязательно сведение *всех качеств к количествам*, стало-быть, в последнем счете к *числам*. Поэтому Энгельс совершенно правильно говорит, что «если мы должны сводить все различия и изменения качества к количественным различиям и изменениям, к механическим перемещениям, то мы с необходимостью приходим к тому положению, что вся материя состоит из *тождественных* мельчайших частиц и что все качественные различия химических элементов материи вызываются количественными различиями в числе и пространственной группировке этих мельчайших частиц при их объединении в атомы»²⁾. А дальше Энгельс подчеркивает следующее: «Как доказал уже Гегель (Елз. I, стр. 199), это воззрение, эта «односторонняя математическая точка зрения», согласно которой материя определима только количественным образом, а качественно исконно одинакова, является «именно точкой зрения» французского материализма XVIII столетия. Она является даже возвратом к Пифагору, который уже рассматривал число, количественную определенность, как сущность вещей»³⁾.

Таким образом, механистическая теория, доведенная до логического конца, неизбежно приходит к односторонне *математической* точке зрения, к признанию того, что материя состоит из мельчайших частиц, тождественных, качественно одинаковых, а в конечном счете к числу, т.е. к утверждению, что *число* есть *сущность вещей*.

Наши механисты даже утверждают, что это «условие», поставленное якобы Энгельсом науке, снято современным естествознанием, что материя действительно оказалась состоящей из таких тождественных, качественно одинаковых частиц и что, стало быть, все качества сводимы к количествам, что механистическая теория восторжествовала по всей линии. Это один вариант. А с другой стороны, они утверждают, что «Энгельс, в отличие от тов. А. М. Деборина,

¹⁾ М. Планк. Физические очерки, 9 стр.

²⁾ Энгельс. Диалектика природы, 145 стр.

³⁾ Там же, 147 стр.

ясно видел, что современное естествознание не мирится с механическим материализмом» (Тимирязев, 118—119 стр.). Пройдем мимо самого построения фразы, которое должно дать «понять» читателю, что не он, Тимирязев, а Деборин механист (он «подбрасывает» мне свое «добро», которое я с благодарностью вынужден отклонить). Во всяком случае, здесь Тимирязев как-будто высказывается против механического материализма. Это — второй вариант. Такова логика наших механистов, которые в зависимости от обстоятельств выдвигают то один, то другой вариант, внося невообразимую путаницу в головы читателей. Тов. Тимирязев, повидимому, и в этом вопросе *отстывает*, но это отступление хуже всякого наступления, так как теперь у т. Тимирязева нет *никакой* точки зрения.

Но обратимся снова к Энгельсу. Это гораздо интереснее, чем возиться с таким противником, как А. К. Тимирязев. Мы видели выше, что современное естествознание, в лице крупнейших его представителей, подвергает критике механистическое воззрение на природу, и критика идет именно в указанном Энгельсом направлении. Это — величайший триумф *диалектического* материализма.

Механический материализм, а вместе с ним механический метод, берет свое начало в новое время в XVII стол. (т. Тимирязев поправляет меня: не в XVII, а в XVIII стол. Надо ли еще тратить время на доказательство того, что т. Тимирязев и тут жестоко ошибается?). В XVII веке естествознание стремилось к тому, чтобы свести все физические явления к *пространственным определениям*. Достаточно вспомнить хотя бы Декарта. Движение, понятие исключительно как перемещение места, как пространственная группировка частиц, впервые в новое время также было сформулировано в XVII веке, когда идеалом всякой науки считались механика и математика. Механическое миропонимание было унаследовано от XVII века восемнадцатым и девятнадцатым. Оно держится еще довольно прочно и в наше время.

Механическое миропонимание в конечном счете вынуждено рассматривать все качества вещей — как *функцию чисел, пространства — как количества*. С другой стороны, оно неизбежно приходит также к признанию того, что последние, первичные частицы *неизменны*. Механика, говорит Энгельс, знает только количества, в ней мы не встречаем никаких качеств. Иначе обстоит дело в химии, которая является наукой о качествах по преимуществу. *Свойства* химических соединений не выводимы из свойств их составных частей. «Химия, — говорит Энгельс, — находится на пороге того, чтобы из отношения атомных объемов к атомным весам объяснить целый ряд химических и физических свойств элементов. Но ни один химик не решится утверждать, будто все свойства какого-нибудь элемента выражаются исчерпывающим образом его положением на кривой Лотара Майера, что этим одним определяются, напр., специфические свойства углерода, делающие его главным носителем органической жизни, или же необходимость фосфора в мозгу. Между тем, механическая концепция сводится именно к этому; она объясняет всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между

качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количество, как количество в качество, что здесь имеется *взаимодействие*»¹⁾.

Итак, механической точке зрения, согласно которой все явления сводятся лишь к количественным отношениям, к числам, Энгельсом противопоставляется *диалектическая*, согласно которой *отношение между количеством и качеством взаимно*. Наши противники даже не понимают всей важности поднимаемого здесь Энгельсом вопроса. Они только, как попугаи, повторяют заученную формулу: количество переходит в качество. Но ведь в природе не существует отвлеченных чисел, а лишь вещи с определенными качествами, которые могут быть выражены в количественных числовых определениях. Однако качества не сводятся к числам; между ними, т.-е. между качеством и количеством, существует определенное взаимодействие.

Можно сказать, как это и говорил Роберт Майер, что нас вовсе не интересует вопрос о том, что такое сила, теплота и проч.; нас должно интересовать только, как можно сосчитать силу, работу и теплоту по неизменным единицам и какие числовые отношения существуют между движением и теплотой²⁾. Повидимому, эти рассуждения Р. Майера и заставили Энгельса сказать: «Открытие, что теплота представляет собою молекулярное движение, составило эпоху в науке. Но если я не имею ничего другого сказать о теплоте, кроме того, что она представляет собою известное перемещение молекул, то лучше мне замолчать»³⁾.

Таким образом, механистическое естествознание, в конечном счете, стремится к установлению и раскрытию *количественных* отношений между явлениями. А для этого оно вынуждено сводить все явления к однородным частицам, затем к числам, а качественный элемент совершенно элиминировать. Неужели наш физик, выступающий в качестве монополиста естествознания, этого не знает? Так как наши противники, в особенности т. Тимирязев, большие мастера по части извращения чужих мыслей, то необходимо подчеркнуть, что мы ни в малейшей мере не склонны преуменьшать значение количественной точки зрения. Наши возражения направлены лишь против односторонности механической точки зрения; мы отстаиваем *единство количества и качества*, чего так добивался Энгельс и к чему медленно, но неуклонно приближается и современное естествознание.

К чему приводит эта односторонне-математическая количественная точка зрения, показывают многочисленные примеры из различных областей науки. Разве не очевидно, что Р. Майер вынужден притти к *агностицизму* или даже чему-то худшему? Он был верующим христианином, т. Тимирязев, и поэтому мирился с иррационализмом. Кто не дает объяснения качеству, тот оставляет место для метафизики, витализма, мистицизма и пр. Тов. Тимирязев разрешает все труднейшие

1) Энгельс. Диалектика природы, 144—145 стр.

2) Robert Mayer. Mechanik der Wärme, 1867, 279 стр. Здесь сам Р. Майер, впрочем, подчеркивает, что установленная им связь между движением и теплотой, относится к количеству, но не к качеству предмета.

3) Энгельс. Диалектика природы, 145 стр.

вопросы очень просто — отсылкой к махизму, теологии и к его «личному врагу» — А. Эйнштейну. Но в подлинной, а не тимирязевской, науке дело обстоит гораздо сложнее. Категория *качества* не может быть устранена из природы одними заклинаниями, а требует объяснения. Мы всегда подчеркивали неразрывную связь *качества с синтезом*. В настоящее время мы имеем ряд работ иностранных авторов, которые вступили на этот диалектический путь, существенно отличающийся от механической точки зрения. Во всяком случае проблема *качества*, возникающего всякий раз в результате *синтеза* составных частей и обнаруживающего *новые свойства и закономерности*, не данные в составных частях, — эта проблема в настоящее время стала весьма актуальной¹⁾.

К сожалению, мы не имеем возможности остановиться здесь на их взглядах. Но именно о них-то мы и писали, что, будь они знакомы с диалектическим материализмом, с «Диалектикой природы» Энгельса, они бы легко разрешили ряд трудностей, которые они встретили на своем пути. Основное заблуждение их — это признание качества чем-то иррациональным, не поддающимся изучению. Но совершенно правильным, в духе Энгельса, в духе диалектического материализма надо считать их учение о том, что как в неорганической, так и в органической природе продукты синтезов подчиняются новым закономерностям. «Уже законы и проблемы клетки, — говорит Фишер, — иные, чем законы физики. При всяком подлинном синтезе проблемы нового образования имеют новый же своеобразный характер»²⁾. В атоме обнаруживаются свои закономерности, в молекуле — свои, в клетке, в свою очередь, коренным образом — другие, еще иные в частичках тела, иные в психике»³⁾. «Учение о синтезе в живом объясняет нам появление все новых и постепенно повышающихся психических качеств по мере синтетического развития центральной нервной системы»⁴⁾. Таким образом, эта теория синтезов и качеств, диалектически понятая, приобретает огромное принципиальное значение и для *психологии*. Школа Вертгеймера-Келера ведет под углом зрения указанных принципов чрезвычайно важную *экспериментальную* работу в области психологии. А Келер в своей работе «Die physischen Gestalten» показал, что теория синтеза применима также и к физическим системам, к неорганическому миру. Нашему физики обо всем этом не вредно было бы знать.

¹⁾ Достаточно указать здесь на книгу Бернгарда Фишера «Витализм и патология», русск. перев. В. А. Обух; на работы представителей так наз. теории образований (Gestalttheorie): М. Вертгеймера — „Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie ego“ же «Über Gestalttheorie» и др.; Курта Левина — „Der Begriff der Genese in Physik, Biologie und Entwicklungsgeschichte“; его же „Vorsatz, Wille und Bedürfniss“; В. Келера — „Die physischen Gestalten“ и др. Фишер и примыкает к направлению Вертгеймера-Келера.

²⁾ Б. Фишер. Витализм и патология, 119 стр.

³⁾ Там же, 20 стр.

⁴⁾ Там же, 117 стр.

V

Тысячу раз был прав Ленин, когда он писал, что «естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае». Это понимают крупнейшие представители современного естествознания из буржуазного лагеря. Вот какими словами закончил М. Планк свой доклад «Физическая закономерность в свете новых исследований»:

«Мы видели, что физика, лишь одно поколение тому назад причислявшаяся к старейшим и наиболее зрелым наукам о природе, вступила в настоящее время в период бурь и натиска, обещающий стать наиболее интересным из всех когда-либо существовавших. Преодоление этой бури и натиска приведет нас не только к дальнейшему открытию новых явлений природы, но, несомненно, и к совершенно новому проникновению в тайны теории познания. В этой последней области нас, быть может, ожидает много неожиданностей, и может статься, что при этом возродятся и приобретут новое значение некоторые из прежних преданных ныне забвению воззрений. Поэтому внимательное изучение воззрений и идей наших великих философов может и в этом отношении оказаться весьма полезным»¹⁾. «Естественные науки, — резюмирует свою мысль Планк, — не могут обойтись без философии». Но Планк не говорит ничего более определенного; философские учения бывают разные. Поэтому важно остановиться на определенном философском учении, которое может помочь естествознанию разрешить стоящие перед ним проблемы. Мы считаем, что материалистическая диалектика является той философией, в которой, говоря словами Ленина, естествоиспытатели найдут ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании.

Современное естествознание нуждается во всеобъемлющем едином принципе, который лег бы в основании всего здания науки. И этим принципом является *принцип единства противоположностей*, конкретными выражениями которого мы считаем единство качества и количества, непрерывности и дискретности, экстенсивности и интенсивности, материи и эфира, пространства и времени (движение) и т. п. Что современная наука упирается в значительной степени в эти противоположности, доказывается многочисленными фактами и, в частности, теорией относительности, а говоря более обще, всем состоянием современного естествознания.

Достаточно выделить здесь для иллюстрации хотя бы несколько пунктов. Возьмем вопрос о мельчайших однородных частицах, из которых механисты пытаются «сложить» все сложные системы, подобно тому, как «складывают» дом из отдельных кирпичей. Атомистическая структура материи и электричества является величайшим завоеванием науки, но только ограниченные эмпирики и механисты не понимают того, что дискретность требует, как своего «дополнения» или противо-

¹⁾ См. „Успехи физических наук“, 1926 г., т. VI, вып. 3, 199 стр.

положности, непрерывности. Чисто атомистическое представление материи ведет в конечном счете к распылению ее на материальные точки, из которых складывается, как бы посредством простого сложения, механическая масса. Механическому взгляду на материю совершенно чуждо представление о синтезе, который «интегрирует» дискретные на первый взгляд частицы, превращая их в непрерывность, в континуум, в некое целое, которое качественно отлично от дискретных частиц, дифференциалов. «Новая атомистика, говорит Энгельс, отличается от всех прежних тем, что она (если не говорить об ослахе) не утверждает, будто материя *просто дискретна*, а что дискретные части являются различными ступенями (эфирные атомы, химические атомы, массы, небесные тела), различными *узловыми точками*, обуславливают различные *качественные* формы бытия у всеобщей материи вплоть, по нисходящей линии, до потери тяжести и отталкивания»¹⁾.

Понятие величины включает как дискретность, так и непрерывность. Если бы величина была только дискретна, то она была бы лишена связи и единства. Но если бы она составляла только непрерывность, то в ней не было бы многих частей, т.-е. она не составляла бы единства. «Непрерывная и раздельная величины, говорит Гегель, не составляют двух отдельных видов величины, в том смысле, чтобы определение одной не принадлежало другой; их различие состоит только в том, что то же самое целое однажды полагается под одно из своих определений, а в другой раз под другое». «Непрерывное количество в то же время раздельно, потому что оно есть только непрерывность *многих*; и раздельное количество в то же время непрерывно, потому что многие единые *тождественны* в понятии единого»...²⁾. Здесь не место вдаваться в более подробный анализ этой проблемы. Мы только хотим подчеркнуть, что односторонне механическая точка зрения, рассматривающая материю, как механическую сумму раздробленных частиц, как сумму раздельных материальных точек, не является правильной. Материя так же непрерывна, как и прерывна. Взгляд, по которому все сущее сводится в конечном счете к раздельным материальным точкам или частицам, особенно укрепился в новое время и несомненно находится в связи с буржуазным *индивидуализмом* вообще, как это мною указано было в другой связи³⁾. Подобно тому, как общество состоит из самостоятельных, независимых друг от друга индивидов, так и природа распылена на мельчайшие частицы, друг с другом не связанные или связанные лишь внешне. То же самое мы можем сказать и об исключительной роли категории *количества* в естествознании и в научном познании вообще. *Формы существования общества* становятся и *формами* его мысли. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что данные формы мысли абсолютно ложны; они только односторонни, относительно истинны.

¹⁾ Энгельс. Дialeктика природы, 205 стр.

²⁾ Гегель. Логика; пер. Чинова, 178 стр.; ср. также Гегель, Наука логики, кн. I, ч. I, 123—124 стр.

³⁾ См. мой сб. «Философия и марксизм» (ст. Философия индивидуализма и буржуазное общество).

Диалектический материализм исходит из принципа *единства противоположностей*. Он не разрывает качество и количество, часть и целое, непрерывность и прерывность, материю и силу и т. д., а «синтезирует» их. В этом заключается величайшее достижение диалектики, как *вышей* формы мышления, которая поднимается высоко над буржуазным мышлением. Говоря о методе Милля, Маркс замечает: «Где экономическое отношение — следовательно, также категории, которые его выражают — содержит противоположности, представляет противоречие и именно единство противоречий, он подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности*. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей»¹⁾. Единство противоположностей, говорит далее Маркс, превращается у Милля, как и у других буржуазных экономистов, в *единство без противоположностей*. «Классическая политическая экономия, резюмирует свою критику Маркс, в этом анализе иногда впадает в противоречие; часто она *пытается непосредственно, без последующих звеньев все это свести к единству* и доказать тождество источников различных форм. Но это необходимо вытекает из ее *аналитического метода*, с чего должна начинать критика и объяснение. Она заинтересована не в том, чтобы *генетически развить различные формы*, а в том, чтобы *путем анализа свести их к их единству* (курсив мой. А. Д.), так как она исходит из них, как из данных предпосылок»²⁾.

Маркс резко критикует эту своеобразную *логику*, подчеркивая в другом месте, говоря о России, для которого все формы обмена безразличны, что эта логика равносильна тому, как если бы физиолог сказал, что определенные формы жизни безразличны. «Они, мол, все — только формы органической материи. Но именно *к этим формам сводится все дело, когда вопрос состоит в том, чтобы понять специфический характер данного общественного способа производства*»³⁾ (курсив мой. А. Д.).

Но разве механисты знают иную логику, помимо критикуемой Марксом логики буржуазных экономистов, вроде Милля и Росси? Разве наши противники не протрубили всем уши насчет того, что основная и единственная задача науки состоит в *сведении* всех форм к мертвому и безразличному *единству*? Разве они не издеваются над Энгельсом и Марксом, настаивавшими на необходимости изучения *специфического* характера определенных форм с их своеобразными закономерностями?

Но чего не понимают люди, называющие себя марксистами, то начинают уже понимать, как мы видели, некоторые буржуазные ученые. Макс Вертгеймер определенно пишет, что теория познания в продолжение сотен лет исходила из того догматического предвзвешивания, будто мир в конечном счете состоит из сложенных кусочков, будто понятие состоит из суммы признаков и является чем-то вроде мешка, куда эти признаки вливаются. Нет поэтому ничего удивительного, если

¹⁾ К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. III, 76 стр. (русс. пер.).

²⁾ Ibid., 388 стр.

³⁾ К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. I, 262 стр.

положности, непрерывности. Чисто атомистическое представление материи ведет в конечном счете к распылению ее на материальные точки, из которых складывается, как бы посредством простого сложения, механическая масса. Механическому взгляду на материю совершенно чуждо представление о синтезе, который «интегрирует» дискретные на первый взгляд частицы, превращая их в непрерывность, в континуум, в некое целое, которое качественно отлично от дискретных частиц, дифференциалов. «Новая атомистика, говорит Энгельс, отличается от всех прежних тем, что она (если не говорить об ослах) не утверждает, будто материя *просто дискретна*, а что дискретные части являются различными ступенями (эфирные атомы, химические атомы, массы, небесные тела), различными *узловыми точками*, обуславливают различные *качественные* формы бытия у всеобщей материи вплоть, по нисходящей линии, до потери тяжести и отталкивания»¹⁾).

Понятие величины включает как дискретность, так и непрерывность. Если бы величина была только дискретна, то она была бы лишена связи и единства. Но если бы она составляла только непрерывность, то в ней не было бы многих частей, т.-е. она не составляла бы единства. «Непрерывная и раздельная величины, говорит Гегель, не составляют двух отдельных видов величины, в том смысле, чтобы определение одной не принадлежало другой; их различие состоит только в том, что то же самое целое однажды полагается под одно из своих определений, а в другой раз под другое». «Непрерывное количество в то же время раздельно, потому что оно есть только непрерывность *многих*; и раздельное количество в то же время непрерывно, потому что многие единые *тождественны* в понятии единого»...²⁾. Здесь не место вдаваться в более подробный анализ этой проблемы. Мы только хотим подчеркнуть, что односторонне механическая точка зрения, рассматривающая материю, как механическую сумму раздробленных частиц, как сумму раздельных материальных точек, не является правильной. Материя так же непрерывна, как и прерывна. Взгляд, по которому все сущее сводится в конечном счете к раздельным материальным точкам или частицам, особенно укрепился в новое время и несомненно находится в связи с буржуазным *индивидуализмом* вообще, как это мною указано было в другой связи³⁾. Подобно тому, как общество состоит из самостоятельных, независимых друг от друга индивидов, так и природа распылена на мельчайшие частицы, друг с другом не связанные или связанные лишь внешне. То же самое мы можем сказать и об исключительной роли категории *количества* в естествознании и в научном познании вообще. *Формы существования общества* становятся и *формами* его мысли. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что данные формы мысли абсолютно ложны; они только односторонни, относительно истинны.

1) Энгельс. Дialeктика природы, 205 стр.

2) Гегель. Логика; пер. Чинова, 178 стр.; ср. также Гегель, Наука логики, кн. I, ч. 1, 123—124 стр.

3) См. мой сб. «Философия и марксизм» (ст. Философия индивидуализма и буржуазное общество).

Диалектический материализм исходит из принципа *единства противоположностей*. Он не разрывает качество и количество, часть и целое, непрерывность и прерывность, материю и силу и т. д., а «синтезирует» их. В этом заключается величайшее достижение диалектики, как *высшей* формы мышления, которая поднимается высоко над буржуазным мышлением. Говоря о методе Милля, Маркс замечает: «Где экономическое отношение — следовательно, также категории, которые его выражают — содержит противоположности, представляет противоречие и именно единство противоречий, он подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности*. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей»¹⁾. Единство противоположностей, говорит далее Маркс, превращается у Милля, как и у других буржуазных экономистов, в *единство без противоположностей*. «Классическая политическая экономия, резюмирует свою критику Маркс, в этом анализе иногда впадает в противоречие; часто она *пытается непосредственно, без последующих звеньев* все это свести к единству и доказать тождество источников различных форм. Но это необходимо вытекает из ее *аналитического метода*, с чего должна начинаться критика и объяснение. Она заинтересована не в том, чтобы *генетически развить различные формы*, а в том, чтобы *путем анализа свести их к их единству* (курсив мой. А. Д.), так как она исходит из них, как из данных предпосылок»²⁾.

Маркс резко критикует эту своеобразную *логику*, подчеркивая в другом месте, говоря о России, для которого все формы обмена безразличны, что эта логика равносильна тому, как если бы физиолог сказал, что определенные формы жизни безразличны. «Они, мол, все — только формы органической материи. Но именно к *этим формам сводится все дело, когда вопрос состоит в том, чтобы понять специфический характер данного общественного способа производства*»³⁾ (курсив мой. А. Д.).

Но разве механисты знают иную логику, помимо критикуемой Марксом логики буржуазных экономистов, вроде Милля и Росси? Разве наши противники не протрубили всем уши насчет того, что основная и единственная задача науки состоит в *сведении* всех форм к мертвому и безразличному *единству*? Разве они не издеваются над Энгельсом и Марксом, настаивавшими на необходимости изучения *специфического* характера определенных форм с их своеобразными закономерностями?

Но чего не понимают люди, называющие себя марксистами, то начинают уже понимать, как мы видели, некоторые буржуазные ученые. Макс Вертгеймер определенно пишет, что теория познания в продолжение сотен лет исходила из того догматического предрассудка, будто мир в конечном счете состоит из сложенных кусочков, будто понятие состоит из суммы признаков и является чем-то вроде мешка, куда эти признаки впикиваются. Нет поэтому ничего удивительного, если

1) К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. III, 76 стр. (русс. пер.).

2) Ibid., 388 стр.

3) К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. I, 262 стр.

Вертгеймер заявляет, что с категориями традиционной логики нельзя подвинуться ни на шаг вперед¹⁾. Школа Вертгеймера-Келера стоит на той точке зрения, что *процессы и законы целого не выводимы из законов и процессов отдельных кусочков, частей, из которых это целое состоит*, а, наоборот, то, что происходит в отдельных частях, часто определяется внутренними структурными законами целого. Разумеется, было бы ошибочно пренебрегать хотя бы в малейшей степени анализом. Но это направление сильно подчеркивает момент синтеза, что также очень важно.

Тов. Тимирязев в своем выступлении на дискуссии в Тимирязевском Институте с жаром доказывал, что сложное необходимо сводить к простому и что это правило, которым руководится исследователь в своей работе, считая его азбучной истиной. Послушаем же глашатая азбучных истин.

«Переходим теперь к основному вопросу о том, можно ли сводить сложные явления к простым. Возьмем следующий простой пример. Удар двух упругих шаров: что это задача механики,— я думаю, не будет отрицать и сам тов. Стэн. Но вот, если мы возьмем очень большое число шаров, которые пусть заключены в большом ящике с упругими стенками, то такой «коллектив», оказывается, обладает особенностями, которыми отдельный шар не обладал. Мы можем определить среднюю кинетическую энергию поступательного движения для наших шаров. Эта величина обладает всеми свойствами того, что мы называем температурой. Мы можем — и это делается в современной статистической механике — отвлечься от грубой модели упругого шара и рассматривать взаимодействие большого числа произвольных механических систем, находящихся между собой во взаимодействиях, подчиняющихся законам Ньютоновой механики, и все-таки средняя кинетическая энергия поступательного движения оказывается мерой того, что мы называем температурой... Можно ли говорить о температуре одной молекулы? Вопрос не имеет смысла; можно говорить только о скорости, с которой она движется. То *качество*, которое мы называем температурой, появляется только тогда, когда мы имеем достаточно большое количество движущихся и взаимодействующих между собой молекул.

Теперь спрашивается: собрание движущихся молекул разложимо на отдельные движущиеся молекулы? Вопрос для человека, не погрязшего в схоластику, вполне ясен»²⁾.

«Азбучная истина» т. Тимирязева, не погрязшего в схоластику, гласит, что «собрание движущихся молекул», разумеется, *разложимо* на отдельные движущиеся молекулы, несмотря на то, что приводимый т. Тимирязевым «пример» доказывает нечто прямо противоположное, а именно: *несводимость* коллектива к отдельным молекулам. Наш «теоретик» начинает за здравие и кончает за упокой, при чем перескакивает от одного определения к другому, к делу не относящемуся. Так, он начинает с вопроса о том, можно ли *сводить* сложные явления

¹⁾ См. Max Wertheimer, Ueber Gestalttheorie, Symposion. В. I. Heft 1, 57 стр.

²⁾ «Механистическое естествознание диалектический материализм», Дискуссионный сборник Тимирязевского научно-исследов. института, 1925 г., 19 стр.

к простым, далее на своем «замечательном» примере показывает, что сложные явления, коллективы *не сводятся* к отдельным элементам, а кончает тем, что сложные явления *разложимы* на отдельные элементы, т.-е. *сводимы* к простым элементам. Удивительная логика! Прежде всего наш «теоретик» подменивает одно понятие другим: понятие сводимости понятием разложимости. Что собрание движущихся молекул *разложимо* на отдельные молекулы — это «азбучная истина». Но ведь вопрос, интересующий «схоластиков», состоит в том, можно ли закономерности коллектива *свести* к закономерностям отдельного индивида. На этот вопрос собственный «пример» т. Тимирязева дает *отрицательный* ответ, что не мешает ему «субъективно» дать ответ *положительный*. Но почему т. Тимирязев запутался даже в этом «азбучном» примере? Это объясняется вовсе не так просто, как это может показаться с первого взгляда. Дело в том, что механическая точка зрения не может справиться с *коллективами*; она имеет дело всегда, в конечном счете, с *индивидами*, с отдельными элементами, молекулами, частицами и проч. Поэтому она *коллективное движение* всегда сводит к движению *отдельных, единичных* элементов, фактически их отождествляя. Если материя только дискретна, то в природе существует лишь движение отдельных материальных точек, и между ними нет никакой связи, нет перехода от отдельного индивида к коллективному. Но коллектив есть нечто *качественно* отличное от *индивида*. К правильному пониманию коллектива не пришла и классическая механика, как это правильно замечает М. Палагии, ибо, с ее точки зрения, единая точка массы имеет право заявить: масса — это я!¹⁾ Классическая механика не могла притти к правильному пониманию принципа *коллективности* потому, что она стояла на точке зрения *индивида*, на исключительно *количественной* точке зрения, что она исходила из понятия только *дискретности материи* и упускала почти совершенно из виду принцип *непрерывности*, внутренней связности *целого*.

VI

Тов. Тимирязев органически неспособен к теоретическому мышлению. Он является эмпириком самого плоского типа, что отнюдь не мешает ему постоянно говорить о диалектике, о философии, а в своей последней статье даже превозносить Гегеля. Он даже обещал нам «заняться» изучением Гегеля и сделать в этой области какие-то открытия. В ожидании этих открытий мы займемся выяснением другого вопроса — вопроса о том, в какой мере современное естествознание является диалектическим. Но послушаем сначала т. Тимирязева: «Как же это может случиться, грозно вопрошает он нас, что в природе все совершается диалектически, а отражение этой природы — наши теории, *которыми мы к тому же успешно пользуемся в нашей практике*, вдруг оказываются неимеющими ничего общего с диалектикой? Никуда негодное отражение оказывается хорошей путеводной нитью в том, что оно нам дает в заведомо искаженном виде» (119 стр.). Это — замечательнейший образец теоретического мышления.

¹⁾ См. M. Palàgyi, Zur Weltmechanik, 1925 г., 75 стр.

Вертгеймер заявляет, что с категориями традиционной логики нельзя подвинуться ни на шаг вперед¹⁾. Школа Вертгеймера-Келера стоит на той точке зрения, что *процессы и законы целого не выводимы из законов и процессов отдельных кусочков, частей, из которых это целое состоит*, а, наоборот, то, что происходит в отдельных частях, часто определяется внутренними структурными законами целого. Разумеется, было бы ошибочно пренебрегать хотя бы в малейшей степени анализом. Но это направление сильно подчеркивает момент синтеза, что также очень важно.

Тов. Тимирязев в своем выступлении на дискуссии в Тимирязевском Институте с жаром доказывал, что сложное необходимо сводить к простому и что это правило, которым руководится исследователь в своей работе, считая его азбучной истиной. Послушаем же глашатая азбучных истин.

«Переходим теперь к основному вопросу о том, можно ли сводить сложные явления к простым. Возьмем следующий простой пример. Удар двух упругих шаров: что это задача механики,— я думаю, не будет отрицать и сам тов. Стэн. Но вот, если мы возьмем очень большое число шаров, которые пусть заключены в большом ящике с упругими стенками, то такой «коллектив», оказывается, обладает особенностями, которыми отдельный шар не обладал. Мы можем определить среднюю кинетическую энергию поступательного движения для наших шаров. Эта величина обладает всеми свойствами того, что мы называем температурой. Мы можем — и это делается в современной статистической механике — отвлечься от грубой модели упругого шара и рассматривать взаимодействие большого числа произвольных механических систем, находящихся между собой во взаимодействиях, подчиняющихся законам Ньютоновой механики, и все-таки средняя кинетическая энергия поступательного движения оказывается мерой того, что мы называем температурой... Можно ли говорить о температуре одной молекулы? Вопрос не имеет смысла; можно говорить только о скорости, с которой она движется. То *качество*, которое мы называем температурой, появляется только тогда, когда мы имеем достаточно большое количество движущихся и взаимодействующих между собой молекул.

Теперь спрашивается: собрание движущихся молекул разложимо на отдельные движущиеся молекулы? Вопрос для человека, не погрязшего в схоластику, вполне ясен»²⁾.

«Азбучная истина» т. Тимирязева, не погрязшего в схоластику, гласит, что «собрание движущихся молекул», разумеется, *разложимо* на отдельные движущиеся молекулы, несмотря на то, что приводимый т. Тимирязевым «пример» доказывает нечто прямо противоположное, а именно: *несводимость* коллектива к отдельным молекулам. Наш «теоретик» начинает за здравие и кончает за упокой, при чем перескакивает от одного определения к другому, к делу не относящемуся. Так, он начинает с вопроса о том, можно ли *сводить* сложные явления

¹⁾ См. Max Wertheimer, Ueber Gestalttheorie, Symposion. В. I. Heft 1, 57 стр.

²⁾ «Механистическое естествознание диалектический материализм», Дискуссионный сборник Тимирязевского научно-исследов. института, 1925 г., 19 стр.

к простым, далее на своем «замечательном» примере показывает, что сложные явления, коллективы *не сводятся* к отдельным элементам, а кончает тем, что сложные явления *разложимы* на отдельные элементы, т.-е. *сводимы* к простым элементам. Удивительная логика! Прежде всего наш «теоретик» подменивает одно понятие другим: понятие сводимости понятием разложимости. Что собрание движущихся молекул *разложимо* на отдельные молекулы — это «азбучная истина». Но ведь вопрос, интересующий «схоластиков», состоит в том, можно ли закономерности коллектива *свести* к закономерностям отдельного индивида. На этот вопрос собственный «пример» т. Тимирязева дает *отрицательный* ответ, что не мешает ему «субъективно» дать ответ *положительный*. Но почему т. Тимирязев запутался даже в этом «азбучном» примере? Это объясняется вовсе не так просто, как это может показаться с первого взгляда. Дело в том, что механическая точка зрения не может справиться с *коллективами*; она имеет дело всегда, в конечном счете, с *индивидами*, с отдельными элементами, молекулами, частицами и проч. Поэтому она *коллективное движение* всегда сводит к движению *отдельных, единичных* элементов, фактически их отождествляя. Если материя только дискретна, то в природе существует лишь движение отдельных материальных точек, и между ними нет никакой связи, нет перехода от отдельного индивида к коллективному. Но коллектив есть нечто *качественно* отличное от *индивида*. К правильному пониманию коллектива не пришла и классическая механика, как это правильно замечает М. Палагии, ибо, с ее точки зрения, единая точка массы имеет право заявить: масса — это я!¹⁾ Классическая механика не могла притти к правильному пониманию принципа *коллективности* потому, что она стояла на точке зрения *индивида*, на исключительно *количественной* точке зрения, что она исходила из понятия только *дискретности материи* и упускала почти совершенно из виду принцип *непрерывности*, внутренней связности *целого*.

VI

Тов. Тимирязев органически неспособен к теоретическому мышлению. Он является эмпириком самого плоского типа, что отнюдь не мешает ему постоянно говорить о диалектике, о философии, а в своей последней статье даже превозносить Гегеля. Он даже обещал нам «заняться» изучением Гегеля и сделать в этой области какие-то открытия. В ожидании этих открытий мы займемся выяснением другого вопроса — вопроса о том, в какой мере современное естествознание является диалектическим. Но послушаем сначала т. Тимирязева: «Как же это может случиться, грозно вопрошает он нас, что в природе все совершается диалектически, а отражение этой природы — наши теории, *которыми мы к тому же успешно пользуемся в нашей практике*, вдруг оказываются неимеющими ничего общего с диалектикой? Никуда негодное отражение оказывается хорошей путеводной нитью в том, что оно нам дает в заведомо искаженном виде» (119 стр.). Это — замечательнейший образец теоретического мышления.

¹⁾ См. M. Palàgyi, Zur Weltmechanik, 1925 г., 75 стр.

Надо полагать, что земля вращалась вокруг солнца и до Коперника, однако, теория Птолемея пользовалась всеобщим признанием вплоть до Коперника. Надо думать, что в природе все совершалось диалектически и до Гегеля, однако диалектика не пользуется всеобщим признанием и в наши дни, когда приходится из-за нее воевать даже с иными марксистами. Но не будем тратить времени на опровержение этой тимирязевской «мудрости».

Далее, у т. Тимирязева следует рассуждение на тему о том, что, «огульно отрицая диалектику в современном теоретическом естествознании, тов. Деборин льет воду на мельницу тех скептиков, из числа специалистов-естественников, каким является и проф. А. Ф. Самойлов, которые не хотят видеть этой диалектики» (т. Тимирязев скрывает, конечно, что проф. Самойлов — его единомышленник¹). Приведем еще одно пикантное место для характеристики нашего горе-теоретика: «Еще задолго до этих побед (современной электронной теории. А. Д.), на основании гораздо меньшего числа фактов, Владимир Ильич, который диалектику знал не хуже, чем современные «упразднители» естествознания, видел в электронной теории решительный успех и подтверждение диалектики» (127 стр.).

Так вещает наш «теоретик», считающий себя призванным защищать естествознание от мнимых его врагов. Нисколько не отрицая, разумеется, заслуг Ленина в указанном вопросе, позвольте доложить вам, тов. Тимирязев, что еще в 1908 г. я доказывал (статья эта напечатана в сб. «На рубеже»), что электронная теория подтверждает правильность и истинность диалектического материализма, что дало повод Г. Плеханову констатировать следующее: «Некоторые немецкие идеалисты, а за ними и всякая всячина, как говаривал Герцен, хватаются также за новейшие химические открытия, как за довод против материализма. Деборин хорошо сделал, обнаружив несостоятельность этого мнимого довода»² (курсив мой. А. Д.). Мне, как видит читатель, незачем было ждать откровений Тимирязева от 1926 г.

Но вернемся к вопросу о диалектике в естествознании.

Тов. Тимирязев не понимает основного; он не понимает различия между фактическим или эмпирическим естествознанием и теми теориями, которые обосновывают и осмысливают эмпирическое, фактическое естествознание. Отсюда его восторги по поводу стихийных диалектиков и стихийных материалистов. Он стремится удержать марксизм на уровне стихийности. Мы не можем довольствоваться ни «стихийностью» Больцмана, ни стихийностью самого Тимирязева. Эта стихийность фактически ведет к отрицанию диалектики. Мы же, в отличие от тов. Тимирязева, но в согласии с Лениным, считаем, что быть современным материалистом — значит быть сознательным диалектиком.

Что же касается вопроса о нашем «огульном отрицании» диалектики в современном «теоретическом естествознании», то дело обстоит,

¹ См. ст. проф. Самойлова в «Под знаменем марксизма», 1926 г., № 4—5.

² См. предисловие Г. В. Плеханова к моей книге «Введение в философию диалектического материализма».

к сожалению, таким образом, что диалектика еще не стала «сознательной» методологией современного естествознания. Чтобы это легче было понять т. Тимирязеву, мы приведем хотя бы ту же самую цитату из Энгельса, которую и он привел против нас, но, обрав ее, по своему обыкновению, на самом важном месте. Вот что Энгельс пишет: «Природа служит пробным камнем для диалектики, и мы должны быть благодарны современному естествознанию за то, что оно доставило для этого испытания обильный и с каждым днем все разрастающийся материал и тем самым доказало, что в природе все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически. К сожалению, до сих пор можно по пальцам пересчитать естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически; этим противоречием между найденными результатами и традиционным методом мышления объясняется безграничная путаница, господствующая в настоящее время в теоретическом естествознании и приводящая в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей»¹. (курсив мой. А. Д.).

Эту мысль о противоречии между результатами современного естествознания и его традиционным мышлением, или между фактическим и теоретическим (в смысле методологии) естествознанием, Энгельс повторяет много раз. Об этом речь идет и у меня. Но нашему мыслителю трудно понять даже и эту простую мысль. Именно потому, что современное естествознание насквозь диалектично по своим результатам, под него должен быть подведен теоретически-диалектический фундамент. Иначе в нем будет господствовать путаница, и традиционный метод мышления будет неизбежно тормозить дальнейшее развитие эмпирического естествознания.

До какой степени мысль о подведении такого диалектического фундамента под естествознание (и в частности, под физику) уже назрела, видно хотя бы из тех попыток, конечно, не вполне удовлетворительных, которые в этом направлении уже делаются не-марксистами. Марксистов-естественников приходится в необходимости этого еще убеждать. Что от т. Тимирязева в этом деле ничего не приходится ожидать, видно хотя бы из его работ, в частности из его курса по физике, в котором мы не нашли ни грана диалектики, если не считать двух-трех крайне неудачных «примеров»²). Но мы не примеров требуем — это время уже прошло, — а «перестройки» (как это т. Тимирязеву ни неприятно) всего теоретического здания естествознания.

Мы считаем, что в основу теоретической физики должно быть положено прежде всего учение о единстве противоположностей, о взаимном их проникновении. Это требование не является результатом вымысла досужего философа; вся эмпирическая физика, можно сказать, проникнута насквозь «тождеством противоположностей», но это не осмыслено.

Позволим себе привести в подкрепление нашей точки зрения некоторые выдержки из работ не-марксистов. В 1912 году Л. Гильберт

¹ Энгельс. Анти-Дюринг. Изд. «Московский рабочий». 1924 г., 32 стр.

² См. А. К. Тимирязев, Физика. Лекции, читанные в Комм. Университете имени Свердлова; 2 части, 1925—1926 г.

выпустил книгу под названием «Neue Energetik». Мы здесь не будем входить в разбор и оценку книги, как таковой. Это нас сейчас не интересует. Нас интересует только методология автора. В основу своей работы Гильберт положил принцип сохранения энергии и закон тождества противоположностей.

«Другим важным результатом нашего сочинения,—пишет Гильберт,— является то, что мы провели через все учение об энергии принцип полярности (die polare Scheidung)... Повсюду мы видим двустороннее единство тождества противоположностей... Каждый предмет нашего мышления, след., каждое явление в природе, двусторонне. Эта двусторонность проявляется в соотносительном тождестве... в тождестве противоположностей. Эта двусторонность предвосхищена философами древности в таблице противоположностей. Гегель открыл нечто вроде примирения между утверждением и отрицанием. Гете и другие подчеркивали полярность явлений. В предлагаемой работе противоположность рассматривается, как тождество...

Огромную роль, которую играет эта двусторонность во всех мельчайших подробностях мирового процесса, подтверждает основополагающее значение этого принципа. *Разработка этого принципа* (т.-е. тождества противоположностей. А. Д.) *открывает, по видимому, новую эпоху в человеческом познании и в выработке естественно-научной, социальной, этической и эстетической картины мира*» (курсив автора. А. Д.¹). Мировой процесс «поддерживается» тем, что одни противоположности производят новые противоположности и что эти противоположности в определенном смысле тождественны или едины. Все явления природы, все формы энергии и работы сводятся к единой энергии, к *материи*. Неправильно думать, говорит он, будто существует только 9 или 11 форм энергии или работы; на самом деле существует бесчисленное множество форм. И это бесконечное многообразие явлений можно свести к бесконечной игре единой движущейся материи с её тождеством противоположностей²).

Исходя из принципа тождества противоположностей, Гильберт так же шутя расправляется с законом энтропии, как и Энгельс.

Выше мы затронули вопрос о взаимоотношении между материей и эфиром. Разумеется, в нашу задачу не входит рассмотрение этого весьма сложного вопроса. Мы хотим только показать, как некоторые ученые пытаются методологически ставить эту проблему. Остановимся хотя бы на Мельхиоре Палагии (Palágyi). Он различает два философских направления: *релятивизм и поляризм*³), при чем релятивисты стоят, по его мнению, на точке зрения *мертвой*, или «симметрической», противоположности». Эта мертвая, или метафизическая, точка зрения фактически ведет к отрицанию противоположностей. *Поляризм* же признает существование *реальных противоположностей*, и все успехи естествознания зависят от правильного применения этого принципа или закона

¹) Leo Gilbert. Neue Energetik. 1912 г., LXIII стр.

²) При всех недостатках этой книги — автор местами скатывается к идеализму — наши марксисты-естественники могли бы многому у него научиться.

³) M. Palágyi. Zur Weltmechanik, 1925, 144 стр.

реальных противоположностей. В своей борьбе с релятивистской физикой Палагии пользуется законом реальных противоположностей. Быть может, и работы Палагии принесли бы некоторую пользу нашим марксистам-естественникам и, в частности, т. Тимирязеву. *Поляризм* сам по себе является лишь приближением к правильной диалектической точке зрения. Но не в этом дело. Мы только подчеркиваем здесь то обстоятельство, что различные ученые пытаются нащупать правильную теоретически-методологическую линию в области естествознания и что они движутся в направлении к материалистической диалектике (это происходит, как мы видим, в различных областях), но, не зная ее, блуждают и делают ошибки. Все эти факты однако доказывают только, что материалистическая диалектика торжествует победу по всей линии.

Но вернемся опять к Палагии. Исходя из принципа полярности, он доказывает, что *«противоположность обоих электричеств коренится в полярной природе эфира и материи»*. Принцип полярности эфира и материи лежит, по его мнению, в основании всей физики. «Новая наука об электричестве, пишет Палагии, так же в состоянии изучать структуру и свойства мирового эфира, как и материи. Отсюда возникли две полярные формы атомистики, из которых более старая форма имеет дело с материей, новейшая же, напротив, с мировым эфиром. То, что ныне называют «электронной теорией», возникло из релятивистического смешения двух электричеств и двух полярных субстратов (эфира и материи)¹). Вторая основная противоположность — это движение и покой. В природе мертвого «покоя» нет. То, что называют покоем, или состоянием покоя, есть не что иное, как различные формы напряжения и противо-напряжения, носителем которых является мировой эфир; материя же является носителем движения. Релятивизм, по мнению Палагии, и эту противоположность неправильно понимает, а потому приходит к неправильным выводам в отношении эфира.

Мы привели мнение Палагии не для того, чтобы продемонстрировать наше согласие с ним в конкретном вопросе о взаимоотношении эфира и материи, а лишь для того, чтобы показать, что поляризм, как методологическая концепция, представляет собою шаг вперед по направлению к диалектике. Основная задача, стоящая перед современным теоретическим естествознанием, состоит не в том, чтобы продемонстрировать диалектический характер процессов природы на отдельных примерах: вот тут показать «скачок», а там пример перехода количества в качество; задача состоит в том, чтобы *охватить с диалектической точки зрения естествознание в целом*. А для этого необходима точная диалектическая формулировка основных естественно-научных понятий, и в первую очередь эту работу следует проделать в физике. Нет ни одного конкретного понятия в физике, которое бы не явилось выражением единства противоположностей. Нет положительного электричества без отрицательного; нет рассеяния энергии без ее концентрации, нет действия без противодействия и т. п. Естествознание

¹) Там же, 145 стр.

вступило в такую стадию развития, когда сложнейшие вопросы науки не могут быть разрешены без диалектики, как общего методологического фундамента науки.

К сожалению, мы лишены возможности подробно развить здесь наши взгляды на взаимоотношение принципа единства противоположностей и других основных законов диалектики. Достаточно, нам кажется, здесь только подчеркнуть, что закон перехода количества в качество, скачки, отрицание отрицания и пр. являются лишь формами выражения закона единства противоположностей.

Итак, в то время, как ряд буржуазных ученых выдвигает теорию единства противоположностей и пытается, таким образом, осмыслить современное естествознание с точки зрения, весьма близкой к диалектике, наши марксисты-естественники в лучшем случае заняты подыскиванием «примеров», долженствующих доказать, что в природе имеют место «скачки» или переход количества в качество, а в худшем случае — третируванием диалектики, как схоластики, полным ее отрицанием.

Таким образом, наши разногласия с т. Тимирязевым гораздо глубже, чем это может показаться с первого взгляда. Наш противник не понимает основных задач, стоящих перед марксистом-естественником в настоящее время, поскольку он претендует на роль теоретика. Он даже не знаком с целым рядом весьма важных литературных явлений в области теоретического естествознания, — в области научной методологии. Мы показали на целом ряде примеров, что делают попытки — пусть неудовлетворительные — дать *диалектическое обоснование современному естествознанию*, подвести под него новый фундамент. Эти попытки только лишний раз доказывают, в каком направлении следует работать марксистам-естественникам.

Что же предлагает нам т. Тимирязев, выступающий со смелостью и самомнением зазнавшегося школьного учителя? Вот его замечательная «программа»:

«Никто не станет спорить, что даже величайшие умы в области естествознания применяют диалектику стихийно. Но что надо сделать для того, чтобы стихийное стало сознательным? Для этого надо показать, что именно там, где естествознание одерживает свои блестящие победы, оно сознательно или несознательно стоит на почве диалектики, а там, где оно ошибается, этой диалектики еще нет. Надо показать на ряде примеров, как вооруженный диалектическим методом исследователь быстрее и легче решает задачи, кажущиеся непосильными для тех, кто незнаком с диалектикой и не применяет ее даже бессознательно. Пример Энгельса со вторым законом термодинамики убедил даже такого скептика, как проф. Самойлов. Но все это требует от марксиста хоть некоторых знаний в области естественных наук и *умения пользоваться своим оружием — диалектикой — в процессе критики результатов современного естествознания, выискивая все ценное и отменяя мусор*» (158—159).

Замечательная теория! Одно только занятие и остается на долю естествовика-марксиста: отметать мусор и выискивать все ценное в чужих работах, показывать, что естествознание одерживает свои

блестящие победы, когда оно стоит на почве диалектики! Это — хвостизм в естествознании. После того, как одержаны блестящие победы, приходит наш «теоретик» и начинает «показывать» на ряде «примеров», что диалектика лучше метафизики. Это, конечно, тоже почтенное занятие, но это, как говорится, дело десятое. Мы стремимся к тому, чтобы диалектика *руководила, указывала правильный путь естествоиспытателю*, а не то, чтобы она ковыляла за «блестящими успехами» и подбирала мусор и ценные зерна, отделяя одно от другого. Мы стремимся к тому, чтобы наши естествоиспытатели сами одерживали блестящие победы, чтобы диалектика действительно превратилась в *орудие исследования*.

Но т. Тимирязев твердо стоит на своей позиции. Указав, что всякий методолог должен уметь отличать мусор от жемчужного зерна, «жизнеспособные существа» от «мертвых продуктов», он всенародно обещает заниматься этим делом «и впредь в меру своих сил и способностей», предписывая попутно нам и нашим единомышленникам заниматься «изложением» Гегеля и не соваться в естествознание.

В случае же нашего несогласия, т. Тимирязев грозит разрывом дипломатических сношений с «философами». Как ни смехотворен сам по себе тимирязевский ультиматум, нам, «по долгу службы», приходится дать на него ответ.

Во-первых, мы не признаем за т. Тимирязевым права говорить от имени всех естествовиков-марксистов. Можно в самом деле думать, что за т. Тимирязевым стоят «миллионы»; на самом же деле вокруг него группируется несколько человек, за которыми не числится особых заслуг в области естествознания и которые ровно ничего не понимают в марксизме.

Во-вторых, стремление т. Тимирязева представить дело так, будто у нас существует раскол между философами и естествовиками, вытекает из высокомерия нашего противника, воображающего, что «естествознание — это я!». Между диалектиками-философами (общественниками) и диалектиками-естествовиками существует прочный союз, основанный не на формальном договоре, а на общности взглядов. Нашему союзу противостоит союз механистов и просто путаников, компрометирующих марксизм. Поэтому борьбу с ними мы считаем своей обязанностью.

Предлагаемые т. Тимирязевым «условия мира» для нас не приемлемы. Мы готовы приветствовать всякого, кто искренно и добросовестно откажется от своих ошибок и займет правильную марксистскую позицию. Есть механисты по профессии и убеждению, есть механисты из самолюбия и есть маханисты по недоразумению. Первые две категории механистов во всех отношениях безнадежны. Они вечно будут вильять, изворачиваться, но останутся на своих «позициях». Что же касается третьей категории, то о них надо сказать, что они не успели еще разобраться во всех «спорных» вопросах. Мы глубоко убеждены, что эти элементы среди механистов отойдут от своих «вождей», как только убедятся в антинаучном, антимарксистском и ревизионистском характере этого течения.

А. Деборин

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ *)

I

Четвертая годовщина захвата власти фашистами в Италии совпала с новыми конвульсивными потрясениями этого режима. Обострение террора официального и неофициального, введение смертной казни, полное удушение всякой оппозиции в стране, сугубые преследования рабочего движения и коммунистической партии и вместе с тем опасная игра с огнем во внешней политике—все это делает фашистскую Италию одним из наиболее угрожаемых пунктов в системе европейских государств, с точки зрения капиталистической стабилизации. Тем более интересно вновь обратиться к вопросу о том, что такое представляет собой фашистская диктатура и каково ее объективное социальное содержание.

Надо сказать, что на этот счет существовала некоторая неясность или неполнота представлений, в особенности в первое время, когда фашизм только что появился на политической арене.

«Сущность фашизма часто определялась неправильно, отчасти благодаря сложности политических условий, при которых он зародился в Италии, отчасти благодаря путанности взглядов некоторых наблюдателей. Фашизм изображался то как террористическое движение, руководимое земельными собственниками, то просто как выпад легко возбудимой молодежи из бывших офицеров, то как вспышки отчаяния разоренных войной мелкобуржуазных элементов и так далее. Всякий наблюдатель замечал только одну сторону движения и считал ее главной¹⁾. Между тем, как раз черты, которые раньше всего бросались в глаза, а именно черты мелкобуржуазной, антиплутократической демагогии, равно как выступления в защиту аграриев, все это, как выяснилось в дальнейшем, ни в коей мере не определяет основного решающего момента в фашизме. Сейчас для каждого наблюдателя ясно, что диктатура Муссолини — это не диктатура мелкой буржуазии и не диктатура аграриев, это—диктатура крупного промышленного и финансового капитала. Это достаточно ясно подтверждает вся экономическая

политика фашистского правительства. Фашизм, и это очень характерно, не берет на себя представительство и защиту реакционных утопий мелкой буржуазии, мелких собственников — лавочников, ремесленников и т. д. В его политике этот момент не играет почти никакой роли. А между тем в реакционных течениях конца XIX в., скажем, в австрийском христианском социализме или антисемитизме, основным являлась именно эта эксплуатация иллюзии мелких собственников, будто их можно каким-то способом защитить от капиталистической конкуренции.

Таким образом, по направлению своей политики фашистское государство является таким же государством крупного капитала, какими являются Франция, Англия и Соед. Штаты, и в этом смысле Муссолини выполняет ту же самую задачу, какую выполняет Пуанкаре, Болдуин и Кулидж. Но, само собою понятно, сказать, что диктатура фашизма есть диктатура капитала — это значит сказать слишком мало. Надо дать ответ также и на вопрос, почему же диктатура капитала осуществляется именно в этой форме. Не следует забывать мысли Гегеля, что форма — это есть существенный момент содержания. Поэтому мы обязаны выяснить, чем же порождена эта особая форма, что нового она дала, каковы ее специфические возможности и ее специфические противоречия.

В оценке фашизма, особенно в буржуазном лагере, мы имеем два направления. Одно направление видит в фашизме преимущественно и исключительно средство спасения от большевизма, от коммунистической революции. Этот лагерь в свою очередь имеет целую гамму оттенков, начиная от беспредельного восхищения фашизмом, кончая позицией, которую можно формулировать так: фашизм — это меньшее зло, фашизм все-таки лучше, чем большевизм. Наконец, на самом крайнем левом, если можно так выразиться, фланге стояли скептики, в роде бывшего премьера Италии, а ныне политэмигранта, Нитти, который недавно выпустил книжку «Большевизм и фашизм». Он готов даже признать, что большевизм лучше фашизма потому, что в первом есть какая-то идея, а фашизм ее не имеет. Но и Нитти смотрит на фашизм и на большевизм, как на явления, в генезисе своем совпадающие. Оба они, де, происходят из временных неблагоприятных обстоятельств войны, которая выработала привычку к насилию, стремление к тому, чтобы обеспечить себе легкую жизнь, и т. д. С его точки зрения, и фашизм и большевизм — это временная болезнь, которая должна постепенно излечиться.

Наконец, другой лагерь — буржуазных теоретиков — хочет видеть в фашизме не какое-нибудь переходное явление, не только нечто относительное, что можно принять *по сравнению* с большевизмом или отрицать вместе с большевизмом, но, наоборот, новую философию государства, новый тип государства, которому обеспечено самое широкое и длительное будущее.

Некоторые исследователи фашизма в стремлении философски углубить вопрос доходят до того, что считают фашизм новой эрой,

*) Доклад, прочитанный в Комм. Академии 20 ноября 1926 г.

¹⁾ Л. В. «Фашизм, его история и значение», стр. 25. Перев. с английск. М. Раб. 1925 г.

которая сменила эру либерального государства так же, как последнее в свое время сменило абсолютизм. Надо сказать, что этим стремлением возвеличить фашизм, философски его углубить, придать ему какое-то «эпохальное» или, во всяком случае, крупное историческое значение особенно отличаются немецкие черносотенцы. Однако от них не отстают и французские и бельгийские клерикалы и монархисты, в роде, например, профессора государственного права графа де-Брие, который выпустил недавно книгу с предисловием Муссолини. В этой книге генеалогия фашистских идей ведется от Фомы Аквинского через Де-Местра и других идеологов реставрации вплоть до критиков парламентаризма, в роде Дюги и Острогорского. Эту публику между прочим особенно прельщает в фашизме соединение бонапартизма с легитимизмом. Германские и австрийские монархисты, разумеется, особенно приветствуют это обновление монархической идеи, которое якобы произвел Муссолини, и горячо жаждут, чтобы это обновление произошло в Германии и Австрии. Ради этого они готовы даже простить Муссолини те обиды, которые он нанес немцам в южном Тироле¹⁾. Характерно, что издание речей Муссолини появилось на немецком языке (Benito Mussolini, «Reden», Leipzig, 1925, Auswahl 1914—1924), при чем издатель, некто М. N. Meyer, в своем предисловии указывает, что было бы совершенно излишним предлагать немецкому народу перевод речей какого-нибудь Пуанкаре, Вильсона или Ллойд-Джорджа, но Муссолини, хотя он был глашатаем войны против Германии, он заслуживает, чтобы его речи были переведены на немецкий язык, потому что он научил итальянцев мыслить национально и этому также не мешало бы научить и немцев.

Нельзя, впрочем, сказать, чтобы все эти попытки набросить на фашистскую диктатуру философскую мантию были особенно удачны. На самом деле идеология фашизма характеризуется следующими далеко не философскими чертами: примитивность, разнообразное заимствование, отсюда лоскутность и, наконец, противоречивость. Эта противоречивость тем более понятна, что фашизм проделал за время от своего возникновения и до захвата власти довольно существенную эволюцию. Надо сказать, что сам Муссолини предпочитал отзывать о доктринах, принципах и программах в тоне высокого презрения. «Программы стоят по ту сторону жизни. Каждый может сесть за зеленый стол и решать все проблемы человеческого знания и все проблемы вселенной. Однако дело заключается в том, какие из поставленных проблем и какие из предложенных решений могут дать практический результат, или, по крайней мере, возможность приступа к практическому осуществлению». Подчеркивание практицизма и динамизма, презрение к доктринам и принципам проходят красной нитью через все выступления Муссолини. Если же иногда Муссолини и чувствует потребность дать какую-нибудь формулу общего характера, то он предпочитает идти негативным путем, определяя фашизм, как «отрицание всей социалистической и демокра-

¹⁾ См. Mannhardt. Der Faschismus, 1925 г.

тической доктрины» (речь в январе 1923 г.). В своей речи после покушения Гибсон (апрель 1926 г.) Муссолини опять-таки заявляет, что «фашизм проникнут духом, призванным преодолеть и устранить бессмертные принципы 89 года». Но значит ли это, что фашизм дает какую-то новую концепцию? Ведь преодолением и устранением принципов 89 года, т.-е. принципов Великой французской революции, занимались все реакционеры, начиная с Де-Местра и Галлера и прочих идеологов реставрации, так что с этой стороны идейный багаж фашизма прежде всего весьма мало оригинален. Видное место в идеологии фашизма занимает восхваление сильной власти, дисциплины и порядка. Вплоть до весьма эмпирического «порядка на улицах»: «чистота и порядок на улицах — разве это не программа?!» — восклицает один из вождей фашизма. Оказал влияние на Муссолини, между прочим, и известный социолог Вильфредо Парето; у него, а отчасти у синдикалистов, Муссолини позаимствовал идею аристократии, «избранного меньшинства» (élite). Между прочим, первый министр просвещения фашистского министерства проф. Джентиле, взявши всерьез задачу «аристократического отбора», ввел во всех школах такие повышенные переходные требования и такие суровые экзамены, что в результате громадное число итальянских школьников осталось на второй год; это вызвало, разумеется, большое недовольство со стороны родителей, и Муссолини пришлось воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы убраться не в меру рьяного проводника идеи отбора аристократического меньшинства.

Фашизм охотно выступает с критикой парламентаризма, но и здесь ему не принадлежит ни одного нового слова. Его критика отличается только тем, что она берет аргументы и справа и слева — и у реакционеров, и у синдикалистов. Наконец, безусловно центральное место в идеологии фашизма занимает доведенный до крайних своих пределов шовинизм. И в этом случае фашизм никакой оригинальностью не блещет. Можно лишь отметить, что в фашизме — и это несколько отличает его от других реакционно-националистических течений, — антисемитская тенденция играет подчиненную роль, хотя надо сказать, что Италия, которая вообще не знала антисемитизма, познакомилась с ним одновременно с появлением фашистского движения, ибо часть фашистов занялась, между прочим, и пропагандой юдофобских идей. Проникнутая шовинизмом и национализмом империалистическая философия борьбы была развита задолго до появления на сцену фашизма. В Италии проповедью этой философии занимались националисты во главе с Коррадини и др.

Мы видим, таким образом, что в области чисто идейной фашизм не дал ничего нового, оригинального и законченного. Он просто использует в своих целях различные элементы тех доктрин, которые сами явились продуктом разложения некогда стройной буржуазно-демократической идеологии.

Впрочем, как сказано, сами фашисты не придают большого значения доктринам и программам. Приходится, следовательно, от их теории

переходить к их практике. Здесь мы встречаемся, прежде всего, с замечательно искусно поставленной эксплуатацией националистических и шовинистических настроений; фашизм сумел довести эти настроения до высшей точки кипения, до истерической экзальтации. Задача фашизма облегчалась до известной степени тем, что он мог эксплуатировать тот запас национально-освободительных идей и настроений, которые сохранились в Италии более, чем в какой-либо другой стране; фашизму легче было связать свою агитацию с именем Гарибальди и Мадзини и на первых порах прикрывать реакционную сущность национализма революционной, республиканской и даже «социалистической» фразой. В этом отношении интересна идейная эволюция самого Муссолини. В ту пору, когда он был еще крайним революционером и занимал место на левом фланге итальянской социалистической партии, он ухитрился сочетать революционность с мечтами о присоединении Триеста и Трентино к Италии. Будучи в изгнании, он написал ряд статей (которые потом были изданы в качестве сборника под заголовком «Il Trentino») и там проводил идеи ирредентизма. Первые выступления Муссолини в качестве социал-патриота в начале войны, — когда он круто повернул курс и был исключен из социалистической партии за проповедь активного участия Италии в войне, — были проникнуты тем же духом революционного ирредентизма. Муссолини во всех своих выступлениях подчеркивал, что итальянская трусливая буржуазия не хочет войны, что итальянская буржуазия которая, мол, приветствовала завоевание Триполи, теперь не хочет воевать против реакционной монархии Габсбургов и против монархии Гогенцоллернов. Словом, воинственный империализм очень умело маскировался такими антиправительственными, антибуржуазными заявлениями (это, конечно, не мешало Муссолини издавать свою газетку на средства Антанты). Между прочим, то обстоятельство, что Муссолини из всех ренегатов и бывших социалистов представляет собой наиболее воинствующую фигуру, тоже вызывает зависть международных и, в частности, немецких черносотенцев. Их восхищает то искусство, с которым Муссолини приспособил наступательно-революционную фразеологию к потребностям реакционного шовинизма. Характерно, что Мангардт, которого я упоминал выше, жалеет, что германская социал-демократия не смогла выдвинуть такой же фигуры. Германским монархистам недостаточно того предательства, которое совершила германская социал-демократия по отношению к рабочему классу. Их не удовлетворяют Эберт и Шейдеман, их мечтой является немецкий Муссолини.

Наиболее характерным для Италии представителем этого, якобы революционного, во всяком случае отливающего самыми разнообразными оттенками, национализма являлся известный поэт д'Аннунцио, который своей агитацией несомненно много помог фашизму и в известной степени проложил дорогу Муссолини. Все выступления д'Аннунцио, а в особенности его поход на Фиуме и знаменитая конституция, которую он там дал, проникнуты духом и революционаризма и шовинизма в одно и то же время. В самом деле, достаточно бросить взгляд на эту замеча-

тельную конституцию провинции Карнаро, которую сочинил д'Аннунцио. Там мы находим и право на труд, и полное равенство, и установленный минимум зарплаты, и провозглашение того начала, что собственность есть социальная функция, словом, — все самые последние завоевания демократии и юридического социализма, если можно так выразиться.

Дальше мы видим там введение гильдейского, или корпоративного, строя. Все население разделяется по производственному типу на 10 гильдий. Эти гильдии пользуются широким самоуправлением и представляют собой основу политической организации. Между прочим, любопытно, что последняя, десятая гильдия отведена для людей, которые не входят ни в одну профессию и должны, по мысли д'Аннунцио, представлять собою «мистическую силу прогресса и авантюры», являясь «гениями неизвестного и людьми будущего» (1).

Надо сказать, что Муссолини — человек совсем другого закала, чем поэт д'Аннунцио. Муссолини очень хорошо использовал фиумскую авантюру и то возбуждение, которое тогда поднялось, но сам участия в ней не принял, ибо учел ее неизбежный провал. Он использовал захват Фиуме в полной мере для раздувания шовинизма, не идя сам на рискованные и романтические предприятия. Это его достаточно характеризует.

Национализм в Италии широко использовал для своей агитации и тот факт, что Италия, как великая держава второго ранга, постоянно испытывала известное ущемление своего самолюбия, — с Италией не считались серьезно, на Версальской конференции, Италия не получила Фиуме в полной мере для раздувания при дележе колоний. В то же время апостол буржуазного пацифизма, Вильсон, резко выступил именно против итальянского правительства, обвиняя его в стремлении к захватам и в нежелании считаться с принципами самоопределения народов. Это создавало очень удобную почву для фашистской агитации. Фашисты обвиняли сторонников демократического пацифизма, в роде Нитти, в том, что они по существу дела являются агентами иностранного капитала. «Демократизм, — заявляет иронически один из фашистских публицистов, редактор «Impero», — это роскошь, которую могут себе позволить только архи-богатые страны. Во Франции багаж демократических идей служит только для украшения, на деле же один квадратный километр Сахары ценится больше, чем все святыни демократии... «Итальянцы, — продолжает он ту же мысль, — прогнали демократию, которая не хотела войны, плохо ее вела и не сумела извлечь плодов победы» (Maugano, «Pourquoi le fascisme italien est antidémocratique», «Nouvelle Revue», 15 июля 1926 г.). Между прочим, германский фашизм точно так же использовал в полной мере в своей агитации в Германии против германских социал-демократов, против буржуазных партий центра и демократов именно тот факт, что политика подчинения Версальскому миру, политика исполнения Версальского договора является предательством по отношению к германскому народу.

Однако, в 1919 году в Италии для такой националистической агитации условия были мало благоприятные; экономическое положение

после войны было настолько тяжелым, озлобление масс и «усталость от войны» были так велики, что итальянское правительство не решалось даже и отпраздновать как следует свою победу. Знаменитая церемония «погребения неизвестного солдата», которая, как говорят, была впервые предложена именно в Италии, была осуществлена раньше в Лондоне и Париже; в Италии ее пришлось отложить, и только после того, как было сломлено рабочее движение, итальянское правительство решилось устроить эту церемонию. Словом, в 1919 г., когда Муссолини предпринял организацию своих «фашио ди комбатимента» (союзы фронтовиков), фашизм не имел еще совершенно отклика, не то, что в массах, но и в самых узких кругах. Вокруг Муссолини сгруппировались немногие тысячи, преимущественно мелкобуржуазной молодежи, в значительной части бывших фронтовиков. Но та работа, которую он тогда с ними проделал, позволила ему сколотить фашистское ядро, хорошо, на военный манер организованное, которое затем, при первом благоприятном повороте событий, сразу стало обрастать последователями. А эти благоприятные условия наступили, как только произошел перелом в развитии революционного движения, как только половинчатость и нерешительность социалистической партии, отсутствие надлежащего революционного руководства обеспечили разгром этого движения. Прежде чем перейти к этому моменту, надо сказать несколько слов относительно социального состава первых фашистских организаций. Это были, как сказано выше, по преимуществу представители мелкобуржуазных слоев ¹⁾. Но это не была мелкая буржуазия периода раннего капиталистического развития. Это были в большинстве своем представители того слоя, который особенно вырос в последнее десятилетие капиталистического развития, — техническая интеллигенция и служащие. Следовательно, это не та мелкая буржуазия, которую мы видели в революциях конца XVIII и первой половины XIX века, т. е. ремесленники, лавочники и т. п. Здесь перед нами другой слой, который своим социальным положением связан с развитием техники и капиталистическим прогрессом и более приспособлен для выполнения служебной роли при крупном капитале. В этом его отличительная черта. Авангардом этого слоя является академическая молодежь. Известно, что в Германии громадное большинство студентов находится под влиянием самых крайних правых организаций; характерно, что среди жертв гитлеровского путча, которым он посвящает свою книгу ²⁾, на полтора десятка имен приходится два—три купца, рантье, два рабочих и остальные студенты и служащие, в том числе трое инженеров. Характерно также, что Муссолини при построении своей организации с самого начала подчеркивал необходимость создания, так наз., «группа ди-компетенца», т. е. ячеек, которые бы объединяли людей, обладающих специальными техническими познаниями. Вообще это подчеркивание связи фашизма

¹⁾ Cp. Mannhardt. Der Faschismus, s. 186.

²⁾ A. Hitler. Mein Kampf. Eine Abrechnung, 1926.

с технической интеллигенцией красной нитью проходит через выступления Муссолини. В этом отношении он не прочь даже представлять дело так, как-будто бы ему удалось с самого начала избежать какой-то ошибки, которую, мол, сделали большевики, при чем впоследствии сами в ней признались. В одном из первых выступлений перед палатой, обращаясь к итальянским социалистам, он упрекал их в непонимании значения специалистов, ссылаясь на русский опыт (1), который, мол, показал, что «нельзя ставить во главе армии какого-нибудь полкового повара, потому что потом все равно придется вернуться к Брусилову».

Возвращаясь к вопросу о корнях фашизма среди интеллигенции и в частности учащейся молодежи, надо иметь в виду специфические условия послевоенного периода. Этот момент очень хорошо выяснен в работе Р. Михельса, посвященной итальянскому фашизму. Михельс ¹⁾ подчеркивает, что в момент окончания войны в Италии создано положение, которое наблюдалось и в других странах, — а именно, что пролетариат, благодаря своей организованности, массовидности и возможности оказывать политическое давление на правительство, лучше отстаивал свои экономические требования, чем средняя интеллигенция, служащие. Михельс приводит данные, из которых видно, что повышение оклада на железных дорогах у высших служащих составляло 100%, а у низших—900%. В тяжелом положении очутилась академическая молодежь. Она вернулась с фронта, ожидая, что ее встретят с распростертыми объятиями, а тут, вместо признания заслуг перед отечеством, несданные экзамены в настоящем, экономическая необеспеченность в будущем, необыкновенный жилищный кризис, который даже не позволяет студенту жить в университетском городе, полная невозможность пристроиться на службе, конкуренция женского труда и т. д. Не лучшим оказалось положение преподавателей. Тот же Михельс приводит цифры, из которых видно, что если до войны каждый доцент мог рассчитывать на 250 слушателей, то теперь—только на 30, что означало, разумеется, соответствующее уменьшение гонорара. Таким образом, резко обнаружилось перепроизводство лиц интеллигентских профессий, которым Италия всегда вообще страдала. В 1919—20 году дело дошло до того, что генеральный совет по эмиграции разослал циркуляр всем итальянским консулам, предлагая выяснить возможность эмиграции и размещения за границей итальянских профессоров и доцентов. Повести известную часть мелкобуржуазной интеллигенции против социалистического пролетариата было тем легче, что к мотивам идеологическим («патриотизм», борьба против «измены отечеству») присоединилось то, что Михельс называет «классовой борьбой наоборот», т. е. стремление средних слоев вернуть себе прежнее, более обеспеченное положение, свое превосходство над пролетариатом. Озлобление мелкобуржуазной и средней интеллигенции против рабочих и явилось той базой, на которой фашизм мог сколотить первое свое ядро. В дальнейшем это движение должно было неизбежно сомкнуться с самой крайней реакцией, с поме-

¹⁾ R. Michels. Der Aufstieg des Faschismus in Italien. „Arch. f. Socialwissenschaft“, 1924 г., 52. 1.

щичьими и монархическими группировками и с финансовым капиталом, образовав с ними единый фронт.

Следующей особенностью фашизма, и, пожалуй, наиболее характерной, является использование массовой организации, притом организации дисциплинированной, построенной по военному образцу. Тут, конечно, сказались влияние войны; было совершенно естественно, что бывшие фронтовики, в большинстве случаев бывшие офицеры, соединившись для совместных политических действий, должны были воспринять форму военной организации, которая была им привычна.

Во-вторых, несомненно, Муссолини учел опыт нашей революции и нашей большевистской партии. Это совершенно бесспорно. Из речей Муссолини явствует, что он очень внимательно следил за тем, что у нас происходит, и всячески старался это с выгодой для себя использовать.

Фашистская организация стремится охватить не только взрослое мужское население. Она уделяет внимание и женщинам, и подрастающему поколению. По последним официальным сведениям, которые опубликовало фашистское бюро печати осенью 1926 г., к четырехлетию похода на Рим, число фашистских организаций, составило 9.472 с числом членов 938.000; кроме того, имелось 1.185 женских фашистских организаций с 53.000 членов, 4.390 фашистских авангардистов (юношеские организации) с 211.000 членов и наконец 4.850 детских организаций (балилла) с 269.000 членов.

Характерным моментом является и то, что фашистская организация с самого начала ориентируется на борьбу за власть, и притом на борьбу всеми средствами, в том числе и такими, которые прямо нарушают существующую легальность. Вот эта прямая установка на захват государственной власти резко отличает фашистское движение от политических организаций парламентского типа.

И здесь Муссолини заимствовал опыт большевизма. Кстати, в одной из своих немногих теоретических статей он сам проводит параллель между «большевистским и фашистским экспериментами», которые, мол, оба доказали, что «можно править государством помимо либеральной доктрины, вне ее и даже против нее». Словом, постановка вопроса о роли партии, о ее задачах, об отношении партии к государству с формальной стороны весьма и весьма напоминает ту постановку, которая дается большевизмом. Мы еще вернемся в дальнейшем к этой параллели. Пока для нас достаточно установить, что фашистский режим — это режим партийной диктатуры, и в этом отношении он отличается от диктатуры чисто военной, бонапартистского типа, опирающейся на армию. В использовании массовой политической организации — источник силы и источник слабости Муссолини. Источник силы — потому что Муссолини тут имеет точку опоры, имеет в своем распоряжении политическую силу, на которую он опирается, когда ему нужно бороться с другими силами. В Италии имеется монархия, имеется католическая церковь, имеется армия, имеется крупный капитал, который хотя и идет сейчас на соглашение с фашизмом, но относится к нему с известной долей подозрительности. Муссолини, имея в своем распоряжении массовую политическую организацию, которая включает в себя мелкобуржуазные и даже пролетар-

ские слои, может балансировать. Но, с другой стороны, чтобы иметь ее в своем распоряжении, он должен делать ей известные демагогические уступки. По существу он должен подрывать возможность установления прочного буржуазного порядка, он должен продолжать и углублять борьбу между фашистскими и антифашистскими элементами буржуазии: Он не может не разжигать этой борьбы. Он попадает в положение человека, который вызвал духов и не может с ними справиться. Этот образ, между прочим, употребил сам Муссолини в своей речи в сенате после убийства Матеотти.

II

Для того, чтобы объяснить конкретное историческое событие: приход фашистов к власти именно в Италии и именно в 1922 г., необходимо коснуться истории послевоенных лет и в особенности той переломной эпохи, которая сыграла решающую роль, т.-е. 20 г. Почему фашизм, который в 19 г. представлял собой совершенно ничтожную кучку, в 21 г. вырастает уже в серьезную политическую силу? Это можно объяснить, только проанализировав развитие и неудачи революционного рабочего движения в Италии за этот период.

Италия в 20 г. была гораздо ближе к своему Октябрю, чем это можно думать. При детальном ознакомлении с тем, что происходило в Италии в 20 г., встает картина, очень напоминающая нашу Керенщину. Всем известно, что в сентябре 20 г. началась грандиозная забастовка рабочих-металлистов в сев. Италии, которая вылилась в захват фабрик рабочими и затем в дальнейшем развернулась уже в такое событие, которое нельзя назвать иначе, как преддверием гражданской войны, ибо рабочие не только держали фабрики в своих руках, но они вооружались, имели организованные отряды, превратили фабрики в настоящие крепости и фактически захватили власть в свои руки, по крайней мере, на определенных участках. Но не только это движение характеризует напряженную борьбу в Италии; сюда нужно прибавить еще то, что происходило в сельских коммунах, то революционное движение, которым были охвачены и сельские рабочие, и мелкие арендаторы, и крестьянство. Наконец, нужно прибавить и тот факт, что целый ряд итальянских муниципалитетов был захвачен социалистами; Болонья, Флоренция, Мантуа, Милан, Феррара — все эти крупнейшие центры северной Италии находились в то время в руках социалистов. Это обстоятельство — само по себе не новое, социалистические муниципалитеты мы имели и раньше — приобретало в данный момент совершенно особый характер. Дело в том, что муниципалитеты эти фактически осуществляли, или пытались осуществлять, диктатуру над данным городом, над данной областью: они имели в своем распоряжении вооруженные отряды, производили реквизиции, распределяли продовольствие, контролировали автомобильное и ж.-д. движение и т. д. Местами ситуация очень и очень напоминала ту, которая была у нас в 1917 г. в таких городах, где еще при Керенском советы пользовались почти всей полнотой власти, скажем, в Царицыне или в Kronштадте.

Один из итальянских историков, Виллари в своей книге «Пробуждение Италии» весьма подробно описывает все эти «ужасы социалистической и коммунистической диктатуры», которые выразились в реквизициях запасов и средств передвижения, в установлении максимальных цен и классовых норм снабжения, создании вооруженных отрядов и т. д. Генуя, например, один из главнейших портов Италии, находился в руках Союза моряков и доковых рабочих, и вся производственная работа порта и, следовательно, вся морская торговля Италии находилась под контролем рабочих организаций — ни один пароход не мог уйти из порта без их ведома и разрешения. В частности, союз моряков задерживал пароходы с оружием, направлявшиеся против Советской России. Общее положение вещей очень ярко характеризуется изречением, которое гуляло тогда по Италии. В связи с борьбой, которую вело итальянское правительство за то, чтобы получить от союзников Фиуме, утверждалось не без остроумия, что «если Фиуме Италия, может быть, и получит, то Болонью она уже потеряла». Понятно, что при такой ситуации промышленная буржуазия готова была пойти на соглашение с кем угодно, лишь бы восстановить «порядок». Правительство было совершенно бесильно сделать это; оно не могло распоряжаться своей военной силой и не могло эту военную силу пересылать по железным дорогам, ибо всякое передвижение всегда вызывало немедленные забастовки. Когда в 1920 г. итальянским войскам, занимавшим Валону, пришлось туго, в виду восстания амбанцев, то на просьбу прислать подкрепления, правительство ответило, что не может этого сделать, ибо попытка послать войска вызовет всеобщую забастовку. Железнодорожники настолько терроризировали правительство, что премьер-министр Нитти, отправляясь на конференцию в Сан-Ремо, не решился ехать по железной дороге, а тайком пробрался туда на миноносце. Тот же Нитти издал приказ, рекомендовавший офицерам появляться на улицах в штатском. Отчаяние буржуазной части общества и жажду твердой власти очень выпукло выразил известный историк Ферреро, воскликнув в одной из своих статей: «У нас есть король, парламент, администрация, генералы, адмиралы, чиновники, префекты, судьи, клерки, констебли; у нас есть армия, жандармы и гвардия; у нас есть кодексы, которые предусматривают столь тяжелые санкции за правонарушения, что в другое время они устрасили бы каждого; у нас есть казна с миллиардами — и, располагая всеми этими ресурсами, неужели мы не найдем в момент величайшей опасности тех немногих способных людей, которые могли бы составить правительство, обладающее силой для того, чтобы вынудить повинование двум приказам: ты не должен убивать, ты не должен красть!»¹⁾ Буржуазия, вплоть до самой либеральной, готова была пойти на соглашение с кем угодно, с каким угодно кондотьером, лишь бы он спас ее священную собственность. Фашизм выступил на сцену в роли этого спасителя. Надо сказать, что в момент захвата рабочими фабрик, фашисты не выступали еще активно против рабочих; наоборот,

¹⁾ G. Ferrero. Four Years of Fascism, 1924 г., 60 стр.

в это время Муссолини выражал даже нечто вроде симпатии этому движению¹⁾).

Как раз к этому времени относятся его рассуждения, что самое главное — это понятие производства, и что если его гарантируют профсоюзы, то он, Муссолини, не замедлит признать, что они в праве занять место предпринимателей. Практически фашисты сохраняли нейтралитет. Однако, мелкобуржуазные массы фашизма были, разумеется, настроены против рабочих и готовы были начать с ними борьбу. Ареной борьбы явились, прежде всего, социалистические муниципалитеты. Фашисты направили свои удары как против социалистических муниципалитетов, так и против поддерживавших их рабочих организаций. Это вызвало немедленно усиленный приток средств в кассы фашистских организаций. Буржуазия увидела в фашистах не только спасителей от грядущего переворота, но и людей, на которых можно опереться в чисто местной борьбе против социалистических муниципалитетов, посягающих на священное право собственности. Дело в том, что социалисты, получив большинство, вводили тяжелое обложение капиталов, организовывали общественные работы, повышали пособия безработным и проч. Характерная история разыгралась в Милане, где в центре борьбы стоял муниципальный банк, распоряжение которым должно было перейти в руки социалистического большинства муниципального совета. Опасаясь, что средства банка будут использованы для поддержания социалистических кооперативов и других рабочих организаций, буржуазия подняла шум и обратилась за помощью к фашистам, которые и захватили палатцу Марино (городскую думу). Вмешательство фашистов дало правительству повод распустить муниципальный совет, и, таким образом, банк был «спасен». Путем настоящих военных действий фашистам удалось в течение весны 1921 г. разгромить «красные муниципалитеты». Захватив города и развивая дальше свой успех, благодаря своей организации и благодаря тому, что противоположная сторона не была достаточно организована и не могла противопоставить такой же решительный *военный* отпор, фашисты затем распространили свои карательные экспедиции на сельские местности, выступив в качестве защитников аграриев. Муссолини при этом использовал противоречия, которые существовали между сельскохозяйственными рабочими, с одной стороны, и мелкими арендаторами и крестьянами — с другой. Эта тактика была облегчена тем, что Итальянская Социалистическая Партия недостаточно учла роль мелкособственнических настроений крестьянства, настроений, которые захватили и некоторую часть сельскохозяйственных рабочих. Используя эти настроения, фашисты сумели внести раскол между сознательной социалистической частью батраков и остальной массой и с помощью помещичьих сынков, фермеров и крупных крестьян, организовали отряды, которые начали громить красные профсоюзы. Таким образом, устанавливается тесная связь между фашистами, с одной стороны, крупным капиталом и агра-

¹⁾ См. Odon Por. Fascism, 41 стр.

риями — с другой¹⁾. Начинается приток средств, снабжение оружием и перевозочными средствами (грузовиками). Фашизм сразу становится крупной силой. Если в мае 1920 г. мы имеем по расчетам самих фашистов 100 групп и 30.000 членов, то в декабре того же года насчитывается уже 8.000 фаший (местных групп) и 150.000 членов. В это же время фашисты начинают не только громить социалистические кооперативы и превращать их в свои фашистские кооперативы, не только громить рабочие организации, но и создавать свои национальные фашистские профсоюзы. Интересно, что идея, положенная в основу этого движения, была почерпнута в конце концов из той же сокровищницы реформизма. Муссолини с большим сочувствием цитирует французского реформиста Мерррейма, который выдвинул ту мысль, что в период послевоенной разрухи рабочим нечего думать о распределении, а надо заботиться только о повышении производства. А из этого, в свою очередь, делался вывод, что классовая борьба с капиталистами — бессмыслица, и что возможно примирение интересов предпринимателей и рабочих на почве общих национальных задач.

В 1921 г. фашизм уже сбрасывает антиплутократическую и революционную свою оболочку. Он откровенно выдвигает программу сильной власти и в то же время свободы движения для капитала. Фашистская программа 21 г. ставит ударение на отмене государственных монополий, на предоставлении более благоприятных условий для капиталистического накопления: государство должно быть сведено к его существенным функциям; активность граждан, как производителей, должна быть отнесена к компетенции технических советов. В своей первой парламентской речи (21/VI—21 г.) Муссолини произносит следующую апологию капитализму: «На основании новейшей социалистической литературы, от которой вы не можете отмахнуться, мы заявляем, что действительная история капитализма только теперь начинается, что капитализм не только система подавления, но он представляет собой отбор ценнейшего, равенство наиболее способных и развитое чувство индивидуальной ответственности»²⁾.

Интересно привести для сравнения программу фашистов, принятую в марте 1919 г.; она заключала в части экономической 8-часовой рабочий день, законодательный минимум зарплаты, соц. страхование, участие рабочих в управлении производством, сильное увеличение прямых налогов, конфискацию церковного имущества, конфискацию 85% военных прибылей и тяжелый налог на капитал.

¹⁾ О социальной базе фашизма в сельских местностях см. статью Дженаи в «Комм. Интерн.» № 9, 1925 г. Между прочим, играя на собственных классовых струнках крестьянства, фашисты не сделали ничего реального в смысле наделения крестьян землей. Немецкий исследователь Mannhardt приходит к выводу, что крестьяне удовлетворились пока обещаниями, ибо Муссолини и не думал приступать к аграрной реформе (Mannhardt, Der Faschismus, стр. 188). Фашистский теоретик Горголини, рассуждая очень много о вреде латифундий и о преимуществах мелкой собственности, приходит в конце концов к выводу, что для развития этой мелкой собственности достаточно внутреннего желания работника удвоить свои сбережения, чтобы обеспечить себе законное владение землей» (Gorgolini, Il Fascismo, фр. перев., стр. 70).

²⁾ Benito Mussolini, «Reden». Herausg. v. H. Meyer, 1925 г., 96 стр.

Непосредственно перед захватом власти Муссолини отрекается от своих республиканских и от своих антиклерикальных убеждений. Он делает шаг к примирению с тронем и алтарем. Надо сказать, что еще в 1921 г. его заявление о том, что фашизм в сущности своей республиканское течение, не встретило сочувствия в рядах самих фашистов. В своей речи в Удине 20 сентября 1922 г. Муссолини уже говорит иным языком: «Мы должны иметь смелость быть монархистами. Почему мы были республиканцами? Потому что мы видели монарха, который недостаточно монарх. Монарх представляет собой историческую преемственность нации. Блестящая задача неизмеримой важности».

Перед походом на Рим, члены фашистской четверки, которым было поручено руководство операцией, дают заверения в своем полном уважении к католической церкви.

Еще сравнительно задолго до переворота фашизм начинает выступать, как государство в государстве. Фашистская организация диктует свою волю правительству, или просто заступает место государственных органов. Рабочее движение, дезорганизованное предательством реформистов и половинчатой тактикой центристских лидеров, шло на убыль, Переломным моментом явилась осень 1920 г., когда, благодаря вмешательству реформистских вождей Конфедерации Труда, было сорвано движение захвата фабрик. Очень важно отметить, что коммунистическая партия выделилась, как самостоятельная организация, только в 1921 г., т.-е. уже после перелома в рабочем движении. Попытки оборонительных стачек против растущего влияния фашизма терпят неудачи. Всеобщие забастовки проваливаются. Особенно неудачна была всеобщая забастовка в августе 1922 г., которую фашистским организациям с помощью террора и штрейкбрехерства удалось сломить в кратчайший срок. Во время этой забастовки фашисты заявили, что они дают правительству 48-часовой срок, что если в течение этого времени государственная власть не справится с забастовкой, то фашисты вынуждены будут выступить самостоятельно и прекратить забастовку собственными силами. Такой же способ действий фашисты применили при разгроме органов местного самоуправления в южном Тироле. Это выступление непосредственно предшествовало походу на Рим и явилось как бы репетицией последнего. Переходя теперь к моменту захвата власти фашистами, мы должны прежде всего констатировать, что точка наивысшего подъема революционной волны уже миновала, непосредственная революционная ситуация, которая была налицо в 1920 г., отсутствовала осенью 1922 г. Спрашивается: если буржуазному обществу не грозила прямая опасность, то чем же было все-таки вызвано установление фашистской диктатуры?

Буржуазные противники фашизма стараются изо всех сил доказать, что захват власти фашистами осенью 1922 г. не может быть оправдан с точки зрения «спасения Италии от большевизма». Может быть, в этом они и правы, но что без диктатуры одними методами парламентаризма буржуазная Италия обойтись не могла — это также совершенно бесспорно. Диктатура была необходима потому, что

парламентское правительство было совершенно неспособно провести те необходимые меры, которые нужны были для сбалансирования бюджета, для устранения дефицита, для проведения экономии, для укрепления расшатанного государственного аппарата, словом для всех тех чрезвычайных финансовых и административных мероприятий, которые составляют условия капиталистической стабилизации и для проведения которых, как мы это видели во многих других странах (Германии, Франции, Польше) правительству даются чрезвычайные полномочия. Палата, в которой не было определенного большинства, в которой была очень большая фракция социалистов, не менее многочисленная мелкобуржуазная партия католиков, «пополяри», плюс раздробленные группы либералов, не могла дать такой комбинации, на которую можно было бы опереться при проведении всех этих мероприятий. Парламентские кабинеты были дискредитированы, обнаружив свою полную беспомощность и неспособность к проведению какой бы то ни было программы. Поэтому буржуазии требовался диктатор; о диктаторе шли разговоры в известных кругах, и один английский автор прямо намекает, что, собственно говоря, Муссолини вовсе не был тем лицом, которого предназначили на этот пост; что выдвигались другие кандидатуры, вроде д'Аннунцио, затем генерала Пеппино Гарибальди. Однако, эти кандидатуры отпали, потому что названные лица от такой чести уклонились, а фашизм был налицо, диктатор был налицо и шел уверенными шагами к захвату власти. Поэтому пришлось, как говорит вышеупомянутый английский автор, согласиться с тем, что «последний акт пьесы вышел несколько не по сценарию»¹⁾. Самый поход на Рим был сплошной бутафорией. Хотя в воззвании, которое было выпущено по этому поводу, фашисты писали, что «нужно по римскому образцу напрячь все духовные и физические силы», но, собственно, напрягать их было не к чему, ибо серьезного отпора не ожидалось: социалистическая партия не могла оказать никакого противодействия, коммунистическая партия тоже была слаба для того, чтобы поднять рабочий класс на активное сопротивление. Что касается армии, то с нею и не предполагали сражаться. Поход на Рим был организован по сговору с лидерами партии националистов (представлявших крупную промышленность и банки), с королем и с высшим военным командованием. Все, таким образом, было заранее согласовано. Что касается парламента, то он, конечно, тоже не мог оказать никакого сопротивления. Либералы вскоре примирились с переворотом, утешая себя тем, что, хотя Муссолини пришел к власти несколько необычным способом, но что он образумится современным, и в конце концов он постепенно вернется к конституционным методам. Муссолини в самом деле решил на первых порах не трогать парламента, «оставить народу эту игрушку», как он выразился в одной из своих речей. Правда, свое презрительное отношение к палате он подчеркнул в первом же выступлении, но ему и в голову не приходило разгонять парламента — до такой степени он его мало стеснял. Чрезвычайные полномочия, которые потребовал Муссолини, парламента дал беспрекословно, после чего был распущен на продолжительные вакации²⁾. Кстати, при образовании первого фашистского министерства Муссолини привлек представителей всех буржуазных партий; более того, он дал заверения, что либеральная конституция не будет уничтожена, и специально оговорил свободу прессы. В этот период он неоднократно подчеркивает, что теперь, когда фашизм стал государством, всякие незаконные выступления фашистских организаций должны прекратиться и виновные в них будут преследоваться. Правда, в одном вопросе Муссолини не оправдал целиком надежды те, кто ожидал, что приход к власти заставит его вернуться к обычным, т.е. более или менее замаскированным, методам классового насилия: он не уничтожил и не распустил фашистскую милицию. Это больше всего шокировало всех, в том числе даже и правых либералов, но ясно, что, распустив эти вооруженные силы, Муссолини совершил бы самоубийство. Поэтому он стал изыскивать компромисс, который бы сводился к тому, что партийная милиция хотя бы по внешности стала органом государственным, оставаясь по существу силой, находящейся в исключительном распоряжении фашизма. Декрет 23 января 1921 г. превратил милицию в государственное учреждение, она должна была принести присягу королю, но была подчинена главе правительства, т.е. Муссолини, а состав ее пополнялся исключительно фашистами.

Получив в свои руки неограниченную власть и освободившись от болтающих парламентариев, Муссолини очень быстро провел все то, что в области экономической и финансовой политики от него могли ожидать буржуазные круги. Он провел суровое сокращение государственного аппарата. В первый же год было уволено до 30.000 чиновников. Муссолини упразднил министерство труда, слил министерство финансов с казначейством, уничтожил ряд постов товарищей министров. Он распустил королевскую гвардию, эту специально для полицейских целей созданную вооруженную силу, которой фашисты менее всего доверяли, ибо она была создана их врагом Нитти. Он сократил разбухшие штаты железных дорог, устранил их дефицитность, упорядочил транспорт³⁾, он сбалансировал бюджет, восстановил расшатавшуюся дисциплину во всем государственном аппарате. Бюджетный дефицит, достигавший

¹⁾ В 1924 г. Муссолини провел выборы по новому закону, который заранее обеспечивал фашистам $\frac{2}{3}$ депутатских мест. В ноябре 1926 г. все нефашистские группы были исключены из палаты, а сама палата распущена на неопределенный срок.

²⁾ Развал на ж.-д. транспорте, кроме прочих данных, недурно характеризуют цифры похищенных и потерянных грузов. В 1913—14 г. общая сумма претензий по всем итальянским ж. д. составляла 1,5 млн. лир; в 1919—20 г. она выросла до 26,4 млн лир; наконец, в 1921—22 г. она составила 93,8 млн. лир (из них 50 млн. лир приходилось на похищенные грузы). Если даже принять во внимание падение лиры, то и в этом случае картина получается совершенно определенная. Муссолини ввел на ж. д. особую охрану из фашистов, которая проводила борьбу с хищениями методами террора, вплоть до расстрела на месте (см. Villari, «The awakening of Italy», стр. 216 и сл.).

¹⁾ См. Murphy, James, The parable of fascism, Fortnightly Rev.

в 1922/23 г. 3,29 миллиардов лир был снижен в 1923/24 г. до 418 млн. лир. В 1925 г. бюджет был сведен с превышением доходов в 417 млн. лир. Одновременно Муссолини провел ряд денационализаций: телефона, радиотелеграфа, экспедиции почтовых посылок; отменил спичечную монополию, отменил налоги на наследство, зато ввел налог на заработную плату, на мелких землевладельцев и фермеров; отменил ограничения квартирной платы, отменил страхование на случай старости, разрешил отступления от 8-часового рабочего дня, а затем провел огульное увеличение рабочего дня на час. Разгром профдвижения дал возможность снизить заработную плату итальянским рабочим до одного из самых низких уровней в Европе. Все это, конечно, способствовало росту капиатлистической продукции и торговли Италии за 1924 и 1925 г.г.

Некоторые представления о хозяйственном росте могут дать следующие данные:

Выплавка чугуна в Италии, составляла (в тыс. тонн)		Выплавка стали	
1922	157	1922	600
1923	238	1923	1.100
1924	303	1924	1.337
1925	475	1925	1.600

(«Corriere Mercantile», 16 янв. 1926 г.)

Особенное развитие получило в Италии производство искусственного шелка. К марту 1925 г. капиталы, вложенные в эту отрасль, составляли 1,3 млрд. лир, а к ноябрю уже 1,604 млрд. лир. В мировом масштабе Италия занимает в этой отрасли второе место. О темпе развития можно судить по следующим данным: в 1924 г. вся продукция составляла 9 млн. кило, в 1925—18 млн. кило. В 1926 г. одно общество Snia Viskosa должно было произвести 18 млн. кило. В химическую промышленность Италии вложено около миллиарда лир. Производство электрической энергии на центральных станциях выражалось цифрой—1,360 млн. лош. сил (до войны); в 1924 г. мы имеем 2,86 млн. лош. сил, а к середине 1926 г.—3,2 млн. лош. сил (из этого количества энергии только 8,5% идет на освещение). Капитал, вложенный в электр. промышленность, с 507 млн. лир (1914 г.) поднялся до 6470 млн. лир в 1926 г. (См. «Information», 19/VIII—26 г.).

Значительное расширение производства уменьшило безработицу и свело ее к началу 1926 г. к самым незначительным цифрам ¹⁾. Эти экономические успехи дали возможность вождям фашизма выступать с самыми хвастливыми заявлениями и получать самые лестные рекомендации таких компетентных лиц, как, например, представитель банкирского дома Моргана — известный Ламонт. Один из коммерческих атташе английского посольства заявил даже, «что Италия никогда не была, по его мнению, более цветущей и счастливой». В буржуазной прессе, напр., в американских газетах можно найти не мало корреспон-

¹⁾ В конце апреля 1926 г. в Италии насчитывалось всего 98.000 безработных («Neue Züricher Zeitung», 1/VII—1926 г.).

денций, в которых прямо воспеваётся перерождающее влияние, которое фашизм оказал на Италию. Если верить этим корреспондентам, то итальянцы перестали походить на самих себя: они стали трудолюбивы, точны, исполнительны, дисциплинированы, словом приобрели все прусские (виноват, древне-римские) добродетели. Рассуждая по поводу данных, рисующих хозяйственный под'ем Италии «Information» (29/VIII—26 г.) заявляет: «С первого взгляда приходит даже в голову мысль, что диктатура имеет хорошие стороны, что она в настоящий момент если не единственная форма правительства, то, по крайней мере, такая, которая наиболее способна преодолеть трудности, созданные войной и вернуть Европе часть благосостояния, которым она пользовалась до 1914 года» (в дальнейшем эта французская буржуазная газета не считает возможным сделать такой вывод, ибо сомневается «достигнут ли порядок на улицах, в полях и на фабриках, как результат лучшего социального равновесия и свободно соблюдаемой дисциплины, или же он основан на насилиях и угрозах»). В этом, действительно, весь вопрос. Начиная со второй половины 1926 г. кон'юнктура сильно изменилась к худшему. Расширение внешней торговли и рост продукции уперлись в недостаток рынка и капиталов. Италия вступила в жесточайший дефляционный кризис, стабилизация лиры обозначает сокращение производства и рост безработицы. Давая оценку состояния итальянской экономики летом 1926 г., «Information» отмечала, что «итальянская индустрия в продолжение нескольких месяцев страдает от недостатка капиталов, происходящего от чрезмерного роста капитальных вложений и роста продукции, превосходящих не только то, что могут дать национальные сбережения, но и способность поглощения со стороны потребителя»; газета указывала далее на растущие трудности, на признаки надвигающегося застоя, на увеличение государственных расходов, совершающееся в условиях, когда налоговый пресс в своем действии доведен до максимума. Статистика внешней торговли за полугодие 1926 г. показала, что под'ем последних лет не только остановился, но уступил место регрессу, хотя пока и незначительному (срв. «Neue Züricher Zeitung», 26/VIII—26 г.). После хвастливых заявлений, которые делали представители фашизма в 1925 г. и начале 1926 года, им пришлось выступать с речами весьма пессимистического характера насчет больших лишений и затруднений, которые готовит ближайшее будущее. Чтобы избавить Италию от необходимости закупать большие количества хлеба, Муссолини объявил кампанию за расширение посевной площади. Чтобы итальянцы тратили меньше валюты, были введены всяческие стеснения по части выезда за границу. Фашистские газеты убеждали даже итальянских модисток отказаться от традиционных поездок в Париж за моделями и создавать свои национальные итальянские моды...

Нельзя считать эти затруднения непреодолимыми и смертельными для фашистского режима, но, во всяком случае, рост недовольства, связанный с экономическим кризисом, таит в себе немалые опасности для фашистской диктатуры.

III

Не менее полно оправдал Муссолини надежды крупного капитала в области империалистической внешней политики. По этой части Италии никогда особенно не везло. Ее единственное серьезное колониальное предприятие в XIX веке — попытка овладеть Абиссинией — кончилось, как известно, весьма плачевно. В европейском концерте Италия никакой активной роли не играла. «Когда я вижу на европейском горизонте тучу внешней политики, — заявил как-то итальянский премьер-министр Депретис, — я раскрываю зонтик и жду, пока она пройдет». Италия, казалось, навсегда обречена оставаться второразрядной державой, которая может рассчитывать только на соперничество других держав, но не на собственную силу. Итальянский империализм имел и весьма слабую экономическую базу (тяжелую промышленность), и весьма недостаточный военный вес. Триполитанская война велась неудачно, в мировой войне Италия ничем себя не проявила. При заключении Версальского мира, возжелания итальянского империализма были бесцеремонно отвергнуты союзниками: Италия не получила Фиуме, она должна была эвакуировать Валону, ее обделили при распределении мандатов.

Фашизм, агитация которого на 90% была построена на разжигании чувств национализма и шовинизма, в полной мере использовал все эти «унижения», которым подвергалась «великая Италия», «наследница великого Рима». В своем первом парламентском выступлении 21 июня 1921 г. Муссолини развернул программу безудержного империализма, в которой речь шла не только о Фиуме, но и о том, что Италии должен принадлежать швейцарский кантон Тессино. С другой стороны (не более, как за месяц до захвата власти), он писал в «Popolo d'Italia», что Италия должна бороться против британского империализма и содействовать его разрушению¹⁾. От таких «безответственных» заявлений ему, разумеется, пришлось отказаться после захвата власти. В частности, Муссолини употребил немало усилий, чтобы загладить тревогу, которую вызвало в Швейцарии его заявление насчет Тессино. Ему удалось также мирным путем разрешить спор с Юго-Славией из-за Фиуме. Но вместе с тем, итальянская внешняя политика приобретает небывалый империалистический размах. Правительство Муссолини развивает активность в самых различных направлениях, устремляя свои взоры и на Малую Азию, и на Африку, и на Балканский полуостров. Обнаженное выявление своих колониальных аппетитов и усиленная дипломатическая и военная подготовка их удовлетворения составляют характерную черту фашистской Италии, и уж, конечно, менее всего беспокоит Муссолини то обстоятельство, что колониальную экспансию Италии он готовится осуществлять не в борьбе с британским империализмом, а, наоборот, при самой активной поддержке последнего.

Активная империалистическая внешняя политика шла рука об руку с увеличением военной мощи страны. Италия, которую считали страной

¹⁾ Цит. у Mannheim, Faschismus, 204 стр.

певцов и художников, начала, к большому неудовольствию таких ближайших конкурентов, как французский империализм, превращаться в военную и морскую державу, с которой приходится серьезно считаться.

Вопросы внешней политики явились тем мостиком, который связал фашистов с националистами. Эта партия возникла еще, в 1910 г. Она слилась с фашизмом только в 1923 г., уже после захвата власти, и отличается от основного мелкобуржуазного ядра фашизма как по своему классовому составу, так и по своему политическому прошлому. Националисты всегда выступали, как партия, тесно связанная с интересами банков и крупной, в особенности военной, промышленности. С другой стороны, они близки придворным кругам и высшему военному командованию. Наконец, они всегда стремились дружить с Ватиканом, считая выгодным использовать мировое влияние католической церкви в интересах итальянского империализма.

Таким образом, эта партия представляет собою в классовом отношении весьма солидную силу и возглавляется опытными политиками, без содействия которых Муссолини было бы очень трудно обойтись. Социально-политическим идеалом этих кругов является монархия с сильной центральной властью, с сильной армией; государство, которое держало бы в узде рабочий класс, вело активную политику империалистической экспансии. С другой стороны, мы имеем основные кадры фашизма, состоящие в большинстве из мелкобуржуазных элементов. Типичным представителем их является такой, например, homo novus, как Фариначчи, бывший кремонский железнодорожник, недавно занимавший пост генерального секретаря фашистской партии. Эти люди сделали карьеру на организации карательных экспедиций, погромов, штрейкбрехерских выступлений. Они стремятся поддержать «боевой» и непримиримый дух фашизма во всей его чистоте. Они против всяких компромиссов и всякого «соглашательства». Этим они отчасти отражают недовольство мелкой буржуазии, которой экономическая политика фашизма ничего по существу не дала, будучи направлена на удовлетворение интересов крупного капитала. Достаточно указать, хотя бы на такой факт, как отмену декрета, запрещавшего повышать квартирную плату, что очень сильно ударило по мелкобуржуазным слоям. Эти настроения недовольства, находя себе канал в лице крайних фашистов, выражаются в протестах против «остановки» фашистской революции и в попытках «толкать ее вперед». Эти мелкобуржуазные демагогические элементы фашизма особенно сильны в провинции, где в их руках находились муниципальные органы. Терроризируя население, эти местные вожаки, напоминающие американских боссов, не всегда находили нужным считаться и с центральной властью. Добившись власти, эти политиканы и демагоги типа Фариначчи не упускают возможности использовать свое влияние и свою близость к государственной кассе в целях наживы. Заговор, жертвой которого пал депутат-социалист Матеотти, был организован именно такого рода шайкой с бывш. министром внутренних дел Финци, адвокатом

Филиппели и другими, которые совершили акт насилия именно потому, что они боялись, что Матеотти опубликует документы, которые разоблачат их весьма грязные делишки и вымогательства по отношению к некоторым банкам. Убийство Матеотти, как известно, вызвало жесточайший кризис фашизма. С одной стороны, оно обнаружило то разложение, которое произошло в фашистской верхушке; с другой стороны, в то же время выяснилось, что по существу фашистская политика для широких слоев населения ничего решительно не дала. Опасность положения, создавшегося тогда для фашизма, ярче всего характеризуется тем фактом, что мобилизация милиции, которая была объявлена в связи с убийством Матеотти, почти что провалилась; на призыв откликнулось не больше 20% фашистских милиционеров, но и то по преимуществу в с.-х. округах, и всех их пришлось немедленно перебросить в Рим. Достаточно прочесть речи, которые Муссолини произносил в то время, чтобы понять, что действительно положение фашизма сильно заколебалось; если фашизм все же устоял и преодолел кризис, то это потому, что, с одной стороны, рабочий класс был недостаточно силен для того, чтобы возглавить движение против фашизма и привести его к решительной развязке, а с другой стороны, буржуазно-социалистическая оппозиция оказалась совершенно дряблой, и не столько стремилась к тому, чтобы сбросить фашизм, сколько к тому, чтобы не допустить революционных выступлений рабочего класса. В конечном счете Муссолини использовал кризис для того, чтобы избавиться кое от кого из своих приверженцев, слишком сильно себя скомпрометировавших. Провал же так называемой «авентинской оппозиции» позволил ему впоследствии окончательно разделиться с палатой депутатов. Убедившись, что оппозиция ему не страшна, Муссолини заявил, что не может быть никаких переговоров о так называемой нормализации, т.-е. о возвращении на конституционные рельсы; что, наоборот, фашистский режим будет впредь углубляться. С внешней стороны восторжествовала как будто бы фашистская непримиримость (*intrasigenza*). На деле это свелось к продолжению той же политики балансирования между националистами, которые как раз в этот период заняли целый ряд самых ответственных постов, и сквадристами. Министром внутренних дел был назначен Федерцони, бывший лидер партии националистов, при чем в своей речи в Сенате Муссолини указывал на это назначение, как на гарантию того, что отныне не будет совершаться никаких бесчинств¹⁾. Место министра юстиции было также предоставлено бывшему националисту Рокка. Этот Рокка вместе с Федерцони и являются авторами так называемых суперфашистских законов, которые должны были углубить фашистскую революцию.

С другой стороны, пост генерального секретаря фашистской организации был представлен лидеру крайних сквадристов — Фариначчи.

¹⁾ Федерцони вышел в отставку в ноябре 1926 г., после четвертого покушения на Муссолини и его место занял сам Муссолини.

Ожесточенная борьба между двумя группировками продолжалась. Весною 1926 г. Фариначчи потерпел поражение в этой борьбе, при чем характерны те обстоятельства, при которых это произошло.

С одной стороны, Фариначчи выступил слишком резко против Ватикана в то время, когда Муссолини и националистическое крыло фашистов вело с Ватиканом очень тонкую игру, надеясь, что вслед за итальянским королем удастся сделать фашистом и римского папу. Но тут дело оказалось потруднее, и Ватикан вовсе не склонен был идти на то, чтобы отдать себя в распоряжение фашистского правительства за ряд уступок, которые он считал существенными и принципиальными; принципиальное же требование папского престола состоит, как известно, в том, чтобы была восстановлена светская власть папы. Выступление Фариначчи против Ватикана и послужило, как сообщают, одной из причин его падения, другой же причиной была опять-таки угроза разоблачения темных махинаций с какими-то банками, при чем угроза исходила, как это все отлично знали, ни от кого иного, как от министра внутренних дел Федерцони.

Эта борьба отражала собой растущие противоречия внутри самой фашистской организации. Удаление Фариначчи сопровождалось рядом выступлений его сторонников, при чем дело доходило до весьма серьезных уличных столкновений. Такое положение вещей угрожало самому существованию фашистской диктатуры и требовало проведения строжайшей централизации в государственном аппарате и в самой фашистской организации. Задача заключалась в том, чтобы уничтожить в стране всякую возможность оппозиции и организованного сопротивления фашизму, а внутри фашистской партии лишить рядовых членов и местные организации всякой возможности оказывать давление на руководящий центр и сконцентрировать в руках самого Муссолини максимальную власть и максимальное влияние. Достижению первой цели должны были служить так называемые супра-фашистские законы, достижению второй — принятие нового партийного устава.

IV

Так называемые супра-фашистские законы, за исключением закона о профсоюзах, не содержат в себе ничего «конструктивного». Это чисто полицейские меры запретительного и предупредительного характера. Тот режим, который ими установлен, не представляет собою ничего оригинального, и одна французская газета весьма правильно задала вопрос — при чем тут «фашистская идея», если эти порядки точь в точь напоминают те, которые были введены во Франции после переворота 1851 года. К чему же сводятся эти законодательные достижения? Во-первых, совершенно формально был отменен парламентаризм. Была установлена ответственность премьер-министра исключительно перед королем, который его назначает и смещает (закон 24 декабря 1925 г.). Далее, было уничтожено местное самоуправление во всех общинах с населением менее 5.000 человек, при чем в законе оговорено, что если понадобится, то и в тех общинах, где население

превышает 5.000 человек, местное самоуправление тоже может быть уничтожено. Избранные муниципальные органы заменяются назначенными из центра чиновниками, подеста. Между прочим, эта реформа имела целью обуздать своеволие местных фашистских вождей, так называемых, «рас», часто не желавших подчиняться центру. Далее был издан закон о запрещении тайных обществ, в частности, масонов; последнее — специально в угоду Ватикану, потому что фашизм, как таковой, во враждебных отношениях с масонством не находился. Далее был проведен чисто полицейский закон об эмигрантах, который лишил последних гражданских прав, установил конфискацию их имущества. Этот закон мог применяться даже к тем эмигрантам, которые не совершили противозаконных деяний. Закон о чиновниках позволяет без всяких церемоний удалять со службы тех, поведение которых, при исполнении обязанностей или в частной жизни, не будет соответствовать видам правительства. Закон о прессе дал возможность после предупреждения закрывать органы печати и установил материальную ответственность издателей и типографчиков. Словом, перед нами режим второй империи целиком и полностью. Разница только в том, что, наряду с репрессиями узаконенными, продолжали действовать репрессии самочинные. Это показывает таблица, которую приводит «Юманите»¹⁾. В ней мы находим статистику преследований с сентября 1925 года по сентябрь 1926 года. Если арестовано за это время было 7.058 человек, то убито 76 человек, — очевидно, уже в порядке не официальном; обысков произведено 12.252, зато — разрушено помещений 131, опять — таки, очевидно, на началах «общественной инициативы»; приговоров вынесено 1.668, зато ранено 349 лиц и т. д. Эта таблица иллюстрирует карательную деятельность официальных органов фашистского государства и параллельную работу фашистских банд. При чем надо отметить, что сюда не вошли те случаи погромов и избиений, которые имели место во время последней волны фашистского террора в ноябре 1926 г., после четвертого покушения на Муссолини. Несколько особняком стоит закон о профсоюзах, ибо тут фашизм пытается, по крайней мере формально, провести какую-то «конструктивную» идею. На самом деле этот закон можно назвать законом об уничтожении профсоюзов. Вызван он был желанием окончательно убить влияние генеральной федерации труда и католических союзов. Тревожным симптомом для фашизма явилась стачка металлистов в 1925 г. и поражение, которое фашисты понесли на выборах в заводские комитеты. Сущность нового закона от 3 апреля 1926 г., дополненного декретом 1 июля того же года, состоит в том, что в каждой отрасли производства признается юридически только один союз. Зато этот союз должен по своему составу, и в особенности по составу своих руководящих органов, давать правительству полную гарантию по части национального образа мысли, т.е., проще говоря, быть фашистским. Председатели и секретари профсоюзов утверждаются правительством.

¹⁾ „Humanité“ 7/X—1926 г.

Для образования союза достаточно, чтобы в него вошло 10% занятых в данной отрасли, но все остальные рабочие обязаны платить взносы, даже если они не состоят членами этого признанного правительством союза. 10% взносов поступают прямо государству на нужды учреждений по охране материнства и младенчества, остальные суммы распределяются по указаниям префектов. Союзы, т. о., не имеют, собственно говоря, права распоряжаться своим имуществом. Запрещены вовсе профессиональные организации военнослужащих, работников связи, железнодорожных служащих, преподавателей учебных заведений и т. д. Что касается непризнанных союзов, то они могут существовать лишь, как чисто фактическая организация¹⁾; они не имеют права заключать коллективные договоры или вступать в какие-нибудь переговоры с предпринимателями от лица своих членов; наоборот, колдоговоры, заключенные официальными союзами, обязательны для всех лиц, занятых в данной профессии. Законом предусмотрен обязательный правительственный арбитраж, и запрещены стачки и локауты. Особенно суровые кары угрожают участникам политических стачек. Все конфликты между предпринимателями и рабочими разрешаются правительственными апелляционными судами. Закон запрещает создание смешанных профессиональных организаций из работодателей и рабочих. Эта первоначальная идея фашистов провалилась в виду сопротивления промышленников, которым эта затея казалась опасной. Однако, верхушки профессиональных организаций и предпринимательских союзов все же объединяются в т. н. корпорации. Национальный Совет корпорации возглавляется министром корпораций — пост, который, естественно, мог занять только сам Муссолини. На министерство корпораций возложено проведение в жизнь законов о профсоюзах. Надо сказать, что промышленники с большим неудовольствием пошли на обязательный арбитраж; они долго ему сопротивлялись. Бенни, председатель федерации промышленников, заявил, что «применение принудительного арбитража будет началом конца итальянской промышленности». Только под давлением самого Муссолини и после того, как промышленникам были даны заверения, что арбитраж не будет использован против их интересов, они на него согласились. Вообще политика промышленников в этом вопросе совершенно ясна. Их вовсе не интересует существование какой бы то ни было организации рабочих. Фашистские опыты включения синдикатов в государственную организацию возбуждают у предпринимателей законное опасение, что их интересы могут в известный момент пострадать из-за демагогической политики фашистской верхушки. Гарантией в данном случае может быть только такое построение фашистской организации, при котором ее центр, непосредственно связанный с крупно-капиталистическими интересами, был бы свободен от всякого давления со стороны

¹⁾ Генеральная федерация труда, руководимая реформистами, пыталась сначала приспособиться к новым условиям существования, как „фактическая“ организация, а затем ее лидеры совершили акт самоубийства, заявив о самороспуске федерации.

периферии. Это мы и видим в новом партийном уставе, который был принят в 1926 году¹⁾. Поэтому на нем надо остановиться подробнее. Устав начинается некоторого рода декларацией, где в весьма торжественных выражениях объясняется значение фашизма.

«Фашизм, — говорится там, — это милиция на службе нации. Ее цель — реализация величия итальянского народа. Начиная со своего возникновения, которое тесно спаяно с возрождением итальянского национального сознания и волей к победе, фашизм всегда рассматривал себя находящимся в состоянии войны».

Далее подчеркивается, что фашизм — это не только объединение итальянцев вокруг некоторой программы, подлежащей осуществлению, но это «вера, которая имеет своих исповедников». Существенной частью этого символа веры и является партия, устав которой содержит «правила и иерархию, ибо без них не может быть дисциплинированной силы и воспитания народа, получающего свет и нормы сверху, где имеется полное понимание всех особенностей, всех задач, всех функций и всех заслуг». Построение этой «иерархии» очень простое: все идет, конечно, от самого Муссолини, вождя, которого «народ признал по его воле, по его силе и по его делам». «Вождь» неизбираем и несменяем. Высшим органом партии является Верховный Совет. Верховный Совет возглавляется «вождем» и состоит из сановников фашизма, которые входят в него *ex officio*, в частности, из министров, товарищей министров внутренних дел и иностр. дел, сенаторов-фашистов, начальника фашистской милиции и начальника ее штаба, председателя фашистских профсоюзов, председателя предпринимательских организаций, членов Национальной Директории и других лиц, которые назначаются персонально вождем фашизма. Эта организация, состав которой зависит всецело от Муссолини, назначает генерального секретаря и членов Национальной Директории. Программу работ Национальной Директории определяет генеральный секретарь. В его распоряжении находится секретариат, который распадается на 9 отделов²⁾; особенно важное значение имеет политический отдел, который контролирует всю политическую деятельность партии и ведает непосредственно фашистскими ассоциациями учителей, жел.-дор. и почт.-тел. служащих. Наконец, третьим центральным органом партии является Нац. Совет, который состоит из секретарей федерации. Всякие выборы в организации отменяются. Генеральный секретарь назначает провинциальных секретарей; каждый провинциальный секретарь подбирает себе коллегию из семи человек и назначает секретарей местных союзов; эти секретари, в свою очередь, подбирают себе коллегию. Принцип назначения проводится последовательно с самого верха до самого низа. Никаких исключений, никаких оговорок.

¹⁾ Текст устава напечатан в газете „Popolo d'Italia“ от 12 октября 1926 г.

²⁾ 1) Политический, 2) административный, 3) автономн. корпор., 4) печати, 5) пропаганды, 6) юнош. организаций, 7) женск. организаций, 8) ассоц. семей павших фашистов, 9) ассоц. студентов-фашистов.

Характерна также та клятва, которую должен давать всякий вновь вступающий фашист (ст. 27 устава):

«Клянусь беспрекословно исполнять все приказания вождя и служить делу фашистской революции всеми моими силами и, если нужно, моей кровью».

В общем Устав от начала до конца проникнут той идеей, которая недавно, по поводу последнего покушения на Муссолини, была выражена весьма красочно в одной фашистской газете. Фашистский офицер «Империо» (5 ноября 1926 г.), выражая свое удовлетворение по поводу закрытия всех нефашистских газет, писал:

«Начиная с этого вечера, нужно положить конец дурацкой утопии, согласно которой каждый может думать своей собственной головой. У Италии единственная голова и у фашизма единственный мозг, это — голова и мозг «вождя». Все головы изменников должны быть беспощадно снесены».

Устав предусматривает следующие дисциплинарные меры против недостойных фашистов: выговор, временное исключение и исключение бессрочное. Всякий исключенный из партии считается предателем, и, как говорит Устав, должен быть поставлен вне политической жизни. Исключение из фашистской партии влечет за собой исключение из всех экономических организаций. Для известной категории лиц, как, например, адвокаты, журналисты, это имеет громадное значение, ибо тот, кто не состоит членом официальной корпорации адвокатов или журналистов, не может практиковать или работать в качестве сотрудника в повременных изданиях.

V

Обратимся теперь к тому формальному сходству между фашизмом и большевизмом, который является излюбленной темой для многих исследователей.

Я уже упоминал о Нитти, который так и озаглавил свою книгу — «Фашизм и большевизм». Один из наиболее популярных на Западе юристов, Кельзен, доказывает, что в основе фашизма и большевизма лежит один и тот же принцип — избранного меньшинства, которое диктует свою волю всем остальным. Р. Михельс тоже доказывает, что большевизм и фашизм происходят из одного корня и что, «подобно тому, как римская волчица вскормила Ромула и Рема, война взрастила пару близнецов — большевизм и фашизм»¹⁾. Наконец, сам Муссолини говорит о «двух великих экспериментах послевоенного времени», которые, мол, доказали, что можно управлять «помимо либеральной идеологии и в противоположность к ней».

Муссолини идет даже несколько дальше и пытается усвоить себе по вопросу о демократии точку зрения, несколько напоминающую нашу критику формального демократизма. В своем недавнем выступлении в Перуджии (6 окт. 1926 г.) он протестовал против того, что

¹⁾ R. Michels, „Aufstieg des Faschismus“. „Arch. f. Socialwiss“. 1924 г., 52, стр. 64.

фашизм называют тиранией и чем-то исключающим демократию. Какая же, — восклицал он, — это тиранья, когда миллион человек объединяются в рядах одной партии, когда три миллиона объединяются в других связанных с ней организациях и когда двадцать миллионов признают, что государство их обеспечивает и охраняет. Ход мысли, как видите, несколько напоминает ленинское учение о передаточных колесиках политического механизма. Вполне понятно, что буржуазные ученые, и особенно либерального лагеря, очень увлекаются аналогией между фашизмом и большевизмом, но отсюда не следует, что и мы должны ею увлекаться. Она не перестает быть поверхностной, несмотря на то, а, может быть, и благодаря тому, что она так распространена. Здесь опять приходится повторить, что форма есть существенный момент содержания и что из этого одного вытекает, что диктатура класса, который призван установить новый, более высокий строй производственных отношений, не может походить на диктатуру класса, который обречен на отмирание и который тщетно пытается задержать этот неизбежный процесс. Как бы искусно ни подражал фашизм методам большевистской диктатуры — это подражание отнюдь не гарантирует тождественности результатов. Можно перенять все, что угодно, можно перенять любые приемы, но нельзя подделать той классовой основы, которая и составляет суть дела. Между прочим, один из американских авторов, R. Dell, схватил чисто эмпирически эту сторону вопроса. Он поместил в одном из журналов («Current History») статью под заглавием «Итальянский большевизм наизнанку». Но проводя параллель между фашизмом и большевизмом, автор подчеркивает не моменты сходства, а моменты различия. Он, конечно, отождествляет диктатуру с насилием. Но, оказывается, нельзя отрицать, что «в России насилия совершаются, как акт государства, и имеют легальную форму, в то время как в Италии они применяются безответственной организацией, не претендующей на легальность своих методов. Большевики судят своих врагов, соблюдая законные формы... Фашисты не тратят время на такие формальности. Если кто-нибудь ведет борьбу против правительства, то его дом громят фашисты при попустительстве или при активном содействии полиции... Убийства стали в Италии методом управления». И сделав эти сопоставления, автор заключает: «Большевики более искусны, чем фашисты, а результат тот, что их господство также и более прочно». Эту мысль автор развивает в различных направлениях. «Русские не сделали той ошибки, которую сделали фашисты: у них нет, наряду с армией, особой милиции и, следовательно, нет той конкуренции, которая существует между фашистской милицией и командным составом итальянской армии. Далее, Dell находит разницу еще и в том, что коммунисты не позволяют никому действовать по своему усмотрению. Что касается последователей Муссолини, то они слишком сильны для него самого. Из всего этого автор делает вывод, что Муссолини «строит на песке, а большевики на скале»¹⁾. Все эти рассуждения тоже, конечно, носят довольно по-

¹⁾ R. Dell. Italy's inverted Bolshevism. „Current History“, Januar 1926 г., 519 стр.

верхностный характер. Получается так, будто все дело заключается в какой-то особой государственной технике, которая у нас оказалась выше. Ясно, что дело тут не в технике; секрет заключается в ином. Почему пролетарская диктатура, не теряя своей силы и своей принципиальной классовой сущности, с каждым годом принимает все более организованный и стабильный характер? Почему она от суровых и резких форм может переходить к все более и более мягким? Потому, что этот процесс соответствует нашим успехам на пути социалистического строительства, нашим успехам по части руководства промежуточными слоями. Передаточные колесики нашего государственного механизма улучшаются с каждым годом, их взаимодействие становится все более совершенным; неразрывная связь, идущая от партии к профсоюзам и ко всему рабочему классу, затем к организованному в кооперацию крестьянству и, наконец, ко всем остальным массам крестьянства, углубляется и крепнет. Фашизм не имеет перед собой перспектив такого развития, ибо у него нет соответствующей исторической классовой основы. Фашизм разрушил формы буржуазно-парламентского государства; но дал ли он взамен что-нибудь равноценное в смысле тех перспектив, которые когда-то открывала буржуазная демократия для развития капитализма? Мне представляется, что если фашизм в Италии удачнее справился с задачей удержания власти в руках буржуазии, чем это могло сделать государство, соблюдающее парламентский декорум, то никаких новых горизонтов фашистский режим не открыл. Фашизм — порождение империалистической стадии развития капитализма, на которой последний обнаруживает черты загнивания, паразитизма и распада. Отсюда вытекает, что он не в состоянии создать такие формы, которым было бы обеспечено длительное развитие.

Крупный капитал в известных условиях вынуждается к отказу от методов демократического одурачивания масс и от той помощи, которую ему оказывают социал-демократы. Но тогда на место социал-реформистского дурмана появляется фашистская демагогия, как средство воздействия на массы. Без этой демагогии и без вызываемых ею периодических конвульсий режим существовать не может. Одно из двух: или капиталу приходится править методом демократического обмана, или приходится мириться с накладными расходами фашизма, с существованием такой политической организации, которая не может иначе поддерживать свою активность и внутреннюю сплоченность, как выступая самым резким, самым непримиримым образом по отношению ко всем антифашистским элементам. Фашистская демагогия и идеологический раскол в самом буржуазном лагере — это неизбежные «издержки производства» буржуазной контрреволюции. Для того, чтобы спаять в одно целое массу, далеко не однородную в классовом отношении, вождям фашизма приходится неизбежно пускать в ход искусственные средства. Широкое применение метода полицейских провокаций — явление не случайное. Известно, что некоторые покушения на «вождя» тоже явились результатом полицейской провокации. С одной

стороны, фашистский террор вызывает естественную ответную реакцию, с другой стороны, страх перед покушениями, стремление предупредить врага и отвести его удар толкает правительство на путь провокации; наконец, попутно провокация используется для того, чтобы еще больше разжигать фашистские страсти. В результате получается картина, когда, с одной стороны, антифашистские деятели оказываются агентами, провокаторами, с другой стороны, охранники готовят покушение. Когда это все происходит на фоне экономических затруднений, о которых шла речь выше, то опасность начинает грозить режиму в целом. После четвертого покушения Муссолини сам заговорил о том, что опасность угрожает фашизму. До этого он, наоборот, подчеркивал, что дело фашизма стоит непоколебимо.

Последние мероприятия фашистского правительства (я имею в виду закон 9 ноября 1926 г. о защите государства) важны не сами по себе; важно не то, что принят закон о введении смертной казни, что проведено полное уничтожение всех оппозиционных организаций, всей оппозиционной прессы, но важно то, что все это сопровождалось разгулом погромов, самочинных преследований, которые не вызвали никакого осуждения, а наоборот — поощрение. Мы имеем заявления ответственных лидеров, вроде теперешнего генерального секретаря фашистской партии, Туратти, о том, что «самосуд — это такая же законная вещь, как обыкновенное правосудие». Мы имеем заявления фашистской прессы вроде того, что «линчевание представляет собою императив общественного спасения».

Мы имеем рост боязни и подозрительности в рядах самой фашистской партии, разговоры о ее чистке, разговор о том, что истинные фашисты должны теперь смотреть в оба за подозрительными членами организации. Мы имеем такие факты, как составление проскрипционных списков и т. д. Все это показывает, что фашизм идет к такому обострению борьбы, которое исключает возможность какой бы то ни было «нормализации».

Последний вопрос — тактический; вопрос о борьбе с фашизмом.

В начале Февральской революции наши либералы любили повторять, что «самодержавный режим пал под бременем своих собственных преступлений». Конечно, это просто пустая фраза. Никогда никакой режим под тяжестью своих собственных преступлений, как бы велики они ни были, не падает. Для того, чтобы он пал, нужно, чтобы нашлись силы, которые бы его столкнули. И до тех пор, пока в Италии этих сил не найдется, фашизм, несмотря на все свои преступления, будет продолжать существовать.

Тут встает вопрос: на какую возможность нужно ориентироваться? Существует точка зрения, что падение фашизма в Италии возможно лишь одновременно с падением капитализма вообще, т. е. с установлением диктатуры пролетариата. Нечего говорить, что это — максимально желательный ход развития и что для такой возможности имеются основания. Но было бы ошибочно всю тактику и все наши расчеты связывать только с этой одной возможностью. Нужно помнить слова

Ленина, что «история революций оказывается хитрее, чем самые опытные партии и самые опытные политики». Развитие событий может пойти таким образом, что фашизм изживет себя раньше, чем рабочий класс Италии окажется созревшим для того, чтобы совершить пролетарскую революцию. С этой возможностью нужно считаться. Нужно учитывать все те внутренние противоречия, которые существуют в буржуазном лагере между фашистами и антифашистами, и противоречия в самом фашизме. Это опять-таки один из тактических рецептов Ленина. Он говорил (применительно к Англии), что если с точки зрения чистого, т. е. абстрактного, т. е. незрелого еще до практического, массового, политического действия, коммунизма различия между Ллойд-Джорджем и Черчиллем и между Ллойд-Джорджем и Гендерсоном совершенно не важны и мелки, то с точки зрения практической, с точки зрения партии, которая хочет вести массы в бой, их нужно учитывать, ибо «в их учете, в определении момента полного назревания неизбежных между этими «друзьями» конфликтов, которые ослабляют и обессиливают всех «друзей», вместе взятых, — все дело, вся задача коммунизма»¹⁾. Откладывать борьбу с фашизмом до того момента, когда налицо будут все предпосылки для захвата власти пролетариатом, значило бы, в известных условиях, обречь себя на пассивность. Надо считаться с тем, что слабые места фашистского режима могут обнаружиться внезапно, по какому-нибудь совершенно неожиданному и даже как будто бы мелкому поводу. Фашизм могут свалить и затруднения внутреннего порядка и внешние осложнения. Но само собою разумеется, чем сплоченнее будет выступать коммунистическая партия, чем сильнее будут ее организации, чем шире будет ее влияние на массы, тем больше шансов, что падение фашистской диктатуры явится в то же самое время падением капиталистического строя в Италии.

Е. Пашуканис

1) Н. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме. П. 1920 87 стр.

ТЕОРИЯ КУРНО *)

I

Курно занимает особое место в математической школе. Он является родоначальником этой школы¹⁾. Правда, и до него математический метод получал применение в экономических науках, но преимущественно как метод иллюстрации отдельных экономических положений. Курно же оперирует этим методом, как методом исследования. Все отдельные положения его теории укладываются в математические формулы, причем последние выстроены в виде непрерывной цепи. С первого взгляда, получается весьма импонирующее впечатление от экономической теории, которая по методам своего построения приближается к Евклидовой геометрии.

Но вместе с тем, имеется крупное различие между Курно и другими представителями математической школы, напр., Госсеном, Девонсом, Вальрасом. Последние, как известно, стоят на точке зрения теории предельной полезности. Они исходят из субъективного понимания ценности и пытаются, путем определенных операций, вывести категорию меновой ценности из потребительной ценности. Всех их связывает общность экономического миросозерцания, одинаковый подход к важнейшим экономическим явлениям. Курно не может быть безоговорочно причислен к представителям психологической школы. Его основной труд «*Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses*» вышел в 1838 г., т.-е. до появления работы Госсена, оставшейся, как известно, незамеченной читающей публикой. Работа Курно вышла в тот период, когда в Европе безраздельно господствовала английская классическая школа.

Весьма характерно, что Курно свой анализ начинает с меновой ценности. Политическая экономия занимается, по Курно, анализом богатства. Богатство же наш автор определяет, как совокупность меновых ценностей. «Вещи,—пишет он,—коим, при данном состоянии торговых отношений и гражданского оборота, присвоена, таким образом,

*) Настоящая статья представляет из себя 4-ю главу книги автора «Основные направления в теории предельной полезности».

1) Антуан Августин Курно—французский экономист; родился в 1801 году, умер в 1877 г. Биография Курно изложена в статье Moore „The personality of Antoin Augustin Cournot“ в журнале „The Quarterly Journal of economics“, vol. 19, стр. 370—399.

меновая ценность, это те вещи, которые в современной речи обозначаются обычно словом *богатство*, и если мы хотим притти к пониманию в нашей теории, мы должны абсолютно идентифицировать смысл слова *богатство* со смыслом слов *меновая ценность*»¹⁾.

Эта постановка вопроса является весьма характерной для Курно. С первых шагов своего исследования он обращает все внимание на объективную категорию меновой ценности. Рассмотрение субъективной стороны хозяйствования остается в стороне. Дальше Курно пытается всячески отгородить категорию ценности от влияния полезности, редкости и всех тех элементов, которые играют первенствующую роль у теоретиков предельной полезности.

Курно совершенно определенно заявляет, что «необходимо точно различать абстрактный смысл слова «богатство», как меновой ценности, являющегося в этом смысле точным понятием, пригодным для строго последовательных построений, от побочного смысла его, как полезности, редкости, удовлетворения человеческих нужд и потребностей, связываемого еще с ним в обычном словоупотреблении, в каковом случае слово это является понятием, по существу своему изменчивым и неопределенным, клась которое поэтому в основу научной теории невозможно. Разделение экономистов на разного рода школы, борьба между практиками и теоретиками в значительной степени проистекает именно из-за двусмысленности слова «богатство» в обычной речи, из-за смешения, продолжавшего господствовать, между точным, определенным понятием меновой ценности и понятием полезности, воспринимаемым каждым по-своему, поскольку не существует точной меры полезности вещей»²⁾.

В качестве иллюстрации своего положения, Курно приводит знаменитый пример с голландской компанией, которая уничтожила гвоздичные плантации, в целях повышения цен. Этот пример свидетельствует о том, что движение потребительных и меновых ценностей не происходит параллельно. Наоборот, обе эти категории могут изменяться в противоположном направлении. Процесс увеличения полезности может быть одновременно и процессом уменьшения меновой ценности.

Представители психологической школы начинают обычно свое исследование с робинзонад. Курно, в отличие от этих экономистов, начинает свою важнейшую главу (4) со следующего заявления: «Для обоснования теории меновой ценности мы не станем, подобно большинству спекулятивных авторов, возвращаться к колыбели человеческого рода; мы не будем объяснять происхождения собственности, обмена или разделения труда. Все это, несомненно,—достояние человеческой истории, но не оказывает никакого влияния на теорию, *приложимую лишь в отношении эпохи высокой цивилизации*, в которой влияние первоначальных обстоятельств совершенно не сказывается»³⁾. В этом отрывке Курно, таким образом, подчеркивает исторический характер основной экономической категории — меновой ценности.

1) „Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses“, стр. 3.

2) Ibidem стр. 5.

3) Ibidem стр. 46.

Таким образом, Курно совершенно откровенно отмежевывается от всяких теорий, кладущих во главу угла полезность хозяйственных благ. Он с самого начала подчеркивает резкое отличие между индивидуальными потребностями и ценностью товаров, которая выступает, как объективная и историческая категория.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли причислять Курно к одной школе с Госсеном, Вальрасом, Джевансом, Парето и *tutti quanti*? Можно ли вообще говорить о принадлежности Курно к математической школе? Если последняя охватывает всех экономистов, когда-либо, где-либо применявших математический метод, без различия экономических убеждений и воззрений, тогда, конечно, Курно можно причислить к этой школе. Но в таком случае математическая школа превращается в сборную группу, не имеющую определенной теоретической физиономии. С равным правом можно было бы говорить об абстрактной дедуктивной школе, включив туда классиков, Маркса, австрийцев и всех применявших данный метод. Очевидно, что такие сборные группы, сколоченные из различнейших направлений, не только не дадут представления об определенной теории, но и об определенной методологии, ибо методология характеризуется не только формальными, но и материальными моментами. Методология предполагает определенное социологическое мировоззрение, определенный взгляд на соотношение общества и личности, производства и потребления и т. д.

С этой точки зрения вопрос, поставленный выше, может получить такую формулировку: совпадает ли методология Курно, рассматриваемая не только с формальной стороны, с методологией «стопроцентных» представителей математической школы? Есть ли аналогия между методологией Курно и остальных экономистов-математиков только формальная аналогия, выражающаяся в том, что те и другие прибегали к языку математических формул, или же эта аналогия имеет более глубокие основания?

С первого взгляда кажется, что ответ на поставленный вопрос может быть только отрицательным. В самом деле, что общего может быть с экономистами-математиками у Курно, который совершенно открыто заявляет о необходимости игнорирования полезности, при анализе меновой ценности? И, тем не менее, мы думаем, что Курно стоит значительно ближе к доктрине психологической школы, чем это ему самому представляется. Фактически, весь метод построения его теории находится в полном противоречии с теми положениями, которые развиваются в 1-й главе работы Курно.

Наш автор начинает свое исследование с рассмотрения законов спроса. Последний он понимает, как эффективный или платежеспособный спрос. «Если, пишет Курно, понимать под спросом всякое неопределенное желание обладать предметом, вне зависимости от определенной цены, которую всякий спрашивающий учитывает при своем спросе, то не существовало бы товара, спрос на который можно было бы определить»¹⁾.

¹⁾ Recherches, стр. 47.

Основной закон спроса заключается в том, что «вообще спрос увеличивается, когда цена падает»¹⁾. Эта зависимость может получить математическое выражение. Курно был первый, который установил уравнение $D = F(p)$, где D означает спрос, а p — цену. Вместе с тем, Курно первый отметил, что функция спроса в зависимости от цены может для целого общества рассматриваться, как непрерывная, хотя для отдельных индивидов она является прерывистой: «Как бы мало ни было изменение p , — пишет он, — найдутся потребители, поставленные в такие условия, что даже легкое повышение или понижение того или иного товара повлияет на их потребление, заставит их подвергнуть себя некоторым лишениям или ограничить их промышленную деятельность, либо заменить вздорожавший товар другим товаром, напр., углем дровами, или антрацит углем. Точно так же биржевой термометр выявляет весьма малыми изменениями курса весьма мимолетные изменения условий, в которых находятся ценности, изменения, отнюдь не являющиеся, для держателей этих ценностей, достаточным основанием для того, чтобы их продавать или покупать»²⁾.

Уже в этих нескольких положениях заключается целый ряд особенностей, которые роднят Курно с крупнейшими экономистами-математиками.

Прежде всего следует обратить внимание, что Курно начинает с изучения *спроса*. Его первая задача — установить закон спроса. О законах предложения мы в 4-й главе, которая фактически является 1-й главой его основной работы, не найдем ни слова. Количество произведенных продуктов должно равняться спросу на эти продукты. Но спрос возможен при всякой цене (вернее, в очень широком интервале, потому что при очень высоких ценах спрос может равняться нулю). Отсюда можно сделать вывод, что предложение товаров, если оно подчиняется тем же законам и определяется спросом, возможно при *всякой цене*. Такое положение будет соответствовать действительности, при одном очень важном условии — если мы отвлечемся от *издержек производства*. Чрезвычайно характерно, что Курно об издержках производства ничего не говорит в начале своего исследования. Он потом лишь вводит в свою теорию издержки производства, как *новый* усложняющий фактор, не опрокидывающий прежние формулы, а свободно помещающийся в теории, которая была построена путем абстрагирования от этих издержек.

Если сравнить этот способ развертывания отдельных экономических категорий со способом хотя бы Вальраса, то нельзя не обнаружить некоторой аналогии. И австрийцы, и Вальрас, и Курно — все они подходят к экономической теории с одного конца — со стороны анализа спроса. Отличие заключается в том, что Курно не углубляется в исследование абсолютного потребления и в изучение потребностей: его интересует исключительно величина спроса. Поэтому он не делает никаких психологических экскурсий.

¹⁾ Recherches, стр. 48.

²⁾ Ibidem, стр. 53.

Весьма существенной для характеристики методологии Курно является установленная им функциональная зависимость между спросом и ценой. Конечно, положение, что $D = F'(p)$, не может быть названо ошибочным. Оно, несомненно, отвечает действительности. Речь может идти о том, достаточна ли эта формула для определения зависимости между спросом и ценой. Эта формула лишь утверждает, что если у нас имеются 2 ряда величин, выражающих размеры спроса и цены, то каждой величине из первого ряда соответствует величина из второго ряда. Вопрос о выборе функции и независимой переменной является условным. С полным правом можно написать, что $p = f(D)$, или что цена есть функция спроса.

Наконец, важно отметить положение Курно о непрерывности функции спроса. И это положение, само по себе, может быть признано совершенно верным (конечно, с известным приближением). Но эта непрерывность существует лишь для определенных случаев, а именно для тех, где перед нами выступает большая совокупность отдельных покупателей. В случае бесконечно малого повышения цены, отдельные покупатели могут изменить свои покупки на определенную конечную величину, которая по отношению ко всей массе покупок может быть признана бесконечно малой величиной. Это обоснование необходимо Курно лишь для того, чтобы развязать себе руки. Раз некоторые функции провозглашены непрерывными, то не будет особенно большим грехом, если мы со всеми функциями спроса будем оперировать, как с непрерывными функциями. А с фактическим признанием равноправия всех функций спроса все они легко могут быть подвергнуты операциям дифференцирования. Такое расширение группы непрерывных функций, как это подробно выяснено в главе, посвященной Джевонсу, не является случайным; это расширение отражает социологические воззрения экономистов, не проводящих резкого различия между условиями индивидуального и общественного спроса.

Решающее значение для методологии Курно имеет то обстоятельство, что все свои важнейшие формулы наш автор выводит из рассмотрения *монопольного* хозяйства. Система Курно состоит из ряда положений и формул, логически связанных друг с другом и постепенно усложняющихся по мере того, как он переходит от полной монополии к ограниченной монополии, а затем — к свободной конкуренции. Все эти отдельные формы экономического режима связываются в одну стройную систему. Ключ к объяснению всех законов рыночного механизма нужно искать в условиях полной монополии. Качественно различные системы хозяйствования (монопольного и конкурентного) могут быть сведены к количественно отличным выражениям одного и того же закона. В этом заключается центральная идея теории Курно, которая является и центральным источником всех его ошибок, и центром уз, связывающих его с психологической школой.

Эта идея является молчаливой предпосылкой теории Курно. Если монополия и свободная конкуренция подчиняются одним и тем же законам, то анализ последних можно начинать с какого угодно конца. Но, очевидно, целесообразно начать с простейшего случая, т.-е. с полной

монополии. Таков метод Курно. «При всяком построении необходимо исходить из какой-либо простой предпосылки. Наиболее же простой гипотезой, приемлемой при отыскании законов, определяющих цены, является гипотеза монополии, понимая последнюю в абсолютном смысле, т.-е. предположив производство товаров сосредоточенным в руках одного лица. Гипотеза эта не является чистой фикцией; она осуществляется в некоторых случаях; кроме того, изучив ее, мы сможем более точно анализировать влияние конкуренции производителей»¹⁾. Можно было бы возразить, что другие экономисты-математики обычно начинают с анализа свободной конкуренции и затем лишь переходят к рассмотрению монополии. Можно было бы сослаться на следующее заявление Вальраса, в котором он противопоставляет свой метод методу Курно. «Он, пишет Вальрас (речь идет о Курно. И. Б.), переходит от случая естественного блага к случаю искусственного блага, от максимума валовой выручки к максимуму чистой выручки, потом — от случая с одним монополистом к случаю с двумя монополистами, и, наконец, от монополии — к неограниченной конкуренции. Я же предпочитаю исходить от неограниченной конкуренции, которая есть общий случай, чтобы перейти к монополии, представляющей из себя частный случай»²⁾.

Необходимо, однако, отметить, что Вальрас, несомненно, преувеличивает различие между своей методологией и методологией Курно. Дело в том, что, как увидим ниже, в главе 7-й, Вальрас во всех своих рассуждениях исходит из наличия естественной монополии. Первоначально он совершенно абстрагируется от производства и принимает величину запаса потребительских благ за constans. Затем он переходит к рассмотрению производства, но при этом запас производительных благ принимается за постоянную величину. Иными словами, во всех своих рассуждениях Вальрас стоит на почве естественной монополии. Это ярче вытекает из следующего места, в котором Вальрас выступает против распространительного толкования термина монополия: «Они (речь идет о некоторых экономистах, утверждавших существование земельной монополии), пишет Вальрас, называют, по аналогии, монополией обладание некоторыми производственными услугами в ограниченном количестве, например, обладание землями. Однако, все производственные услуги имеются в ограниченном количестве, и если землевладельцы обладают монополией на землю, то трудящиеся обладают монополией на личные способности, а капиталисты — на капиталы. При подобном расширении смысла терминов, монополия — везде и нигде»³⁾. Эта цитата бросает яркий свет на методологию Вальраса. Он не видит никакого различия между естественными благами и свободно воспроизводимыми товарами. Решающее значение для него имеют наличные запасы товаров в данную минуту. От возможности дальнейшего расширения существующих запасов товаров Вальрас

¹⁾ Recherches, стр. 59—60.

²⁾ „Eléments d'économie politique pure“, стр. 441.

³⁾ Ibid., стр. 435—436.

абстрагируется. Величину этих запасов наш автор считает фиксированной. Но этот подход имеет смысл лишь в условиях естественной монополии, где отпадает возможность безграничного расширения производства. Следовательно, различие между Курно и Вальрасом заключается лишь в том, что первый исходит из наличия искусственной монополии, а второй — из естественной монополии. Но между этими двумя типами существует очень тесная логическая связь. Основные законы цены в общем совпадают. Закон спроса играет доминирующую роль в обоих случаях ¹⁾. Таким образом, то резкое методологическое различие между Курно и Вальрасом, о котором говорит последний, основано, в значительной степени, на том, что в понятие монополии вкладывается слишком узкое содержание. Монополия отождествляется с искусственной монополией. Любопытно отметить, что сам Курно является сторонником такого ограничительного толкования термина «монополия». Если говорить о земельной монополии, указывает он, «в таком случае, все то, что относится к богатству, все то, что обладает меновой ценностью, будет также объектом естественной монополии, и естественная монополия объясняет все — как проценты на капитал и зарплату рабочего, так и ренту землевладельца. Процент на капитал не платили бы, если бы капитал не имелся в ограниченном количестве, подобно продукту того или иного источника» ²⁾.

Любопытно отметить, что важнейшим аргументом против теории полезности, рассматриваемой, как важнейшее основание цены, Курно выдвигает несоизмеримость полезности отдельных благ. «Что может быть, — пишет он, — более неизвестным и неопределенным, чем наша оценка радостей и лишений? Как сравнить то, что называют, если угодно, счастьем альпийского пастуха со счастьем ничего не делающего лаццарони, или манчестерского рабочего; ...радости вождя клана, окруженного своими клиентами, или благородного нормана в своем феодальном меноре, с радостями их потомков в лондонском отеле или на больших дорогах Европы?» ³⁾. Курно противопоставляет категории меновой и потребительской ценности, как две категории, из которых одна поддается точному измерению, а другая — нет. Поэтому, по мнению Курно, между этими категориями не может быть непосредственной причинной зависимости. В этом пункте Курно расходится с позднейшими экономистами-математиками (напр., с Джевансом, Вальрасом) и австрийцами, которые признают возможность точного измерения наших потребностей и желаний. Во всяком случае, при построении своей теории они исходят из этой предпосылки. Но необходимо отметить, что вопрос о возможности измерения полезности не является уже столь бесспорным среди экономистов-суб'ективистов. Новейшая фаза математической школы (теории кривых безразличия — Эджвортса, Парето) как раз характеризуется отказом от постулата о соизмеримости психических явлений, вообще и полезности в частности.

¹⁾ См. подробнее ниже.

²⁾ „Principes de la théorie des richesses“, стр. 113.

³⁾ Principes, стр. 7.

Следовательно, расхождение между Курно и целым рядом экономистов-суб'ективистов по вопросу о теории полезности, поскольку это расхождение базируется на вопросе об измеримости полезности, не имеет большого принципиального значения. Теория полезности, как мы отметили в 1-й главе, не играет центральной роли в системе суб'ективизма. Она, скорее, составляет, по выражению Дитцеля, орнамент, нежели фундамент суб'ективной теории.

II

Перейдем к рассмотрению важнейших положений теории Курно. Мы остановимся лишь на рассмотрении некоторых моментов, представляющих наибольший теоретический интерес. От рассмотрения некоторых более специальных вопросов, напр., о влиянии налогов или таможенных пошлин на цены, мы отвлекаемся. Курно, как указано выше, прежде всего начинает с рассмотрения закона спроса. Он отвергает, как неверную, часто встречающуюся формулировку о том, что спрос обратно-пропорционален цене. «Из того, — пишет он, — что 100 единиц одного товара проданы по цене 20 фр., нет оснований сделать вывод, что в течение того же промежутка времени и при тех же обстоятельствах 200 единиц будут проданы по цене в 10 франков». Положение о пропорциональной зависимости между изменением спроса и цены (т.-е., что если цена увеличивается в *n* раз, то спрос уменьшается в *n* раз и обратно) основано на совершенно произвольной предпосылке, что общая сумма денег, затрачиваемая на покупку какого-либо товара, является постоянной. Между тем эта величина ассигнования на покупку отдельных товаров может измениться даже при условии неизменности общей суммы доходов данного суб'екта. Графически положение об обратной пропорциональной зависимости между ценой и спросом выражается в том, что эта зависимость может быть изображена в виде прямой линии. Между тем эта предпосылка является совершенно необоснованной.

Курно совершенно верно утверждает, что можно говорить лишь об обратной зависимости между изменениями цены и спроса. Темп этого изменения является неодинаковым для различных товаров. В своем позднейшем произведении «Principes de la théorie des richesses» Курно указывает, что можно выделить две основных группы товаров. Одна группа состоит из товаров, удовлетворяющих потребности комфорта, т.-е. из товаров, от употребления которых можно отказаться без больших лишений. К этим товарам Курно причисляет чай, сахар и т. д. Для этой группы можно установить общее правило, что «потребление или действительный спрос изменяется гораздо скорее, чем если бы он изменялся в обратно-пропорциональном отношении к цене» ¹⁾. Другая группа товаров состоит из предметов первой необходимости. В этом случае зависимость между спросом и ценой носит совершенно другой характер. «Изменение спроса не столь скорое, чем если бы оно происходило

¹⁾ Principes, стр. 96.

в обратно-пропорциональном отношении к цене»¹⁾. В этих замечаниях Курно заключается зародыш позднейших теорий эластичности спроса, которые получили весьма детальную разработку у Маршалля.

Курно далее указывает, что в некоторых случаях понижение цены может вызвать уменьшение спроса. В качестве примера он ссылается в своих «Recherches» и в «Principes» на алмаз. «Если бы пришли к производству с небольшими издержками кристаллизации угля и к продаже за 1 франк алмаза, который стоит теперь 1.000 франков, то ничего не было бы удивительного в том, что алмаз перестал бы служить предметом украшения; и так как он мало может быть использован для других целей, то его с трудом можно было бы считать товаром (*objet de commerce*)²⁾. Но такие случаи Курно считает исключительными. Как общее правило, по его мнению, повышение цены вызывает понижение спроса, и наоборот. И в этом отношении, в своих попытках детально изучить все формы зависимости между спросом и ценой, Курно является предшественником позднейших экономистов-математиков.

Зависимость между спросом и ценой, по мнению нашего автора, можно изобразить в формуле функций $D = F(p)$. Установивши основную функцию, Курно приступает к более детальному исследованию отдельных форм $F(p)$. Против самого установления функциональных зависимостей спорить, конечно, не приходится. Но, с точки зрения методологии, имеется опасность в слишком сильном увлечении анализом функций. Данная функция, напр., $D = ap$, ничего не говорит о характере причинной зависимости между a и p . На основании этой формулы нельзя определить действительный источник изменений, т.-е. решить вопрос о том, что является причиной изменения: D или p . Эта формула дает лишь возможность установить характер количественных соотношений между спросом и ценой. Если мне известна цена, то на основании этой формулы я могу определить спрос, и наоборот. В связи с этим, различие между функцией и аргументом, или — между зависимой и независимой переменной является условным. От формулы $D = F(p)$ можно перейти к формуле $p = f(D)$. Как увидим ниже, Курно при исследовании различных форм монополии первоначально рассматривает $D = F(p)$, а затем переходит к исследованию $p = f(D)$. Такой переход является вполне правомерным, если ограничиться рассмотрением функциональной зависимости между этими двумя величинами. Но он вызывает серьезные сомнения, если перейти к каузальному исследованию явлений. Из того, что a есть причина b , нельзя сделать обратного вывода о том, что b есть причина a . Функция $D = F(p)$ выражает не только количественную зависимость между спросом и ценой, она выражает в то же время причинную обусловленность спроса ценой. Функция $p = f(D)$ этой причинной обусловленности не отражает или, во всяком случае, выражает зависимость совершенно другого типа. Сам Курно заявляет, что, «как общее правило, потребление, истинный спрос подчиняются цене, а не цена спросу»³⁾. Правда, изменение спроса, в свою очередь

¹⁾ Principes, стр. 96.

²⁾ Ibidem, стр. 95.

³⁾ Ibidem, стр. 94.

может оказать влияние на цены. Но, в данном случае, существует значительное различие не только в форме количественной зависимости между спросом и ценой (в первом случае, т.-е. когда рассматривается $D = F(p)$, зависимость между обеими величинами обратная; во втором случае, т.-е. когда берется $p = f(D)$, зависимость прямая, т.-е., с увеличением спроса повышается цена, и наоборот). Между обоими случаями — $D = F(p)$ и $p = f(D)$ — существует различие в самом характере зависимости между p и D . Дело в том, что всякое изменение цены вызывает изменение спроса. Новый спрос может удержаться в течение весьма длительного периода. С другой стороны (в особенности, для случаев эластичного спроса), величина спроса может колебаться в очень широких пределах. Влияние спроса на цены носит совсем другой характер. Изменение спроса прежде всего вызывает лишь временные колебания рыночных цен, ибо изменение цены влечет за собой противодействующую тенденцию. Последняя заключается в том, что предложение расширяется соответствующим образом и цена устанавливается на прежнем уровне. Кроме того, колебания спроса при нормальных условиях производства происходят в более широких пределах, чем колебания рыночных цен.

Если же от рассмотрения зависимости рыночных цен и спроса перейти к рассмотрению зависимости между рыночной ценностью и спросом, то недостаточность одного функционального анализа окажется еще более очевидной. Изменения рыночной ценности влияют на изменение спроса, но изменения последнего не вызывают соответствующих изменений в рыночной ценности. Поэтому выражение $D = F(v)$ (v означает рыночную ценность) отражает реальную зависимость между данными величинами, между тем как выражение $v = f(D)$, которое может быть математическим путем получено из первого, есть чисто искусственное построение, которому ничто не соответствует в реальной экономике. Это выражение может быть использовано лишь для решения некоторых математических задач с экономическими величинами, но не для выяснения реальной зависимости между данными величинами. Курно не подвергает специальному исследованию вопроса о факторах, обуславливающих величину спроса. В своих «Recherches» он ограничивается лишь перечислением некоторых факторов. «Он (закон спроса), — пишет Курно, — зависит, очевидно, от того или иного вида полезности предмета, от свойства услуг, им оказываемых, или удовлетворения, им доставляемого, от привычек и нравов одного народа, от среднего дохода и от характера распределения богатства»¹⁾. Таким образом, в этом перечне на первом месте красуются потребности субъекта и характер полезности отдельных благ. При дальнейшем анализе причин, воздействующих на величину спроса, Курно должен был включить в поле своего исследования изучение полезности. В этом пункте можно установить логическое родство между Курно и экономистами субъективной школы. Общность между этими направлениями вытекает из того, что в центре их внимания

¹⁾ Recherches, стр. 50.

стоит теория спроса. Последняя представляет из себя важнейший базис субъективизма. На этой базе субъективисты воздвигают надстройку в виде психологической теории полезности. Чрезвычайно важную особенность Курно составляет не только то, что в своем исходном пункте (при рассмотрении монополии) он определение цен строит на анализе кривой или функции спроса. Теория спроса играет доминирующую роль во всех звеньях экономической системы Курно. И в своем заключительном пункте, при рассмотрении неограниченной свободной конкуренции, Курно апеллирует к функции спроса. В связи с этим, теория издержек производства подменяется у него теорией предельных издержек. Высота предельных издержек зависит не только от производственно-технических условий, но — и от количества произведенных товаров. Последнее, в свою очередь, зависит от спроса. Следовательно, спрос оказывает влияние на цены (средние или нормальные цены) и в условиях свободной конкуренции. Перейдем к рассмотрению первого случая, т.-е. монополии.

Курно первоначально рассматривает монополиста, у которого не имеется совершенно никаких издержек производства, например, владельца источника минеральных вод. Последний, т.-е. владелец-монополист, может воздействовать на цены путем расширения или сокращения своего предложения. С первого взгляда может показаться, что в интересах монополиста — максимальное повышение цены. Однако, такой вывод был бы неверным. Повышение цены имеет свою отрицательную сторону — сокращение спроса. Монополист заинтересован в увеличении своего дохода, равного количеству проданных единиц (или спросу), помноженному на цену единицы. Аналитически этот доход выразится в виде $p \cdot F(p)$. Обе эти величины — p и $F(p)$, — определяющие в своей совокупности величину общего дохода, движутся в различном направлении. При слишком низкой цене, или при нулевой цене, этот доход будет равен 0. Точно так же, при слишком высокой цене спрос, а значит и доход, будет равен 0. Очевидно, что из всех возможных цен существует такая, которая обеспечит максимальный доход монополиста.

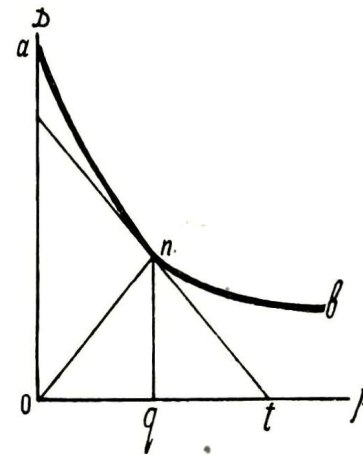
Для определения этой цены необходимо продифференцировать выражение $pF'(p)$ и полученную первую производную приравнять 0. Тогда p можно будет определить на основании уравнения $F'(p) + pF''(p) = 0$, откуда $p = \frac{F'(p)}{-F''(p)}$, а $p \cdot F'(p) = \frac{F'(p)^2}{-F''(p)}$. Это выражение будет правильно, если данная функция имеет максимум, т.-е. если вторая производная является отрицательной. Иными словами, мы должны иметь $2F''(p) + pF'''(p) < 0$. Итак, не всякое повышение цены является выгодным для нашего монополиста, ибо с повышением цены p до $p + \Delta p$ спрос сократится с D до $D - \Delta D$. Выгодность или невыгодность повышения цен будет зависеть от соотношения $\frac{\Delta D}{\Delta p} < \frac{D}{p}$ или $\frac{\Delta D}{\Delta p} > \frac{D}{p}$ ¹⁾. В первом случае будет выгодно повышать цену, во втором случае — нет.

¹⁾ Recherches, стр. 57—58.

Графически указанная выше формула получит следующее выражение ¹⁾. На оси OP откладываем цены, а на оси OD — величины спроса. Тогда кривая amb будет кривой спроса. Задача определения максимальной величины произведения Dp или $F'(p)p$ получит теперь следующее выражение: найти на кривой amb такую точку, для которой произведение абсциссы и ординаты было бы наибольшим. Этой точкой будет n . Величина спроса для данной точки равна pq , цена — Oq . Эта точка определяется тем, что треугольник Ont , образованный касательной к этой точке — nt и радиусом-вектором On , будет равнобедренной, так что $Oq = qt$.

Формула Курно $F'(p) + pF''(p) = 0$... (1) представляет весьма большой теоретический интерес. Она дает возможность определения цены для монопольного продукта. Цена последнего, на основании этой

формулы, равна $\frac{F'(p)}{-F''(p)}$. Иными словами, цена этого продукта исключительно зависит от функции спроса. От чего же зависит последняя? Если мы возьмем формулу $D = F'(p)$, то согласно этой формуле, D зависит от 2 факторов: а) от цены p , и б) от формулы функциональной зависимости. При данной цене, D определяется исключительно на основании этого последнего фактора. От чего же зависит эта формула функциональной зависимости? Если мы рассматриваем только зависимость между спросом на данный товар и ценой последнего, как это делает Курно, то мы должны признать, что эта

Черт. 1

форма функциональной зависимости определяется потребностями покупателей и их покупательной способностью (величиной доходов). В самом деле, если два товара, A и B , имеют одинаковую цену, то спрос на них может быть различным при данной величине индивидуальных доходов, в зависимости от потребности в данном товаре. Если потребность в данном товаре возрастает, то, при прежней цене, спрос может повыситься. Иными словами, форма функциональной зависимости изменится. Таким образом, формула Курно фактически признает примат потребления, она ставит определение цены монопольных продуктов в зависимости от потребностей покупателей; иными словами, она очень близко стоит к основной концепции теоретиков предельной полезности. И эта близость выводов Курно и теории предельной полезности — не случайна: она вытекает из общности их методологических принципов.

¹⁾ Recherches, стр. 57.

III

Особенность теории Курно состоит в том, что он начинает с анализа полной монополии. Но та монополия, о которой говорит наш автор, не есть еще абсолютная монополия. Курно говорит лишь о монополии по отношению к отдельным товарам. Эта монополия не отрицает осуществления конкуренции между *различными сферами* производства; она вводит лишь эту конкуренцию в определенные рамки; она *ограничивает*, но не *уничтожает* рыночную конкуренцию. По существу, тот режим, о котором говорит Курно, если взять все народное хозяйство в целом, есть смешанный режим: элементы монополии комбинируются с элементами конкуренции.

Абсолютная монополия была бы лишь в том случае, если все общественное производство было монополизировано, если бы один монополист, индивидуальный или коллективный, владел всеми средствами производства и руководил всем хозяйством в целом. Абсолютная монополия предполагает полную ликвидацию конкуренции как между отдельными сферами производства, так и между отдельными национальными хозяйствами. Абсолютная монополия означает организованное антагонистическое хозяйство. Поэтому такое хозяйство было бы отрицанием товарного хозяйства. Оно было бы построено на рациональных принципах, оно совершенно не знало бы анархии производства.

Ценность выражает производственные отношения *независимых* товаропроизводителей. Между тем, в нашем обществе абсолютной монополии таких независимых товаропроизводителей не будет. Общество будет состоять из небольшой кучки монополистов или даже единственного монополиста, с одной стороны, и громадного большинства общества, работающего на монополистов, с другой стороны. Общественный спрос будет равен заработной плате. Иными словами общественный спрос будет фиксированной величиной, определяемой величиной заработной платы, т.-е., в данном случае, нормой прибавочной стоимости. Деньги, в этом случае, играли бы роль талонов, по которым рабочие и служащие, составляющие все общество, получали бы различные продукты из складов монополиста. Последнему, конечно, пришлось бы учесть потребности своих рабочих и служащих при разработке производственного плана. Но с такой задачей должно будет столкнуться и социалистическое общество.

Кардинальная ошибка Курно заключается в том, что он систему конкуренции и систему монополии ставит на одну доску. Абсолютная монополия качественно отлична от товарного хозяйства. Она представляет из себя тип не стихийного, а организованного, хотя и антагонистического, хозяйства. Для системы абсолютной монополии формула Курно $F(p) + pF'(p) = 0$ неприменима прежде всего потому, что там вообще не будет цены; далее, размеры общественного спроса там являются фиксированными. Капиталиста-монополиста будет интересовать лишь количество прибавочного продукта, произведенного рабочими. Он будет заинтересован в максимальном увеличении эксплуатации, нормы прибавочной стоимости, вернее, нормы прибавочного продукта

(отношения прибавочного продукта к необходимому). С этой точки зрения формула Курно теряет свое значение.

Если же, подобно Курно, отвлечься от производственных условий и предположить, что никаких издержек производства не нужно, если распространить этот случай на все народное хозяйство в целом, то отпадет последний элемент общественного хозяйства. Нашему монополисту тогда никаких рабочих и служащих не нужно будет иметь. Он фактически превратится в изолированного потребителя, в Робинзона, который будет оценивать свои продукты с точки зрения своих потребностей и существующего запаса благ. Для этого Робинзона, одевшегося в тогу монополиста, или предпринимателя, приставшего на необитаемый остров Робинзона, не будет иметь никакого смысла сокращать количество имеющихся продуктов; для него запас этих продуктов будет фиксированной величиной.

Таким образом, если признать наличие абсолютной монополии, с одной стороны, и отсутствие издержек производства, с другой стороны, то мы сможем установить полное тождество между теорией Курно и теорией предельной полезности. Различие между этими теориями состоит в том, что Курно менее последователен, он берет монополию отдельных товаров, а не монополию всего производства, он берет за основу своего анализа — *смешанный случай*, где монополия переплетается с конкуренцией и где, следовательно, общественная зависимость отдельных товаропроизводителей проявляется, *несмотря* на существование монополии. С этой точки зрения ограниченная монополия только *усложняет* результаты экономического анализа, выведенные для свободной конкуренции, затемняет, искажает, но не устраняет этих выводов.

Таким образом, все элементы формулы Курно $F(p) + pF'(p) = 0$ имеются в наличности не потому, что существует монополия, а *несмотря на то*, что эта монополия существует. С этой точки зрения, никакой анализ монопольных цен не возможен без предварительного изучения механизма рыночной конкуренции и законов товарного хозяйства.

Если взять случай не абсолютной монополии, а ограниченной (т.-е. где монополизированы отдельные сферы производства), то формула Курно получит совсем иной смысл. Прежде всего, для случая ограниченной монополии формула $D = F'(p)$ оказывается неверной. Спрос на данный товар оказывается в зависимости не только от цены данного товара, но и от цены целого ряда других товаров. Поэтому правильной будет формула $D_a = F_a(p_a, p_b, p_c, \dots)$. Эта поправка имеет громадное значение. Она выражает зависимость, существующую между отдельными ценами, а тем самым между товаропроизводителями, стоящими за спиной цен. Согласно новой формуле, спрос на данный товар — а может измениться даже в том случае, если цена p_a остается неизменной. Достаточно для этого, чтобы изменились цены остальных товаров или какого-нибудь отдельного товара, играющего важную роль в бюджете значительной группы населения. Иными словами, из двух элементов: p_a и D_a , определяющих прибыль монополиста, второй элемент D_a ,

находится вне зависимости (во всяком случае, вне полной зависимости) отданного монополиста. Этот элемент — спрос на товар a — есть результат действий целого ряда независимых товаропроизводителей. Рычаги воздействия на максимальную прибыль теперь уже не находятся в руках монополиста; он вынужден *приспосабливаться* к существующему уровню цен, он вынужден учитывать всякие воздействия со стороны остального товарного мира. Принцип рациональности находит некоторое ограничение. Монополист не может уже сознательно предвидеть будущие цены.

Мы не говорим уже о том, что функция спроса фактически не может быть определена, или, во всяком случае, до сих пор не была определена с достаточной точностью. Расчеты монополиста, в лучшем случае, основываются на очень грубых приближенных расчетах. Последние лишь в весьма отдаленной степени напоминают те точные вычисления, которыми Курно заставляет заниматься своих монополистов. На это можно было бы возразить, что формула Курно, как и все математические формулы, не дает точного отражения процессов, имеющих место в реальной действительности, а лишь выражает основные тенденции, характеризующие экономические процессы.

Если принять формулы Курно с этой оговоркой, то все же придется признать их ошибочными. Курно значительно переоценивает возможность монополиста рационально воздействовать на рыночные процессы. Монополист не оказывается, конечно, столь безоружным перед лицом рынка, как капиталист, работающий в условиях свободной конкуренции. Не приходится отрицать, что монополист имеет возможность оказывать давление на рыночные цены. Тем не менее, в условиях неполной монополии, т.-е. там, где только отдельные сферы производства монополизированы, стихийные процессы конкуренции между отдельными сферами производства играют доминирующую роль. Рынок данного товара вовсе не является уж таким послушным объектом для различных операций монополиста. Достаточно лишь указать на циклические колебания, на кризисы, которые не в состоянии устранить никакая монополия, никакая организация капиталистов. Те буржуазные экономисты, которые защищают возможность устранения кризиса путем создания мощных капиталистических организаций, руководящих народным хозяйством, недооценивают роли и значения чисто стихийных факторов и процессов. Они повторяют ошибку Курно, который переоценил роль рациональных, организующих элементов народного хозяйства в эпоху монополии. Поэтому Курно совершенно неверно представил психологию монополиста. В представлении Курно, монополист, намечая производственный план, занимается решением задачи, все данные и условия которой известны — известна функция спроса, — необходимо лишь определить оптимальную цену. В условиях реального монополистического капитализма, правильнее выражаясь, в тех условиях, когда монополист не подчиняет себе всего народного хозяйства в целом, монополисту фактически приходится разрешать задачу со многими неизвестными. Кривая спроса на товар монополиста не остается неизменной; наоборот, эта кривая является весьма капризной и неустойчивой. Необходи-

димо вспомнить, что монополия чаще всего образуется в производстве средств производства, т.-е. в тех областях, где циклические колебания получают наиболее сильное выражение. Поэтому предствление, что монополист высчитывает максимум прибыли, устанавливает оптимальную цену, вообще действует, как неограниченный хозяин в своей области, ни в малейшей степени не зависимый от рынка, должно быть признано ошибочным и противоречащим элементарным фактам действительности.

С другой стороны, если даже отвлечься от этого обстоятельства, возможность установления оптимальной (или наиболее выгодной) цены наталкивается на другое препятствие. На ряду с конкурирующими производителями в одной сфере производства, существуют конкурирующие товары, т.-е. продукты, удовлетворяющие одной потребности (напр., уголь, нефть, дрова). Всякое повышение цены одного товара может привести к вытеснению данного товара конкурирующими продуктами. Благодаря этому, возможность повышения цен данного товара поставлена в значительно более тесные пределы, чем это предполагает Курно.

Необходимо, наконец, отметить, что всякая частнохозяйственная монополия должна считаться с т. н. возможной конкуренцией (potential concurrence), т.-е. с возможностью выступления аутсайдеров. Слишком высокие монопольные цены могут превратить эту возможную конкуренцию в реальную. Ограничивающее влияние возможной конкуренции на монопольные цены подчеркивается Кларком («Essentials of economic theory», стр. 380; смотри также Оппенгеймера («Wert und Kapitalprofit», стр. 93). Если взять случай ограниченной монополии, то формула Курно получает совсем другое значение. Она уже не может служить для определения цены. Если бы была сохранена формула $D_a = F'_a(p_a)$, то, как мы раньше указали, величина оптимальной цены определяется на основании $F'_a(p_a)$, сама же форма функциональной зависимости между D и P определяется потребностями покупателей. Другое дело, если взять формулу $D_a = F'_a(p_a, p_b, p_c, \dots)$. Здесь форма функциональной зависимости между D_a и P_a зависит не только от потребности в товаре a , но и от цен — p_b, p_c, p_d, \dots и т. д. Иными словами, формула Курно в этом виде утверждает лишь, что цена данного монопольного продукта зависит от цен других товаров. Цена определяется ценой. Перед нами налицо логический круг. Правда, можно было бы ответить, что цена *одного товара* определяется ценой *другого товара*. Но цена последнего, в свою очередь, по формуле Курно, должна, или, во всяком случае, может, зависеть от цены первого товара. Получается снова заколдованный круг. Наличие последнего не является, конечно, случайностью. Курно берет за основу анализа случай ограниченной монополии, где закон ценности наталкивается на целый ряд препятствий, где существует перманентное и значительное отклонение цен от ценности, где поэтому влияние спроса на отклонение цены проявляется весьма значительно. Не проводя различия между ценой и ценностью, Курно взял за основу монопольные цены, которые находятся под

значительным влиянием спроса. А последний, в свою очередь, зависит от существующих цен.

Очевидно, что при этих условиях (т.е. если D есть функция цен других товаров) формула Курно не в состоянии дать окончательного разрешения вопроса о факторах, влияющих на цены. Курно выводит монопольную цену из функции спроса. Но последняя, в свою очередь, зависит от цен других товаров. Таким образом, цена монопольного товара объясняется при помощи других цен. Последние являются данными и не получают объяснения. Поэтому формула Курно не может быть вообще положена в основу анализа цен, ибо она сама предполагает существование цен. Методологический прием Курно, следовательно, не может быть признан удачным, ибо если монопольная цена зависит от других цен, которые могут быть монопольными или конкурентными ценами, то первоначально необходимо дать общую теорию цен, и лишь затем на основе общей теории цен развить теорию монопольных цен. В противном случае, при объяснении монополии, мы будем оперировать с влиянием цен, происхождение которых остается загадочным и туманным, и поэтому анализ цены не может быть признан доведенным до логического конца. Тот факт, что теория монопольной цены Курно не может дать совершенно законченного объяснения цены, т.е. такого объяснения, которое было бы свободно от ссылки на цены других товаров, находит себе объяснение прежде всего в самой природе монопольных цен. Последние определяются соотношением спроса и предложения, которое, в свою очередь, находится в зависимости от цен целого ряда товаров. На этом вопросе мы более детально остановимся в конце этой главы. Кроме того, причина логических кругов в теории Курно кроется в его методологии. Курно за исходный пункт своего анализа берет образование цены одного какого-либо товара (в данном случае — минеральных вод). Курно ограничивается рассмотрением одной производственной сферы. Но данную сферу нельзя изолировать от всего общественного производства. Данная производственная сфера испытывает на себе давление всего общества в виде существования определенной системы цен, которые оказывают воздействие на уровень цен в данной сфере. Абстрагироваться от этого воздействия — цен других товаров — значит абстрагироваться от зависимости между различными производственными сферами, т.е. от самого существования товарного производства. Поэтому при рассмотрении образования цен в одной сфере экономист всегда исходит из наличия определенной системы цен. Нельзя дать исчерпывающее объяснение цен всех товаров или всякой цены на основании анализа одного товара. Для того, чтобы выполнить эту задачу, необходимо от анализа индивидуального производства перейти к анализу общественного производства в целом, т.е. изучить основные законы движения и распределения труда.

Этот заколдованный круг выступает особенно отчетливо, когда Курно в свою первоначальную формулу вводит издержки производства. Он берет случай искусственного получения минеральных вод, «в каком случае необходимо оплачивать сырье и издержки производства. Производитель должен будет стараться довести до максимальной цены не

функцию $pF(p)$, или валовую годовую продукцию, но чистую продукцию или функцию $pF'(p) - \varphi(D)$, где $\varphi(D)$ обозначает издержки, необходимые для производства D литров»¹⁾.

Для этого случая, необходимо найти первую производную от выражения $pF'(p) - \varphi(D)$, или — заменив $F'(p)$ через $D - pD - \varphi(D)$ и приравняв последнюю нулю. Тогда получим формулу $D + \frac{dD}{dp} \left[p - \frac{d\varphi(D)}{dD} \right] = 0$. (2)

В этой формуле смешаны ценностные и материальные элементы. С одной стороны, $D = F'(p)$ есть определенное количество материальных благ, на которые, при данной цене, существует спрос. Для того, чтобы определить их цену, нужно D помножить на p . Издержки производства рассматриваются просто, как функция спроса или D . Обе эти величины — D и $\varphi(D)$ рассматриваются, как величины одного порядка. Между тем, между ними существует значительное различие. Капиталист-предприниматель, если он только не монополизировал всего производства, вынужден покупать различные средства производства и рабочую силу, вынужден *оплачивать* их по существующим ценам. Поэтому, $\varphi(D)$ представляет из себя ценностную величину, которая зависит от цены единицы издержек производства. Иными словами, в формуле $pF'(p) - \varphi(D)$ присутствует не цена одного готового продукта, а цены также и издержек производства. Т.е., перед нами фактически имеется одно уравнение с несколькими неизвестными. Это уравнение, значит, является неопределенным. Оно не может определить цены нашего монопольного продукта. Формула (2) Курно математически выражает тот заколдованный круг, который является характерным для теории издержек производства.

Теперь становится понятным, какую роль в теории Курно играл его метод — первоначального игнорирования издержек производства. Благодаря этому методу, общественная зависимость между отдельными производителями, которая вытекает из самой природы товарного производства, игнорируется. А вместе с тем, получается возможность игнорировать механизм рыночной конкуренции, которая лежит в основе общественной зависимости товаропроизводителей. Поэтому получается иллюзия, что можно объяснить монопольные цены, не прибегая к общей теории цен, к закону ценности для нормальных случаев.

Вальрас в своих «*Éléments d'économie politique pure*», дает следующую схему, иллюстрирующую формулу Курно²⁾ (см. стр. 110).

Как видно из этой схемы, если отвлечься от наличия издержек производства, оптимальную цену представляет из себя 1 франк за единицу данного товара, ибо при этой цене валовая выручка является максимальной (достигает суммы в 12.000 руб.). Если учесть и наличие издержек производства, то оптимальная цена будет равна 5 фр. за единицу товара, ибо эта цена обеспечивает максимальную чистую выручку, равную 3.000. Предположим, что термину издержек Курно дает обычное толкование в буржуазной экономии, т.е. что он включает в состав

¹⁾ Recherches, стр. 62.

²⁾ „*Éléments*“, стр. 437.

издержек среднюю прибыль на затраченный капитал. Тогда, при условии свободной конкуренции, цена должна была бы установиться на уровне 2 фр., т.е. цена должна была равняться издержкам производства. Нормальный размер предложения, соответствующий нормальной цене, должен был равняться 5.000 единицам. Благодаря системе монополии,

Цена 1 единицы, т.е. p	Спрос, т.е. D	Валовой доход, т.е. pD	Издержки (2 фр. на единицу)	Чистый доход $pD - \varphi(D)$
100	0	0	0	0
50	10	500	20	480
20	50	1000	100	900
5	1000	5000	2000	3000
3	2500	7000	5000	2500
2	5000	10000	10000	0
1	12000	12000	24000	12000
0,50	20000	10000	40000	30000
0	50000	—	100000	100000

размеры предложения искусственно ограничиваются до 1.000 единиц, и в результате этой фиксации предложения устанавливается более высокий уровень цен (в 5 франков).

Необходимо отметить, что из формулы Курно и указанной схемы нельзя еще сделать вывода о том, что монополист достигает намеченных целей и получает максимальную прибыль (вернее, сверхприбыль). Монополист может исходить из неверных расчетов о форме функциональной зависимости между спросом и ценой. С другой стороны, формы этой зависимости могут измениться в течение производственного периода, т.е. в течение периода от начального момента производства до выпуска на рынок продукции. Решающее значение, с точки зрения Курно, имеет лишь вопрос о факторах, регулирующих размеры действительного предложения монополиста. В основе теории Курно лежит предпосылка о том, что цена устанавливается в той точке, в которой устанавливается равновесие между спросом и предложением. Между ценой и спросом существует определенная функциональная зависимость. Каждой цене соответствует строго определенный размер спроса. При данном характере зависимости между спросом и ценой, высота последней зависит от размера предложения. Так, если (цифры взяты из предыдущей схемы) размер предложения равен 10 единицам, то цена установится на уровне 50 фр.; если предложение равно 2.500 единицам, то цена будет равна 3 фр. и т. д. Такова основная предпосылка теории Курно. Для объяснения размеров предложения монополиста нужно, по мнению нашего автора, учесть тенденцию монополиста к получению максимальной прибыли. В своих расчетах монополист исходит из характера функциональной зависимости между спросом и ценой. Следовательно, субъективное и часто ошибочное представление монополиста о характере этой зависимости является одним из звеньев в цепи факто-

ров, определяющих размер предложения, а, следовательно,— и уровень монопольных цен.

Приведенная выше формула построена на предположении о возможности свободного воспроизводства. На ряду с этим случаем Курно рассматривает те случаи, когда расширение производства наткнется на определенные границы или пределы. Предположим, что максимальная величина предложения составляет Δ . Если эта величина больше оптимальной величины предложения, то сохраняется обычная формула. В противном случае, предложение устанавливается на уровне Δ .

IV

Отвлечемся на время от того, что формула Курно не может служить исходным пунктом объяснения цен, ибо она предполагает наличие определенных цен. Нас в данный момент интересует другой вопрос — правильно ли то объяснение монопольных цен, которое дает Курно. Тут необходимо отметить одну чрезвычайно важную предпосылку, которая лежит в основе теории Курно. Последний предполагает не только наличие искусственной монополии, т.е. централизованного руководства одной какой-либо сферой производства, — на ряду с этим делается молчаливая предпосылка, что данная сфера выпускает на рынок предметы потребления. Не случайно Курно выбрал, в качестве примера, минеральные воды. Дело в том, что кривая спроса потребительских товаров подчиняется определенному закону. Конечно, возможность точного количественного выражения функциональной зависимости между спросом и ценой для каждого товара и для каждого периода является более, чем спорной. Но, во всяком случае, независимо от возможности уточнения наших формул, можно установить общее правило, что спрос изменяется в обратном направлении по сравнению с ценами. Исключения из этого общего правила объясняются наличием некоторых усложняющих моментов. Пример такого исключения приводит Курно. «Так, напр., когда французское правительство повысило в последний раз цену на табак с 8 до 10 фр. за килограмм, потребление табака осталось в течение периода баланса, последовавшего за повышением, в общем тем же, как и в период предыдущего баланса; и, однако, отсюда нельзя делать заключения, что закон спроса представляет здесь ту особенность, что спрос не падает заметным образом при повышении цены на 25%. Наоборот, отчеты, относящиеся к предыдущим балансам, указывают на постоянное повышение потребления, при неизменной цене, причиной коего является то, что привычка к табаку все более и более входит во вкусы населения, так что закон спроса на этот предмет весьма заметно изменяется из года в год¹⁾. Если потребление осталось почти неизменным непосредственно вслед за

¹⁾ Если применить к данному случаю терминологию Сэдживика (The principles of political economy, 1 book, 5 charter), то можно сказать, что экстенсивное уменьшение спроса (т.е. обусловленное изменением цены) компенсируется интенсивным увеличением спроса (т.е. обусловленным изменением самой кривой спроса вследствие, напр., изменившихся потребностей).

повышением цены, то это потому, что влияние повышения почти целиком компенсировало влияние, которое обнаружилось бы при отсутствии повышения цены и которое проистекает от прогрессивного изменения закона спроса»¹⁾).

Тот факт, что кривая спроса является убывающей, есть необходимое условие существования оптимальной цены. Если бы спрос повышался параллельно увеличению цены или даже оставался неизменным, то в интересах монополиста было бы максимальное повышение цен. Стимулы к установлению более низкой цены вытекают из того, что валовая выручка есть произведение двух множителей — цены и спроса, которые изменяются в противоположном направлении.

Но встает вопрос — действует ли этот закон убывания спроса для средств производства или нет? Является ли этот закон универсальным или нет? С этим вопросом в значительной мере связан другой вопрос — может ли быть формула $F'(p) + p F''(p) = 0$ приложена к объяснению цен монопольных средств производства.

Ответ на этот вопрос в значительной мере зависит от характера функциональной связи, существующей между изменением цены средств производства и готовых продуктов.

Здесь можно мыслить два случая: а) повышение цен средств производства находит себе отражение в ценах готовых товаров и б) несмотря на изменение цен средств производства, цены готовых товаров остаются неизменными. В первом случае предполагается, что норма прибыли в немонополизированных сферах остается неизменной (мы говорим о немонополизированных сферах потому, что предполагаем, что монополизирована лишь сфера производства средств производства, средства производства продаются не потребителям, а производителям готовых товаров или полуфабрикатов). Изменение цены средств производства, в данном случае, должно вызвать изменение цены готовых продуктов; изменение последней вызывает изменение спроса на готовые продукты, что, в свою очередь, отражается на величине спроса средств производства. Следовательно, если произойдет повышение цен средств производства, то это повышение, в конечном счете, через ряд передаточных пунктов должно вызвать сокращение спроса на средства производства. Необходимо отметить, что связь между изменениями цены средств производства и спроса на последние, при данной предпосылке, является весьма сложной. Эта связь в значительной мере скрыта от капиталистов, работающих в сфере средств производства. Повышение цен средств производства на определенную величину не дает еще возможности вычислить размеры повышения цен на фабрикаты.

Маркс отметил, что «в действительности, при повышении цены сырого материала, цена на фабрикаты повышается не в том же отношении и не в том же отношении падает при понижении цены сырого материала»²⁾. Кривая спроса на средства производства, при этих усло-

¹⁾ Principes, стр. 10.

²⁾ „Капитал“, т. III, стр. 84.

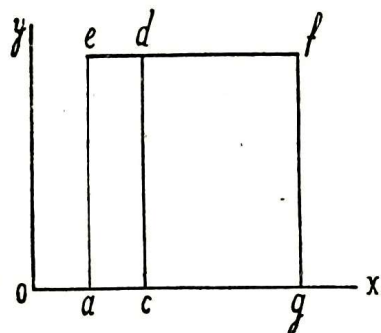
виях, является значительно менее определенной, чем кривая спроса на потребительские товары. Это обстоятельство лишает возможности монополиста в сфере средств производства строить свой производственный план на основе учета закона спроса. Возможность получения максимальной прибыли, возможность достижения оптимальной цены превращается, в данном случае, из абстракции в фикцию.

Мы предположили, что норма прибыли в немонополизированных сферах остается неизменной и что, следовательно, вся тяжесть монопольных цен падает на потребителя. Эта предпосылка является совершенно произвольной. С повышением цены на средства производства данного вида должна понизиться первоначально норма прибыли в тех сферах, которые применяют данные средства производства. Этот факт понижения нормы прибыли в определенной сфере производства должен вызвать перелив капиталов и новое распределение капиталов между отдельными производственными сферами. Но у нас нет никаких оснований утверждать, что новая норма прибыли, которая будет соответствовать стихийно установившемуся равновесию в масштабе всего капиталистического производства, должна равняться старой норме прибыли. Наоборот, если предположить, что количество рабочих и норма эксплуатации остаются неизменными, то общая масса прибавочной ценности не может подвергнуться каким-либо изменениям. Поскольку большая часть прибавочной ценности поглощается монополистами, на долю всех прочих неорганизованных капиталистов падает меньшая сумма прибавочной ценности, что действует понижающим образом на среднюю норму прибыли этих капиталов. В данном случае происходит переливание прибавочной ценности из монополистических в монополистические сферы производства. Тяжесть монопольных цен падает преимущественно или целиком на неорганизованных производителей. Цены готовых товаров остаются неизменными или подвергаются незначительным изменениям.

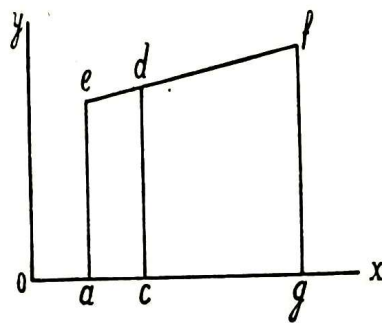
Предположим, что цены (мы говорим о среднем уровне цен, а не о рыночных ценах) готовых продуктов остаются неизменными. Следовательно, спрос этих товаров, при прочих равных условиях, должен остаться неизменным. С другой стороны, мы предполагаем, что цены средств производства повышаются монополистом. Как в этом случае будет изменяться спрос на средства производства? Должно ли произойти понижение спроса на средства производства при этих условиях? Будем ли мы иметь кривую спроса, аналогичную той, которая установлена Курно? У нас нет никаких оснований делать подобные выводы. Производители готовых продуктов (мы предполагаем, что они являются неорганизованными) будут получать более низкую норму прибыли. Но у них будут отсутствовать стимулы к сокращению производства. Прежде всего, величина спроса на их изделия предполагается неизменной. С другой стороны, сокращение масштаба производства привело бы к еще большему сокращению общей массы прибыли. С одной стороны, сократился бы авансированный капитал, с другой стороны, понизилась бы норма прибыли. Увеличение авансированного капитала, связанное с повышением цен на средства производства, при том же самом

размере производства, обеспечивает получение хотя бы прежней массы прибыли.

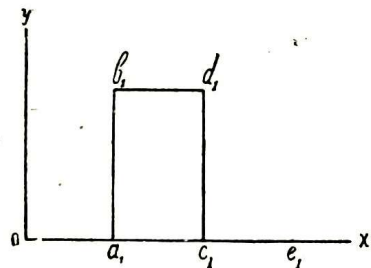
Правда, можно было бы возразить, что производители готовых товаров попытаются повысить норму прибыли путем сокращения своего предложения (или, что то же самое, путем сокращения своего спроса). Но это возражение основано на игнорировании наличия свободной конкуренции. Отдельный производитель-конкурент не может рассчитывать, что сокращение его предложения вызовет повышение цены. Такой расчет имел бы смысл лишь при одном условии — наличии соглашения

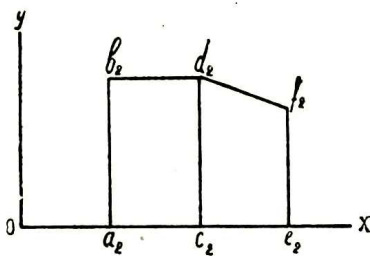
Черт. 2.

Черт. 3.

Черт. 4.

Черт. 5.

между производителями какого-либо товара. Но это условие противоречит условию свободной конкуренции.

Таким образом, кривая спроса средств производства не всегда является убывающей. Наоборот, из истории циклических колебаний производства мы знаем, что годы повышения цен на средства производства совпадают с периодом усиленного спроса на эти товары. Следовательно, кривая спроса на средства производства может принять такую форму, как на черт. 2 или даже на черт. 3.

Анализ законов изменения спроса на средства производства обнаруживает еще одну интересную особенность. Кривую общественного

спроса на средства потребления, с известным приближением, можно считать непрерывной. Спрос возможен при различных ценах, при чем интервал, в котором изменяются цены, может быть очень большим. Даже очень высокая цена какого-нибудь предмета потребления (при отсутствии конкурирующих товаров) не исключает возможности потребления этого товара ограниченным кругом состоятельных покупателей. В области спроса на средства производства (при допущенных нами условиях о сокращении нормы прибыли в немонополизированных сферах) мы имеем другую картину. Здесь существуют известные пределы для повышения монопольных цен. Понижение нормы прибыли неорганизованных капиталистов, связанное с повышением монопольных цен, может происходить лишь до известного предела. Этим пределом, как указал Гильфердинг ¹⁾, является достижение такого уровня прибыли, при котором капитал получает не больше ссудного процента. На наших чертежах этой максимальной цене соответствует абсцисса ae . Дальнейшее повышение цены монопольных средств производства делает невозможным дальнейшее продолжение производства готовых товаров и, следовательно, должно привести к резкому сокращению спроса на средства производства. Кривая спроса обрывается в этой точке.

В интересах монополиста, производителя средств производства, — получить максимальную прибыль, которая связана с установлением максимальной цены. Но реализация этих желаний и стремлений монополиста натывается на целый ряд препятствий. На повышение цен средств производства производители готовых товаров реагируют изменением своих методов производства. Усиливается тенденция к экономии на постоянном капитале. Усиливаются попытки к замене данного средства производства другим. Усиливаются попытки к организации потребителей средств производства. Монополист, продающий средства производства, не имеет дела с совершенно беспомощной массой производителей. Он наталкивается на определенное сопротивление. Соотношение экономических сил монополиста и неорганизованных производителей, которое определяется целым рядом факторов, решает, в какой точке должна установиться цена монопольного товара. Борьба немонополистов с монополистами выражается в тенденции сократить спрос на данные средства производства. Это экономическое давление неорганизованных производителей на кривую спроса должно найти себе отражение в характере кривой спроса. Благодаря этому давлению спрос может оборваться не в точке c , соответствующей минимальной норме прибыли, а в другой точке, ближе стоящей к вершине данной координатной системы, т.-е. к точке O . Кривая спроса может принять форму $b_1 d_1$, или $b_2 d_2 f_2$. Если абстрагироваться от этого давления, то монопольная цена должна установиться в точке e . Следовательно, для последнего случая мы не имеем убывающей кривой спроса, т.-е. основного условия для получения максимума выручки или оптимальной цены.

В связи с изменением закона спроса меняются принципы определения монопольной цены на средства производства. В интересах монополиста,

¹⁾ См. ниже.

продавца средств производства,— доведение цены до наиболее высокого уровня. Оптимальная цена, в данном случае, совпадает с максимальной ценой; т.-е. с наиболее высокой ценой, которая возможна в данной сфере производства. Иными словами, в интересах монополиста — осуществление такого уровня цен, при котором немонополизированные сферы будут получать прибыль, не превышающую ссудного процента. Эта цена является максимальной не потому, что дальнейшее повышение должно привести к сокращению валовой и чистой выручки монополиста, а потому, что дальнейшее повышение цены делает невозможным существование целого ряда производств, т.-е. подрубает тот сук, на котором держится монополист.

Отсюда следует, что формула Курно неприменима к сферам производства средств производств. Метод отыскания максимума, метод дифференцирования функции спроса теряет свое значение и свой смысл для определения цены монопольных средств производства, т.-е. для определения важнейшего объекта капиталистических монополий. Эта переменная ролей объясняется, как мы видели, тем, что кривая спроса средств производств имеет совсем другую форму, чем кривая спроса средств потребления. Изменение формы кривой спроса, в свою очередь, обуславливается тем, что на спрос средств производства влияют совершенно другие факторы, чем на спрос средств потребления. Последняя (т.-е. форма кривой спроса) зависит от характера потребности покупателей и от общей суммы их доходов. Кривая спроса на средства производства зависит от общих условий капиталистического накопления, от условий реализации, от целого ряда технических моментов и т. д. Формула Курно, в лучшем случае, может быть приложена к одной сфере производства — средств производства.

Необходимо отметить, что и в области производства средств потребления существует определенный предел повышения цен, независимо от желаний и экономических интересов монополиста. Мы имеем в виду производство необходимых средств существования, производство предметов массового потребления. Повышение цен этих товаров должно привести к повышению заработной платы, а это обстоятельство, при прочих равных условиях, связано с понижением средней нормы прибыли. Следовательно, существует определенная граница повышения цен этих товаров. На это обстоятельство указал Маркс¹⁾ (см. ниже). И в этой области мы имеем модификацию законов изменения спроса, на которые указал Курно. Спрос на средства существования является весьма неэластичным. Сокращение спроса на эти предметы возможно лишь за счет

1) Любопытное положение высказал Кернс по данному вопросу. Кернс доказывал, что цены на хлеб не могут безгранично повышаться и что все колебания хлебных цен носят циклический характер („Some leading Principles of political economy“, стр. 144) „На начальных стадиях развития нации возрастающее население прибегает к разработке более отдаленных и худших участков, и издержки этой наиболее дорого обходящейся части постоянно возрастают, а вместе с ними и нормальная цена хлеба. Однако, возрастание в издержках производства хлеба предполагает падающую производительность

общего упадка жизненных сил потребителя. При определении нормальной заработной платы предполагается, что заработная плата достаточна для правильного воспроизводства рабочей силы. Следовательно, при нормальных условиях капиталистического производства спрос на необходимые средства существования должен оставаться устойчивым. Повышение цен на эти средства должно компенсироваться повышением заработной платы. Но последний процесс, а, следовательно, и процесс повышения монопольных цен на средства существования, имеет свои границы, поскольку с этим связан вопрос об уровне средней нормы прибыли. Законы образования монопольных цен в этом случае совпадают с законами монопольных цен средств производства. Поскольку спрос на средства существования сохраняет относительную устойчивость, несмотря на рост цен (при условии, что заработная плата равна ценности рабочей силы), в интересах монополиста поднять цены до наиболее высокой точки. Эта тенденция должна наткнуться на известные пределы, в виде очень низкого уровня прибыли во всех остальных сферах производства. Формула Курно $F'(p) + pF''(p) = 0$ находит себе применение преимущественно в сфере производства предметов комфорта и роскоши. В этой сфере спрос является весьма эластичным. Небольшое повышение цены может вызвать значительное сокращение спроса. Поэтому не всякий рост монопольных цен соответствует интересам монополиста. С другой стороны, изменение цен этих товаров не влияет на средний уровень нормы прибыли. «Налог на предметы роскоши, пишет Рикардо, не имел бы иного действия, кроме возвышения их цены. Он упал бы сполна на потребителя и не мог бы увеличить заделной платы, ни уменьшить прибыли»¹⁾. Не случайно Маркс иллюстрирует монопольные цены (смотри ниже) на примере редкого винограда, т.-е. на примере предмета роскоши.

Ошибка формулы Курно заключается, таким образом, в том, что принцип определения монопольной цены, верный лишь для одной группы товаров, он распространяет на все товары. Он придает общее значение принципу, который лишь имеет частное применение. Но, в сущности, имеются два принципа, регулирующие уровень монопольных цен. Дуализм принципов монопольных цен вытекает из наличия двух границ повышения монопольных цен. Одна граница устанавливается собственными интересами монополиста; другая граница вытекает из экономического сопротивления других производственных сфер. Между тем, Курно имеет в виду лишь одну границу. О наличии двух границ говорит Гильфердинг: «Во-первых, повышение цены должно оставить для некартелированных отраслей такую норму прибыли, при которой возможно дальнейшее

данной отрасли производства; эта же уменьшающаяся производительность поскольку хлеб является главным предметом потребления земледельца, вызывает уменьшение средств существования последнего. Не нужно много раздумывать, чтобы заметить, что это обстоятельство обуславливает неизбежное ограничение возрастания издержек производства хлеба и, следовательно, возрастания цен на него.— Возрастание цен на злаки неизбежно отражается на населении и, уменьшая спрос, останавливает расширение производства и, следовательно, повышение нормальной цены».

1) „Сочинения“, пер. Зибера, стр. 151.

ведение производства. Но оно, во-вторых, не должно слишком сокращать потребление. Эта вторая граница, в свою очередь, зависит от размеров того дохода, которым располагают непроизводительные классы. Но так как для совокупности картеллированных отраслей производительное потребление играет несравненно большую роль, чем непроизводительное, то, в общем, собственно решающее значение имеет первая граница»¹⁾. Гильфердинг, таким образом, подчеркивает, что решающее значение для определения монопольных цен имеет тот предел, который вытекает из экономического сопротивления неорганизованных производителей.

Между указанными двумя принципами определения монопольных цен имеется известная логическая зависимость. В обоих случаях решающее значение имеет закономерность спроса. В этом пункте монопольные цены резко отличаются от цен свободно воспроизводимых товаров (смотри подробнее ниже). Но так как законы изменения спроса могут иметь различный характер, то политика предпринимателей может принять различные формы. В одних случаях, в интересах монополиста — повысить уровень цен до максимальной степени. В других случаях монополист заинтересован в том, чтобы цены не превысили известного уровня, который гарантирует наибольшую валовую или чистую выручку.

Ошибка формулы Курно заключается, таким образом, в том, что она а) предполагает такое знание стихийных процессов образования спроса у монополиста, которое противоречит анархическому характеру товарного производства; Курно переоценивает возможность предвидения и планирования со стороны монополиста; б) эта формула предполагает, что спрос на данный товар зависит лишь от цены последнего; следовательно, Курно абстрагируется от зависимости, существующей между отдельными сферами общественного производства, и в) эта формула, в лучшем случае, имеет применение для одной группы товаров — предметов роскоши или, вернее, предметов потребления состоятельных классов²⁾. Следовательно, она не может рассматриваться, как универсальная формула для цен всякого рода монопольных товаров. Математически это выражается в том, что функция спроса не всегда имеет максимум, или в том, что вторая производная этой функции не всегда является отрицательной.

V.

Для того, чтобы закончить рассмотрение вопроса о формуле Курно $F'(p) + pF''(p) - \varphi'(D)$, необходимо остановиться немного на рассмотрении функции издержек производства, или $\varphi(D)$. Эта функция представляет крупный теоретический интерес. Наш автор рассматривает издержки, как функцию количества произведенных товаров. В такой общей формулировке это положение, конечно, правильно. С увеличе-

¹⁾ „Финансовый капитал“, 1918 г., стр. 142—143.

²⁾ Своеобразие закона спроса на средства производства, и принципов, регулирующих монопольные цены средств производства признается некоторыми буржуазными экономистами, напр., Тауссингом („Principles of economics“, vol. I, стр. 196—197).

нием количества произведенных единиц, при неизменных технических условиях (Курно всюду имеет в виду статическую систему), издержки производства возрастают, и наоборот. Спорное в теории Курно начинается с того момента, когда он пытается конкретизировать эту функциональную зависимость. Согласно Курно, функция издержек может носить самый различный характер; в связи с этим, и производная этой функции $\varphi'(D)$ может подчиняться различным законам. Общим для функций издержек производства является тот факт, что эта производная, или $\varphi'(D)$ всегда должна быть положительной, «ибо абсурдно было бы предположить, что абсолютные издержки производства будут уменьшаться в то время, как продукция будет увеличиваться. Мы заметим также, что неизбежно $p > \frac{d\varphi(D)}{dD}$ ибо dD есть приращение продукции, $d\varphi(D)$ — приращение издержек, $p dD$ — приращение валового дохода, и как бы обилен ни был производительный источник, производитель всегда остановится, если приращение расхода превзойдет приращение дохода»¹⁾.

Но эта производная $\varphi'(D) = \frac{d\varphi(D)}{dD}$ может увеличиваться, или убывать, с возрастанием продукции; иными словами, вторая производная $\varphi''(D)$ может быть положительной или отрицательной. Так, «при собственно-промышленном производстве издержки обычно пропорционально меньше при увеличении производства, или, другими словами, при увеличении D , $\varphi'(D)$ будет падающей функцией. Это зависит от более выгодной организации труда, от скидок при покупке сырья оптом, наконец, от уменьшения издержек, называемых производителями общими издержками»²⁾. «Когда дело идет об обработке пахотных земель, о шахтах, каменоломнях и вообще земельных богатствах, то функция $\varphi'(D)$ возрастает с D »³⁾.

На ряду с этими случаями повышающихся и убывающих издержек, имеются такие производства, где производная $\varphi'(D)$ остается постоянной, т.-е. с увеличением производства в определенное количество раз, во столько же увеличиваются издержки, и наоборот (эта функция $\varphi'(D)$ графически будет изображаться в виде прямой линии). Если $\varphi'(D)$ обозначит через g (как постоянную величину), то формулу (2) можно будет заменить следующей формулой: $D + \frac{dD}{dp}(p - g) = 0$

Наконец, Курно рассматривает тот случай, когда не производная функции $\varphi'(D)$, а сама функция $\varphi(D)$ остается неизменной, т.-е. когда издержки производства не зависят от количества произведенных продуктов. Тогда производная $\varphi'(D)$ будет равна 0. В качестве иллюстрации Курно приводит следующий пример: «Для театрального предприятия, например, D выражает число проданных билетов, и из-

¹⁾ Recherches, стр. 64.

²⁾ ibidem, стр. 65.

³⁾ ibidem, стр. 66.

⁴⁾ См. стр. 109.

держки предприятия будут, по существу, одинаковыми, каково бы не было количество жителей»¹⁾. В этих случаях производная g отпадает, и мы получаем формулу $D + \frac{dD}{dp} p$, аналогичную формуле (1), т.-е. для того случая, когда издержки производства вовсе отсутствуют.

Различный характер $\phi'(D)$, при условии неизменности цен издержек, означает различные законы изменения производительности при расширении производства. Убывающей $\phi'(D)$ соответствует закон возрастающей производительности; возрастающей $\phi'(D)$ соответствует закон убывающей производительности; наконец, постоянная $\phi'(D)$ выражает случай постоянной производительности. Последний случай, когда $\phi'(D) = 0$, представляет собой совершенно исключительный случай, не относящийся к производству в собственном смысле этого слова. В этих замечаниях Курно заключается зародыш тех идей, которые получили наиболее полное выражение у Маршалля²⁾. В частности, по вопросу о влиянии налогов на потребителей и производителей Курно предвосхищает многие выводы Маршалля³⁾.

VI

Установив основные формулы теории монополии, Курно переходит затем к рассмотрению ограниченной конкуренции, т.-е. к тому случаю, когда в данной сфере производства имеется 2, 3... n , во всяком случае, ограниченное число конкурентов (случай ограниченной конкуренции необходимо отличать от случая ограниченной монополии в том смысле, какой ему был прежде дан, т.-е. когда рассматривалась полная монополия только в одной сфере народного хозяйства, в отличие от абсолютной монополии). Теория ограниченной конкуренции представляет из себя центральный пункт в системе Курно. Она является своеобразным мостиком, связующим теорию монополии и теорию неограниченной конкуренции. Через формулы ограниченной конкуренции оба крайних звена системы Курно соединяются вместе. Иными словами, эти формулы обеспечивают существование всей теории Курно.

Первоначально Курно рассматривает случай с 2 конкурентами. «Теперь, — пишет он, — представим себе двух собственников двух источников производства, качества коих идентичны и которые, в виду одинакового положения своего, снабжают один и тот же рынок. Тогда цена для обоих собственников неизбежно будет одинакова. Обозначим через p эту цену, через D — общую продукцию, через D_1 — продукцию источника (1), через D_2 — продукцию источника (2), так, что $D_1 + D_2 = D$. Игнорируя для начала издержки производства, мы видим, что доходы собственников выразятся соответственно через pD_1 и pD_2 и каждый из них в отдельности будет стараться, по возможности, увеличить этот доход. Мы говорим *каждый в отдельности*, и оговорка эта, как увидим, весьма существенна; ибо если бы они объединились, в целях получения

1) Recherches, стр. 67.

2) Этот вопрос подробно рассмотрен в главе, посвященной Маршаллю.

3) См. 6-ю гл. „Recherches“.

каждым наибольшего дохода, то результаты получились бы совсем иные и для потребителей не отличались бы от результатов, полученных нами при рассмотрении монополии»¹⁾.

Вместо $D = F(p)$ Курно в качестве аргумента берет D и рассматривает функцию $p = F(D)$. В виду того, что $D = D_1 + D_2$, то $p = F(D_1 + D_2)$. Доход первого производителя будет $D_1 F(D_1 + D_2)$, а второго — $D_2 F(D_1 + D_2)$.

Изменение цен, и в этом случае, происходит благодаря изменению предложения, или D . Но здесь имеется существенное отличие от первого случая (монополии). Там монополист путем маневрирования своими товарами мог непосредственно определять цены, здесь же отдельные владельцы могут влиять лишь на свое собственное предложение товаров, которое является частью общего предложения. Как же установить непосредственную зависимость между предложением отдельных владельцев и ценой вообще и наиболее выгодной, оптимальной ценой, — в частности? Для того, чтобы разрешить эту проблему, Курно делает следующее предположение. Он предполагает, что каждый владелец считает предложение своего конкурента, для данного момента, *постоянным*. Задача каждого владельца состоит в том, чтобы, при неизменности предложения своего противника, установить свое собственное предложение в таком размере, который обеспечил бы оптимальную цену, т.-е., чтобы произведение этой цены на собственное предложение было максимальным.

Аналитически эта задача сводится к дифференцированию $D_1 F(D_1 + D_2)$ и $D_2 F(D_1 + D_2)$, по собственному предложению, т.-е. по D_1 для одного владельца и по D_2 для другого (поскольку предложение противника каждым владельцем принимается за постоянную величину).

Иными словами, для 1-го лица мы получим формулу $\frac{d[D_1 f(D_1 + D_2)]}{dD_1} = 0$ или $f(D_1 + D_2) + D_1 f'(D_1 + D_2) = 0$; для 2-го лица будем иметь:

$$\frac{d[D_2 f(D_1 + D_2)]}{dD_2} = 0 \text{ или } f(D_1 + D_2) + D_2 f'(D_1 + D_2) = 0$$

Если (для простоты) предположим, что $D_1 = D_2$ и в полученное уравнение вместо $D_1 + D_2$ вставим D , то будем иметь:

(1) $f(D) + D_1 f'(D) = 0$ и (2) $f(D) + D_2 f'(D) = 0$. Сложивши (1) и (2) уравнения, получим уравнение $2f(D) + D f'(D)$, которое можно

преобразовать в следующее [если разделим все члены на $\frac{dp}{dD} = f'(D)$]:

$$D + 2p \frac{dD}{dp} = 0 \quad (3).$$

Это уравнение будет свидетельствовать о той максимальной прибыли, которую могут извлечь оба конкурента *вместе* при том предположении, что каждый считает предложение другого постоянным, и при условии равенства обоих предложений. На основании

1) Recherches, стр. 88.

этого уравнения можно установить величину p . Цена будет равна $\frac{D}{-2 \frac{dD}{dp}}$ или, заменив D через $F(p)$, цена будет равна $\frac{F(p)}{-2 F'(p)}$. Если сравнить это значение p с значением последней для монополиста. т.-е. $cp = \frac{F(p)}{-F'(p)}$, то увидим, что благодаря выступлению на рыночную арену 2 конкурентов, цена на данный товар понизилась вдвое. Это видно также из непосредственного сравнения формул максимальной прибыли. Для монополии мы имеем $D + p \frac{dD}{dp} = 0(4)$, а для нашего случая с 2 конкурентами: $D + 2p \frac{dD}{dp} = 0$

Почему же произошло это изменение цен?

При неизменности самой функции спроса $D = F(p)$, т.-е. формы зависимости между количеством проданных товаров и ценой, последняя могла понизиться лишь вследствие изменения предложения. Вопрос, поставленный выше, получает новую формулировку: почему при наличии 2 конкурентов предложение должно быть выше, чем при монополии?

На этот вопрос Курно дает следующий ответ: «Причина этого лежит в том, что если производитель (1) определит размер своей продукции таким, каким он должен был вытекать из уравнения (4), т.-е. $D + p \frac{dD}{dp} = 0$, при условии $D_1 = D_2$, то другой производитель

сможет с *мимолетной для себя выгодой* увеличить или уменьшить размер своей продукции; в действительности он вскоре окажется наказанным тем, что заставит первого производителя установить новый, неблагоприятный для себя размер продукции. Но эти последовательные реакции вместо того, чтобы приближать обоих производителей к первоначальному состоянию, будут все более и более их отдалять от него. Другими словами, это первоначальное состояние не будет состоянием устойчивого равновесия; и хотя оно и является наиболее благоприятным для обоих производителей, оно не сможет продолжаться без формальной связи между ними, ибо в области социальной невозможно предположить двух людей, избавленных от ошибок и заблуждений, подобно тому, как в области физической невозможно предположить абсолютно твердое тело, абсолютно неподвижную опору и т. п.»¹⁾

Иными словами, цена, при наличии 2 конкурентов, будет меньше, а значит и общая прибыль сократится по сравнению с состоянием монополии, благодаря тому, что конкуренты действуют независимо друг от друга. Каждый полагает, что предложение другого остается неизменным. Каждый пытается опередить другого и использовать благоприятную рыночную конъюнктуру. Благодаря такой тактике, в конечном счете, проигрывают оба конкурента. Предложение устанавливается в больших

¹⁾ Recherches, стр. 92—93.

размерах, чем это соответствовало бы максимальной прибыли при согласованном действии обоих владельцев.

От случая с 2 конкурентами Курно переходит к другим случаям ограниченной конкуренции, с 3, 4 и т. д. конкурентами. Во всех этих случаях первоначальная формула модифицируется. При наличии 3 конкурентов и при равенстве их предложения, т.-е. при условии $D_1 = D_2 = D_3$, мы получим, исходя из предыдущего рассуждения, 3 уравнения:

$$\frac{d[D_1 f(D)]}{dD_1} = 0, \frac{d[D_2 f(D)]}{dD_2} = 0, \frac{d[D_3 f(D)]}{dD_3} = 0 \text{ или}$$

$$f(D) + D_1 f'(D) = 0, f(D) + D_2 f'(D) = 0, f(D) + D_3 f'(D) = 0.$$

Если сложить все эти уравнения, то получим $(4) 3f(D) + Df'(D) = 0$, или, после соответствующего преобразования,

$$D + 3p \frac{dD}{dp} = 0.$$

По аналогии, для случая с 4, 5 и n конкурентами, можно составить следующие уравнения:

$$D + 4p \frac{dD}{dp} = 0, D + 5p \frac{dD}{dp} = 0 \dots D + np \frac{dD}{dp} = 0.$$

«Ценность p , которая вытекает из них (уравнений), будет непрерывно уменьшаться по мере возрастания числа n ».

Эти формулы, как мы указывали выше, составляют остов теории Курно. Они свидетельствуют о том, что между состоянием монополии и конкуренции нет никакой пропасти, а существует ряд промежуточных звеньев, которые связывают оба полюса экономической жизни. Качественное различие между двумя системами хозяйствования разлагается на ряд количественных различий. Цены будут отличны для случая с 2, 3, 4... и n конкурентами. Цены эволюционируют с увеличением числа конкурентов. В связи с этим логический скачок от режима монополии к состоянию конкуренции элиминируется: диалектическое развитие понятий заменяется эволюционным. Прерывность ряда отдельных экономических категорий, отражающих различные типы производственных отношений, заменяется непрерывным развертыванием отдельных формул.

Установив основные формулы ограниченной конкуренции при условии отсутствия издержек производства, Курно вводит затем дополнительное усложняющее условие, т.-е. наличие издержек¹⁾. Допустим, что для первого производителя издержки будут равны $-\varphi_1(D_1)$, для второго — $\varphi_2(D_2)$, для n -ого — $\varphi_n(D_n)$.

Тогда мы получим систему уравнений:

$$(5) \quad \begin{aligned} f(D) + D_1 f'(D) - \varphi'_1(D_1) &= 0 \\ f(D) + D_2 f'(D) - \varphi'_2(D_2) &= 0 \\ f(D) + D_n f'(D) - \varphi'_n(D_n) &= 0 \end{aligned}$$

¹⁾ Recherches, стр. 95.

Если сложить все эти уравнения, то получим:

$$(6) \quad D + \frac{dD}{dp} [np - S\varphi'_n(D_n)] = 0.$$

Последняя формула дает наиболее общее выражение для максимальной прибыли в случае ограниченной конкуренции. Если сравнить эту формулу с наиболее общим выражением для монополии, т.е. с формулой $D + \frac{dD}{dp} [(p - \varphi'(D))] = 0$, то мы должны будем констатировать двоякое различие: а) в первой формуле входит множителем n , что должно вызвать понижение цены (поскольку n войдет в знаменатель и тем понизит величину дроби), и б) в первой формуле издержки равны $S\varphi'_n(D_n)$, а во второй — $\varphi'(D)$. Это второе обстоятельство, по Курно, должно действовать в противоположном направлении, т.е. повышающим образом на цены конкурентных продуктов.

«Действительно, пишет Курно, не только сумма членов $\varphi'_n(D_n)$ больше $\varphi'(D)$, но и средняя их выше $\varphi'(D)$, т.е. мы имеем неравенство $\frac{S\varphi'_n(D_n)}{n} > \varphi'(D)$ »¹⁾.

В пользу этого положения о более низких издержках у монополиста Курно приводит следующие аргументы: «Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно принять во внимание, что монополичный собственник производительных источников будет предпочтительнее эксплуатировать те из них, кои требуют меньших затрат, оставляя, в случае необходимости, остальные втуне, в то время как конкурент, находящийся в менее благоприятных условиях, не решится оставить втуне своего производительного источника, пока он может извлечь из него доход, как бы умерен последний ни был. Следовательно, для одной и той же ценности p или для одной и той же величины общей продукции издержки конкурирующего производителя всегда будут больше издержек монополиста»²⁾.

В основе этого доказательства, как в основе учения о различных законах производительности, т.е. о разном характере $\varphi'(D)$, лежит смешение статики и динамики. Если возьмем статическую систему, характеризующуюся неизменным уровнем технических способов производства, то мы должны будем констатировать переходящий характер различий уровня производительности в отдельных предприятиях. Те мотивы, которые Курно приписывает предпринимателям, противоречат закону равенства нормы прибыли. Каждый предприниматель стремится получить возможно более высокую прибыль на затраченный капитал. При теоретическом анализе мы должны отвлечься от рассмотрения наиболее экономически слабых предпринимателей, согласных получить меньшую норму прибыли, лишь бы удержать свой standard of life. Если отдельный предприниматель вводит какое-нибудь усовер-

¹⁾ Recherches, стр. 97.
²⁾ Ibid.

шенствование, дающее ему сверхприбыль, то, при отсутствии патентов, остальные предприниматели не преминут воспользоваться этим изобретением. В результате конкуренции техническое состояние отдельных предприятий выровняется и станет однообразным для всего общества. Тот факт, что технический уровень отдельных предприятий различен, объясняется как действием отклоняющих факторов, так и непрерывным динамическим процессом изменения техники. Различный технический уровень отдельных предприятий объясняется тем, что последние находятся на различных ступенях технического прогресса. Но если бы можно было остановить технический прогресс, то рыночная конкуренция привела бы к уравнению условий производительности (если, конечно, отвлечься от естественных условий, напр., плодородия почвы, которые не поддаются вообще, или в очень слабой степени, воздействию человека; в последнем случае имеются элементы естественной монополии, мы же говорим о свободном воспроизводстве благ в чистом виде).

Таким образом, для статической системы ошибочность заключения Курно заключается в том, что при равенстве всех прочих условий (напр., естественных, которые от монополиста так же мало зависят, как от монополиста) технический уровень в конкурентных предприятиях должен быть одинаковым, а потому не может быть переживания более отсталых предприятий.

Если же взять динамику хозяйства, то ошибочность теории Курно сразу бросается в глаза. Конкуренция представляет из себя один из важнейших рычагов технического прогресса в товарно-капиталистическом хозяйстве. Погоня за сверхприбылями создает стимул к введению технических усовершенствований. Наоборот, господство монополий превращает капитализм на его высшей стадии в загнивающий капитализм.

VII

Последний этап теории Курно заключается в установлении формулы для случая неограниченной конкуренции. Последняя отличается от ограниченной конкуренции тем, что «каждая из частичных продукций D_k (т.е. индивидуальное производство) не чувствительна не только по отношению к общей продукции $D = F(p)$, но также и по отношению к производной $F'(p)$, так что частичная продукция D_k могла бы быть урезана от D без поддающегося учету изменения цены товара. Это предположение осуществляется в политической экономии для множества продуктов, и продуктов весьма важных»¹⁾.

Допустим, что у нас имеется очень большое число конкурентов. Обозначим нашего конкурента индексом k . Формула максимальной прибыли для нашего предпринимателя, согласно уравнению (5), будет $f(D) + D_k f'(D) - \varphi'_k(D) = 0$. Заменяя $f(D)$ через p и разделив все члены уравнения на $f'(D) = \frac{dp}{dD}$, получим $D_k + [p - \varphi'_k(D_k)] \frac{dD}{dp} = 0$.

¹⁾ Recherches, стр. 101.

Для случая неограниченной конкуренции, D_k , как указано было выше, можно пренебречь; тогда получим $[p - \varphi'_k(D_k)] \frac{dD}{dp} = 0$, откуда можно вывести, что (7) $p - \varphi'_k(D_k) = 0$ (поскольку $\frac{dD}{dp}$ не может быть равным 0, ибо это означало бы, что с изменением цены спрос остается неизменным). Иными словами, $p = \varphi'_k(D_k)$, т.е. цена равна первой производной функции издержек, или издержкам предельной единицы, или, короче, предельным издержкам. Для случая с постоянной производительностью, $\varphi'_k(D_k)$ будет constans, а поэтому можно усатновить для этого случая, что цены товаров равны издержкам производства. Кроме того, Курно рассматривает случай повышающейся и понижающейся производительности, или убывающей и возрастающей функции издержек. Для этих двух случаев производная не будет постоянной, а будет представлять функцию от количества произведенных единиц: $\varphi'_k(D_k)$, равная цене, есть издержки для последней единицы.

Таким образом, путешествие Курно закончилось. Он благополучно прибыл в страну неограниченной конкуренции и причлился к теории издержек производства (в ее наиболее нелепой форме — теории предельной производительности). Хороший конец — всему делу венец. Теория издержек производства получила прочную математическую базу. Она рассматривается, как следствие из универсальной формулы, охватывающей различные системы хозяйства.

Итак, Курно получил формулу цен товаров в условиях неограниченной конкуренции, $p = \varphi'_k(D_k)$, на основании анализа теории монопольных цен. Формула $p = \varphi'_k(D_k)$ должна быть признана неверной; ошибочность этой формулы вытекает из ошибочности методологии Курно. В самом деле, что выражает $\varphi'_k(D_k)$? Она выражает функциональную зависимость между высотой издержек производства в данном предприятии (которое обозначается индексом k и размерами данного индивидуального производства. Иными словами, она выражает высоту индивидуальных издержек производства или, по терминологии Маркса, индивидуальную цену производства. Между тем, эту цену Курно приравнивает рыночной цене. Иными словами, наш автор превращает данные, произвольно выбранные из общей массы, индивидуальные издержки производства в регулятор рыночных цен. Этот нелепый вывод получился у Курно потому, что он не в состоянии установить понятие общественно-необходимых издержек производства. Последние устанавливаются в процессе конкуренции, который сваливается на голову читателя лишь в заключительной формуле. Формула $p = \varphi'_k(D_k)$ выведена из формулы $f(D) + Df'(D) - \varphi'(D) = 0$, т.е. из формулы цены для монополиста. Для последнего, действительно, совпадают индивидуальные и общественно-необходимые издержки производства, поскольку его индивидуальное производство охватывает все общественное производство данного товара. Курно всюду имеет дело не со стихийным регулированием производства, а с сознательным планированием последнего. Даже по отношению к определению индиви-

дуальных размеров в условиях неограниченной конкуренции Курно применяет формулу максимума $[f(D) + D_k f'(D) - \varphi'_k(D_k) = 0]$. Максимальную прибыль отдельный производитель может исчислить лишь при том условии, если он учтет не общественно-необходимые издержки, а свои собственные издержки производства. Поэтому в исходную формулу Курно попали индивидуальные издержки производства $[\varphi'_k(D_k)]$, а отсюда они перешли в его формулу о равенстве цены индивидуальным издержкам производства. Этот нелепый конечный вывод Курно лучше всего иллюстрирует ошибочность его методологии.

Отвлечемся на время от этого теоретического lapsus'a в теории Курно. Необходимо отметить еще одну ошибку.

Согласно теории Курно, рыночные цены в условиях неограниченной конкуренции тяготеют к предельным издержкам, к издержкам, связанным с производством последней единицы. Иными словами, Курно развивает теорию предельных издержек производства. Эта теория предельных издержек близко подходит к теории Рикардо, который полагал, что ценность определяется затратами труда при наименее благоприятных условиях.

«Меновая стоимость всех товаров — будут ли то фабричные изделия, или продукты рудников, или сельскохозяйственные произведения — никогда не регулируется наименьшим количеством труда, необходимого для их производства при очень благоприятных условиях, составляющих исключительный удел тех, кто пользуется особыми удобствами. Напротив, она регулируется наибольшим количеством труда, необходимо затрачиваемого на их производство теми, кто не пользуется такими удобствами; теми, кто продолжает производить при самых неблагоприятных условиях, понимая под последними самые неблагоприятные из тех, при каких необходимо вести производство, чтобы было произведено необходимое количество продукта»¹⁾.

В основе теории предельных издержек лежит та идея, что цена товаров должна покрывать издержки последней произведенной единицы; в противном случае у производителя не было бы никакого стимула к продолжению своего производства.

Все единицы, произведенные при лучших условиях, дадут известный излишек цены на издержки производства, своеобразную ренту. Поэтому теория предельной производительности так тесно переплетается с рентной теорией прибыли (см. Маршалль, Кларк, вообще американскую школу).

Здесь также необходимо отличать статическое и динамическое состояние. В статической системе, конечно, нелепо, чтобы отдельные предприятия продавали по ценам ниже издержек. Это указывало бы, что равновесие в производстве еще не установлено, что система еще находится в движении.

В динамических условиях мы имеем дело с непрерывным нарушением равновесия; технические условия изменяются, но с неодинаковым

1) „Сочинения“, перев. Зибера, гл. 2, стр. 38.

темпом для различных предприятий; поэтому отдельные предприятия находятся на различных ступенях технического прогресса; для некоторых из них цены могут быть ниже издержек производства. Конечно, при данных условиях техники такое состояние может быть лишь временным, т.-е. данные предприятия постараются ввести соответствующие усовершенствования. Но непрерывно развивающаяся техника превращает это временное состояние в перманентное; при этом может измениться роль козла отпущения; эта роль может перейти от одних предприятий к другим. Роль предельной единицы как в статической (где она равна прочим), так и в динамической системе столь же скромная, как всех прочих единиц. Поэтому производная $\phi'(D)$ еще не дает представления о тех издержках, которые являются общественно необходимыми и определяющим образом влияют на уровень цен.

Теория предельной производительности может быть приложена лишь к ограниченному числу случаев, когда имеются специфические условия производства. Последние характеризуются тем, что дифференциальные различия между отдельными предприятиями внутри данной производственной сферы имеют не временный, а постоянный характер. Этот факт связан с ограниченными возможностями расширения производства, при данном уровне техники, на лучших предприятиях. В данном случае мы имеем дело с модифицированной формой свободного воспроизводства. Распространять эту теорию на всякие случаи производства нет решительно никаких оснований.

Между тем, теория предельной производительности или предельных издержек производства играет очень крупную роль в экономической системе Курно. Эта теория логически вытекает из теории монопольных цен нашего автора. В области строения монопольных цен решающую роль, по мнению Курно, играет закон спроса. И этот примат спроса сохраняется во всей системе нашего автора. Этот примат переносится в область конкурентных цен. Последние, по Курно, находятся в зависимости от предельных издержек производства. Но предельные издержки, в свою очередь, находятся в зависимости от количества произведенных товаров. Последнее количество, в свою очередь, определяется величиной спроса. Отсюда вытекает, что при определении цен, даже в условиях свободной конкуренции, необходимо исходить из анализа спроса на данный товар.

Это положение о взаимозависимости между предельными издержками (сельскохозяйственных товаров и в области добывающей промышленности) и спросом совершенно отчетливо высказывает Курно в следующем месте: «Итак... существует связь между ценой дров и спросом на них. С другой стороны, существует связь между количеством доставляемых на рынок дров и их ценой: цена эта составляется из затрат на заготовку и транспорт дров в самом отдаленном районе, или в районе с самыми плохими дорогами, из всех районов, которые должны войти в сферу заготовок, чтобы удовлетворить спрос. Мы имеем, следовательно, две связи, или, как выразились бы алгебраисты, два уравнения для двух величин, которые требуется определить, чтобы узнать цену кубического

метра дров и количество кубических метров, предназначенное для потребления, т.-е. как раз то, что необходимо для разрешения проблемы»¹⁾.

Но Курно распространяет также положение о влиянии спроса на издержки производства и на группу индустриальных товаров. В области индустрии, в противоположность сельскому хозяйству, указывает наш автор, происходит процесс понижения издержек производства и связанного с этим понижения рыночных цен. Но регулирующую роль и в этом случае сохраняют предельные издержки, которые находятся в определенной зависимости от спроса. «До тех пор, — пишет Курно, — пока производители смогут понижать цены, спрос будет расти, и производство будет приноравливаться к спросу; наступит, однако, момент, когда невозможно будет расширять более производство и, следовательно, понижать далее цены, не причиняя производителям убытка или не уменьшая их прибылей настолько, чтобы им стало выгоднее вложить свои капиталы в другие отрасли производства. В этот момент *возрастание производства остановится, и цена будет твердо фиксирована, подчиняясь всегда закону спроса или соотношения между спросом и ценой*»²⁾ (курсив наш. И. Б.).

С точки зрения Курно, величина спроса определяет размеры предложения и тем самым высоту предельных издержек производства, которая находится в зависимости от размера предложения. Это положение, как мы видели, вытекает из того, что Курно рассматривает издержки производства, как функцию предложения, при чем предполагается, что первая производная является переменной величиной. В виду того, что эта точка зрения получила наиболее детальную разработку в теории Маршалля, мы рассмотрим этот вопрос детальнее в IX главе.

VIII

Теория ограниченной конкуренции представляет из себя центральную часть в системе Курно. Эта теория позволяет нашему автору качественное различие между системой монополии и свободной конкуренции превратить в количественное. Поэтому теория ограниченной конкуренции заслуживает детальной и внимательной критики.

Основной логический дефект формул ограниченной конкуренции (из этой формулы вытекает и формула неограниченной конкуренции) заключается в исходной предпосылке. Последняя заключается в том, что каждый конкурент, устанавливая наиболее выгодный для себя размер производства, принимает предложение своего противника за постоянную величину. Совершенно верно заметил по этому поводу Ирв. Фишер:

«Ошибка этого рассуждения заключается в предпосылке, что каждый индивидуум будет действовать, исходя из убеждения, что предложение его соперника является величиной постоянной, и будет лишь стремиться, таким образом, регулировать свое собственное предложение, чтобы обеспечить себе наибольшую прибыль. На самом деле, всякий

¹⁾ Principes, стр. 118—119.

²⁾ Principes, стр. 121—122

делец столь же мало предполагает, что предложение и цены его противника останутся постоянными, как шахматист, что его противник не вздумает воспрепятствовать его усилиям выиграть слона. Наоборот, все его мысли направлены на то, чтобы предугадать, каким ходом соперник ответит на его собственный. Он может снизить свою цену, чтобы причинить временный убыток предприятию соперника, или с надеждой — заставить последнего совсем отказаться от своего предприятия»¹⁾.

Эта ошибка является чрезвычайно показательной и характерной для методологии Курно. Он приступает к изучению конкуренции, но в то же время сохраняет все принципы, регулирующие хозяйствование монополиста. Монополия характеризуется преимущественно тем, что предприниматель непосредственно воздействует на экономический процесс; предприниматель, в известных рамках (поскольку не препятствует конкуренции других сфер производства), является независимым. Наоборот, предприниматель-конкурент чувствует на себе огромное давление рынка; он вынужден приспособлять свое производство к существующим ценам и условиям производства; он вынужден учитывать всевозможные действия со стороны своих противников; он вечно должен быть на чеку.

Курно смешивает психологию предпринимателя-конкурента и предпринимателя-монополиста. Он приписывает первому такие мотивы действий, которые могут быть лишь у второго. Он приписывает первому сознание своей независимости, сознание возможности регулирования всего хозяйственного процесса в целом. Согласно Курно, каждый конкурент чувствует, что он, в известных рамках, является хозяином всего рынка и действует так, как будто противник все время остается совершенно пассивным. Согласно Курно, каждый конкурент не учитывает возможности активных действий со стороны своих противников, т.-е. фактически не учитывает рыночной конкуренции. Конкурент действует так, как будто он является монополистом. В этом заключается внутреннее противоречие фигуры предпринимателя-конкурента у Курно. Фактически он — конкурент, но идеологически он — монополист; бытие и сознание у героев теории Курно находятся между собой в постоянном конфликте. Поэтому Курно удается протянуть передаточный ремень между теорией монополии и теорией конкуренции. Заставляя предпринимателя-конкурента подчиняться мотивам монополиста, Курно тем самым, в этом синтезе противоречивых понятий, хоронит объективное различие двух разнородных способов организации производства.

В действительности, каждый предприниматель-конкурент действует по совершенно другим законам. Он учитывает возможность безграничного расширения производства со стороны своих противников. Поэтому он стремится определить их и извлечь побольше прибыли, пока имеется возможность. «Лови момент» — таков должен быть девиз этих пред-

¹⁾ „Cournot and mathematical economics“, статья в „Quarterly Journal of Economics“, vol. XII, Januar, 1898, 126.

принимателей. С этой точки зрения производство, при наличии 2,3 и более конкурентов, не может остановиться на той границе, которая указана Курно. Если бы производство достигло того уровня, который

соответствует формуле $D + np \frac{dD}{dp} = 0$, то в этом случае не было бы никакой гарантии, что расширение производства приостановится. Правда, общая прибыль для отдельного предпринимателя (т.-е. произведение D_k и P) могла и не увеличиться, а даже уменьшиться от такого расширения производства. Но и это уменьшение прибыли будет еще больше, если инициатива расширения производства будет принадлежать другому предпринимателю. Расширение производства, для каждого предпринимателя, в случае, указанном Курно, при неизменности технического уровня, является страховкой против чрезмерного понижения общей прибыли. В результате, производство должно было бы расширяться все больше и больше. Где же предел этого расширения (если отвлечься от ограниченности природных запасов)? Для случая отсутствия издержек производства таким пределом, очевидно, будет достижение нулевой цены. Производство будет расширяться, цены будут падать и стремиться, в своем падении, до нуля. Производство приостановится лишь тогда, когда цена станет равной нулю. Общая прибыль тогда исчезнет, а в связи с этим отпадут дальнейшие стимулы к увеличению предложения. Формула Курно, для данного случая, если только правильно истолковывать принципы хозяйствования конкурентов, приводит к логическому абсурду. Конкуренция, основным законом которой является закон цен, приводит неизбежно к уничтожению цен. Этот абсурд вытекает из самой идеи Курно о возможности неограниченной конкуренции (хотя бы между двумя конкурентами) в том случае, если нет издержек производства. Неограниченная конкуренция (хотя бы, повторяем, между двумя конкурентами) предполагает техническую возможность неограниченного расширения производства. Там, где нет издержек производства, т.-е. где нет производства, там возможны два случая: или данные естественные блага находятся в неограниченном количестве, в таком случае это благо превращается в неэкономическое благо и не имеет цены; или оно, как ограниченное благо, превращается в частную собственность владельцев и превращается в естественную монополию. Благодаря этой естественной монополии механизм рыночной конкуренции наталкивается на целый ряд препятствий, но не потому, что имеется мало конкурентов, а потому, что данные блага не являются продуктами свободного воспроизводства. Поэтому всякая попытка изучения законов конкуренции на примере продуктов, которые имеются в ограниченном количестве и не могут быть свободно воспроизводимыми, является внутренне противоречивой и методологически невыдержанной. Курно, в данном случае, повторяет общую ошибку психологической школы.

Если же взять другой случай, когда увеличение предложения данных продуктов связано с ростом издержек производства, то тогда может быть указан предел понижения цен. Производство будет расширяться,

и цены будут падать до тех пор, пока они достигнут уровня издержек производства. Дальнейшее понижение цен будет связано с убытками для предпринимателей. Цены будут стремиться к издержкам производства при всяком режиме свободной конкуренции, независимо от числа конкурентов, при чем предполагается возможность расширения производства. При наличии этого условия каждый конкурент будет стремиться опередить своих противников, независимо от числа последних, всеми возможными средствами. Наоборот, уменьшение числа конкурентов может лишь обострить конкуренцию, повышая надежду на возможность установления монополии и на поражение противников. Во всяком случае, там, где имеется свободная конкуренция, где нет, следовательно, молчаливых или явных соглашений, общий принцип, определяющий цены, будет одинаков. Число конкурентов не может превратить свободную конкуренцию в нечто такое, что не является конкуренцией. Небольшое число конкурентов может лишь облегчить переход от системы конкуренции к монопольной системе, путем соглашений или путем непосредственного устранения противника. Но пока действует конкуренция, положение не меняется. Все законы свободной конкуренции остаются в силе, и эти законы диаметрально-противоположны законам монополии. Никаких мостиков между этими законами нельзя построить. А поэтому формулы $D + \frac{dD}{dp} [np - S\phi'_n(D_n)] = 0$ должны быть признаны неправильными.

Ошибка теории Курно можно доказать следующим способом. Формулы последнего для ограниченной конкуренции основаны на предположении, что предприниматель-конкурент стремится установить свое предложение в таком размере, которое обеспечило бы максимум прибыли. Для каждого предпринимателя-конкурента существует одна, наиболее выгодная, цена. Сама идея о возможности такой наиболее выгодной цены для каждого конкурента является внутренне противоречивой. Для капиталиста-монополиста максимум прибыли устанавливается потому, что прибыль зависит от двух факторов: цены и спроса, связанных друг с другом и движущихся в различном направлении. Существование оптимальной цены для монополиста выражает организованный характер монопольного хозяйства, господства в последнем рационального принципа, возможность предвидения и планового регулирования системы цен. Оптимальная цена существует потому, что спрос на данный товар есть функция только цены последнего; поэтому по предложению данного товара всегда можно определить цену, и наоборот.

Иначе обстоит дело в системе конкуренции. Так, одному и тому же предложению данного предпринимателя могут соответствовать различные цены, в зависимости от предложения остальных капиталистов. Неорганизованный, иррациональный, хаотичный характер организации товарного производства делает абсолютно невозможным существование оптимальных цен для отдельных предпринимателей. Ибо эта цена определяется целиком рядом факторов, независимых от данного предпринимателя; ее динамика не подчиняется воле и желаниям отдельных

конкурентов; ее изменения являются таинственными и загадочными для отдельных участников производства.

Основным для товарно-капиталистического хозяйства остается тот факт, что каждый предприниматель стремится к получению возможно большей прибыли; пределы этого увеличения устанавливаются стихийным процессом рыночной конкуренции и не могут быть определены заранее; никакого оптимума здесь не существует, ибо эта прибыль может повышаться и понижаться, в зависимости от бесконечного количества факторов.

В методологическом отношении можно установить большое родство Курно с Госсеном, Вальрасом, Джевонсом и проч. Математический метод служит у Курно для того, чтобы через новые формулы вносить старое содержание. Формулы для ограниченной конкуренции только сохраняют вывеску конкуренции; фактически под этой вывеской скрывается другое содержание, а именно—система монополии. Налицо—имманентное для математической школы противоречие между содержанием и формой.

IX

Дмитриев во 2-й статье, посвященной Курно, считает основной ошибкой последнего следующую предпосылку, лежащую в основе анализа нашего автора. «Если мы вместе с Курно примем, что количество товара, реализуемое в данную единицу времени, всегда равно количеству товара, производимого в то же время, то для всякого расширения предложения необходимо соответственное расширение производства; а так как последнее есть вообще дело сложное, требующее для своего осуществления, даже при наиболее благоприятных условиях (при изолированной отрасли), весьма значительного времени, то, как общее правило, можно принять, что и всякое расширение предложения также требует для своего осуществления некоторого конечного промежутка времени, который никогда не может быть принят в нашем исследовании равным нулю»¹⁾.

Если же признать возможность мгновенного расширения предложения, то для случая конкуренции, как и для случая монополии, максимальная прибыль будет определяться на основании формулы $F(p) + pF'(p) = 0$. Дмитриев доказывает это положение следующим образом. «Предположим, что имеется n конкурентов. Для простоты допустим, что их производство одинаковое. Тогда, при условии мгновенного расширения предложения, мы должны будем положить в нашем анализе, что частные предложения D_1, D_2, \dots равны между собой в каждую данную минуту (в силу тех же рассуждений, на основании которых Курно полагает $D_1 = D_2 = D_3$ после установления равновесия. Тогда формулы

$$\text{Курно примут вид } \frac{d \left[\frac{D}{n} f(D) \right]}{d \left[\frac{D}{n} \right]} = 0, \quad \frac{d \left[\frac{D}{n} f(D) \right]}{d \left[\frac{D}{n} \right]} = 0 \text{ и т. д.,}$$

1) „Экономические очерки“, очерк 2, стр. 24.

разумея под D общее предложение и под n число конкурентов, так что $D_1 = D_2 = D_3 = \dots = D_n = \frac{D}{n}$. Преобразуя эти формулы, имеем

$$\frac{1}{n} d [D + f(D)] = 0; \frac{1}{n} d [D f(D)] = 0, \dots, \frac{1}{n} d [D f(D)] = 0$$

или, по умножении каждого равенства на n , получаем $d [D f(D)] = 0$, дающее, по дифференцировании и принимая во внимание $f(D) = p$ и $D = F(p)$, $F'(p) + pF''(p) = 0$. «Таким образом, продолжает Дмитриев, мы видим, что при возможности мгновенного расширения предложения для любого числа изолированных предпринимателей, конкурирующих на рынке, будет наиболее выгодным тот же общий размер предложения, как и для предпринимателя-монополиста (или для случая, когда между конкурентами состоялось соглашение). Вывод этот совершенно противоречит всей теории конкуренции Курно»¹⁾.

Экономическое содержание математического доказательства Дмитриева является чрезвычайно элементарным. Дмитриев предполагает, что размеры индивидуальных производств являются одинаковыми. Темп изменения, напр., расширения производства остается одинаковым для всех производителей. В связи с этим коэффициенты расширения для индивидуального и для общественного производства остаются одинаковыми. Следовательно, оптимальный коэффициент расширения индивидуального производства есть тот, который обеспечит всему классу производителей данных товаров максимальную прибыль, ибо изменение прибыли индивидуальных производителей, при этих условиях, зависит от изменения общей прибыли. Поэтому отдельный производитель расширяет свое производство на такую же долю, на какую должно было бы расширяться общественное производство, если бы оно подчинялось единой монополюющей организации. Следовательно, при условии возможности мгновенного расширения предложения нет различия между темпом увеличения производства и уровнем цен в условиях искусственной монополии и свободной конкуренции.

Вывод Дмитриева основан на фактической замене системы конкуренции системой монополии. Дмитриев предполагает, что все производители имеют совершенно определенные доли в общественном производстве. Распределение общественного производства между отдельными предприятиями все время происходит в определенных фиксированных пропорциях. Благодаря этому устраняются антагонизм между отдельными производителями и тенденция расширить свое производство за счет сокращения производства других субъектов. Вместо антагонизма устанавливается солидарность, ибо Дмитриев предполагает, что соотношение экономических сил отдельных конкурентов является неизменным и что, следовательно, всякая экономическая борьба между ними является бессмысленной и нецелесообразной. Фактически наш автор превращает своих конкурентов в участников единого акционерного общества, которое по определенному принципу распределяет

¹⁾ Ibid., стр. 25.

свои акции между своими членами. В самом деле, Дмитриев предполагает, что его герои-конкуренты рассматривают себя, как производителей определенной доли общественной продукции. С другой стороны, предполагается, что у этих героев отсутствуют всякие опасения о возможности слишком значительного расширения производства со стороны конкурентов. Иными словами, предполагается, что каждый конкурент заботится столько же об общем благе, как о своем. Фактически герои Дмитриева действуют и рассуждают так, как если бы они были организованы в одно общество, которое сознательно регулирует размеры общественного производства данного товара. Следовательно, вывод Дмитриева о тождестве цен в условиях искусственной монополии и свободной конкуренции основан на том, что он свободную конкуренцию заменил искусственной монополией.

Какую же роль в аргументации Дмитриева играет предпосылка о возможности мгновенного расширения предложения? Дело в том, что эта предпосылка создает экономическую необходимость в организации всех производителей. Возможность мгновенного расширения предложения отдельных товаров делает невозможным существование временных сверхприбылей в данных сферах производства. Введение технических усовершенствований (если предположить, что эти усовершенствования мгновенно усваиваются другими капиталистами) тоже не может служить источником временных сверхприбылей. Единственным источником таких сверхприбылей является создание единой монополистской организации. Ведение конкуренции, в этих условиях, теряет всякий смысл и значение. Основные звенья аргументации Дмитриева в данном вопросе, следовательно, имеют такой характер: а) в данных условиях, отдельные конкуренты должны объединиться или, во всяком случае, действовать, как участники единой организации; и б) поскольку существует единое плановое регулирование отдельной сферы производства, постольку цена устанавливается на уровне монопольных цен.

Таким образом, Дмитриев в основном примыкает к Курно. Их методология — одинаковая. Это — методология всей математической школы. Она сводится к игнорированию специфических особенностей отдельных систем производства; она сводится фактически к игнорированию экономического содержания отдельных явлений, к выпячиванию на первый план формы последних. Отсюда вытекает основная ошибка, которая объединяет Курно, с одной стороны, и Вальраса, Джевонса и других представителей психологической школы, с другой. Курно свалил в одну кучу систему монополии и систему свободной конкуренции, математики-психологи смешивают, — на всем протяжении своего анализа, — натуральное и товарно-капиталистическое хозяйство. С первого взгляда может показаться, что размах противоречий у Курно меньше, чем у Вальраса, поскольку первый оперирует с 2 понятиями, качественно разнородными, но вмещающимися в общей системе товарного хозяйства. Такой вывод не совсем верен. Абсолютная монополия, как мы выяснили, является отрицанием товарного хозяйства. Абсолютная монополия является выражением хотя антагонистическим, но организованным хозяйством. Таким образом, основное противоречие Курно

и Вальраса (мы говорим о нем, как о представителе математиков психологического направления) может быть сведено к попытке объяснить основные категории неорганизованного хозяйства на основании принципов, выведенных для организованного производства, охватывающего отдельную сферу общественного производства. В этом противоречии заключается первородный грех всей математической школы, и Курно, поэтому, может быть причислен с полным основанием, к этой школе.

Основная тенденция математиков к отождествлению или, во всяком случае, к сближению натурального организованного хозяйства и неорганизованного товарного хозяйства рассмотрена нами в следующих главах (о Госсене, Джевонсе, Вальрасе). Эта тенденция, если бы она была последовательно проведена, должна была привести к устранению всех рыночных и ценностных категорий, т.-е. к устранению необходимости в теоретической экономии. Математики так далеко не идут, ибо такая тенденция граничила бы с теоретическим самоубийством. Сближение обоих типов хозяйства (у позднейших математиков) выражается в том, что они рационализируют товарное хозяйство, утверждая о существовании максимума полезности в последнем, т.-е. утверждая о совпадении регулирующих принципов натурального и товарного производства. Эта тенденция рационализации производственных отношений товарного общества может быть обнаружена в теории Курно. Он первоначально рассматривает монополизированную сферу производства, представляющую из себя организованную частнохозяйственную единицу, действующую по рациональному принципу. С выступлением на рынке другого конкурента методы планирования производства каждым конкурентом и методы регулирования цен, по Курно, остаются неизменными. Каждый конкурент стремится установить монопольную цену. Каждый конкурент рассматривает все общественное производство, как объект своего непосредственного воздействия. В сознании героев ограниченной конкуренции Курно товарное хозяйство является своеобразным организованным хозяйством, ибо производство других конкурентов рассматривается, как фиксированное, что предполагает известную регламентацию этого производства.

И. Блюмин

(Окончание следует)

ПЛАНОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ВОЕННОМ ХОЗЯЙСТВЕ ГЕРМАНИИ

(1914 — 1918 г.г.)

Экономическая политика буржуазного государства во всех ее исторически многообразных формах не богата опытом, который мог бы быть перенесен и использован в процессе развертывания нашего планового строительства. Возврат к протекционистской политике на новой империалистической основе, возвещенный эпохой монополистического капитализма, не изменили существа, принципиальной природы экономической политики буржуазии. И сейчас экономическая политика буржуазного государства не меняет своего основного содержания — сохранения и укрепления существующей хозяйственной системы, приспособления к ее запросам всего вспомогательного аппарата государства.

Но история последнего десятилетия капитализма, эпоха мировой войны, как бы заставляет нас внести существенный корректив в эту оценку буржуазной экономической политики. В самом деле, чудовищный механизм мировой войны придал такую могущественную силу государству, перед которой, по выражению Бухарина, гоббсовский Левиафан оказался бы щенком. Степень срастания буржуазного государства, его аппарата, с самой экономической основой общества и дала основание для характеристики этой эпохи, как стадии государственного капитализма. В частности и в особенности, опыт хозяйственной организации Германии в эпоху мировой войны лег в основу весьма распространенной в послевоенной экономической литературе концепции «единого народно-хозяйственного треста». При этом организованному воздействию государства на хозяйство страны приписывается устранение анархии производства в национальных пределах. Народное хозяйство, сплоченное экономической политикой государства в единый трест, как бы изживает противоречия, связанные с товарной, стихийной структурой хозяйства; царство стихии выносится за границы государственно-капиталистического хозяйства, сохраняется лишь в сфере мирового хозяйства, мирохозяйственных отношений.

Совершенно очевидно глубокое принципиальное изменение экономической политики государства при намеченной оценке монополистического хозяйства. В таком случае значение экономической политики объективно уже перерастает рамки, отведенные ему в товарно-капита-

листоческом хозяйстве, приближается к плановому строительству социалистического хозяйства.

Опыт военной организации хозяйства Германии, который мы попытаемся подвергнуть рассмотрению, с этой точки зрения представляет наибольший интерес. Об'ективные условия мировой войны, конфигурация сил, поставившая Германию в условия блокады, отрезавшая ее от мирового хозяйства, создала специфически-благоприятную обстановку для усиления позиций государства. Исторически Германия, больше чем какая-либо другая из воюющих стран, была подготовлена к плановому вмешательству государства как по степени концентрации хозяйства, по силе монополистических форм, так и по отсутствию фритредерских традиций в среде буржуазии. С другой стороны, может быть, нигде больше, чем в Германии, военная система хозяйства не была переоценена, как переход к новой эпохе, как эра «военного социализма» и т. п.

Так как военное хозяйство Германии, несмотря на обилие современной ему литературы по общим и специальным вопросам ¹⁾, до сих пор еще не подвергалось конкретному анализу с марксистской точки зрения, нам придется восстановить здесь основной фактический материал, разумеется, лишь в наиболее важных частях.

Прежде всего следует отметить неожиданность развернувшихся в военном хозяйстве Германии мероприятий для самого субъекта регулирования — для государства.

Руководящие правительственные круги Германии отнюдь не были подготовлены к навязанной им войною роли «хозяйственного разума» страны. Более того, даже относительно элементарная хозяйственная подготовка к войне была довольно слаба. В течение второго десятилетия XX века, когда в воздухе уже явственно пахло войною, в теоретико-экономической литературе все чаще стали производиться рекогносцировки к предстоящим военно-хозяйственным событиям. «Финансовая мобилизация» стала частой темой научных работ экономистов ²⁾. Но постановка проблемы подготовки к войне не выходила еще за рамки финансово-денежной мобилизации, организации банкового и финансового аппарата государства на случай неизбежной паники в первые дни войны, а также вопросов техники финансирования войны. Мы не будем здесь останавливаться подробнее на сложном сплетении политических, стратегических и проч. мотивов, вызвавших такую, несколько странную, на фоне общей милитаризации, беспечность к проблемам экономики войны ³⁾.

Уже первые шаги в области мобилизации хозяйства, сделанные по почину Ратенау военно-сырьевым комитетом, неизбежно должны были

¹⁾ Кроме повременной литературы, существует более двухсот названий посвященных этому вопросу работ лишь на немецком языке.

²⁾ Сошлемся хотя бы на две известнейшие работы: Riesser. *Finanzielle Kriegsbereitschaft und Kriegsführung*. Iena, 1913 г. D-r Voelcker. *Die deutsche Volkswirtschaft im Kriegsfall*. 1908.

³⁾ Данные о проектах хозяйственной мобилизации, отвергнутых министерством внутренних дел из соображений предосторожности, приведены в статье Артура Дакса: «Хозяйственная мобилизация Германии», *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, III F., В. 149.

направить хозяйственную политику государства на рельсы планового регулирования. Как известно из брошюры Ратенау ¹⁾, описывающей первый период деятельности этого комитета, а также из других произведений, посвященных военному хозяйству Германии, первоначально задачи этого комитета сводились лишь к узкому заданию — мобилизации наличного в стране промышленного сырья. Но уже эта конкретная задача потребовала большой подготовительной плановой работы. За полным отсутствием производственной статистики, пришлось «кустарным способом» собрать анкету от поставщиков военного ведомства о наличных у них запасах промышленного сырья и потребностях на ближайшее время. Главным методом в этой учетной работе послужила экстраполяция данных этой выборочной анкеты, охватившей свыше ста сравнительно мощных предприятий, на остальные отрасли промышленности. Уже эта работа по учету ресурсов и потребностей страны в народно-хозяйственном масштабе, несмотря на всю ее примитивность, носила в зародыше плановое, регулирующее вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Ибо она была подготовкой к распределению сырья в соответствии с военными потребностями, учету производственных возможностей, к составлению баланса потребления и производства промышленности. А для этого, совершенно очевидно, необходим был плановый расчет потребностей, ограничение хозяйственной свободы отдельных предприятий, словом, плановое регулирование, принципиально чуждое нормальному капиталистическому хозяйству.

На путь планирования государство Германии устремилось под давлением мощных объективных условий. Отрезанное от внешнего мира, хозяйство Германии лишилось существеннейшего корректива и регулятора — мировой конкуренции и действия закона мирового разделения труда. Уже это одно условие настоятельно требовало вмешательства государства. Необходимо было совершить приспособление народно-хозяйственного организма к этому полуизолированному состоянию и совершить его притом в специфических условиях нужды и нехватки. Отрезанное от мирового рынка хозяйство Германии лишилось не только регулирующей опоры, но и питательных соков — сырья, продовольствия, необходимых для его нормального существования. Но значение этого обстоятельства — выпадения жизненно-необходимого ввоза — удесятерится, колоссально усиливается, благодаря необычным потребностям войны. Только подавление потребностей мирного населения, жесточайшая экономия в потреблении запасов, постоянное лавирование между наиболее ударными и настоятельными нуждами, сделали возможным справиться с этой задачей. Государство, как потребитель, теоретически говоря, могло бороться за покрытие своих (т.-е. военных) потребностей на рынке, в качестве покупателя, в свободной конкурентной борьбе. Собственно, именно этот способ снабжения армии, помимо продукции фискальных государственных предприятий,

¹⁾ Rathenau, Walter. *Deutschlands Rohstoffversorgung*. Berlin, 1916 г. Для большинства немецких работ о военном хозяйстве эта брошюра служит первоисточником.

т.-е., главным образом, закупочная деятельность интендантств на вольном рынке, и остался в виде опыта военного хозяйствования в прежней войны. Неизбежные в военных условиях реквизиции и конфискации частного имущества до сих пор рассматривались все же лишь как исключение, а не как система покрытия военных потребностей. Но именно современная война обнаружила, что свободная борьба рыночных сил неспособна разрешить задачу, стоящую перед капиталистическим хозяйством — удовлетворение потребностей его военного аппарата. Стихийный регулятор — погоня за максимальной прибылью — стоял в резком противоречии к задаче экономии и растягивания запасов на возможно дольший срок. Интересы рентабельности далеко не всегда шли в ногу с задачами перестройки и приспособления хозяйства к военным условиям. Легко себе представить ту бешеную спекуляцию и хищническое расточение ограниченных запасов сырья, которое расцвело бы при оставлении свободного оборота в этой области. Даже крупнейшие монополистические предприятия, уже достигшие унификации производственного и торгового аппаратов, все же в качестве участников торгового рыночного оборота не преминули бы использовать благоприятную конъюнктуру и заполучить свою долю спекулятивной прибыли. Лишь вмешательство государства могло поставить пределы лихорадочному экспорту промышленного сырья и изделий в нейтральные страны, сулившему огромные прибыли благодаря низкому уровню германской валюты и общему товарному голоду на мировом рынке. Противоречивые интересы отдельных групп и лиц в капиталистическом хозяйстве сталкивались, таким образом, враждебно с интересами капиталистического общества в целом, ради которых велась война. Вмешаться в эту борьбу, подчинить индивидуальные интересы задаче сохранения капиталистического хозяйства в целом могло лишь государство, как высший сознательный орган классового общества¹⁾. Задачи, поставленные войной перед капиталистической хозяйственной системой, оказались ей не по плечу. Разрешение их требовало работы, сосредоточенной в руках единого центра, основанной на строгом расчете и учете, требовало планового регулирования хозяйства.

Единая руководящая цель отсутствует в процессе развития капиталистического хозяйства, ибо цели отдельных разрозненных товаропроизводителей — извлечение максимума прибыли, лишь посредственно, косвенным путем воплощают в себе имманентное стремление к развитию производительных сил общества. В противоположность этому чисто каузальному принципу развития, война поставила перед капиталистическим хозяйством определенные целевые проблемы. Телеология военного хозяйства — покрытие потребностей войны во что бы то ни стало, любой ценой разорения и падения производительных сил, не могла уложиться в рамки обычного, стихийного, нерегулированного хозяйства.

«Мнимая сила и крепость капитализма вызвана как раз тем основным свойством военного хозяйства, которое прямо противоположно капиталистическим принципам; капитализм обязан этим невероятно усилившемуся регулироющему влиянию государства», —

1) Б у х а р и н. Экономика переходного периода, стр. 19.

совершенно справедливо отмечает Е. Варга в полемике против апологетических восторгов Г. Кунова по поводу неожиданной крепости и эластичности, якобы обнаруженной капитализмом в мировой войне¹⁾.

Но эта же противоречивость военного хозяйства, внедрение новых, сознательно-плановых начал в сохранившее свою социальную, капиталистическо-классовую структуру хозяйство, послужило причиной бесконечных противоречий и шатаний в системе государственного регулирования хозяйства Германии. Для планового учета представляли колоссальные трудности прежде всего самые потребности войны, породившие планирование в рамках капитализма. В основе всякого хозяйственного плана необходимо должны быть даны три основных исходных момента: 1) наличные запасы и фонды хозяйства, 2) вероятные потребности и 3) срок, для которого эти факторы должны быть сбалансированы. Из этих трех моментов два вторых оставались неизвестными именно благодаря специфическим военным условиям. На примере организации сырьевого хозяйства, описанной преемником Ратенау по военно-сырьевому комитету, доктором Кэт (Köth), можно проследить действие этих условий. Приведем основные факты²⁾. После первого периода хаотической мобилизации и подготовительно-организационной работы в сырьевом хозяйстве, длившегося, примерно, до весны 1915 г., государственные органы убедились в необходимости разработки плана и планомерного распределения сырья. Надежды на скорое окончание войны рассеялись. Всякие возможности получения сырья извне были сведены до ничтожного минимума. Как можно было строить хозяйственный план в этих условиях?

В основу планового расчета была положена следующая формула:

$$D \text{ — сроки в месяцах} = \frac{M \text{ — мобильные запасы}}{V \text{ — месячное потребление.} \quad Z \text{ — месячный прирост.}}$$

Прежде всего нужно было установить размеры M, V, Z. Это можно было сделать планомерно лишь на основе более или менее достоверной статистики. Установить «мобильные запасы», т.-е. массы сырья, которые можно было собрать путем секвестра, закупки, ввоза из оккупированных областей, было сравнительно легко. Несравненно больше трудностей представляло установление размеров месячного потребления. Нужно было проводить строгое различие между мирными и военными потребностями. Что касается первых, т.-е. потребностей мирного населения, то с ними обходились весьма бесцеремонно. Индустрии, работавшей на мирное потребление, просто отводился определенный остаток сырья и предлагалось довольствоваться этим запасом и располагать им по своему усмотрению. Военные же потребности удавалось подвергнуть учету лишь с большим трудом, так как потребитель — военное ведомство — в свою очередь находилась целиком во власти военных условий

1) „Neue Zeit“ 1915 г. 33 Jahrgang. B. I. SS. 458, 459. E. W a r g a. Problemen der Kriegswirtschaft*, а также „Neue Zeit“, 32 Jahrgang, S. 923.

2) „Handbuch der Politik“, B. II, SS. 227—235.

(прежде всего состояние снабжения противника, исход отдельных кампаний, географические, военно-технические и проч. условия). Установление цифры ежемесячного прироста сырьевых фондов, поскольку речь шла о производстве внутри страны, наталкивалось, по существу, уже на проблему производственного регулирования. Таким образом, уже в этой стадии плановой работы выяснилось с полной очевидностью, что проблема планового распределения сырья неизбежно перерастает в более широкую проблему общего производственного плана, баланса народного хозяйства. Но об этом ниже.

Полученные на основе описанной формулы данные требовали больших страховочных коэффициентов и давали весьма пеструю картину по отдельным отраслям производства. Но весь план производства и потребления сырья имел смысл лишь при расчете его на вполне определенный срок — до окончания войны. Военная и политическая обстановка же складывалась таким образом, что государство не в состоянии было установить какие бы то ни было твердые сроки войны. Приходилось устроить план снабжения и рассчитывать на войну неопределенной, необозримой (*unabsehbarer*) продолжительности. Парадоксальность положения заключалась в том, что строить баланс войны с неизвестной продолжительностью можно было лишь на основе плана снабжения, рассчитанного на какой-либо определенный отрезок времени. Лишь введя такой гипотетический ключ, условный срок, можно было разрешить эту задачу построения плана, в котором один из основных моментов оставался неизвестной, неопределенной величиной. При этом приходилось балансировать буквально на острие ножа, — если с одной стороны возникала опасность оптимистического сокращения срока войны, то, с другой стороны, переоценка его и соответственное сужение ежемесячных расходов создавало опасности уменьшения боеспособности армии. В этих условиях первоначально хозяйственный план был рассчитан с 1 января 1916 г. на три года вперед. Но военные условия не давали этому плану осесть и воплотиться в жизнь. «Война представляла мир неожиданно для сырьевого хозяйства» — меланхолично замечает Кэт. С каждой переменной в военном положении менялись цифры потребностей. Предварительные расчеты постоянно оказывались опрокинутыми ходом событий. Расхождение между составляемыми на основе описанной формулы проверочными коэффициентами и фактическим расходом сырья все труднее и труднее становилось сбалансировать. Программа Гинденбурга (1916 г.), предъявившая колоссальные запросы к хозяйству страны, похоронила этот первоначальный вариант плана. Вопрос о том, можно ли предсказать к определенному сроку конец войны, все время встречал отрицательный ответ со стороны военных властей.

Таким образом, специфические особенности военных условий создавали колоссальные затруднения для планового регулирования хозяйства. А необходимость считаться с постоянным падением производства столь важных, основных видов сырья, как уголь и железо (в последний период военного хозяйства) делала весьма неопределенной и первую компоненту уравнения, на основе которой строился план — размеры наличных запасов сырья в стране.

* * *

Мы остановились на специфических трудностях, которые создавались для построения хозяйственного плана в этом отдельном секторе народного хозяйства Германии, с той целью, чтобы ярче оттенить своеобразные условия, в которых протекала единственная в своем роде попытка планового регулирования в рамках капиталистической системы. Но было бы ошибочно проглядеть за этими специфически-военными моментами в опыте планирования *принципиальные проблемы*, неизбежно возникающие при самой постановке вопроса о плане в рамках стихийного, товарно-капиталистического хозяйства. Между тем, именно эти проблемы и представляют для нас главный интерес при оценке опыта планового строительства, оставленного нам эпохой мировой войны.

В заслужившей печальную славу брошюре «Социал-демократические заметки о переходном хозяйстве» Каутский отмечает:

«Буржуазная государственная власть никогда не освободится от респекта к частной собственности на орудия производства. Поэтому она, по мере возможности, избегает такого вмешательства в хозяйственную жизнь, которое поставило бы под угрозу эту частную собственность или ограничило бы для нее возможности извлечения прибыли. Но государственное регулирование производства требует овладения средствами производства со стороны государства. Если буржуазное государство оказывается вынужденным вмешаться в хозяйственную жизнь, то оно предпочитает взяться за регулирование товарного обращения, а не товарного производства, и притом таким способом, который не урезывал бы получаемой капиталистами прибыли. Но при частном производстве обмен представляет собой достаточно неуловимое построение (*queersilberne Gebäude*), для овладения которым неповоротливое бюрократическое государство весьма мало приспособлено. Оно смогло бы регулировать уже организованное в настоящее время крупное производство и отсюда было бы гораздо легче достижимо и регулирование обмена. Обратный путь бесконечно сложнее и ведет легко к ошибкам. Нам приходится сейчас переживать последствия той непролазной тины распоряжений и мероприятий, в которую нас запутала военная система регулирования благодаря ее трепету перед частным производителем».

И, действительно, прокламировав в первых же распоряжениях о твердых ценах свое стремление по возможности воздерживаться от ограничения свободы хозяйственной деятельности¹⁾, правительство шло на радикальные мероприятия в области хозяйства весьма неохотно. Так, критика единодушно отмечает запоздание и нерешительность мероприятий правительства в области продовольствия и политики цен²⁾.

1) См. официальные материалы: *Denkschrift der Regierung über wirtschaftliche Massnahmen aus Anlass des Krieges* (№ 26).

2) См. статьи: *E. Lederer, Archiv für Sozialwissenschaft*. Bd. 40, 1915, стр. 118. *Eulenburg, Franz, Schmollers Jahrbücher*.... То же отмечает и *Dix* в своей книге *„Kriegswirtschaft und Wirtschaftskrieg“*; затем, *Sering Die deutsche Volkswirtschaft während des Krieges, 1914/15 r.*

Ж регулированию производства государство пришло лишь обходным путем, через разрозненные попытки воздействовать на обращение товаров и ценообразование¹⁾. Это признает даже орган, который не может быть заподозрен в слабой защите интересов индустрии: описывая мероприятия правительства в первый год войны, орган объединенного совета промышленности²⁾ заявляет:

«Все это... лишь слабые намеки на организацию производства; закон о максимальных ценах дал правительству с самого же начала войны возможность косвенной организации производства»³⁾.

Щадя интересы частных предпринимателей, государство вынуждено было лавировать между давлением военной машины и устремлениями торгового и промышленного капитала. Примером такого маневрирования государства может послужить система секвестра (Beschlagnahme), игравшая чрезвычайно важную роль в военном хозяйстве. Тончайшие юридические исследования и манипуляции не смогли найти точной рубрики для этого нового понятия, и оно так и осталось витать между царствами публичного и частного права, разграниченными неизбежностью буржуазной частной собственности. Новизна этого понятия секвестра заключалась в следующем. Оно отличалось от обычной военной реквизиции тем, что секвестр не был связан с отчуждением, переменной владения. Секвестрированные на этих основаниях сырье и орудия производства не переходили в собственность государства. Собственник этих благ оставался в правах владения. Но его свобода распоряжаться своим имуществом подвергалась ограничению, вернее, переходила в руки государства. Пользование и потребление секвестрированного имущества зависели от указаний государственных органов, и для его демобилизации, освобождения для мирного потребления, требовалось особое разрешение военных властей. Таким образом, государство, лавируя между Сциллой священной частной собственности и Харибдой военных нужд, выполняло свои задачи регулирования производства и распределения при формальном сохранении частного владения на средства производства и продукты его. Последствия половинчатого

¹⁾ „Даже там, где государственное регулирование шло особенно далеко — в хлебоснабжении, произошла лишь монополизация торговли, а не производства. Все наличное зерно секвестрируется государством и им же распределяется. Но самое зерновое производство остается делом отдельных сельских хозяев. Наличные запасы распределяются государством, но не производятся им“. Diehl, Karl. Deutschland, als geschlossener Handelsstaat, 1917 г.

²⁾ „Mitte ungen des Kriegsausschusses der deutschen Industrie“, 1915 г.

³⁾ Диль подчеркивает: не производство, а только лишь торговля и распределение „подверглись регулированию государства, и то лишь частично, в области определенных продуктов, а именно, сырья и продовольствия. Из этой заложенной в самой сущности мероприятий половинчатости и возникают огромные трудности при их осуществлении. Государство должно регулировать потребление, распределение продуктов, не имея влияния на их производство. Государство должно было заботиться о том, чтобы каждый гражданин имел необходимое количество муки, масла, молока, зерна и т. д., но производство этих продуктов попрежнему было предоставлено свободному распоряжению отдельного хозяина, либо же ограничено лишь в частных случаях“. Цит. произв., стр. 15.

характера и слабости этого компромиссного решения проблемы несли на себе обе стороны. Для государства система секвестра с оставлением имущества в руках его формального владельца требовала больших затрат сил и средств для наблюдения за тем, чтобы сырье и средства производства потреблялись соответственно их военному назначению. Для товаровладельцев сохранение фикции собственности связано было с непроизводительными, т.-е. неприносящими прибыли, затратами на хранение товара или имущества, перевозку его и т. д. Наивысшего пункта это противоречие между частной собственностью на продукты и средства производства и общественным распоряжением ими достигло в сельском хозяйстве. Здесь, в отличие от индустрии, государственное регулирование захватывало лишь самое конечное звено хозяйственного процесса — обмен, сбыт товаров, и поэтому, естественно, противоречивость системы здесь должна была обостриться. Мы еще вернемся ниже к этой проблеме сельского хозяйства при плановом регулировании. Факт тот, что вся система в целом отнюдь не способствовала созданию ясности и упрощению сложной работы по плановому снабжению сырьем, регулированию производства и потребления. Решение проблемы, очевидно, лежало на пути создания естественной, основной предпосылки планового, сознательно регулируемого хозяйства, обобществления средств производства. Но такой «скачок» из капиталистического царства свободы в царство «принудительного хозяйства» отнюдь не лежал в поле зрения субъектов военного хозяйства; меньше всего, конечно, это входило в расчеты юнкерско-монархического государства Германии.

* * *

Своеобразные особенности военного хозяйства со стороны социальной структуры экономически глубоко отражались на характере и путях развития планового регулирования в Германии.

Самое понятие планового хозяйства *sui generis* предполагает наличие у его осуществителей заранее продуманной, ясно поставленной цели. Субъект планирования в военном хозяйстве Германии, правительство, однако, вступило на путь создания хозяйственного плана отнюдь не добровольно. Жесткие тиски военной необходимости заставили его преодолеть уважение к свободной игре хозяйственной жизни и взяться за новую роль хозяйственного руководителя. И это давление военных условий придает своеобразный характер хозяйственной политике государства. Собственно, впереди идет не плановый расчет и сознательное предвидение, а милитаризация хозяйственной жизни. Война, потребности военного аппарата отхватывают у нормальной хозяйственной жизни все большие и большие области, требования, предъявляемые к народному хозяйству, непрерывно и колоссально растут. Плановая деятельность государства спешит догнать эти требования, правительство строит свой план уже *post factum*, после того, как всемогущий военный аппарат продиктовал свою волю и уже начал приводить ее в исполнение. Не говоря уже о первом периоде, когда давление военных потребностей непосредственно порождает плановое

хозяйство, когда план еще находился в процессе становления, и в последние два года войны, когда развитие военной системы уже достигло своего кульминационного пункта, события сохраняют ту же последовательность.

Когда военная программа Гинденбурга начала проводиться в жизнь, старые планы хозяйственных органов были выброшены за борт¹⁾. Лишь затем, в процессе выполнения этой программы (суть ее заключалась в колоссальном увеличении снабжения оружием для того, чтобы любой ценой дать отпор противникам, силы которых были подкреплены вступлением Америки в войну), регулирующим хозяйственным органам пришлось спешно строить и перестраивать свои планы на фоне уже разразившегося угольного и железного голода, свертывания предприятий, милитаризации рабочей силы.

Аппарат, призванный строить плановое хозяйство в Германии, носит на себе отпечаток тех своеобразных условий, в которых оно зародилось. Собственно, до весны 1916 г., до учреждения специального хозяйственного органа — военного управления (Kriegsamt), единый орган регулирования в Германии отсутствовал. Отдельные области работы были раздроблены между департаментами прусского военного министерства, всеимперского министерства внутренних дел и других «гражданских» министерств (торговли и промышленности, сельского хозяйства²⁾). Сырьевое хозяйство было сосредоточено, как уже указывалось выше, в прусском военном министерстве; вся область продовольствия была подведомственна министерству внутренних дел. Хозяйственные распоряжения выпускались всеимперским советом, министерствами, отдельными управлениями военного ведомства, а также органами и правительственными союзными государствами и местными властями вообще. Неизбежные в бюрократическом аппарате ведомственные трения, борьба между военными и гражданскими ведомствами за власть, не говоря уже о более глубокой социальной подоплеке внутренней борьбы, постоянно раздиравшей военную систему Германии, — о борьбе между аграриями и промышленными группами, — конечно, не способствовали единству и планомерности хозяйственного регулирования.

Военное Управление, созданное для проведения в жизнь программы Гинденбурга, должно было помочь объединению и централизации регулирующей работы. Но и здесь, в организации Военного Управления, сказались та же черта, общая всей организационной и регулирующей работе в военном хозяйстве. Задача момента, поставленная военным ведомством, проведение закона о милитаризации рабочей силы

¹⁾ „Handbuch der Politik“, В. II, S. 233.

²⁾ „Центр тяжести в руководстве военным хозяйством лежит сейчас в прусском военном министерстве, т.-е. в его военно-сырьевом отделении. Министерство внутренних дел, правда, также приняло в свою компетенцию части военного хозяйства. Но об едином руководстве всеми военно-хозяйственными проблемами или хотя бы об усвоении министерством внутренних дел руководящих идей военного хозяйства не может быть и речи!“... цит. по брошюре: „Der Plan eines Reichshandelsamtes und Aussenhandelsamtes“, Berlin, 1916, стр. 4.

(Hilfs dienstgesetz) заслонила собой в значительной мере все общие экономические задания, стоявшие перед Управлением. Что условия настойчиво диктовали необходимость сосредоточения всех важнейших видов экономического регулирования по всем отраслям хозяйства в целом в руках единого, достаточно компетентного органа, видно из структуры Военного Управления¹⁾. Мы видим, как к органам, предназначенным для проведения милитаризации рабочей силы, прирастают органы регулирования внешней торговли, производственного контроля (технический штаб), решения обще-экономических вопросов (референты по отдельным отраслям) пропаганды и т. д. Несмотря на стихийную тенденцию к объединению разрозненной по отдельным ведомствам работы по экономическому регулированию, несмотря на это стремление, отчасти удовлетворенное описанной организацией Военного Управления, до единого хозяйственного штаба развитие военной системы в Германии все же не дошло. Сложнейшая проблема воздействия на рынок и ценообразования оставалась раздробленной между Военным Управлением, вернее, сырьевым отделением его в части промышленных изделий, и министерством продовольствия в части сельскохозяйственных продуктов. Единство воздействия на рынок, таким образом, не было осуществлено. Вся работа по урегулированию сельского хозяйства, сосредоточившаяся фактически в министерстве продовольствия, не была увязана с плановой работой остальных органов экономического регулирования. Словом, в военном хозяйстве Германии мы тщетно стали бы искать единый орган планового регулирования хозяйства. Последующие выступления практических руководителей экономической работы отмечают значение этого факта для военно-хозяйственной системы:

«Чем больше обострялось хозяйственное положение, чем дольше затягивалась война, тем сильнее ощущалось отсутствие твердой воли, которая в состоянии была бы руководить *всем хозяйством в целом* в соответствии с особенностями настоящей войны», — говорит Кэт²⁾.

Отсутствие единого планового органа фактически лишало возможности выработать общий план народного хозяйства по всем отраслям. План, выработанный сырьевым отделением для своей области, повис в воздухе:

«Планомерная установка на войну сначала трех-, а затем пяти-летней продолжительности, односторонне, лишь в одной области сырья, вызвала сомнения. Ибо не была исключена возможность, что, с одной стороны, в какой-либо другой области не удалось бы выдержать войну в течение того срока, на который был рассчитан сырьевой план. Поэтому было предложено приступить к выработке планов, аналогичных сырьевому, также во всех других областях;

¹⁾ Военное Управление распалось на следующие основные отделы: милитаризации рабочей силы, специально военного снабжения (Wumba), сырьевого, с подчиненной ему системой акц. обществ, и, наконец, внешней торговли.

²⁾ „Handbuch der Politik“, В. II, стр. 225.

важных для ведения войны... Эти предложения не имели успеха. Исследования, подобные произведенным в области сырья, считались невыполнимыми для остальных, важных с военной точки зрения элементов хозяйства. Здесь достаточно ясно обнаружилось, как необходимо было единое руководство, которое заботилось бы о своевременном учете и длительном наблюдении за всеми важными для военных действий областями народного хозяйства»¹⁾.

Военная система планового регулирования хозяйства Германии, таким образом, построена на своеобразном парадоксе. Плановое хозяйство, этот принципиальный антагонизм стихийного, товарного хозяйства, само развивается здесь в значительной мере «стихийным путем». Стихия войны заставила буржуазное государство, сначала робко и нерешительно, сделать первые шаги к непосредственному вмешательству в хозяйственный процесс. Но удовлетворяться отдельными мероприятиями по регулированию и зажиму, оставить на ряду с ним свободный простор для «игры хозяйственных сил» нельзя было. Только преодоление рыночных законов могло дать гарантии, возможности удовлетворить требования войны. На этот путь государство вступило также без сознательного намерения²⁾, без сознательно поставленной цели заменить рыночное хозяйство плановым. План строился для отдельных отраслей там, где положение становилось наиболее угрожающим для успеха военной задачи. Отдельные элементы, выдвигавшиеся в порядке ударности в центр внимания, подвергались плановой регулирующей обработке. Прежде всего транспорт, затем финансы, сырьевое снабжение, внешняя торговля, продовольствие населения, рабочая сила входят поочередно в круг объектов планового регулирования государства. В этой «стихии планового развития» все время повторяется одна и та же черта, общая всей экономической политике государства. Цель государственного вмешательства направляется прежде всего на потребление, распределение продуктов. Лишь косвенным путем государство приходит к основе планирования, воздействию на процесс производства. Отдельные работы по регулированию различных частей народного хозяйства сцепляются в единый план стихийным путем лишь благодаря тому, что регулирующие органы на практике убеждаются в невозможности разрешить проблему лишь в плоскости распределения наличного, готового фонда страны³⁾. Так, в области промышленного регулирования исходным

¹⁾ „Handbuch der Politik“, В. II, стр. 232.

²⁾ „Все военные мероприятия государства и местных властей являются лишь единичными мерами нужды, в них совершенно отсутствует органическое единство строго систематически проводимой реформы“. Diehl, цит. пр., стр. 15.

³⁾ По мнению Дила, правда, основанному лишь на более раннем опыте (1915 г.), „если исследовать все эти сотни военных мероприятий, то обнаружится, что как раз то, что составляет базу социалистического (т.-е. в данном случае планово-организованного. Е. Х.) хозяйства, а именно регулирование производства, вообще не имеет места. Важнейшие хозяйственные мероприятия сводятся вкратце к следующему: было предпринято частичное государственное регулирование потребления и распределения некоторых важных видов сырья и предметов питания“.

На этот ограниченный характер государственного вмешательства указывает

пунктом служил лишь один узко ограниченный участок — снабжение промышленности сырьем. Задачи сырьевого отделения и военно-сырьевых обществ, объединивших отдельные отрасли промышленности по типу наших главков и центров, первоначально, формально и впоследствии, ограничивались лишь этой областью. Распределение сырья естественно потребовало вмешательства в производство и распределение готовых продуктов промышленности. Распределять сырье сколько-нибудь целесообразно и экономно без предварительного учета производственных возможностей и потребностей нельзя было. А это естественно предполагало систематическую плановую работу. Задачи экономии сырья требовали закрытия более слабых предприятий, перегруппировок и перераспределения средств производства. Необходимо было наблюдение за тем, экономно ли и по назначению ли расходуются эти драгоценные запасы сырья, т.-е. возникла регламентация производства, проникновение в производственный процесс. Проведенная к концу 1917 г. широкая кампания по свертыванию слабейших предприятий и концентрации производства на наиболее мощных производственных единицах, исходным пунктом и причиной которой послужила та же проблема сырья (уголь и железо), как бы завершила этот переход от регулирования потребления и распределения к полному охвату плановым путем целых отраслей народного хозяйства. О размерах кампании можно судить хотя бы по такому примеру, что в текстильной промышленности из 3 тыс. ткацких предприятий остались в работе лишь 200 наиболее мощных. Владельцы закрытых предприятий удовлетворялись прибылью по средней условно принятой норме за счет прибылей предприятий, оставшихся в работе. Этот пример — любопытнейший факт обнажения социальной природы столь завуалированных фетишистической оболочкой капиталистического хозяйства экономических категорий, как средняя норма прибыли, — сам по себе достаточно ярко иллюстрирует степень и глубину планового вмешательства государственного аппарата в хозяйство Германии.

Вдохновитель и активнейший организатор военного хозяйства Германии, Вальтер Ратенау, уяснил себе объем и значение намечаемых мероприятий государства уже с первых его шагов. Об этом ярко свидетельствуют его воспоминания о первой неделе мобилизации народного хозяйства.

«Была середина августа. Перед моим окном ветвистый дуб затенял крышу. Внизу, в красивом саду военного министерства, медленно

и Лифман. И здесь опорой служит опыт первых лет войны. Впоследствии, когда логическое развитие военного хозяйства начало глубоко задевать производство, размеры и глубина планового регулирования преувеличиваются буржуазными экономистами до невероятных пределов, и вопли о внедрении социализма все усидываются. Так колеблются оценки военной системы в многочисленных немецких работах. См. Diehl, цит. пр., стр. 14, Liefmann, Robert: „Bringt uns der Krieg dem Sozialismus näher?“ Stuttgart—Berlin, 1915. Bendixen, Friedrich: „Sozialismus und Volkswirtschaft in der Kriegsverfassung“, Berlin, 1916 г. и др.

шагал часовой; две старые пушки стояли на солнечной лужайке. И позади этой мирной картины — высокая фабричная труба; она напоминала о гигантской области германского хозяйства, простирающейся до самых пылающих в войне границ. Это царство грохочущих поездов, дымящихся печей, пылающих домен, свистящих веретен, это необозримое хозяйственное поле простиралось перед нашими духовными очами и ясно сознавалась задача — охватить этот кипящий мир, поставить его на службу войне, подчинить его единой воле, пробудить в нем гигантские силы сопротивления¹⁾.

Выше мы попытались описать аппарат и общую систему регулирования, которой предстояло разрешить эту поистине гигантскую задачу подчинения стихийного хозяйства «единой воле». Но в какой мере сознательной воле центра, плановому регулированию, удалось разрешить эту задачу? В какой степени плановому воздействию удалось подчинить себе рыночное регулирование, *действие закона стоимости*? Вот основной вопрос, который встает перед нами при экономическом анализе военного хозяйства.

Объективные результаты военного положения, даже вне зависимости от сознательного воздействия государства, создавали существенные ограничения для регулирующей деятельности закона стоимости. Хозяйственная война, блокада, резким ударом вырвала народное хозяйство Германии, сплетенное теснейшими узами с мировым рынком, из сферы действия мирового закона стоимости, разделения труда в мирохозяйственной системе.

Правда, несмотря на все усилия, союзникам вплоть до конца войны не удалось окончательно отрезать пути связи хозяйства Германии с внешним миром. Итоги платежного баланса Германии за годы войны обнаруживают довольно значительный ввоз, главным образом продовольствия, из нейтральных и союзных стран²⁾. Но этот внешний товарооборот, не говоря уже о его ничтожных, по сравнению с цифрами мирного времени, размерах, в силу своих специфических форм также не оставлял места для проявления закона стоимости, не мог служить регулирующим коррективом для народного хозяйства. Опыт мировой войны обогатил нас такой своеобразной формой хозяйственных взаимоотношений между отдельными странами, как натуральный оборот на основе взаимных компенсаций. Мы не можем здесь задержаться на

¹⁾ Rathenau, цит. произв., стр. 4.

²⁾ В целом для периода с 1-го августа 1914 г. до конца декабря 1918 г. ввоз в Германию составил в круглых цифрах 23 миллиарда золотых марок. Кроме того, союзники Германии ввезли товар на 4 миллиарда золотых марок. Эта сумма превышала ценность экспорта из Германии на 15 миллиардов золотых марок. Эти данные приведены в официальном документе: „Deutschlands Wirtschaftslage unter den Nachwirkungen des Krieges“. С ними совпадают цифры, приводимые в книге Маультона „Платежеспособность Германии“, Гиз, 1925, стр. 32. Официальные данные торговой статистики Германии за годы войны до сих пор не опубликованы.

анализе этого любопытного явления¹⁾, ограничимся лишь кратким описанием его сущности. Мировая война, раздробив и разорвав на части единую систему мирового хозяйства, поставила мировой рынок в условия постоянного голода, нехватки важнейших видов сырья и продовольствия, отставания спроса от предложения. В этих условиях нейтральные страны вынуждены были строго регламентировать свой экспорт и принять все меры к снабжению своего внутреннего рынка. Натуральное содержание внешнего товарооборота выступило на передний план, заслонив в значительнейшей мере вопросы цены и т. п. Швейцария, Голландия, Дания и др. нейтральные государства, не порвавшие сношений с Германией, ввели систему торговых договоров, основанных на компенсации, т. е. на обязательстве возмещения вывоза из своих границ соответственным ввозом определенных, строго регламентированных в количестве и качестве товаров. Так, Германия обязывалась компенсировать свой импорт из Швейцарии и Голландии (состоявший, главным образом, из предметов продовольствия) ежегодным вывозом определенного количества угля и железа. Но в этих договорных торговых отношениях, под давлением воюющих сторон, дипломатические комбинации играли гораздо большую роль, нежели свободные коммерческие сделки. «Натурализация» товарооборота во время войны заходит так далеко, что он, конечно, служит очень плохим проводником для регулирующего действия мирового закона стоимости²⁾. Кроме того, сказывался валютный разрыв, расхождение между курсом германской валюты на внешних рынках, искусственно поддерживаемым государством, и покупательной способностью денег на внутреннем рынке.

К этому действию искусственной автаркии, замкнутости народного хозяйства Германии, присоединяется еще более *общий момент*, создаваемый общими условиями войны. Нетрудно понять, что самый характер потребления в военных условиях, самая цель военного хозяйства заключается в себе систематическое отрицание закона стоимости. В самом деле, о каком равновесии в распределении производительных сил хозяйства может идти речь, когда единственной целью его является как раз уничтожение, разрушение этих производительных сил? Об этом нарушении равновесия в распределении общественного труда вопиет каждая часть военного хозяйства. Расцвет металлургии, машиностроения,

¹⁾ Otto Neurath в статье „Grundsätzliches über den Kompensationsverkehr“, Weltwirtschaftliches Archiv, 1918, II, стр. 25, рассматривает эту систему внешней торговли как проявление общей тенденции к натурализации хозяйственных отношений в военном хозяйстве. Несмотря на сильнейшую переоценку этой тенденции, свойственную его теории военного хозяйства, он правильно подмечает принципиально новые моменты, которые вносятся в современное товарно-капиталистическое хозяйство плановым регулированием. (См. его книгу „Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft“, Collwey, München, 1919).

²⁾ Влияние внешней торговли на внутренний рынок Германии ослаблялось еще благодаря тому, что все импортированные товары (в особенности во второй половине войны, в 1916—1918 гг.) попадали непосредственно в руки госуд. органов продовольственного снабжения и продавались по твердым ценам в порядке пайкового распределения. Экспорт же, помимо общих ограничений, производился, главным образом, теми же госуд. заготовительными органами в порядке выполнения компенсационных торговых договоров.

достигается ценою разорения сельского хозяйства и отраслей производства, снабжающих мирное население, и т. д. В военном хозяйстве, которое по своей природе является системой *нарушения равновесия*, естественно, неизбежно *искажение* регулирующего действия закона стоимости.

Но мы не можем довольствоваться этим выводом, вытекающим из общих свойств рассматриваемой эпохи в хозяйстве Германии, как эпохи войны.

Этим негативным моментам, общим условиям, урезающим силу закона стоимости, в военном хозяйстве Германии противостоит богатая практика положительной экономической работы. Государство здесь пытается своей экономической политикой заменить это выпадающее стихийное регулирование, пытается подчинить его своей воле, поставить на его место плановую систему. *Каковы же пределы планового регулирования в хозяйстве, сохранившем капиталистическую классовую структуру?*

Для ответа на этот основной для нас вопрос следует попытаться дать конкретную характеристику *рынка и рыночных отношений* в военном хозяйстве Германии.

* * *

Внутренний рынок Германии во время войны легко поддается разделению на две сферы — продуктов промышленности и сельского хозяйства. Этот условный разрыв по существу единой рыночной системы имеет свое оправдание. Действительно, военное хозяйство характерно тем, что каждая из этих основных частей народного хозяйства отличается глубокими особенностями в степени и характере планового регулирования, в строении цен и товарообороте.

После первых довольно случайных мероприятий в области цен, сводившихся лишь к устранению предельных, максимальных ставок для отдельных видов продовольствия, развернулась сложная и разнообразная система регулирования по различным областям хозяйства ¹⁾. В области промышленности мы к моменту, когда военная система уже в достаточной мере укрепилась, можем различить три основные формы ценообразования. В тех отраслях промышленности, где запасы сырья нельзя было существенно увеличить в силу блокады, как, например, в текстиле (подвоз хлопка из Америки был отрезан почти полностью), в цветной металлургии и т. д., раз зафиксированные твердые цены оставались без изменений, так как нельзя было рассчитывать на поощрение продукции путем роста цен. Совершенно своеобразно было регулирование цен на металлы. С осени 1915 г. все предприятия, обрабатывающие металлы, платили постоянно одну и ту же цену за сырье, вне зависимости от того, по какой цене военно-металлургическое акционерное общество (объединение всей металлургической промышленности) проводило это сырье по своим книгам. Издержки же производства

¹⁾ Подробное описание системы цен и всей принятой в официальной литературе терминологии приводит Walter le Coultre, „Preisgebäude im Kriege“, 1918.

колоссально возросли, и поэтому государство вынуждено было ежемесячно выплачивать этому воен.-металл. о-ву многие миллионы для покрытия этой разницы. Так как в конечном счете основным покупателем металлических изделий являлось государство в лице военного ведомства, то этот способ регулирования цен оказывался проще и экономнее, нежели постоянные надбавки на цены отдельных поставщиков. Но такая система возможна была лишь в столь централизованной по регулированию, сконцентрированной в крупнейших предприятиях отрасли, как металлургия. По отношению же ко всей остальной промышленности получила широкое распространение форма «договорной цены».

Эта система регулирования цен была позаимствована из практики германских картелей и синдикатов еще до войны. Договорная или конвенционная цена нормируется, как правило, данным трестом, синдикатом, данным объединением предпринимателей. Все входящие в объединение предприниматели или торговцы обязуются договором не выходить из установленных ставок цен. Таким образом, формально, в основу регулирования кладется добровольное обязательство участников объединения. Это и было в начальной стадии военного хозяйства, когда военные объединения промышленности еще только развертывались. Но вместе с процессом огосударствления военно-промышленных обществ, превращения их в централизованные главки по отдельным отраслям (ниже мы остановимся на этом процессе подробнее), к обычным в монополистических объединениях способам борьбы с нарушителями конвенций присоединились еще гораздо более решительные меры административного воздействия. Предприниматель, нарушивший договорные размеры цены, лишался заказов военно-промышленного общества и, что еще действительно, соответствующий распределительный центр сырьевого управления прекращал снабжение его сырьем. Таким образом, старая система регулирования цен монополистическими объединениями была «огосударвлена» и распространена на всю промышленность ¹⁾.

В основу «договорной цены» клался расчет, основанный на принципе умеренной прибыли. Но так как авторами этих расчетов являлись сами промышленники, объединенные в военные общества, под наблюдением и с утверждения комиссаров и соответствующих отделов военного министерства, а последнее достаточно «дружественно» относилось к интересам предпринимателей, регулирование цен здесь обходилось без больших конфликтов и противоречий. В результате мы видим, что в крупнейшем секторе народного хозяйства Германии, в промышленности, цена, регламентированная центральными органами в каждой отдельной стадии, на каждой ступени производства, фактически служит

¹⁾ «Чем больше сырье переходило в руки государственного регулирования тем меньше становилась необходимость пользоваться тяжеловесными методами твердой цены, формы чрезвычайно неэластичной, затрудняющей приспособление к месту, роду сбыта и качеству товара, формы, всякое изменение которой связано было со множеством законодательных и технических трудностей. Все научились пользоваться более простой и эластичной формой договорной цены». Hirsch, Julius „Die Preisgebilde des Kriegswirtschaftsrechtes“ Beiträge zur Kriegswirtschaft, Berlin, 1917, стр. 15 и сл.

скорее средством расчета и учета и замаскированной формой организованного распределения прибылей между предпринимателями. Приведенный выше пример возмещения государством разницы между отпускными и номинальными, установленными государством, ценами на металлы¹⁾ ярко иллюстрирует это изменение функциональной роли цены в военном хозяйстве. Эта утрата ценою ее роли регулятора производства, распределителя капиталов на основе колебаний нормы прибыли и цен производства вытекает, впрочем, уже с достаточной ясностью из самого способа установления цен. Место конкурентной борьбы и конъюнктурных колебаний занимает регулирование и согласование интересов отдельных групп капиталистов в комиссиях и отделах военных управлений и главков.

На рынке сельско-хозяйственной продукции проблема цен носит несравненно более сложный и противоречивый характер.

Регулирующая работа государства развивается здесь иным путем, нежели на рынке промышленных изделий. За исключением зерновых хлебов, служивших и до войны излюбленным объектом спекуляции на товарной бирже благодаря единству цен и сравнительной однородности качества товаров, цены на остальные продукты сельского хозяйства устанавливались обычно в свободном торговом обороте. Поэтому из опыта твердых цен наиболее оправдалась и укрепилась лишь нормировка цен на хлеба, сразу же централизованная в руках имперского правительства. По остальным оставшимся сначала в свободном обороте продуктам сельского хозяйства правительство пыталось остановить вздорожание угрозами административных кар. Особые совещательные органы при коммунальных объединениях, составленные из представителей торговли, организованных потребителей (обычно, кооперативов и проф. союзов) и специалистов, должны были помогать коммунан в установлении «умеренных цен» на продукты, не подвергнутые регламентации центра, изучать издержки производства и вообще вести общий контроль над рынком в своих областях. Таких комиссий (Preisprüfungsstellen) было организовано по стране свыше тысячи. Центральная комиссия служила совещательным органом при разработке правительством законов о ценах. Максимальные, предельные цены, устанавливаемые правительством, в теории ограничивали лишь высший предел роста цен; фактически же они из максимальных сразу превращались в минимальные.

¹⁾ Необходимо подчеркнуть, что самый факт участия государства в установлении цен отнюдь не был новинкой как раз в этих решающих и наиболее монополизированных отраслях промышленности — в угле и железе. Так, напр., общеизвестно, что при установлении конвенционных ориентировочных цен на уголь Рейнско-Вестфальского синдиката и до войны всегда предварительно нащупывалось мнение правительства (см. об этом в брошюре Troeltsch, „Die deutsche Industriekartelle“, Essen, 1916). То же известно и из практики других крупных объединений тяжелой индустрии (см., напр., калийный синдикат). Принципиально новым в системе регулирования промышленных цен является ее универсальный характер, перенесение ее на всю организованную промышленность. Здесь, очевидно, налицо не простое количественное расширение картельной практики, а качественное изменение ее народно-хозяйственного значения.

Поскольку эти предельные цены на сельско-хозяйственные продукты не сопровождались такой же регламентацией самого процесса производства, как это имело место в промышленности, они отражали, фиксировали фактически уже существующее на рынке положение. Все трудности и противоречия, неизбежно связанные с попыткой воздействия лишь на обмен, а не на условия производства товаров, полностью проявились в попытках государства овладеть сельско-хозяйственным рынком лишь путем регламентации цен²⁾. Прежде всего, при ограниченных размерах всех запасов сельско-хозяйственных продуктов, нормирование цен лишь на отдельные виды их немедленно вызвало непомерное вздорожание, во-первых, всех ненормированных изделий из них, и, во-вторых, других видов продовольствия, которые могли их заменить. В течение первых полутора лет войны правительство боролось с этим обходом предельных цен путем все большего расширения области нормированных цен. Тем не менее, разрыв между ценами, нормированными государством и оставшимися свободными, создает огромные затруднения государству за все время войны. Никакими мерами строжайших административных кар не удавалось, напр., прекратить скармливание картофеля и других годных для потребления продуктов скоту в условиях, когда продукты животноводства, цены на которые не поддавались в такой же мере регламентации, ценились на рынке во много раз дороже нормированных хлебных продуктов. К концу 1916 г. ряд законов запрещал употреблять в качестве кормов в сельском хозяйстве все хлебные продукты, свыше 40% урожая ячменя, овса, гречихи, горох, бобы, свеклу, чечевицу, сколько-нибудь годный к потреблению картофель и т. д. Чтобы сохранить скот, нужно было либо покупать фураж на стороне, по бешеным ценам, либо же расширять посевы кормов за счет хлебных злаков. Сокращение же скотоводства глубоко задевало всю организацию с.-х., в особенности крестьянского хозяйства, построенного на интенсивном скотоводстве³⁾. Эта проблема сокращения скотоводства в интересах продовольствия населения так и осталась нерешенной за весь период военного хозяйства. Но здесь ярко иллюстрируется слабость политики цен государства на сельско-хозяйственном рынке в силу объективных условий, коренящихся в экономической структуре сельского хозяйства. Сюда присоединяются еще общие трудности нормирования цен в силу локальных различий, многообразия сортов продуктов, необходимости проследить движение цен на каждом этапе пути продукта от производителя к потребителю и т. д.

В результате, уже к 1916 г. индексы, основанные на официальных предельных ценах, совершенно не отражают действительного положения на рынке. Данные статистического бюро Кальвера о росте цен ежеме-

¹⁾ См. Terhalle: „Freie und gebundene Preispolitik“, Jena, 1920.

²⁾ См. брошюры Аеробое: „Betriebswirtschaftliche Vorträge aus dem Gebiete der Landwirtschaft“, Н. 1, стр. 6—11, а также: „Die Umgestaltung der deutschen Viehzucht nach dem Kriege“, Berlin, 1918.

сячно сопровождаются все более энергичными указаниями на то, что официальные расценки номинальны и совершенно фиктивны ¹⁾).

Бессилие государства путем одной лишь регламентации воздействовать на рынок косвенно признается им самим, так как оно все больше переходит к непосредственному распределению продуктов сельского хозяйства. Вслед за распределением хлеба, монополизированным в руках государства еще в начале 1916 г., снабжение населения продовольствием все больше и больше переходит в руки государственных органов. Карточная, пайковая система совершенно вытесняет свободный рынок. Рамки настоящей статьи не позволяют нам остановиться подробнее на конкретной истории прорыва государственной системы распределения в Германии подпольной спекулятивной торговлей, на этом процессе борьбы легального, централизованного хозяйства с загнанным в подполье рынком; даже самое поверхностное описание здесь наталкивает нас на целый ряд поразительных аналогий и параллелей с историей советского хозяйства в эпоху «военного коммунизма» и даже в более близкие современности периоды ²⁾).

В условиях непрерывного падения производительности сельского хозяйства, обострения продовольственных затруднений, попытки государства воздействовать на с.-х. рынок лишь путем запретительной политики цен оказываются явно недостаточными. Экономическая политика упирается в необходимость более активного вмешательства в самое производство. В текущей литературе, уделявшей очень большое место продовольственным проблемам, всплывает ряд предложений о радикальной перестройке системы регулирования сельского хозяйства. С одной стороны, раздаются голоса сторонников свободной «игры сил» в хозяйстве, преимущественно из рядов аграриев и представителей торгового капитала, настаивающих на отмене нормирования цен и воз-

¹⁾ См. Вступительные замечания к ежемесячным бюллетеням, издававшимся в Берлине.

²⁾ Яркую характеристику подпольного рынка в военном хозяйстве Германии мы находим у одного из ожесточеннейших критиков военной системы регулирования:

„Чем больше государство пыталось задуть свободный рынок, тем больше развивался этот неофициальный рынок тайного предложения и тайного спроса. С технической-хозяйственной стороны этот скрытый, подпольный рынок функционирует превосходно. Чудесная механика автоматического регулирования обращения действовала как бы по примерам теории политической экономии Адама Смита и Жан-Баттиста Сэй. На колебаниях цен и ошеломляющем росте их можно было отчетливо наблюдать все элементы, воздействующие на свободное ценообразование; не в малой степени влияли скачки премии на риск, которую торговец переносит на потребителя, когда предложение товаров связывается для него с особыми опасностями. Каждое затруднение спекуляции, каждое повышение штрафа за нарушение государственных предписаний влекли немедленный рост цен на товар, находивший продавца и покупателя несмотря на все запрещения. Конец трагикомедии привел к падению до уровня примитивного менового хозяйства, к борьбе между городом и деревней, к сильному ожесточению против государства создавшего и поддерживающего эту организацию...“

Такова ирония военного хозяйства. Кого она веселит? — Leopold von Wiese: „Freie Wirtschaft“, 1918.

вращения к свободному рынку. Колебания спроса и предложения, воздействуя на цены, будут служить стимулом для развития продукции, и таким образом разрешится, по их мнению, продовольственный кризис. Но, несмотря на все тайные и явные симпатии к интересам кругов, выражавших эти требования, правительство не могло пойти в разгар войны и продовольственного кризиса на столь радикальную перемену курса. С другой стороны, всплывают многочисленные предложения, направленные к еще большему усилению вмешательства государства в самое хозяйство. Приведем типичный для этого направления проект, обошедший всю современную прессу:

«Прежде всего необходимо, чтобы руководящие органы установили, в каком количественном соотношении необходимо иметь важнейшие сельск.-хоз. продукты. Если будет выяснено, что должно быть произведено А центнеров картофеля, В центнеров ржи, С пшеницы и т. д., то вся посевная площадь должна быть разделена в процентном отношении к нужным количествам хлебов. Затем посевные задания должны быть разверстаны между союзными государствами, провинциями, коммунальными объединениями и т. д., принимая во внимание установленные статистикой природные особенности каждой местности. Таким же образом следует организовать и скотоводство. Необходимо предписать по закону каждой области, сельской общине содержание определенного количества скота» ¹⁾).

Каких-либо следов практической реализации этих радикальных предложений в военном хозяйстве Германии, конечно, искать не приходится ²⁾). Военные условия мешали осуществлению даже несравненно более скромных и реальных планов перестройки сельского хозяйства из скотоводческого в зерновое и общего поощрения его. Такие меры, как контроль над семенным материалом, распространение новых видов искусственного удобрения, премирование и поощрение наиболее успешных хозяйств, не могли оказать существенного влияния в условиях отсутствия семян, скота, инвентаря, рабочих рук, общего разорения и падения сельского хозяйства. Недействительными оказывались не только методы прямого регулирования сельского хозяйства, но и косвенное воздействие на него через комбинированную политику цен. Сгладить разрыв между ценами на корма и удобрения и твердыми ценами на хлеба государство не могло по объективным причинам голода. Путь же общего «поощрения» сельского хозяйства через значительное

¹⁾ См. „Mitteilungen der deutschen Landwirtschaftsgesellschaft“ от 2 августа 1916 г.

Проект цитируем по „Кельнской Газете“ № 475 от 10 мая 1916 г.

²⁾ Сравнение этого проекта с практикой наших посевкомов напрашивается само собою. У Брентано мы находим еще более ясную формулировку этой теории непосредственного регулирования сельского хозяйства. Он предлагает создать особый центральный орган, „уполномоченный руководить всем производством таким образом, чтобы каждому отдельному хозяйству и в особенности каждому сельскому хозяину было предписано, что он должен производить“.

увеличение предельных ставок цен фактически был отрезан прежде всего благодаря общему товарному голоду. Увеличившаяся покупательная способность крестьянства, сельского хозяйства не могла быть удовлетворена, так как промышленность отдавала всю свою продукцию на войну. В этих условиях механизм политики цен фактически был недееспособен.

В результате, рынок, как единая система связи между важнейшими областями народного хозяйства, ускользает из-под регулирующего влияния государства, несмотря на почти полное господство его в важнейшем секторе рынка — в области промышленности. Ускользнувшая от государственного распределения в порядке пайковой системы часть сельско-хозяйственной продукции превращается в объект спекуляции на подпольном рынке. Сколько-нибудь достоверные данные, на основе которых можно было бы судить о силе прорыва государственного регулирования, о размерах этого подпольного рынка, отсутствуют. По мнению Кальвера, правда, не обоснованному цифровыми данными, «население удовлетворяется, главным образом, не государственным снабжением, а запрещенной торговлей. Без этой нелегальной торговли население не могло бы существовать». «Если население не вымерло от голода, то оно обязано этим не заслугам государственного регулирования (принудительного хозяйства — «Zwangswirtschaft»), а спекулятивной торговле»¹⁾. Правда, как ни аутентичны для настроений широких слоев населения эти утверждения Кальвера о размерах и значении спекулятивной торговли и подпольного рынка, все же не следует его переоценивать, нельзя упускать из виду колоссальный упадок сельского хозяйства, естественно ограничивавший количество продуктов в распределении. Даже сравнительно большие размеры нелегального рынка не могут, однако, компенсировать общий распад рыночной системы в хозяйстве Германии. *Разрыв связей между городом и деревней, аграрным и индустриальным рынком, распадение единого экономического организма страны на ряд локальных рынков со своим движением цен, полное исчезновение ряда важнейших товаров из обращения, нарушение соответствия между ценами на отдельные виды продуктов (мука и зерно, мясо и т. д.) — таковы типичные черты распада, выявившиеся в хозяйстве Германии к концу войны.*

* * *

Описанный процесс распада рынка в военном хозяйстве Германии, естественно, сопровождается углублением свойственных капитализму антагонизмов между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней. Крестьянская часть сельского хозяйства, по самой своей природе, с большей силой ощущает это разрушение рынка, отсутствие рабочих рук, инвентаря, невозможность компенсировать отбираемую государством в порядке принудительной разверстки продукцию своего хозяйства продуктами промышленности, играющими колоссальную роль в высоко интенсивном хозяйстве Германии.

¹⁾ См. его бюллетень за июль 1918 г.

Но и юнкерско-помещичьи слои крупного сельского хозяйства проявляют свое недовольство военной системой в обострении борьбы между аграрным и промышленным капиталом. Именно этой внутренней борьбой в правящих группах объясняются в значительной степени многочисленные шатания и половинчатость государства в осуществлении планового регулирования. Примером могут служить хотя бы отмеченные выше ведомственные трения между центральными органами, послужившие помехой созданию единого регулирующего центра для всего народного хозяйства.

Внутри промышленности, охваченной несравненно более мощной и сплоченной организацией государственного регулирования через систему объединений по отраслям, также не прекращается борьба различных противоречивых групп и интересов. Жертвой первых же шагов объединения промышленности пал, как известно, инициатор этого дела Вальтер Ратенау. После девяти месяцев работы он был отстранен от руководства военно-сырьевым отделением; группы капиталистов — владельцев основных металлургических и угольных предприятий, находившихся в длительной конкурентной борьбе с обрабатывающей машиностроительной и электротехнической промышленностью, в частности с всеобщей электрической компанией, владельцем которой был Ратенау, обвинили его в использовании служебного положения для целей конкуренции и разоблачения тайн противников. Несколько своеобразны лишь формы, в которых выражалась эта борьба внутри организованной промышленности, что объясняется отчасти особенностями ее организации. Первоначально новые объединения, получившие название военно-акционерных обществ, носили характер свободных, добровольных объединений промышленных, отчасти и торговых предприятий. Акционерная форма была избрана, как наиболее удобная и привычная форма объединения капитала; при этом государство подчеркивало, что эти объединения отнюдь не должны принимать монопольный характер. Отличались они от обычных акционерных обществ отказом от цели извлечения прибылей: По уставам вся прибыль за вычетом расходов по ведению дел и довольно скромного процента на капитал должна была, по ликвидации общества, перейти в казну. Акционеры — основатели военных обществ — вполне откровенно защищали свое требование. Они заявляли: «Мы даем обществу капитал для того, чтобы оно закупало или раздобывало где угодно сырье для военных заказов. Мы не пользуемся прибылями с вложенного нами капитала, но, само собою разумеется, мы требуем преимуществ против остальных предпринимателей данной отрасли, ничего не внесших обществу». Фактически эти военные общества составлялись, главным образом, из наиболее мощных и видных предприятий данной отрасли. Как указывает Ратенау, в основу их брались, главным образом, уже существовавшие в большинстве отраслей промышленности монополистические объединения — картели, синдикаты и т. д.¹⁾. Таким образом, их требования сводились к распределению

¹⁾ Именно эти промышленные организации послужили основой для вновь создаваемых военных объединений, и не только в материальном отношении, но и в персональном составе. Таким образом, все существенные элементы военных

сырья, так сказать, в пропорции к капитальной мощи акционеров. Старая упорная борьба между отдельными монополистическими объединениями и неорганизованными, «дикими», вся анархия, раздражающая капиталистического хозяйства в его последней стадии монополистического перерождения, переносились, таким образом, целиком в эти военные формы, с той лишь разницей, что здесь борьба велась не столько за сбыт, сколько за снабжение сырьем. Но эта политика участников военных обществ зачастую противоречила интересам государства, военного ведомства, нуждавшегося в быстром, равномерном распределении сырья по всем производителям.

Борьба между военным ведомством, с одной стороны, и группами крупнейших, но сначала довольно малочисленных предприятий, объединенных в военные общества, стремившихся одновременно подавить своих более мелких и раздробленных конкурентов—с другой, кончилась победой государства. Но, вместе с тем, военные общества решительно переменяли свой характер добровольных объединений на государственные и строго регулируемые государством гавки¹⁾. Внутренняя борьба отдельных групп капиталистов красной нитью проходит через весь процесс сращивания промышленности с государством. Первые шаги этого превращения монополистического хозяйства Германии в государственно-капиталистическое развернулись, как уже отмечалось выше, на фоне борьбы между объединенными в военные общества и неорганизованными предпринимателями. Но эта борьба не прекращается в течение всего времени господства военной системы регулирования хозяйства, меняя лишь свои формы. Самый процесс огосударствления промышленности развивается, как борьба и подавление одних групп промышленного капитала другими. Решающее значение в этом процессе, помимо централизации сырья, сыграл еще момент *кредитной зависимости*. Вскоре обнаружилось, что капиталы, вложенные частными предпринимателями в военные общества, отнюдь не соответствуют их потребностям. Поступавшие в 1915—1916 г.г., главным образом, из оккупированных областей запасы сырья потребовали таких гигантских сумм, что капитал отдельных сырьевых обществ растаял, как масло на солнце. Когда дело дошло до платежей, почти все без исключения военные общества были вынуждены прибегнуть к кредитованию. Первое время банки весьма охотно взялись за это. Но когда суммы задолженности начали возрастать до гигантских размеров, цены на сырье на вольном рынке все больше лететь вверх, кредитующие банки обнаружили беспокойство. В случае скорого окончания войны, можно было ожидать стремительного падения сырьевых цен, и, в таком случае, огромные кредиты, предоставленные банками военным обществам, повисли бы в воздухе. Банки потребовали для новых кредитов гарантии государства. И на этом пути государству

обществ, за исключением внешней формы их, были уже подготовлены наилучшим образом в течение десятилетий. „Mitteilungen des Kriegsausschusses der deutschen Industrie“, № 59, 1915 г., стр. 894.

¹⁾ Сходство с нашей системой гавков эпохи военного коммунизма отмечается и в немецкой литературе. На это указывает, напр., Iohann Plenge в книге. „Allgemeine Organisationslehre“, 1919.

удалось подчинить себе военные общества. Зимой 1915 г. государство взяло на себя гарантии за кредиты сырьевых обществ.

Так как в балансах военных акц. обществ задолженность крупным банкам играла огромную роль, эта государственная гарантия (гарантировался безубыточный выход из войны) имела решающее значение. Иллюстрируем это на примере металлургического военного акц. о-ва. У этого объединения наличный капитал составлял полтора миллиона марок. Если в капиталистических условиях акционерное общество располагает полтора миллионами марок и другая организация гарантирует ему кредиты на много миллионов марок, то само собою разумеется, на чьей стороне находится перевес. С того момента, как сырьевые общества вынуждены были воспользоваться гарантиями государства, их сопротивление было сломлено, и с этого времени, по мнению Виденфельда, их можно рассматривать, как государственные органы военного хозяйства¹⁾. Формально влияние государства в этих организациях обеспечивалось вхождением в состав руководящих органов государственных комиссаров, наделенных правом *veto* по всем важнейшим решениям. Фактически власть государства этим, конечно, не ограничивается. Чем больший круг промышленных изделий изымается из свободного оборота и передается в ведение соответствующих отделов и учетных центров Сырьевого Отделения, тем сильнее становится регулирующая власть государства в соответствующих отраслях промышленности. Вместе с тем военно-акционерные общества фактически утрачивают свой характер *добровольных* объединений капиталистов и превращаются в исполнительные органы управления отдельными отраслями промышленности, подчиненные в снабжении сырьем, в реализации продукции военному ведомству, а позднее, и в самом процессе производства, соответствующим отделам государственных органов. Ибо предприятия, не объединенные и не взятые на учет какого-либо военно-акционерного общества, тем самым автоматически лишаются и сырья и заказов военного ведомства.

Было бы ошибочно, однако, противопоставлять эти военные объединения промышленного капитала органам непосредственного государственного регулирования. Все своеобразие военной системы хозяйства как раз и заключается в *сращении* частно-правовых организаций капитала с административным аппаратом государства. Широко развитая система персональной унии в руководстве акционерными обществами и соответствующими отделами Военно-хозяйственного управления олицетворяла это сращение капитала с государством. И здесь и там руководство сосредоточивалось в руках наиболее мощных капиталистов данной отрасли и их высшего коммерческого и технического персонала.

¹⁾ Этому „приватному“ экономисту Рейнско-Вестфальского синдиката, занимавшему видные посты в военно-хозяйственных органах, принадлежит полуконфиденциальный доклад о положении промышленности, из которого мы позаимствовали приведенные цифры; см. Wiedenfeld: „Rohstoffversorgung“, стр. 6—7. Кроме того см. Tschierschky: „Zur Reform der Industriekartellen“, Berlin, 1921, Beckerath: „Zwangskartellierung oder freie Organisation der Industrie“, стр. 35—36.

Прежняя борьба отдельных групп предпринимателей между собою приняла в этой системе форму погони за руководящими постами в соответствующих отделениях Военного Управления, учетных центрах и правлениях акционерных обществ.

Объекты борьбы — преимущественное снабжение сырьем, наиболее выгодные заказы военного ведомства, льготы в снабжении рабочей силой и т. д. За эти преимущества борьба идет не только между представителями отдельных отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, — железа и угля, с одной стороны, напр., и легкого машиностроения, электротехнической промышленности — с другой, в тексте — между владельцами предприятий первых стадий производства и ткацко-отделочными фабрикантами ¹⁾, — но и внутри отдельных отраслей, организованных в военные главки. Немалую роль при этом играют противоречия, раздиравшие отдельные группы крупного капитала еще до войны, внутри старых монополистических объединений. Любопытен в этом отношении пример Рейнско-Вестфальского синдиката. Этому гиганту грозил развал вследствие внутренней борьбы между группами Стиннеса и Тиссена за доли, так наз., квоты, прежде неорганизованных и новых предприятий. Дебаты о возобновлении синдикатского договора, срок которого истек 1 января 1916 г., начались еще до войны и тянулись бесконечно долго. После истечения договора драка тянулась еще больше полугода; лишь решительное вмешательство государства предотвратило развал треста ²⁾.

Опасаясь обострения конкурентной борьбы, спекуляции и роста цен, государство, под угрозой принудительного синдицирования, заставило заправил синдиката пойти на сговор. Противоречия интересов борющихся групп в тяжелой промышленности этим, конечно, не разрешались, а лишь загонялись во внутрь нового объединения. Распад другого мощного объединения — буроугольных копей — так же был предупрежден вмешательством государства (к концу 1917 г.). В металлообрабатывающей промышленности обострились противоречия между предприятиями, ранее ориентировавшимися на внешний рынок и вынужденными спешно перестраиваться и приспособляться к военным потребностям, и предприятиями, уже успешными обеспечить себя государственными заказами и т. д. Примеры внутренней борьбы капитала в рамках централизованной и огосударственной системы промышленности можно было бы умножить данными по всем почти без исключения отраслям.

Эта приглушенная военными условиями борьба противоречивых групп капитала начинает все больше прорываться наружу вместе с усилением государственного зажима, вместе с военизацией аппарата регулирования хозяйства. Необходимость строжайшей экономии в потреблении непрерывно сокращавшихся запасов сырья, жесточайшей

¹⁾ Любопытные материалы по этому вопросу можно найти у Вилка: „Kriegsausschuss der deutschen Baumwollindustrie“, 1920.

²⁾ Лишь заслуженный руководитель синдиката Эмиль Кирдорф не потерял еще надежды, пишет Tröelitsch: „Die deutsche Industriekarteile vor und nach dem Kriege“ Essen, 1916, стр. 64.

централизации регулирования хозяйства заставляла государство идти на подавление appetитов отдельных групп буржуазии. Но если вначале и в первую голову от этого страдали более мелкие капиталисты, игравшие лишь второстепенные и третьестепенные роли в монополистической системе промышленности, то с усилением государственного регулирования круги «потерпевших» все больше расширяются. Государственная плановая система все больше лишает возможности отдельных предпринимателей извлекать прибыль из участия в торговом обороте. Возможности наживы на почве конкурентной борьбы все больше исчезают. Подавление рынка и попытки заменить его организованной системой распределения вступают в противоречие с частной собственностью на орудия производства, диктующей борьбу внутри класса капиталистов на почве различных групповых интересов. Протесты против «принудительного хозяйства», глушащего «инициативу и свободную игру сил», приближающего к ненавистному социализму, объединяют все более широкие слои буржуазии. Представительный орган германской буржуазии, так назыв. Военный Совет германской индустрии, провозгласивший в начале войны единство враждебных групп капитала (Совет организованался в результате слияния прежнего центрального союза германских промышленников и союза индустрии, «Zentralverband der deutschen Industrie» и «Bund der Industrie») перед лицом «интересов родины», теперь активно выступает против закабаления «свободной промышленности» системой «военного социализма» ¹⁾. В этом хоре жалоб на военную систему регулирования, однако, наиболее громкий голос мелкой буржуазии и представителей более раздробленной легкой промышленности. Особенно активную роль в борьбе против государственного регулирования в Германии играл союз саксонских промышленников, объединявший, главным образом, отрасли легкого машиностроения, текстиля, химической промышленности, в противовес тяжелой индустрии, сосредоточенной, главным образом, на западе и в рейнских провинциях. Синдикус этого союза, д-р Штреземан ²⁾, создал себе большую популярность пламенными речами и статьями против ужасов «военного социализма».

Приводя все эти примеры борьбы и противоречивости, не изжитых государственной плановой системой регулирования, несмотря на относительно большую силу ее, мы не хотели, однако, сказать, что объективно, по техническому уровню развития германской промышленности, плановое регулирование не могло добиться превращения ее в единую гармоническую систему. Достигнутый уровень концентрации и монополистического перерождения делал промышленность Германии, может быть, в большей степени, чем остальных стран Европы, подготовленной к плановому преобразованию. Но для этого в военном хозяйстве отсутствовала другая важнейшая социальная предпосылка, — не был уничтожен ее частно-капиталистический характер. Здесь еще раз находит свое выражение та граница, стена, на которую наталкивается всякая

¹⁾ См. „Mittelungen“ за 1917—1918 г.г.

²⁾ Нынешний министр иностранных дел.

попытка *плановой организации хозяйства*, замены рыночной стихии сознательным воздействием центрального органа *в рамках капиталистических классовых отношений*.

Второй момент, который не следует упускать из виду при общей оценке единственного в своем роде опыта построения планового хозяйства в рамках капитализма, — это то обстоятельство, что весь процесс развития военной системы протекает на фоне постоянного падения производительных сил, постоянного разорения во имя войны.

При этом, естественно, встает вопрос — за каким же из этих двух моментов следует признать решающее значение в оценке опыта военного регулирования хозяйства. Военная система, как специфический продукт военных условий *suī generis*, отмирающий вместе с условиями, его породившими, противопоставляется, с другой стороны, оценке ее, как закономерной фазы в исторической эволюции капитализма. Но здесь мы подходим уже к более общему и требующему самостоятельного рассмотрения вопросу об оценке государственного капитализма, как специфической хозяйственной формы.

Е. Хмельницкая

МЫСЛИ О ЛЕНИНЕ

I. Предварительное раз'яснение

Говорить о Ленине — значит говорить о целом периоде человеческой истории, о периоде смены промышленного капитализма диктатурой финансового капитала и писать о Ленине — это значит выявить предпосылки Октябрьской революции: отношение к демократии, к диктатуре пролетариата, к государству, к народам Востока, к крестьянству, — все это отдельные «части» ленинского наследия. Говорить о Ленине — значит вскрыть бесподобную диалектику революционной стратегии, которая достигла своего апогея не только в бешеном натиске, но и в мудром искусстве «ларировать и отступать».

Все эти кардинальные проблемы остаются *вне* поля внимания предлагаемого этюда. Мы предлагаем читателю *только* ряд мыслей о Ленине. Нам хотелось бы выяснить лишь *детали* ленинских «подходов». И только.

II. Кое-что об эпигонстве, «критике» и творчестве

Нам говорят: мы стонем под игом «догматизма». Душит нас диктатура ортодоксальности. Надо пустить свежую струю свободной критики. Неужели мы обречены на роль эпигонов, комментирующих и детализирующих только наследие прошлого? Нам нужна свобода творчества. А над нами угрожающе виснет скала мертвенной догматики.

Свобода творчества! Свобода критики! Какие прекрасные слова! Да вот беда: картина радикально меняется, когда мы от общих прекрасных слов и пожеланий переходим к делу.

Маркс, Энгельс и их ученики отточили свое оружие понимания и изменения мира в борьбе с тремя основными и главными противниками: с религиозной концепцией во всех видах и формах, с идеализмом всех оттенков, с позитивизмом (и неопозитивизмом). Марксизм претендует на то, что он есть творческое преодоление всех названных концепций. Мы знаем, что это преодоление марксизмом было проделано не путем бесшабашного «радикального» отрицания прошлого. Уже одно отношение марксизма к Гегелю, дарвинизму, к классикам буржуазной политической экономии показывает, что марксизм сумел ассимилировать все ценное, что дано культурой прошлого. Маркс и Энгельс не только не скрывали, но всячески подчеркивали глубокую связь их

учения с идеалистической философией. Что же нам предлагала и предлагает до сих пор критика? Нас зовут все время «назад» к Фихте, Канту, Лассалю, при чем зовущие являются типичными эпигонами идеалистической философии: вместо *преодоления* мы видели *капитуляцию*, почему-то названную «критикой» и творчеством. В лучшем случае они занимались ювелирной разработкой и обработкой отдельных проблемочек. Мощный голос великих идеалистов был заменен мелодраматическим сопрано гурманов, занимавшихся изготовлением «тонких» блюд для хилого и капризно-разборчивого потребителя.

Только филистер может утверждать, что за последнее время в науке ничего не было достигнуто, что в области естествознания не было достигнуто ничего нового. Но дело-то в том, что критики пытались создать новое, враждебное марксизму *миропонимание*. И здесь-то выяснилось творческое бесплодие этих усилий. Честный, вдумчивый, тщательный анализ показывает совершенно убедительно, что крупица ценности этих концепций тонет в море извращений; что на вид очень модная, очень революционная философия есть тот же призыв назад, то же эпигонство, прикрывающееся плащом «творчества». Возьмем *только*, в виде иллюстраций, два образчика: прагматизм Джемса и интуитивизм Бергсона. Острая критика Джемса «абсолютной истины» имеет смысл и значение, поскольку речь идет о борьбе, правда запоздалой, с метафизическим рационализмом. Но вот Джемс пытается создать стройное мировоззрение. Каковы результаты? Джемс, в сущности, возрождает худшие стороны софистики, теоретического нигилизма и местами докатывается до философии «чего изволите». На помощь Джемсу пришла история: квалифицированному персоналу технической интеллигенции «понадобилась» теория, утверждающая, что истина — чисто инструментального характера. Оформился прагматизм. Но поддержка определенной группы не может скрыть от идеологии пролетариата «инструментальной» истины: прагматизм есть усложненный, утонченный нигилизм. Разве Джемс не спасается от нигилизма своеобразной санкцией бога, хотя бы в виде принципа и силы, устрояющей и организующей души людей определенного типа?

Является ли открытием для марксизма прагматический характер истины? — Ни в какой степени. Детским лепетом кажется пухлая философия Джемса в сравнении с тезисами Маркса о Фейербахе. Маркс знает, что только практика, но не *всякая*, а революционная практика, раскрывает все тайны. Но какая огромная и воистину изумительная разница! «Прагматизм» Маркса есть утверждение объективной истины через классовую практику, а прагматизм Джемса есть слабое прикрытие нигилизма, с одной стороны, и разжиженной религиозности — с другой. Оценку прагматизма дал тов. Деборин.

«В то время, когда для передового общественного класса полезны лишь те теории, которые объективно истинны, для господствующих классов, наоборот, объективно истинны лишь те построения, которые им полезны. Вот почему теперь создаются такие субъективистические и индивидуалистические похлебки, которые далеки от истинной науки, как небо от земли. Такие продукты квазинаучной мысли имеют, стало

быть, свою логику, и они показывают нам, что мы тем крепче должны держаться за научное познание. Всякая научная фальсификация должна быть безжалостно разоблачена»... («Введение в философию диалектического материализма», стр. 352).

Перейдем к Бергсону. Конечно, и речи не может быть о разборе системы Бергсона — об этом, быть может, придется поговорить особо. Здесь — в порядке иллюстрации — одно замечание: не биологическая теория познания, не смутное учение о времени, противопоставленном пространству, не учение о творчестве, которое является эстетически-утонченным перепевом романтиков, интересны у Бергсона. Интересна попытка устроить что-то в роде черты оседлости для формальной логики, ограничить сферу ее приложения. Ново ли это для марксизма? Ни в какой степени. Что же такое диалектика, как не борьба со всезначимостью формальной логики? И замечательно, что Бергсон критикует кого угодно, борется с механическим мировоззрением, со Спенсером и Кантом, но не уясняет своего отношения ни к материалистической диалектике Маркса, ни к идеалистической — Гегеля. Во всем остальном мы имеем перед собою несомненное эпигонство, возрождение мистики упадочного периода: талантливо, вдохновенно, изумительно по словесной музыкальности Бергсон «комментирует» то Шеллинга, то Фихте, а главным образом Плотина...

А как же обстоит дело со свободой критики и творчества? *Ответом является работа Ленина.*

Грозным упреком по адресу Каутского и меньшевиков прозвучали слова Ленина: вы — филистеры. Вы — мещане. Вы — начетчики. Вы привыкли мыслить только с книжкой под подушкой. Вы неспособны понять творчество масс. Вы вылушили революционную душу марксизма и подменили активность мещанским квазинаучным фатализмом и жиденьким идеализмом. Вы неспособны применить революционный метод к изменившейся обстановке. Вы неспособны творить историю.

Казалось бы, критики, столь много говорящие об эпигонстве, жаждущие творчества, должны были жадно припасть к этому источнику творчества, чтобы «зной своей Сахары — жажду сердца утолить».

Но что мы видим на самом деле? Мы уж не будем говорить о буржуазной науке, которая с высоты Монблана третировала Ленина. Вспоминается любопытный курьез. Я очень сожалею о том, что у меня нет под руками рецензии, помещенной давно, — чуть ли не в 1907 г. — в «Русских Ведомостях» на статью Ленина об аграрном вопросе (статья была напечатана в «Заре» и вышла отдельным этюдом). Как третировал Ленина этот ученый светоносец! Просто работа Ленина недостойна внимания серьезного человека. Но что уж говорить о кадетах! А как было встречено марксистобразными работа Ленина об эмпириокритицизме. Правда, после Октября ученые люди великодушно признали, что работа Ленина о государстве имеет научную ценность. Любопытный произошел диалог между меньшевиками и кадетами. Кадеты говорили злорадно и злобно: вот ленинизм и есть настоящий марксизм. Кадеты полагали, что этим они наносят смертельный удар ненавистному материалистическому пониманию истории. Меньшевики же руками и ногами

отбивались: о, нет, ленинизм — сплошное искажение марксизма, пасквиль на марксизм. Ведь еще Плеханов умудрился написать как бы введение в социал-патриотизм — он объявил, что большевизм есть помесь жоресизма и бланкизма. А жаждущие творчества, алчущие «критики» подпевали и уверяли, что Ленин — бланкист, максималист, бернштейнианец. Только творческого замысла Ленина не поняли.

Остается фактом: настоящий критик критиков, действительный творец нуждался в ортодоксальном, углубленном марксизме, а не в подпорках Маха и Авенариуса. Да, вот этот факт надо серьезно, честно, глубоко продумать до конца. Настоящий творец, об'явивший борьбу эпигонам, начетчикам, занялся выпалыванием сорных трав мнимого критицизма из огорода революционного, ортодоксального марксизма. И это не случайно.

Марксизм — един. В каждом отрезке стройной системы дано с принудительной необходимостью «целое» и замысел целого властно диктует функцию и структуру каждой части. Попытка исправить марксизм, украсить здание пристройками балкончиков новейшего фасона — эта попытка есть проявление эпигонства, декаданса, бесстильности.

Марксизм — един. Ленин это единство демонстрирует не теоретическими лишь доводами, а *практической работой*. Нельзя произвольно вставить в машину любой двигатель, как бы этот двигатель сам по себе ни был изящно построен: *машина не будет действовать*. Нельзя натянуть любые приводные ремни — получают недоброкачественные результаты. Ленинизм отвергает эпигонство критики, потому что приятие пристроек новейшего фасона приведет к параличу «механизма» — он замедлит или ненужно ускорит темп. Ленин — изумительный мастер «смычки» теоретических элементов именно потому, что в его руках марксизм действует *целиком*. Ибо Ленин творит. Осмыслить и практически продолжить линию Ленина это и значит творить самым настоящим, самым реальным образом. А идущие за мишурно разукрашенной колесницей критиков на самом деле «хоронят живых и осыпают поцелуями мертвых».

III. Ленин и Мартов. Пропорция и темп

Марксизм — един. На это-то и обратила свое благосклонное внимание критика: надо разорвать цепь великую, дезорганизовать «службу связи», внести дурную множественность, расстроить смычку теоретических элементов. Пытались разбить, по-наполеоновски, отдельные части, чтобы тем вернее разгромить всю «армию». То признавалось об'ективным учение Маркса о развитии производительных сил, но философия классовой активности, формулированная в изумительных тезисах о Фейербахе, признавалась теоретически неоправданной. Восхвалялась философия трудовой активности, но утверждали, что она несовместима с мертвенной механикой, при чем мертвенной механикой считалось то учение об имманентных законах развития, то материалистическая гносеология. Критики с радостью великой предавались азарту — показать дуализм системы Маркса. В марксизме, видите ли, аморальный натурализм незаконно смешан с этическим пафосом

равенства, позаимствованного у великих утопистов. Об'являлось открытием утверждение Новгородцева, что марксизм дуалистичен, ибо научный реализм недопустимо перепутан с романтической революционностью. В сущности, к упреку в дуализме сводится и «критика» эсеровского лидера В. Чернова. Наблюдается интересный сдвиг и в аргументации эсеров. Сначала марксизм рассматривался как система *оптимистического фатализма*. Марксизм предсказывает и приветствует всеокрушительную, грандиозную победу капитализма. Но марксизм — смертельный враг капитализма. Чем же объясняется эта непонятная радость по поводу всемогущества капитализма?.. Да тем, что марксизм *верует*, хотя наивно, полагает, будто *знает*, что капитализм примет «смерть от коня своего», что капитализм сам роет себе могилу. И, конечно, сторонники роли «личности» в истории преважно и преглубокомысленно поучали, что не надо быть фаталистами, надо признавать роль активности. Но вот грянула великая Октябрьская революция. И мы сейчас слышим от эсеровских соловьев другие песни. Эсеры, подобно меньшевикам, а меньшевики, подобно кадетам, вопиют: а где же, куда делся марксистский научный об'ективизм, почему вы хотите бурной активностью заменить отсутствующие материальные предпосылки? Серьезно спорить с эсерами, пожалуй, что и не стоит. Важнее проследить тонкую, чрезвычайно искусно замаскированную попытку разорвать *службу связи* между об'ективными и субъективными моментами, делаемые некоторыми «ортодоксами». Мастером этого дела является Мартов.

Еще до Октябрьской революции, в эпоху знаменитой фракционной борьбы, выявилась социальная природа Мартова. Это — в области пролетарской тактики. Иное дело — область теории. Казалось бы, и Ленин и Мартов — ортодоксальные марксисты. И Ленин и Мартов в своих прогнозах исходят из марксистского анализа об'ективного хода вещей. Ленин и Мартов в эпоху борьбы с бернштейнианством защищали позиции ортодоксального революционного марксизма. Оба вели борьбу с социал-патриотизмом, хотя в борьбе с социал-патриотизмом уже проявилась половинчатость Мартова, о чем мы говорим ниже. Чем же объясняется громадная разница в выводах? Конечно, Мартов представляет особую *варнацию классового приспособленчества*. Но здесь нас интересует теоретический подход. Вскрыть Бернштейна не трудно. Но вскрыть беспощадного врага Бернштейна — Мартова — гораздо труднее. Почему? — Да потому, что Мартов прошел виртуозную школу *маскировки своих позиций*. Мартов принимает об'ективный анализ марксизма потому и постольку, *поскольку Мартов уплатой за вход в здание ортодоксального марксизма получает индульгенцию — освобождается от необходимости революционно действовать*. Мартов тонко анализирует об'ективный ход вещей, но он так располагает элементы, так ускоряет или замедляет исторические *темпы*, что социальное-желательные результаты получают без необходимости развертывания максимальной боевой воли. Виртуозность маскировки заключается в том, что в нюансах якобы об'ективного анализа уже скрыт дефект, убиль активной воли к победе. *Суб'ективный* метод виртуозно, тщательно спрятан под

мантией *объективного анализа*. В этом «тайна» мартовского объективизма. Он служит Бернштейну по существу, внешне борясь с последним на чисто теоретических позициях. Здесь надо во что бы то ни стало устранить возможные недоразумения. Дело не в том, что Ленин не ошибается в предвидении темпа развития, а Мартов ошибается. Дело в том, что *своеобразная интерпретация темпа и пропорции* в руках Мартова есть *классовый прием* для приспособления к целям буржуазной демократии. И опять-таки: Мартов не фаталист. Он сторонник величайшей активности пролетариата. Но и здесь опять выступает оттенок, нюанс, который на самом деле решает все. Речь идет о качестве и о темпе этой активности. После пышных рудад о максимальной активности у Мартова всегда идет предупреждение о том, как бы пролетариат неуместно бешеным напором воли не впал в субъективизм, в романтику, не взял бы преждевременно в руки жезл власти.

Помнится одно знаменательное собрание в Париже. Социал-демократы обеих фракций организовали митинг в память Парижской Коммуны. Участвовали лидеры обеих фракций — Ленин и Мартов. Выступавший меньшевик доказывал, что громадной ошибкой коммунарлов явилась мысль о наступлении на реакционный Версаль. В порядке записи Мартов должен был говорить раньше Ленина. Но Ленин попросил переменить порядок записи, и ему было дано слово. И сейчас звучит у меня в ушах изумительная по мощи и четкости выводов речь Ленина. В этой речи было уже дано октябрьское понимание роли и значения Коммуны. Ленин тогда же доказывал необходимость неусыпной и настойчивой борьбы за гегемонию над крестьянством. После говорил Мартов. Говорил превосходно. Сделал «объективный анализ», утонченный, хрупкий, тонкий и капризно-изузоренный. А смысл? Пролетариат не должен обременить свои плечи непосильной тягостью захвата власти. Нужно разгрузить пролетариат, «нагрузить» буржуазию, которая должна платить цену политического прогресса. Видите ли, до чего отважно мыслит Мартов! Видите ли, — он не *помогает* буржуазии, а ее «наказывает», «нагружая» властью. Мартов устанавливает просто невыносимо высокую плату за вход в здание конституции! А вот Ленин снимает с плеч ненавистного буржуа тяжесть власти и накидывает ее на согбенные плечи пролетариата... Мы знаем, что в период империалистической войны Мартов написал прекрасные слова: «буржуазия, разнуздав стихию мировой войны, подписала себе смертный приговор». Но это объективный анализ, констатирование факта. А выводы? Может быть война империалистическая должна, поэтому, перейти в войну гражданскую? — О, нет! — Это — грубая, ленинская «прямолинейность». Мартов «тонко» лавирует между революцией и реакцией, но так, что помогает все время душителям революции. Какая горькая судьба! — *Так бороться с Бернштейном* в области теории и так чудесно помогать ревизионизму в действии! *Так бороться с социал-патриотами* и сделаться правой рукой этих социал-патриотов! Да, Мартов готов революционно мыслить, но эта «революционная» мысль даже «освобождает» от необходимости революционно действовать. Да, повторяю, Мартов тонко анализирует объективный ход вещей, но он так располагает *элементы*,

так ускоряет или замедляет исторические *темпы*, что исчезает необходимость в развертывании максимальной, боевой, классовой воли.

Не то Ленин. Здесь открывается соблазн острой антитезы. Можно было бы сказать, что Ленин — *прямая* противоположность Мартову: Ленин готов отважно действовать и к возможности действия подгоняет объективный анализ. Ленин произвольно устанавливает такую *пропорцию* элементов, так ускоряет или замедляет исторические темпы, что желательные результаты получаются от боевого действия, *заменяющего* объективные условия: ведь у Ленина диктатура крепкой, сочной воли! Однако же без преодоления этой соблазнительной антитезы нет подхода к Ленину. Диктатура воли таит громадную опасность. Воля превращает мысль в свою «служанку», заставляет бедную мысль плясать под свою дудку. Получается скверный прагматизм. Объективный «лик» истории искажается, и воля терпит крушение благодаря неправильному представлению об объективном ходе вещей. Такая диктатура воли характерна для романтиков. Говорят о «волюнтаризме» Ленина. На попытках обрисовать Ленина в терминах старой, индивидуалистической психологии, обнаруживается бессилие этой психологии. Старая психология знала «героев» и «толпу», но вот Ленин: он ни в какой мере не «герой», он — центр сил не «толпы», а класса, не данного, законченного, а исторически зреющего. Как уместить Ленина в рамки старой психологии? Волюнтаризм? Рационализм? Извольте-ка определить, какой элемент «преобладает» в Ленине? Жалкое занятие!.. Разве не ясно, что сочетание изумительной «воли» и «разума» есть *производное* социальной функции Ленина. *Практика* Ленина, его революционное *искусство* преодолевает и более глубокое «противоречие».

Некоторые теоретики так формулируют различие древней и новой философской мысли: для древних мир был объективно *дан*, он есть. Вопрос сводится к тому, в какой мере мы способны данный мир адекватно *воспроизвести*. Скептицизм древних выражается в неверии и сомнении, насколько наше ощущение способно дать картину объективного мира. Современные же философские мировоззрения в корне отрицают, что мы только с'емщики — плохие или хорошие. Нет, мы мир не воспринимаем, а организуем, или даже создаем. Организуем, если причинность является — неточно выражаясь — «свойством» нашего разума. Создаем, если данность мира есть только повод и материал для преодоления косности во имя четкого и беспримесного выявления нашего глубинного творческого «Я».

Нельзя сказать, чтобы такая характеристика была приемлема. Уже, во всяком случае, скептицизм древних был и глубже и радикальнее, да и все основные ситемы (Платон, Аристотель) ни в какой мере не предполагали, что мы только с'емщики. Да и можно ли говорить об «едином» мировоззрении «греков»? Но со многими ограничениями для определенного периода эстетико-философского понимания греков такое деление приемлемо. И вот: Ленин не только в аргументации, но и всей системой своего творчества дал новый подход, который есть ценное, крупное завоевание. Мир нам, как и древним, дан. Он есть. Но нам дан диалектический процесс развертывания. И именно потому, что

мир и история нам диалектически даны, потому-то мир творческий задан — как задача и система действия определенного общественного класса. Социальный мир потому нам творчески задан, что он нам диалектически дан, как объективная реальность. В этом смысле ленинизм, не как учение только, но как практика, есть преодоление древней и «новой» философии. Горе тем марксистам, которые разрывают эту цепь великую между объективной данностью и классовой заданностью. Фальсифицируют марксизм те, которые подчеркивают трудовую классовую активность и зачеркивают объективную данность. Такой разрыв есть, на деле, худшее служение прагматизму, классовые корни которого вскрыты тов. Дебориним ¹⁾.

Но мы уже говорили, что нас интересует не только теория, но и практическое искусство Ленина. Можно ли говорить об искусстве Ленина? Должно. Не случайно то, что Ленин защищает рьяно мысль Маркса о том, что восстание есть искусство. Вся тактика Ленина есть великое искусство. Нам кажется, что один из элементов искусства — это дар угадывания темпа и пропорции. Говорят: Ленина характеризует целеустремленность. Это верно. Но это чересчур обще. Целеустремленность характеризует и Бланки. Дело не особенно подвинется вперед, если мы добавим, что Ленина характеризует умение выбирать средство для достижения своих целей. Это опять-таки верно, но опять-таки чрезмерно обще. Говорят: мастерство Ленина в том, что он умеет отделить главное от неглавного в данный исторический момент. Умеет на почве анализа общей закономерности выделить специфическое, неповторное. Вот это, несомненно, вводит нас в суть дела. Но для полноты следует добавить, что «угадка», классовая интуиция, выражается в постижении пропорции и темпа. Объяснимся.

Можно констатировать, что капитализм в процессе развития роет себе могилу. Но это нисколько не пугает ни от детской болезни левизны, ни от оппортунизма, если вы игнорируете пропорцию и темп развития истории. Замедлите или ускорите в своем анализе объективного хода вещей темп развития, и вы — или романтик или оппортунист. Вы, допустим, правильно полагаете, что нам нужно пойти на выучку к старой культуре. Но возникает вопрос в пропорции. Увеличьте нашу зависимость от старой культуры, и вы превращаетесь в культурного бернштейнианца. Вот гений Ленина сводится к постижению темпа и про-

¹⁾ Не «опасно» ли пользоваться чисто идеалистической терминологией — «данность» и «заданность»? — Не думаем. Ведь по существу-то ясно, что здесь выяснена решительная борьба с идеалистическим дуализмом. Именно материалистическая диалектика победоносно преодолевает грех кантианства (еще точнее — фихтеанства) с его попыткой поместить данное и заданное на «качественно» различные плоскости. Больше: ленинизм есть практическое преодоление «натурализма» и «субъективизма». А между тем, на этой терминологии яснее ясного выступает теоретико-практическое преодоление не только «старых» проблем. Разве «детская болезнь левизны», а то и авантюризм в тактике не суть отрыв от объективно данного во имя субъективно заданного? И разве «фатализм» в теории и реформизм в практике («хвостизм» то-же) не суть капитуляция перед ложно понятым объективно данным? Только в этом показателем вспомогательном смысле допустимо пользование терминами данности и заданности.

порции ¹⁾. Он так располагает элементы, так постигает темпы, что выступает объективная данность, которая служит основой классовой заданности. Здесь открывается, если хотите, «неповторная», Ленину лишь присущая диалектика. Выбрать то звено цепи, которое дает возможность продвинуть всю цепь, — это важно. Но вся невероятная трудность наступает именно тогда, когда надо определить пропорции и темп. Этот «талисман», этот «дар» дается только по классовому мандату. Ленин, как теоретик, — мастер смьчки теоретических элементов. Ленин — стратег и практик, гений пропорции и темпа. Этот талисман и дает возможность Ленину не только предвидеть, но использовать, а потому и победить «чужеродные» силы истории. Отсюда же и своеобразная расценка правизны и левизны.

IV. Гетерономные силы, левизна и правизна

В «Идиоте» у Достоевского Настасья Филипповна рассказывает приглашенных разношерстного социального состава гостей по принципу наибольшего контраста. Революция очень часто похожа на капризную Настасью Филипповну и усаживает рядом «гостей» различных, а то и враждебных направлений. Казалось бы, что общего между правым меньшевиком и архи-левым эсером? Но революция с поразительной ясностью вскрыла общность и даже единство. Общность не лозунгов, не программ, даже не тактики только в строгом смысле слова; общность выражается в том, что обе стороны срывают революцию: они диктуют тот темп, который наверняка доведет до гибели. Представьте себе: вы на автомобиле. Предстоит суровый путь. Надо и поспеть во-время, да и учесть расхлябанность русских дорог. И вот справа стоит советчик меньшевик, слева — советчик левый эсер. Один говорит: «Не надо так быстро мчаться. Шины поистерлись, заграничного ввоза ждать нельзя. Поверьте мне: тише едешь, дальше будешь!» — У меньшевика точно рассчитан темп. При таком темпе вы запаздываете обязательно. А слева — советчик левый эсер. Он поет, заливаясь. Так и дышит негодованием: Не слушайте вы этого оппортуниста! Неужели он вас соблазнит пошлой мудростью — «тише едешь, дальше будешь»? Нет, надо лихо мчаться вперед, безудержно и размашисто, сказочной жар-птицей

¹⁾ Напомним еще раз, что мы ни в коем случае не «выводим» и не «сводим» разногласия и борьбу Ленина и Мартова к проблеме темпа и пропорции, не создаем из темпа и пропорции какой-то «категории». Мы выясняем один только момент — и ничего более. Конечно, Ленин по-иному делает конкретный анализ сил и тенденций революции. Но в корне ошибочно противопоставление конкретного анализа проблеме пропорции и темпа. Пропорция и темп — один из моментов в конкретном анализе. Важно подчеркнуть, что «объективисты» меньшевики пользуются темпом и пропорцией для извращения объективного хода вещей, для превращения диалектики в софистику. Полагаю, что сейчас, когда выяснилась замедленность темпа развития революции, когда в самом Союзе Советов идет борьба между различными сторонами хозяйства, — вопрос о темпе и пропорции приобретает исключительно важное значение.

лететь в будущее, птицей-тройкой мчись к конечной цели!»—Левый эсер имеет свое представление о *темпе*. Это такой темп, при котором себе шею сломаете *навверняка* и до цели не доедете. Но зато якобы враждующие между собою советчики свою-то цель достигнут. За внешней противоположностью левого эсера и меньшевика кроется полное социальное тождество. Вот почему обе стороны были так смущены и возмущены, когда великий варвар XX столетия, по-мужицки хитро прищурив глаз, создал свою стратегическую науку и сказал, по своему обыкновению, простые слова: без умения «ларировать и отступать» пролетариат не победит. И что всего хуже — он открыл новую «тайну» пропорции и темпа, непохожую ни на меньшевистскую, ни на эсеровскую. Тогда-то началась переоценка Ленина. Сначала у озлобленного оборонца понимание Ленина было довольно ясное:

что кровь готов он лить, как воду,
что презирает он свободу,
что нет отчизны для него.

А потом пошли уж другие толки: отчизна для него есть, и *только* отчизна. Ленин — тайный русский патриот, а Коминтерн — это только филиальное отделение для патриотических «делов». Но и наиболее принципиальным казалось, что ужасы империалистической войны, гнусность и измена II Интернационала, слабость и предательство Керенского заставят Ленина закусить удила. Казалось, что Ленин может повторить про себя слова Малькольма из «Макбета»: «Если бы власть была в моих руках, я вылил бы в ад сладостное молоко согласия, возмутил бы спокойствие вселенной, так что мир исчез бы с лица земли». Да, Ленин не побоится вылить в ад сладостное молоко согласия, но... тогда, когда это оправдано «разумом». Да, он способен «возмутить спокойствие вселенной», но всегда помнит о темпе и пропорции! Ибо Ленин объективист. Советчики напрасно тратят свое красноречие. Ленина нельзя «уговорить». Ни лютые шипение врагов, ни пышные «похвалы» друзей не заставят его потерять голову. Вспоминаю любопытную черточку из речи Ленина. Это было тогда, когда германское правительство «нашло» прокламацию у Иоффе и послало нам что-то вроде ультиматума. Ленин в своей речи страстно и гневно нападал на германскую реакцию. Гнев возрастал, и казалось, что вот Ленин скажет про германское правительство самое острое, самое злое и самое обидное слово. И Ленин это злое и обидное сказал: «Немецкое правительство *потеряло голову*». И в жесте, и в наклоне фигуры, и в презрительной нотке звучало непреклонное убеждение, что большего позора, большего стыда Ленин не знает. Шутка ли: они потеряли голову! Но «потерять голову» — это означает, между прочим, потерять представление о темпе и пропорции. Вот это постижение темпа и пропорции внутренне освещает зигзаги и «противоречия» ленинской тактики. Здесь мы подходим к самому изумительному шедевру ленинской стратегии: Ленин, как никто, предвидит зарождение гетерономных, чужеродных сил, умеет им «подчиниться» — для того лишь, чтобы их победить.

Что мы разумеем под социально-гетерономными силами? ¹⁾ Скажем коротко: социальное действие в большом историческом масштабе, направленное на достижение определенной цели, само неизбежно порождает силы, ему противоположные и даже враждебные. Эти враждебные силы, нами же порожденные, мы и называем *гетерономными*. Не эти ли гетерономные силы считались в древности «роковыми»? Этим «коварством» истории отчасти объясняется появление культурного пессимизма: разве можно говорить о достижении *целей* при наличии того факта, что гетерономные силы извращают основной замысел? Разве мы не видим в истории, что *цель* превращается в средство, а средство — в *цель*? Этот пессимизм и выразил Инквизитор (см. брошюру Лаврова — «Кому принадлежит будущее»). «Переберите все цели, которые ставили себе народы и их могущественные предводители, — цели, для удовлетворения которых употреблены были все средства человеческой мудрости, все силы разнообразных цивилизаций, и сравните это с полученными результатами. Люди хотели одного, выходило как раз *противоположное*... Безумцы! Человечество направит нельзя; каждый раз, когда ослепленные руководители думали его вести к *своей* цели, они бессознательно вели его к другой». В самом деле, в чем так называемая «трагедия» великих личностей в истории? — Да в том, что деятельность их порождает силы, героями непредвиденные или недостаточно учтенные, и эти силы баринно разваливаются на троне истории, вышвыривают вон все великие замыслы «великих» людей.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс открыл, что буржуазия подобна кудеснику, вызвавшему к жизни духи, с которыми справиться не сможет. Да, история буржуазии есть история *рационализации* и одновременно созидания иррациональных, потому что для *буржуазии непреодолимых*, гетерономных сил. Маркс говорит, что пролетариат сознательно творит историю, т.-е., пролетариат впервые побеждает гетерономные силы. Ленин не только эти силы предвидит, но он их организует, даже им частично уступает для того, чтобы тем вернее их победить. Ленин замечателен не только тем, что он эти силы побеждает, но тем, как их побеждает: Ленин сам эти силы организует, но вводит их в определенные рамки. Он определяет темп их развития, устанавливает на объективной базе пропорцию допустимости этих «элементов» в отношении других социальных сил. Но может быть Ленин возрождает наивный рационализм XVIII столетия, полагавший, что разум может взять весь мир на учет? — Нет. Ленин великолепно сознает, что ни одна партия не может учесть все действующие силы. Вот его изумительные слова, шедевр Ленинской мудрости и простоты: «История вообще, история революции в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию

¹⁾ В другом месте я постараюсь показать, что только в правильном понимании роли гетерономных сил есть ключ к построению теории марксистско-ленинской культуры.

осуществляют в момент особенного под'ема и напряжения всех человеческих способностей сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов. Отсюда вытекают два очень важных практических вывода: 1) что революционный класс для осуществления своей задачи должен овладеть *всеми*, без малейшего из'ятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, что не доделал до этого завоевания), 2) что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою».

Изумительно. Ленин предвидит, что страсти и фантазии миллионов не учитываемы самой «хитрой» партией; однако Ленин не впадает в исторический «скептицизм». Он здесь же делает практического характера выводы: пролетариат должен знать *все*, без из'ятия, *все* формы общественной жизни и быть готовым ко *всем* переменам. И в знаменитой брошюре о продналоге Ленин неустанно подчеркивает, что нужно знать *все*, обязательно *все*, только *все*, без малейшего из'ятия, экономические формы и остановиться на той, которая, при данных условиях, обеспечит темп, нужный для победоносного движения вперед. Комичными кажутся «упреки» по адресу Ленина, что он противоречит себе, что он то разрушительнее во сто крат Бакунина, то «оппортунистичнее» во сто крат Бернштейна. Да, Ленин способен возмутить и уже возмутил «спокойствие вселенной». Недаром же он так любит и ценит слова Маркса о французском пролетариате, готовом «штурмовать небо». Но Ленин знает искусство темпа и пропорции. Он умеет «отступать и лавировать». Кричат: чем Ленин не бернштейнианец, не оппортунист? Правильно будто, да тут «маленькая ошибочка». Ленин говорит, что мы в 18-м году захватили такие обширные позиции, что у нас есть из чего отступать и уступать, сохранив достаточно поля для маневрирования и перегруппировки уставших армий в целях нового сокрушительного наступления. Бернштейн же ничего ни у кого не завоевывал, у него не из чего отступать, он сдает последние жалкие позиции, оставляет себе узенькую полоску, на которой нельзя перегруппироваться. Да он и не собирается готовить атаку! Ленинскому орлу можно ниже бернштейнианских кур спускаться, но «критическим» курам никогда до облак не подняться. Да и зачем ревизионисту облака? Разве он собирается «штурмовать небо»?

Разумеется, все вопли «барматовцев» о том, что ленинцы спускаются «ниже» бернштейнианских кур, — сплошное лицемерие, блестяще вскрытое Лениным в статье, изумительной по глубине: «О восхождении на высокую гору». Барматовцам нужно запугать робких «безумием», «романтикой» Ленина, а за сим оппортунизмом большевика. Притом — барматовцы ведь софисты, им нужно вскрыть «противоречие» не движения вообще, а ленинского движения — «восхождения на высокую гору»... Отсюда ликование «бесноватых» по поводу «противоречий» ленинской стратегии...

Да, вся деятельность Ленина как будто бы сплошное «противоречие». Вспомним: Ленин принимает аграрный законопроект левых

эсеров, прекрасно сознавая, что этот законопроект порождает силы, с которыми партии придется вести борьбу. Но он знает, что этот законопроект есть изначальное утверждение крестьянской революции и что на фоне этой социализации произойдет дальнейшее усложнение сил в деревне. И действительно: мы прошли полосу комбедов, ставку на средняка. Но Ленин идет к своей цели не *мимо* левых эсеров, а *через* них. Ленин как бы сам отводит известную полосу истории под левую эсеровщину, организует ее, чтобы тем вернее победить аграрный утопизм. А бедный критик, чуждый понимания диалектики, то негодующе, то ликующе вопиет: какие судороги, какой хаос, какие противоречия!.. Но, быть может, ни в чем так не проявилось умение Ленина побеждать гетерономные силы, как в проведении новой экономической политики. Нас новая экономическая политика интересует только как материал для характеристики *подхода* Ленина. Сохранилась молва: Ленину будто сказали, что задержка революции на Западе неминуемо поведет к реакции у нас. Ленин будто бы ответил: «Возможно, но эту реакцию я сделаю сам».

Это, конечно, легенда, но, пожалуй, здесь метко подмечена суть ленинского подхода. Что в глазах Ленина переход к нэпу не был крахом, видно из того, что в своей брошюре, мотивирующей переход к продналогу, Ленин цитирует то, что им было писано в 1918 году. Но нас интересует сам «замысел». *Ленин делает реакцию сам*. Уже в письме к кавказским товарищам он видит неизбежность замедленного темпа революции. Намечает новые пути смычки с крестьянством и народами Востока... Он предвидит «роковые силы» — неизбежность создания вольного рынка. Он знает, что это уход на вторые позиции, уступка мелкобуржуазному производителю, но он идет к своей цели не *мимо* интересов этого производителя, а *через* него. Ленин сам облачает буржуа заново в, казалось бы, сданные в архив фрак и цилиндр, но тут же ткет нэпману саван и роет ему могилу через «первоначальное социалистическое накопление». Вот в этом умении самому организовать своего «демона», для того, чтобы тем вернее победить «мелкого» беса, вот в этом — гений стратегической диалектики Ленина.

Но представим себе, что Ленин эти силу — нэп — предвидел, утвердил, но при этом потерял бы чувство *темпа и пропорции*: с какой быстротой может и должен развиваться нэп, в какой пропорции он должен относиться к совокупности государственного хозяйства, — тогда «гетерономные» силы победили бы революцию. Без «дара» постижения темпа и пропорции никакая целеустремленность и никакое умение выделять главное звено делу не помогли бы.

Маркс открыл «тайну» истории. Ленин вскрыл «тайну» стратегии. Не мешает еще раз подчеркнуть: этот «талисман», этот дар Ленина есть мандат класса, мандат истории.

И. Гроссман-Роцин

ИЗ ИСТОРИИ ДИАЛЕКТИКИ В XIX ВЕКЕ

Предлагаемые наброски не притязают на полноту, их единственная цель — наметить одну главу из истории диалектики и ее судеб, главу, на которую до сих пор не обращали должного внимания. Мы имеем в виду критику диалектической логики Гегеля, но не творческую, положительную критику, которой она подверглась со стороны Маркса, Плеханова и Ленина, а ее отрицательную критику со стороны буржуазной философии. В настоящей статье мы остановимся только на главных пунктах этой критики.

Чтобы понять современное положение логики, необходимо проследить ход ее развития в XIX веке. В общих чертах это развитие можно охарактеризовать так: доказав, что категории, формы мышления, суть вместе с тем *формы существования*, формы предмета, гегелева логика преодолела тем самым разрыв между мышлением и бытием. С этим основным положением гегелевой логики неразрывно связаны, как это ясно поняли Маркс, Энгельс и Ленин, все основные законы диалектики. Требуемая диалектикой текучесть и подвижность только тогда имеет смысл, когда она отражает текучесть действительных явлений. и т. д.

Диалектическая логика доказала для всей области логических определений это единство и тождество логических форм и форм действительности, законов мышления и законов бытия в природе и в истории. Основная концепция гегелевой логики (если извлечь ее из идеалистической оболочки) целиком содержится в материалистической диалектике. Маркс долгое время носился с планом работы, специально посвященной изложению форм мышления (сюда относится изложение экономических категорий, как форм *бытия*, в знаменитом введении к «К критике политической экономии»), но эта работа так и не была им выполнена. Из опубликованных теперь рукописей Энгельса мы видим, какое решающее значение Энгельс придавал *учению Гегеля о понятии*. Не менее существенны гениальные замечания Ленина к логике Гегеля, в которых Ленин независимо от Энгельса, — ибо он не знал соответствующих рукописей последнего, — выдвигает на первый план те же пункты гегелевой логики: доказательство тождества противоположностей и учение о понятии.

Таким образом, от диалектической логики Гегеля в XIX веке ведет прямая линия через Маркса и Энгельса к Ленину. Идеалистически-

диалектическая логика Гегеля, которая, впрочем, в своей основе (бессознательно) уже у него была материалистической, преобразуется Марксом и Энгельсом в сознательно-материалистическую логику, — но не в виде учения о формах мышления, а в непосредственном *приложении* к действительности. Для материалистической диалектики учение о формах мышления, при всем признании его важности, имеет все-таки второстепенное значение сравнительно с учением о формах бытия, и в виду гигантской сложности стоявших перед ними основных задач Маркс и Энгельс, а также Ленин, оставили невыполненной эту второстепенную работу.

А между тем официальная логика развивалась в течение XIX в. по прямо противоположному пути. Чтобы понять это развитие, необходимо принять во внимание следующее.

Положение логики в философии и во всей идеологической жизни XIX века имеет двойственный характер. Кант сказал знаменитую фразу о том, что за 2.000 лет логика не смела сделать ни шагу ни вперед, ни назад. Этим он рельефно охарактеризовал то положение, какое формальная логика занимала в научном сознании вообще: логика была богословием науки, неприкосновенным во всех своих частях. Кант сам отдал дань этой традиции и, в качестве университетского преподавателя, читал курсы по формальной школьной логике, тогда как в своей философии он заложил в трансцендентальной логике основы идеалистической диалектики. Мы видим, однако, что в течение всего XIX века в школах продолжают преподавать старую формальную логику. На Канта и Гегеля эта последняя вообще не обращала никакого внимания; в своей застывшей форме она в сущности, оставалась схоластически переработанной и слегка подновленной Вольфом и Баумгартеном логикой Аристотеля. До сих пор в большинстве высших школ буржуазного общества *эту школьную логику* вбивают в голову учащимся в качестве «философской пропедевтики».

Однако за это же время в самой *философии*, как в идеологическом процессе, в котором прямо и косвенно отражаются экономические процессы, произошли сложные сдвиги.

История буржуазной философии XIX века в весьма значительной своей части заполнена *борьбой против диалектической логики*. История этой борьбы, составляющей важную и еще совершенно не оцененную часть общей идеологической оборонительной борьбы буржуазии против революционной диалектики, чрезвычайно сложна. Сложность эта обусловлена, главным образом, тем, что борьба против диалектической логики разворачивается не как единый и, тем более, не как сознательно руководимый и направляемый идеологический процесс, а ведется с различных сторон — отчасти одновременно, но без всякого контакта между ее участниками, отчасти же сменяющимися друг друга и противоположными направлениями. Мы имеем здесь дело с тенденцией, проявляющейся в многообразных формах, при чем, однако, сама эта тенденция всегда сводится к одному и тому же: к восстановлению пропасти между мышлением и бытием, к отрыву логики от действи-

тельности, логически подготавливающему возобновление (или сохранение) *формального идеализма*.

Борьба против диалектики не остается, разумеется, чисто отрицательной; она связывается с положительной заменой диалектической логики «новой» или старой логикой.

В этой «массовой атаке» на диалектику важнейшими моментами являются: 1) критика диалектического метода у Шеллинга, 2) критика гегелевой логики у Тренделенбурга, 3) критика диалектической логики у Лотце и 4) критика Киркегора.

Критика Шеллинга важна потому, что она представляет собою самый ясный, до сих пор непревзойденный образец критики диалектики с точки зрения *реакционного мистицизма*. Шеллинг критикует логику Гегеля, как вид рационализма. Действительность в своей глубочайшей основе, учит он, *иррациональна* и не может быть раскрыта при помощи логических форм, при помощи понятий. Между понятием и действительностью зияет непроходимая пропасть, действительность может быть постигнута только иррациональным созерцанием, а не логической мыслью («*Darstellung des philosophischen Empirismus*»)¹⁾.

Против *диалектики* критика Шеллинга утверждает, что диалектика есть отвлеченная конструкция, произвольная игра понятиями, не имеющая ничего общего с действительностью. В критике Шеллинга обнаруживаются некоторые тенденции, ставшие в XIX веке типическими, во-первых, для оценки диалектики и, во-вторых, для понимания логики вообще. Эти тенденции заключаются: 1) в противопоставлении рациональных понятий и иррациональной действительности (эта терминология, диаметрально противоположная терминологии Гегеля и Маркса, до сих пор господствует во всей буржуазной философии); 2) в ограничении диалектики областью понятий, в выключении действительности из сферы диалектики, и 3) во взгляде на диалектику понятий как на произвольную игру, жонглирование понятиями, «конструкцию».

Если данная Шеллингом критика гегелевой диалектики (мы имеем здесь в виду только ее логические моменты) составляет основу реакционного мистицизма, то этот созерцательный мистицизм не помешал тому, что ее постарались использовать и для практических целей реакции. Правда, официальные силы реакции — богословие, университеты и т. д. — примкнули к философии Гегеля, что было возможно благодаря тем реакционным политическим выводам, которые Гегель сделал из своей философии *вопреки* ее революционному методу²⁾. Но самый крупный реакционный философ права того времени, Шталь, ясно понял, что истинной основой для консервативного учения о праве и государстве является антидиалектический иррационализм Шеллинга, к которому он вполне последовательно и примкнул, объявив войну гегелевой диалектике.

¹⁾ Мы оставляем здесь в стороне произведения Шеллинга из более ранних периодов его развития, когда он сам являлся предшественником гегелевой диалектики.

²⁾ Ср. Плеханов: «От идеализма к материализму».

Но вернемся к логике. В области самой логики исторически важен поход Тренделенбурга против диалектики. Атака Тренделенбурга тоже не была чисто академической дискуссией. Сам Тренделенбург был архиреакционным идеологом; его борьба с диалектической логикой была направлена против стремления Гегеля представить мышление, как объективный закономерный процесс. Критика Тренделенбурга (в его «*Logischen Untersuchungen*», равно как и в очень интересных «*Beiträge zur Geschichte der Kategorienlehre*») руководится целью заменить точку зрения диалектической закономерности чисто *телеологической* точкой зрения. Но в его критике гегелевой логики этот мотив не выдвигается на первый план; борьба против диалектики ведется здесь на почве *здорового смысла* и принимает форму возвращения к *аристотелевой логике*. Логическим выводом из критики Тренделенбурга был призыв: *назад к формальной логике, назад к Аристотелю* (при чем имелся в виду переделанный Аристотель, служивший знаменем плоского эмпиризма). В своей критике Тренделенбург собрал и ясно изложил все аргументы так называемого *здорового смысла* против диалектики. Поэтому она не утратила и до сих пор своего типического значения. Как критика Шеллинга остается типическим образцом для отношения иррационалистических мистических течений к рациональной диалектике, так и критика Тренделенбурга остается живой до сих пор. Бесчисленные буржуазные и социал-демократические теоретики переживают в своей полемике против марксизма (а социал-демократы против марксизма-ленинизма) аргументы Тренделенбурга, сводящиеся, главным образом, к тому, что Гегель опрокидывает закон противоречия («а» не может быть не-«а»), наперекор всякому нормальному рассудку и здравому смыслу.

Нападение Тренделенбурга на гегелеву логику составляет параллель к плоской, избобличающей полное непонимание критике гегелевой натурфилософии со стороны тогдашних естествоиспытателей-эмпириков, против которых направлялась глубокомысленная полемика Энгельса в его работах по диалектике природы. И как критика поверхностного естественно-научного эмпиризма сохраняет до сих пор все свое значение, так и критика поверхностного эмпиризма в логике является предпосылкой для понимания диалектической логики. (И в эту область Энгельс сделал неоценимый вклад своими рукописными заметками об «индуктивной логике»).

Тренделенбург был выразителем того ограниченного *филологического*, исторического эмпиризма, который, параллельно естественно-научному эмпиризму, представляет в XIX веке антидиалектический образ мыслей в области истории. Сам он не был самостоятельным исследователем логических проблем. Как бы то ни было, его критика гегелевой логики сумела оказать большое отрицательное влияние; она представляет исторический интерес, как идеологическое выражение борьбы против неудобной, непонятной, неблагонадежной логики Гегеля, которая в университетах и во всех учебных заведениях вскоре и заменяется старой, испытанной формальной логикой.

Положительную борьбу против диалектической логики вел не Тренделенбург, а Герман Лотце, которого следует считать основателем всего современного логического идеализма. Логика Лотце является исходным пунктом для разных идеалистических течений в философии нашего времени, причисляющих себя к философии значимости. Его значение для истории диалектики в XIX в. заключается не только в том, что из него исходят наиболее известные направления логического идеализма — Виндельбанд, Риккерт, Ласк, — с одной стороны, и Гуссерль — с другой, но еще и в том, что у него сознательная борьба против логики Гегеля идет рука об руку с построением новой формалистической логики. На протяжении сорока лет, от 1838 до 1878 г.г., он в своих произведениях то и дело возвращался к критике диалектического метода с логической точки зрения. (Подробную критику Лотце дает в своей «Истории эстетики в Германии», 1867 г.; логически наиболее содержательную — в «Логике», 1878 г.).

Мы здесь не собираемся писать контр-критику против Лотце в защиту диалектики. В критике Лотце тоже немало недоразумений, изобличающих полное непонимание диалектического метода, но все же эти недоразумения держатся на более высоком уровне, чем у Тренделенбурга, не говоря уже о «критике» Шопенгауэра и Эд. ф. Гартмана. Наша задача — дать представление о положительной попытке Лотце двинуть вперед развитие логики. Изложение исторических судеб гегелевой диалектики в XIX веке, объяснение тех социальных причин, в силу которых даже наиболее образованные историки философии и исследователи логики необходимо должны были проглядеть истинный смысл диалектики, — все это мы можем здесь наметить только в самых общих чертах.

«Логика» Лотце есть широко задуманная попытка, или, вернее, ряд попыток, выйти за пределы формальной логики и при этом все-таки обойти логику диалектическую. В этом отношении особенно характерен взгляд Лотце на учение формальной логики о понятии. Лотце ясно видит, что формальная логика, в своей теории абстракции, отвлекает общее от единичных предметов на основании совершенно произвольных моментов; он понимает, что постепенное восхождение от частного к общему в той пирамиде понятий, с которой имеет дело школьная логика, лишено всякой научной ценности. Другими словами, он подвергает формальную логику той же самой критике, какую в нескольких сжатых фразах дает и Ленин в своих заметках о диалектической логике. Но вместо того, чтобы перейти отсюда к такой логике, в которой абстракция выделяла бы не произвольные, для самого предмета несколько не существенные черты, а была бы «разумной абстракцией, выделяющей действительно общее» (Маркс), — вместо этого Лотце развивает свою функциональную теорию понятий, основная мысль которой сводится к тому, что абстрагирование и, следовательно, образование понятий совершается под руководством определенных точек зрения. А эти точки зрения, согласно теории Лотце, обоснованы не в самих предметах, не в вещи, а возникают из сознания.

С этим связан ряд решающих тенденций в логике Лотце. Узловым пунктом, к которому стягиваются все проблемы, является вопрос, обсуждаемый им в особой главе: *реальное и формальное значение логического*. В этой главе Лотце исследует вопрос о том, обладают ли основные логические принципы реальной значимостью, и приходит к выводу, что эти принципы представляют собою только нормы соотносящего мышления. Во всем своем изложении основных начал логики Лотце руководится двумя мотивами: он ведет борьбу против психологического релятивизма и эмпиризма своего времени, разрешающего всю логику в психологию, но вместе с тем он еще гораздо энергичнее борется против диалектики, которая принимает формы мышления за формы самой действительности, отождествляет законы мысли с законами бытия. Так Лотце приходит к тому, что объявляет законы мысли нормами, запретами и т. д., обязательными для субъективного мышления. При этом он сам находится под глубоким влиянием психологизма.

Основная тенденция Лотце в построении всей логики решительно противоположна логике Гегеля (многие места в его трудах суть не что иное, как скрытая полемика против Гегеля, которого он прямо не называет). Но если в учении о *понятии* никак нельзя было обойтись без хоть какого-нибудь отношения к реальности, то *теорию суждения и умозаключения* Лотце ухитряется совершенно оторвать от действительности. Суждение есть продукт соотносящего мышления, а отношения существуют только в мысли, но не в действительности. Суб'ективистическая теория отношений, входящая весьма важным фактором в антидиалектическую логику, составляет у Лотце основу для *теории суждения*, согласно которой суждение есть *отношение* между представлениями (понятиями). «Представления существуют, суждения значат» — в этом знаменитом положении Лотце формулирована та основная мысль, что правильность суждений обусловлена не их согласием с действительностью, а их согласием с представлениями.

Эту мысль Лотце последовательно проводит как через всю теорию суждения, так и через все учение об *умозаключении*. Его пространная полемика против гегелевой теории умозаключения, утверждающей объективный характер умозаключений, ясно показывает, что Лотце и здесь стремился углубить и увековечить пропасть между мышлением и бытием.

При всем том Лотце не может обойти вопроса, который с повелительной необходимостью встает перед всякой идеалистической логикой: если законы мысли, категории, понятия, вообще все формы мышления суть только формы сознания, то как же объяснить, что эти формы могут быть прилагаемы к действительности, что они *подходят к ней?*

На этот основной вопрос Лотце дает ответ в двух словах, содержащих в себе в концентрированном виде все мировоззрение буржуазной идеологии. Соответствие между мыслью и действительностью он называет в одном месте своей «Логике» «*счастливой случайностью*».

Эта счастливая случайность поистине несравненна. Ответ Лотце есть последнее слово буржуазной философии XIX века, как она сложилась после завершения классической немецкой философии. Впрочем, это выражение только открыто высказывает тайну всей буржуазной философии. Отчаянные усилия Лотце и Гуссерля неизменно заканчиваются необъяснимой «счастливой случайностью». Один французский философ, предшественник идеалистической теории познания естественных наук во Франции, Эмиль Бутру, выражается в своей книге «De l'idée de la loi naturelle» (1894 г.) весьма сходным образом: «Единственно, что мы можем сказать, это то, что человек не выродок в природе», т.е. его мышление должно быть как-нибудь укоренено в самой природе. Напряженнейшие усилия классической немецкой философии, особенно в «Критике способности суждения» Канта, были направлены на то, чтобы понять соответствие мышления и бытия, являющееся у Канта как проблема отношения всеобщих законов природы к частным единичным случаям. И вот приходит эпигон Лотце и своим изречением о «счастливой случайности» объявляет это соответствие *непостижимым*, а ученик Лотце, Виндельбанд, с самодовольно-скептической резиньацией, сылается на изречение учителя. Но ведь тем самым на волю счастливой случайности отдана *вся наука* и *вся разумная практика человека*, вся его власть над природой. Отказ философии от разрешения своих существеннейших проблем никогда не был выражен более ясно.

Объяснение «счастливой случайности» мы именно и находим в логике Гегеля, которая уничтожает ложную пропасть между формами мышления и формами бытия и в мнимой случайности вскрывает необходимость.

«Логика» Лотце явилась исходным пунктом для идеалистической школы так называемой философии ценностей. К Лотце сознательно примыкают Виндельбанд, Риккерт и Ласк, а в известном отношении и Гуссерль. У этих авторов сознательное выяснение своего отношения к диалектике почти совершенно отсутствует, но тенденция Виндельбанда и Риккерта в их логических исследованиях точно та же, что и в их известных работах по философии истории и по теории познания¹⁾.

Эта тенденция заключается в противопоставлении логики, как учения о нормах и ценностях, наукам о бытии. Логическая форма и эмпирическое содержание противостоят друг другу в неразрешимой двойственности, и то обстоятельство, что эта форма может «охватывать» содержание, остается чистейшим чудом, которое нельзя объяснить иначе, как «счастливой случайностью».

Но чрезвычайно важно при этом следующее: подробного исследования форм мысли, какое было дано логикой Аристотеля, с одной стороны, и диалектической логикой Гегеля — с другой, мы тщетно стали бы искать в произведениях этой школы. В современной идеалистической философии мы найдем только философствование по поводу

¹⁾ См. об этом подробнее в моей статье в «Вестнике Коммунистической Академии» кн. 8 — «Ласк и разложение неокантианского идеализма».

того, что такое логика и каково ее «значение», но не конкретное исследование форм мышления, форм понятия, суждения и умозаключения. Ни один из названных нами авторов не сумел дать анализа логических форм. А там, где попытка такого анализа была сделана (Виндельбанд — «Vom Sistem der Kategorien»), она оказалась дилетантской.

Действительно, неокантианцы остались в области логики не только буржуазными идеологами, но и дилетантами: дальше традиционной формальной логики, дальше Канта и Лотце, Зигварта и Стюарта Милля, их познания в этой области не идут. Развитие формальной логики в трудах Больцано, в алгебраической и символической логике, прошло мимо них, а главное — они не ознакомились с тем богатством логических форм (Denkformen в смысле Энгельса), которое содержится в естествознании и математике нашего времени. И поэтому, кроме нескольких общих фраз, они вообще не сумели сказать собственного слова в конкретных логических спорах современности.

«Wissenschaftslehre» Больцано, появившаяся еще в 1837 г., но обратившая на себя внимание только в последние десятилетия, логические исследования Гуссерля и символическая логика имеют, на ряду с большими различиями, одну общую черту: это — *стремление превратить логику в совершенно самостоятельную область*. В больцановой теории «истин в себе» исчезает всякая связь с действительностью. Учение Больцано представляет собою наиболее полный отрыв «предложений» от мышления. Содержание мышления рассматривается в нем как нечто вполне отличное и от мышления и от бытия. Так Больцано приходит к построению какой-то вечной, вневременной и внепространственной, априорной логики. Царство логических отношений, включая сюда все истины, не создается мыслью, но оно не тождественно и с отношениями реального бытия, а образует особую сферу, именно сферу бытия идеального, не имеющего, по этому учению, ничего общего с метафизическим бытием духа.

При всей чудовищности и парадоксальности, невозможности этого абсолютного разрыва между логическими и реальными, он все же произвел очень сильное впечатление на младшее поколение логиков. Он соответствует склонностям математики, которая привыкла строить свои понятия априорно, вне всякой зависимости от действительности¹⁾. Но в то же время он соответствует и потребностям *идеалистического формализма*, который всякую связь с действительностью ощущает, как досадную помеху, как напоминание о земном происхождении чистой истины. При таком чисто априорном построении логики счастливо ликвидируется и проблема «счастливой случайности». Ибо здесь вовсе и не ставится вопрос о том, каково отношение между понятием и *действительностью*. Исследование сводится к анализу отношений *между представлениями*, проблема реальности попросту исключается.

Этот логический априоризм или логический объективизм мы одинаково встречаем у Больцано, Гуссерля и Ресселя. У всех этих трех

¹⁾ См. об этом замечания Энгельса (в Архиве Маркса—Энгельса).

логиков математическая тенденция преобладает. Результаты их логических исследований распределяются очень неравномерно: поскольку дело идет об описании и анализе математических форм и количественных отношений вообще, они дают очень много, но что касается объяснения *категорий*, т.е. общих форм бытия и мышления, то результат оказывается чисто *отрицательным*. Поэтому Рессель в своей, впрочем, весьма остроумной теории отношений так и не может выйти из круга отношений математических (симметричные и асимметричные, переходные и непереходные отношения и т. д.). Поэтому окончилась неудачей попытка Гуссерля дать теорию априорных форм, обещанную им 25 лет тому назад в его «Логических исследованиях». Именно потому, что учение о логических формах есть не теория априорных форм, но учение о формах действительного бытия и мышления, попытка Гуссерля *должна* была потерпеть крушение. И в самом деле: его столь прославленные исследования об учении о «целом и частях» в «Логических исследованиях» (том II, 1901 г.) представляют собою не что иное, как аналитические тавтологии.

Мы, конечно, не можем рассчитывать с логикой Больцано, с некоторыми логическими анализами Гуссерля и с символической логикой при помощи двух-трех фраз об идеализме. Это был бы не *материалистический* подход к этим логическим направлениям. Материалистически-диалектическая логика должна: 1) показать коренную ложность всей позиции априорной логики, но также 2) вскрыть особые черты этой формы идеализма в ее отличии от других форм идеализма в прошлом и настоящем, 3) разъяснить мотивы, порождающие эти теории, и, наконец, 4) выделив те правильные и пригодные отдельные элементы, которые, может быть, найдутся в этих теориях, использовать их для своего собственного развития.

A. Fogarasi.

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии

ЭПИГЕНЕЗИС И ГЕНЕТИКА

(Доклад М. М. Местергази¹⁾)

Товарищи! Связывание проблемы ауто или эктогенеза²⁾ с вопросом наследования фенотипических изменений организма неправильно и мешает выяснению действительных позиций, защищаемых различными биологами.

За последнее время приходится сталкиваться со странным утверждением, будто бы не только для марксиста, но даже вообще для материалиста обязательно признание (вера) наследования так наз. приобретенных признаков — кто не признает этого, тот чуть ли не виталист, а уже во всяком случае преформист. Цель моего доклада — выяснить отношения, с одной стороны, между преформистами и эпигенетиками (ауто и эктогенетиками), с другой — между сторонниками и противниками наследования приобретенных признаков.

В первую очередь надо разделить эти два вопроса, так как связывание их привело к мнению, будто бы всякий защищающий эктогенетические взгляды (признающий влияние внешних воздействий в деле наследственной изменчивости) тем самым солидаризируется с традиционной верой в наследование приобретенных признаков, что, разумеется, не соответствует действительности. В то время, как вопрос о причинах (факторах) наследственной изменчивости представляется до сих пор почти исключительно проблемой чисто теоретической (экспериментальных данных в этой области пока еще очень мало), изучение законов наследственности (генетика) базируется на обширнейшем экспериментальном материале.

Надо строго различать аутогенез и эктогенез в деле изменчивости от преформизма и эпигенеза в вопросе об общей эволюции (филогенезе) органических форм. Признающий аутогенетическую закономерность в области изменчивости наследственных признаков может стоять на дарвиновской точке зрения относительно направления трансформизма (принцип отбора чисто эпигенетический); с другой стороны, защитник изменчивости под влиянием внешних воздействий может признавать закономерность общей эволюции (телеология). Могут быть также чистые преформисты (как

¹⁾ Прочитан на заседании Клуба Биологов-Марксистов 23 ноября 1926 г.

²⁾ Выражения эти, по нашему мнению, более соответствуют современной постановке интересующей нас здесь проблемы, чем пахнущие стариной преформизм и эпигенетика. Но между ними есть, однако, разница и по существу: аутогенез указывает на причину, преформизм — на направление изменчивости.

в вопросе изменчивости, так и общей эволюции) и чистые эпигенетики, отрицающие какую бы то ни было предопределенность в развитии органического мира.

1. Наследование фенотипических изменений

Всякая эволюционная теория (теория, объясняющая трансформизм) должна считаться с фактом приспособленности организмов к условиям жизни. Сторонники пангенеза (чистые преформисты) считают «способность к целесообразным реакциям за основное свойство организма» (Берг); ламаркисты выдвигают приспособительную изменчивость под влиянием внешних воздействий и упражнения органов, а дарвинисты видят в приспособленности результат отбора.

Если посмотреть, какое значение для этих точек зрения имеет вопрос о наследуемости фенотипических изменений, то оказывается, что ламаркистская теория приспособления целиком строится на признании такого наследования, в то время как дарвинизм совершенно независим от него. В самом деле, ведь блеск и неувядаемое величие дарвиновского принципа отбора заключается именно в том, что приспособленность организмов объясняется чисто механически, без введения каких-либо особых способностей, заложенных в «живом» веществе. Каковы бы ни были факторы наследственной изменчивости и где бы она ни возникла (в фенотипе или в зародышевой плазме), все равно приспособленность организмов есть результат механического отбора.

Для теории Дарвина наследственные изменения, возникающие под влиянием внешних условий, вовсе не являются приспособительными, а становятся таковыми лишь благодаря отбору. Организмы не приспособляются, а оказываются приспособленными независимо от причин, вызывающих наследственную изменчивость. Конечно, для приписывающих организмам способность приспособительной, целесообразной изменчивости роль отбора не сводится к нулю — лучше приспособившиеся выживают, менее удачливые уступают им место. Но такое признание гибели негодных и сохранения лучших никак никогда не оспаривалось, да и не могло, разумеется, вызывать возражений — слишком очевидное дело.

Гениальность дарвиновского принципа, вызывавшего и вызывающего до сих пор острые возражения, заключается именно в том, что он целиком объясняет приспособленность организмов, а также помогает расшифровать историю органического мира. Сложный организм как механизм, все части которого целесообразно прилажены друг к другу, а весь комплекс соответствует условиям обитания, есть результат многократного отбора изменений, причина и форма которых может быть различна.

Для ламаркистов, в особенности неоламаркистов, учение которых базируется на прямой приспособляемости, наследование фенотипических изменений обязательно. От построений механоламаркистов, не признающих открытой внутренней эволюции (деградации) органического мира (составляющей, к слову сказать, основное звено учения Ламарка), без наследования приобретенных признаков остается пустое место — здание их рушится до основания. Надо помнить, что утверждение о наследовании фенотипических изменений не является теорией, выдвинутой Ламарком или кем-либо

из других эволюционистов. Это общепринятое мнение, освещенное тысячекратной давностью (так сказать, обывательское), само собой подразумевалось, и Ламарк при построении своего учения принимал его, как данное.

Дарвин также признавал его, но основывался при этом, главным образом, на данных практиков (особенно животноводов), к которым подходил до некоторой степени критически. Об уровне теоретических представлений практиков может нам рассказать т. Серебровский, делавший нетакого доклад по генетике в обществе спесов по собачьей части. В результате собрание признало, что законы наследственности вещь хорошая, но собаки — статья особая и к этим вопросам касательства не имеют. Дарвин все же считал, что самоочевидный с первого взгляда факт наследования приобретенных признаков требует все же серьезного теоретического обоснования. В своей работе «Пангенезис» (перевод под редакцией Филиппова, 1898 г., стр. 196) он ставит вопросы следующим образом: «Однако насколько не ясно, почему потомство должно испытывать влияние от действия новых условий на родителей и почему в большинстве случаев необходимо, чтобы такие влияния были испытаны несколькими поколениями? Далее спрашивается, каким образом объяснить наследственные действия упражнения и неупражнения тех или иных органов?» Приведа несколько общепризнанных примеров передачи приобретенных признаков у домашних животных (утки, лошади, собаки), Дарвин продолжает: «Нет ничего более изумительного во всей области физиологии. Каким же образом упражнение или неупражнение известных конечностей или мозга способно повлиять на небольшое скопление воспроизводительных клеток, находящихся в удаленной части тела, и притом таким именно способом, что существо, развивающееся из этих клеток, наследует признаки одного или обоих родителей? Даже несовершенный ответ на этот вопрос мог бы удовлетворить нас».

Критический ум Дарвина не мог отделаться голым признанием фактов, не так-то легко согласовавшихся с его научными представлениями. Здесь нет уже ссылки на то, что передача приобретенных признаков сама собой разумеется. Объяснения этого явления Дарвином в сущности сводятся к следующему: «Каждая единица, или группа сходных единиц, по всему телу отбрасывает свои геммулы, и так как все они содержатся внутри малейшего яичка и внутри каждого семенного тельца, или зерна пыльцы, а некоторые животные и растения производят поразительно число пыльцевых зерен и яичек, то число и малость геммул должны представлять нечто невообразимое. Однако... трудность, относящаяся к геммулам, не непреодолима» (стр. 201).

Таким образом, теорией пангенезиса Дарвин старался объяснить механизм наследования приобретенных признаков, почти никем в то время еще не оспаривавшегося (кроме Бера). Генетики в современном смысле слова тогда не существовало еще даже в зародыше, и гениальный ученый не внес ничего нового в эту область, отказавшись в конце концов от своей спекулятивной теории. Но, повторяем, если сам Дарвин и признавал еще наследование приобретенных признаков, то этот вопрос все же не составляет сколько-нибудь существенной части великого здания дарвинизма. Дарвинизм не зависит от традиционного (научно не подтвержденного) мнения, необходимого ламаркистам, но не являющегося, однако, их творением.

Безусловно неправильно считать, что дарвинизм включает в себя ламаркизм, как это делает, например, тов. Дучинский в одной из статей в «Под знаменем марксизма». Чистый ламаркист, профессор Комаров, в этом вопросе более прав. То, что имеется общего у Дарвина и Ламарка, не является существенным для дарвинизма, в то время как основные принципы его глубоко отличны от ламаркистских. Блеск дарвинизма тускнеет от разведения его ламаркистской водичей.

Но почему же все-таки многие марксисты не могут отделаться от традиционных представлений? Неужели это простой консерватизм, нежелание преодолеть устарелые взгляды? Современная генетика произвела настоящую революцию в области вопросов наследственности (борьбу за новые принципы, конечно, был Вейсман, а не Спенсер), и все же старые предрассудки так крепко в'елись, что до сих пор еще находят серьезных защитников. Но в чем же их ценность, за что их можно защищать? Необходимо выяснить, что общего у революционного марксизма с традиционными взглядами, корни которых глубоко зарыты в прошлом.

Дело, разумеется, не в простом консерватизме. Однако, часто товарищи забывают о том, что необходимо считаться с состоянием научных данных, которыми пользовались в свое время наши учителя.

Никто, разумеется, не будет оспаривать высокой авторитетности Менделеева и других великих химиков XIX столетия, но странно было бы ссылаться на них в вопросе об атоме, как единице. Неизменность атомов признавалась тогда всеми, и без труда можно привести любое число цитат против современных представлений относительно строения и происхождения элементов. Электронной теории тогда не существовало, так же, как и научных основ современной генетики. К классикам нельзя подходить вне времени и пространства.

Энгельс, а за ним и Плеханов основывались на данных Дарвина и других естествоиспытателей, но оттого, что современная биология, далеко шагнувшая вперед, уже не может считать всех приводимых ими примеров основательными, вовсе не значит, что блеск теории исторического материализма тускнеет. Обратное, новые данные, не могшие быть использованы 40 лет назад, еще больше укрепляют наш марксистский подход к интересующему нас вопросу. Не в примерах, черпавшихся из современного биологического материала, дело.

Какая существенная причина заставляет многих марксистов защищать наследование изменений, происходящих под влиянием среды? Какая-то сторона вопроса для нас, повидимому, ценна. Необходимо ее выделить и отбросить все прилипнувшее или прилепляемое к ней.

Во-первых, заставить отстаивать определенную точку зрения могут факты. Если факты дают на наши научные представления, то теория при этом поддается. Пусть современные научные понятия находятся в противоречии с властно требующими своего разрешения фактами; неужели же мы упрямо будем отстаивать противоречащие им воззрения? Но где эти давящие факты? Не факты лезут на нас, а, наоборот, некоторые упрямо выискивают их и, надо сознаться, нигде не могут их наскрести. Научно проверенные факты говорят против наследования фенотипических изменений.

Но, быть может, обратно — наши научные представления не мирятся с отсутствием такого наследования? Не надо забывать, что мы говорим сейчас об изменениях организма, вызывающих адекватные перемены в составе зародышевой плазмы, определяющей особенности нового организма. Здесь дело идет не о простом влиянии тела на заключенные в нем половые клетки, а о таинственных соответственных изменениях зародышевой плазмы, следующих за изменениями частей тела. Такое адекватное изменение совершенно не вяжется с нашими научными представлениями и требует, как мы постараемся показать ниже, целого ряда невероятных допущений. Теоретические соображения не только не заставляют нас с жаром отыскивать факты фенотипического наследования, но, наоборот, делают очевидным безнадежность и никчемность таких поисков. Ни теория, ни факты не требуют от нас признания чудесного явления перестройки зародышевой плазмы по образцу фенотипических изменений.

Но, быть может, идеологические соображения заставляют нас защищать наследуемость приобретенных свойств? Признание передачи по наследству особенностей предков, выработывавшихся у них под влиянием условий жизни, всегда составляло неотъемлемую часть мировоззрения привилегированных классов. В самом деле, ведь дети рабов не могли же быть равными детям свободных, а отпрыски благородных дворянских родов, многие поколения которых упражнялись в высоких добродетелях, естественно концентрировали в своей крови результаты жизни своих предков.

У Геродота рассказывается случай со скифами. Жены скифов, ушедших в далекий поход, произвели потомство от рабов. Когда скифы вернулись домой, дети рабов выступили против них с оружием, и старики не могли с ними справиться. Тогда один из скифских мудрецов предложил соотечественникам заменить мечи кнутами, так как дети рабов, естественно, должны были унаследовать привычки отцов. И в самом деле, храбро сражавшиеся долгое время дети рабов побежали от одного вида кнутов, действия которых они до того не испытывали. История эта вполне соответствует идеологии «свободных» граждан античного мира так же, как рассказы сходного содержания отражают взгляды феодального дворянства. После Октября многие дворяне с гордостью говорили: «Это хамье отняло у меня мое достоинство, но многовековой истории моих предков они от меня взять не могут». Результат воспитания накапливался из поколения в поколение так же, как и следы тяжелого гнета, беспросветной нужды и грубого труда.

Наследие предков дорого для тех, кто был привилегирован; потомкам эксплуатируемых классов цепляться за прошлое нет никакого смысла. Нелепо говорить о печати прошлого. Мы видим, что потомственные чернорабочие и пастухи оказываются блестящими артистами, учеными и государственными деятелями. Если бы способности зависели от унаследования предков, то каким образом самоедская, скажем, молодежь, отцы и деды которой никогда не знали счета более десяти, проявляет часто большие математические способности? Детям отсталых народностей, выходит, нечего и тягаться с потомками культурных наций. Признавая наследование упреждения органов, мы с неизбежностью должны признать и разницу в способностях потомков «цивилизованных» и «некультурных». Идеологам пролетариата

и защитникам угнетенных народностей странно отстаивать такие истины, тем более, что жизнь ясно показывает их нелепость.

Предположим, что неблагоприятное наследие прошлых поколений можно сразу же выправить обучением и физкультурой и создать наследственно закрепленные нужные нам особенности. Но что же получится тогда в среде отсталых народностей, представители которых обучаются у нас в КУТВ'е? Мы обучаем несколько человек, и результат обучения сказывается на их потомках, а так как всего народа мы пока обучить так не можем, то выходит, что с нашей легкой руки производится новая белая кость. Такой взгляд, неизбежно вытекающий из признания передачи благоприобретенных особенностей потомкам, разумеется, нелеп. Мы говорим здесь о передаче физиологических приобретений, а не культурных. Культура, как накопленный опыт предшествующих поколений, благодаря которому у нас легко устанавливаются сложнейшие условные рефлексы, отличает цивилизованные народы от малокультурных, а вовсе не органические преимущества, являющиеся результатом упражнения предков.

Если дворянство и родовитое купечество прежних времен имели основание ценить предков, то крупная буржуазия современной фазы развития капитализма уже совсем другого сорта. Какое кому дело до предков, членов анонимных акционерных компаний? Да и сам Форд, как мы знаем, нисколько не стесняется своего пролетарского происхождения. В современном буржуазном мире предки совершенно обесценены, поэтому не удивительно, что научное обоснование ненаследственности фенотипических изменений не встретило сопротивления. Генетика есть одно из крупнейших завоеваний современной науки, и бороться с ее успехами значит бороться против развития производительных сил. В среде мелкой буржуазии, особенно интеллигенции, в частности, работников умственного труда, мысль о невозможности передать своим детям накопленные в уме ценности вызывает иногда горький протест. «Каждая мысль, каждое движение мозга — все это обязательно должно сохраниться» (Каммерер). Разве это не крик интеллигента, все богатство которого заключено в голове? Здесь дело идет о передаче личных приобретений, а не общественных ценностей, которые, разумеется, не пропадают. Беспощадно разрушаемые иллюзии прошлого безнадежно защищаются еще в среде гибнущих слоев общества. Но не только хозяев сегодняшнего дня, еще в гораздо большей степени отжившие представления не могут смущать идеологов класса, которому принадлежит будущее. Во всяком случае, не здесь лежит причина интересующей нас популярности ламаркизма в среде многих марксистов.

Признание аутогенеза приводит к пассивному отношению, с чем марксист по самому своему существу примириться не может. Творчество, активное вмешательство в дела природы, уверенность в возможности перестройки мира в самых различных его областях ставят нас в ряды активных эпигенетиков. Образование новых наследственных форм под влиянием физико-химических воздействий в противоположность их саморазвитию соответствует философским основам марксизма и, само собой, для нас приемлемее, но в связи с этим возникла существенная (вольная и невольная) подтасовка понятий. Признание физико-химических факторов, лежащих в основе наследственной изменчивости, признание даже возможности искус-

ственно вызывать такие изменения вовсе не равносильна признанию наследственной передачи изменений организмов, происшедших в них под влиянием среды или упражнения.

Органический мир развивался эктогенетически, но это вовсе не значит, что в основе трансформизма лежали эктогенетические изменения самих организмов. Монополия ламаркистов в этом вопросе основана на недоразумении. Зародышевая плазма изменялась эктогенетически, но, разумеется, из этого не следует, что изменения ее были адекватны переменам в строении родительского организма. Признание эктогенетической изменчивости определителей наследственных свойств ставит нас в ряды эпигенетиков, уверенных в возможности активного вмешательства в эту изменчивость, и в то же время позволяет нам окончательно отмежеваться от реакционного ламаркизма. Принимая блестящие завоевания современной генетики в области законов наследственности, мы вступаем в открытую борьбу с аутогенезом (преформизмом. Генетики-эктогенетики в борьбе с сильными противником (генетиками-аутогенетиками) должны пользоваться современным оружием, навсегда отказавшись от первобытной дубинки ламаркистов.

Необходимо отметить, что мы, дарвинисты, имеем среди противников также дарвинистов. Для нас среди аутогенетиков наиболее интересными противниками являются не сторонники номогенеза (признающие лишь аутогенетическую изменчивость зародышевой плазмы), а защитники моргано-менделевской платформы, а среди них — безупречные материалисты типа, скажем, тов. Серебровского. Но прежде чем заняться классификацией противников, необходимо выяснить собственную позицию.

При изучении вопросов изменчивости и наследственности вместо выдвигавшейся в былые времена разницы между сомой и половыми клетками мы имеем, с одной стороны, фенотип, как реализацию, происходящую в данных условиях, с другой — генотип, собрание наследственных определителей.

Зародышевая плазма представлена во всех клетках тела, и в этом смысле они не отличаются от половых. Теоретически любая клетка (вернее, ядро) тела обладает наследственными данными для построения целого организма. Резкое противопоставление половых клеток соматическим, введенное Вейсманом, теперь надо понимать лишь как противопоставление зародышевой плазмы (часть которой сохраняется в половых клетках для целей построения нового поколения) и организма, как произведения. Явления бесполого размножения и регенерации, а также случаи «почковых» мутаций, наблюдавшиеся, наприм., Иоганнсеном у фасоли, подтверждают правильность такой точки зрения.

Гены — реактивы, участвующие совместно с внешней средой в построении фенотипа. Не являясь представителями различных частей (признаков) организма, гены независимы от характера их строения. Хотя гены и сохраняют свою независимость, но из этого вовсе не следует, что каждый из них влияет лишь на развитие ограниченного признака. В построении организма участвует не простая сумма генов, а определенный комплекс, отдельные члены которого влияют на различные стороны фенотипа. Гены отмечаются нами по признакам, в которых их участие выражается особенно рельефно, но ничем не доказано, что отдельный ген влияет лишь на один признак и что

каждая особенность организма связана лишь с одним геном. Иначе говоря, генотип — это коллектив, члены которого участвуют в построении различных частей фенотипа. Такова по нашему мнению роль генотипа, как целого.

2. Трансформизм и среда

В деле построения фенотипа роль среды бесспорно очень велика. Организм есть произведение генотипа и среды. Но роль среды этим не ограничивается. В деле трансформизма — выработки определенного характера органического мира — среде принадлежит решающая роль. Кроме того, первоисточником наследственных изменений (генотипических) также являются физико-химические воздействия. Но в вопросе о влиянии среды на развитие органического мира необходимо строго различать качественно отличные стороны ее участия. Смешение различных категорий в одну кучу приводит к путанице, затрудняющей определение различных точек зрения. В самом деле, ведь нельзя же смешивать факторы среды, участвующие в построении фенотипа, со сторонами ее, производящими отбор, или силами, вызывающими наследственную изменчивость. Введение условного понятия неизменности сильно облегчает анализ различных моментов развития органического мира. Устраняя вредные смешения понятий (напр., неизменяемости генов в различных комбинациях и абсолютной их неизменности).

При изучении трансформизма вопрос должен рассматриваться в четырех плоскостях. Во-первых, внешний мир является средой, в которой организму приходится жить, т.е. бороться за существование. Зависимость организмов от среды в этом смысле огромна. Только те формы, которые оказываются подходящими к данным условиям, выживают и оставляют потомство. Возьмем хотя бы буланных животных пустыни. Желтый цвет их зависит от ландшафта, но мы при этом вовсе не думаем приписывать образование желтого пигмента лучам, отраженным от песчаной поверхности. Наличие такого представления прекрасно обнаруживается на примере расцветки тигров и леопардов. Надо быть уж очень свехубежденным, чтобы верить в возможность образования пятен леопарда под прямым воздействием солнечных бликов. А если взять охранительную окраску птичьих яиц, то здесь приходится допускать прямо-таки чудо. Вообще, явление мимикрии, объясняемое прямым воздействием внешней среды, требует особых приспособительных способностей, присущих всем организмам, допускать которые материалисту не подобает.

Разумеется, мы здесь имеем в виду не способность приспособительно изменяться в различных условиях, характерную, например, для камбал, хамелеонов и многих других животных (являющихся наравне с другими признаками результатом естественного отбора), а свойство целесообразной изменчивости, присущее вообще всякому организму (по самой его природе). Если наследственные особенности и не создаются прямым воздействием среды на родительский организм, то все же значение ее в выработке органических форм огромно. Ведь в сущности отбор не только сохраняет подходящие формы; роль его в значительной степени творческая.

Возьмем, к примеру, хотя бы листовидку. Та сложная комбинация различных признаков (формы, окраски и инстинктов), которая делает ее столь

подходящей к условиям жизни, является результатом многократного отбора отдельных особенностей. Организм является замечательным произведением условий жизни, где среда хотя и не творит отдельных деталей, но сохраняет целесообразные сочетания их и тем создает формы, подходящие к данным условиям. Творческая роль отбора прекрасно видна на наших домашних животных и культурных растениях. Дарвинизм выдвигает эту сторону влияния внешней среды не только в вопросе приспособленности организмов, но также и при объяснении хода трансформизма или так называемого направления эволюции.

Здесь мы резко расходимся как с Ламарком (Жопом и др.), признававшим деградацию (телеологическую основу эволюции), так и со сторонниками помогенеза. Характер библиотеки в том или другом районе различный — путем выбора создается определенный подбор литературы. Помощью вырезок в наше время часто фабрикуются целые сочинения. В рассмотренной нами плоскости действия внешней среды (ландшафта в широком смысле слова) фенотипы являются данными, подвергающимися отбору. Но сами фенотипы — произведения наследственных реактивов и среды.

В этой второй плоскости данными являются уже генотипы, а переменной величиной, изменяющей характер произведения, — условия среды. Физиология и механика развития изучают эти процессы. Значение внешних условий здесь столь очевидно, что о них не стоит распространяться. Так как отбору подвергаются определенные фенотипы, то условия среды, участвующие в формировании их (условия питания и др.), косвенно как будто бы и участвуют в трансформизме, давая преимущество отдельным индивидуумам: но из этого, разумеется, не следует, что фенотип, выделившийся благодаря удачным условиям жизни, но генотипически малощенный, улучшит самую породу. При массовом характере отбора в конце концов отбираются все же генотипы или, вернее, гены, определяющие жизненно ценные признаки. При выборе книг в библиотеку обращается внимание и на качество издания, и нередко хорошая внешность (при плохом содержании) подкупает, но в массе это не играет существенной роли.

Третьей плоскостью будет мир комбинаций, в котором оперируют менделисты. Здесь господствуют статистические закономерности. Конечно, образование тех или других сочетаний также зависит от различных условий, изменения которых отражаются и на результатах комбинирования, но для всякого ясно, что подходить к этим явлениям мы можем лишь с меркой законов больших чисел — для нас это игра случая. Но если мы не можем обычно учитывать влияние среды в деле образования комбинаций (как при оплодотворении, так и при редукционном делении), то общая закономерность этих явлений поддается математическому учету и анализу. Генетика — одна из наиболее точных отраслей биологии. Менделизм оперирует с генами, как с алгебраическими величинами. Здесь гены являются данными относительно неизменными. Изменение самих генов в этом случае также не меняет дела, как изменение букв не влияет на ход работы наборщика. Но не следует также забывать, что комбинации происходят между хромосомами и что неравномерное распределение их может быть вызвано внешними агентами. В данное время выяснено, что многие формы отличаются друг от друга кратным числом хромосомных наборов. Морган («Теория гена», 27 г.) анализирует,

например, ряд полиплоидных пшениц, из которых с давних времен распространены группы с 14, 28 и 42 хромосомами; кроме того, явление перекреста (кроссинговера) также имеет свои физико-химические причины.

Разработка законов наследственности, проверенных в тысячах случаев, дала блестящие результаты, и борьба с менделистической генетикой есть сопротивление развитию производительных сил, техническому прогрессу и завоеваниям материалистической мысли. Нам остается еще рассмотреть четвертую, наиболее глубокую плоскость, в которой протекают физико-химические взаимодействия органических систем и внешних по отношению к ним сил.

Процессы, происходящие в этом основном пласте, и являются почвой наиболее серьезных разногласий среди материалистов, являющихся дарвинистами и менделизантами. Объяснение ролей среды и зародышевой плазмы при построении фенотипа, а также признание независимости строения генов от родительских признаков объединяет огромное большинство современных биологов, но в вопросе о причинах изменчивости самих генов имеются коренные разногласия. Суть их сводится, с одной стороны, к признанию чисто аутогенетического характера геновариаций (я употребляю этот удачный термин в том смысле, в каком его первоначально употреблял С. С. Четвериков, т.-е. в смысле трансгенаций Моргана), с другой — к эпигенетическому подходу к вопросу. Зависят ли изменения системы, которую представляет из себя ген (индивидуализированная часть зародышевой плазмы), в целом от самой системы, или на характер ее изменений влияют внешние агенты?

Нас здесь совершенно не интересуют преформистские-телеологические, допускающие существование таинственных внутренних сил (о них поговорим в ином месте), управляющих изменчивостью зародышевой плазмы; нам важно выявить разницу между материалистически-эпигенетической (эпигенетиками являются и многие заядлые виталисты) точкой зрения и взглядами материалистов-аутогенетиков. Всякая система определяет до известной степени характер изменений, которые происходят в ней под влиянием тех или других внешних воздействий; и чем сложнее система, тем своеобразней будут ее реакции, тем большее значение имеют строение и силы, заложенные в самой системе. Известковые поры выветриваются при самых различных условиях иначе, чем гранитные — острые вершины их как бы predeterminedены в их породе. Опытный человек может заранее предсказать характер развалин разрушающегося здания.

Зародышевая плазма представляет собою очень сложную систему, являющуюся результатом долгого исторического развития в смысле многократных перестроек. Несомненно, характер ее изменений в значительной степени зависит от ее строения, но все же это еще не значит, что изменения должны протекать чисто аутогенетически. Различные внешние воздействия могут давать не только толчок, но до известной степени и направление изменениям. Но эктогенетический фактор сталкивается с определенной системой, и характер изменений является до известной степени преформированным. Разумеется, мы рассуждаем здесь не эклектически — бываю, мол, изменения эктогенетические, а бываю и аутогенетические; мы принимаем во внимание как исторически сложившуюся систему, так и факторы, действующие на нее извне.

Некоторые материалисты-аутогенетики (например, тов. Серебровский) указывают, что возможность получения геновариаций путем внешнего воздействия нисколько не разбивает точку зрения аутогенетиков. Изменения идут своим чередом, и если мы и можем вмешаться в дело и дать этим тот или иной толчок или совершить насилие, то из этого еще не следует, будто бы без нашего вмешательства процесс не мог бы развиваться дальше. Здесь речь идет, разумеется, не о мистических «внутренних» силах. Серьезного противника надо стараться понять правильно. К генам ведь можно подходить так же, как химикам подходят к атомам.

Атомы в химических соединениях неизменны, но из этого не следует, что они абсолютно неизменны. С другой стороны, изменение атомов можно объяснить и эктогенетически, и аутогенетически. Вопрос о причинах изменений элементов так же не выяснен, как и проблема геновариаций. Астрономы оперируют с понятием аутогенетического характера развития космических систем, а ведь мы не думаем ставить всех их на одну доску с поклонниками святого духа. Вопрос о стойкости генов и о частоте геновариаций еще очень темен. Мне лично кажется, что нельзя в этом отношении сравнивать сложные единицы зародышевой плазмы с атомами, хотя некоторые аутогенетики и указывают, что геновариация, по видимому, происходит (для каждого, разумеется, гена), примерно, в промежуток тысячелетия. При обычных условиях сильных реагентов, действующих на зародышевую плазму, как будто бы и нет, однако, мы не имеем никаких данных относительно того, какие именно воздействия наиболее действительны в отношении геновариаций. В то время как на фотографическую пластинку действуют ничтожные количества света, другие реагенты могут в большинстве случаев лишь загубить ее.

В данное время чрезвычайно важно, чтобы экспериментаторы добились возможно более широких результатов в области искусственного вызывания геновариаций. Опыты Тоуэра, а за последнее время Гаррисона показывают, что мы уже вступили в область получения экспериментальных мутаций. Разумеется, эксперименты с фенотипическими изменениями, не являющимися результатом перестройки наследственных определителей, к интересующему нас вопросу не имеют никакого отношения. Дело идет о непосредственном воздействии на генотип; непосредственном в смысле независимости результатов геновариации от соответствующих признаков фенотипа. Участие организма в этом деле несомненно, так как половые клетки (как и все другие) входят в состав коллектива, живут в определенных условиях, пытаются и охраняются им и зависят, до известной степени, от перемен, происходящих в организме. Но не надо забывать, что химические, а особенно температурные колебания внутренней среды, в теле млекопитающих сравнительно невелики, а половые клетки защищены от них целым рядом приспособлений. Можно сказать, что организм охраняет зародышевую плазму от внешних воздействий, особенно у млекопитающих.

3. Наши позиции

Признавая физико-химические факторы причиной геновариаций и считая, что воздействием на зародышевую плазму можно получить ее перестройку, мы занимаем определенно эпигенетическую позицию. В основу наследственной

изменчивости мы кладем геновариацию и считаем ее первым, т.-е. начальным этапом трансформизма. Дело начинается снизу, так сказать, на местах. Основная ячейка органического мира — ген; его изменения и являются основным материалом в деле образования органического мира или, как говорят, «эволюции (я умышленно избегаю выражений «развитие» и «эволюция», так как они носят телеологический привкус). Итак, первым этапом трансформизма являются геновариации; для следующего момента — образования генотипа путем комбинаций — гены являются уже данными. Мы уже указывали, что в общем результаты комбинирования подчиняются законам больших чисел и относятся к области статистического порядка, но ведь эктогенетический характер причин, лежащих в их основе, этим не устраняется — случайными они являются для нас лишь потому, что не поддаются индивидуальному учету. Но бывают случаи, когда изменения генотипа (неравномерность распределения хромозом, а также, вероятно, и кроссинговер) явно зависят от эктогенетических причин.

Следующей фазой в развитии организмов является образование фенотипов. Реактивами в этом процессе являются, с одной стороны, генотип, с другой — вся сумма окружающей среды. Роль эктогенетических сил здесь выступает особенно рельефно. Многие признаки часто резко мнутся при изменении условий (окраска, напр., одного из сортов китайского первоцвета). Вообще, противники наследуемости фенотипических изменений нисколько не преуменьшают участие среды в их образовании. Но условия обитания являются также и средой, производящей отбор. Эта четвертая плоскость является не только ареной формирования фауны и флоры (звеньев органического мира), она является также творцом приспособительного характера сложных органических систем. Многократный отбор в меняющихся условиях среды составляет историю органических форм. Для нас эктогенетические факторы среды заменяют целиком силы, направляющие эволюцию, признаваемые открыто или скрыто различными телеологами. Никаких стадий в развитии органических групп (юности, зрелости и старости) мы признать не можем и относим все за счет эктогенетических сил среды. Все дарвинисты в этом вопросе эпигенетики.

Иначе подходят к делу неоламаркисты (для нас особый интерес представляют так наз. механоламаркисты). Влияние среды у них идет зараз насквозь, сверху донизу. Один и тот же фактор является как причиной приспособительного характера признака, так и источником соответственного изменения субстанции, определяющей наследственные свойства. Желтый цвет пустыни, например, воздействуя на организм, приводит к желтородным изменениям в наследственных определителях. Здесь дело просто: живы в определенной среде, организм приспособительно изменяется под прямым ее воздействием, при чем изменения эти оказываются наследственными. Кроме изменений пассивных, с помощью которых среда управляет изменчивостью, имеется также и способность организмов к активному приспособлению. Приспособленные или утраченные навыки и их результаты (упражнение органов) также передаются по наследству и, накапливаясь из поколения в поколение, ведут к соответствующей эволюции организмов. Блажен, кто верует!

Проблема, в разрешении которой у нас коренное разногласие с аутогенетиками-дарвинистами, ясна. Ауто или эктогенетический характер геновариаций — вот четкая платформа, на которой должна вестись борьба.

Не то относительно механоламаркистов. Хотя мы и принадлежим к одному лагерю материалистов-эпигенетиков, но теоретические допущения, которые приходится делать сторонникам адекватной наследственности фенотипических изменений, настолько невероятны, мотивы, из-за которых делаются эти натяжки, настолько нам чужды, что трудно найти даже почву, на которой можно было бы вести планомерную борьбу. Монополизация антипреформистских позиций неоламаркистами приводит к тому, что приходится вести борьбу с аутогенетиками-генетиками (дарвинистами) через их головы. Консервативные же элементы их учения (которые они упорно связывают с эпигенетическими принципами) настолько дискредитируют все построения, что лучше всего совершенно от них отмежеваться. В дальнейшем мы будем иметь случай указать на тенденции некоторых механоламаркистов к телеологии ортодоксального ламаркизма; здесь же, прежде, чем перейти к группировке биологов по интересующему нас принципу, постараемся показать, каких невероятных теоретических натяжек требует ничем не доказанная вера в наследование приобретенных свойств организма.

Обозначим реактив (по-нашему, ген), под влиянием которого образуется определенный признак (скажем — цвет), буквой X (мы стараемся здесь пока обойтись без теории пангенезиса, от которой в конце концов принужден был отказаться сам Дарвин). При известных условиях А, мы получаем красную окраску — AX. Сделаем первое допущение, что, благодаря участию в красном произведении AX, компонент X приобретает способность давать красноватые производные и с другими реагентами (при других условиях внешней среды), иными словами, он становится до известной степени краснородным. Конечно, влияние следствия на причину трудно себе представить. Если произведение изменяется (а мы берем случай, когда AX, VX и CX оказываются разного цвета) от перемены множителя (среды), то множимое от этого как будто бы и не должно меняться. От того, что хлористый натрий солен, входящий в его состав хлор не становится ни соленей, ни соленородней. Но в данном случае хлор является частью соединения, в отношении же зародышевой плазмы и этого нет — роль генотипа ферментативная; различные части организма построены под влиянием различных генов, но эти последние сохраняются в ядрах всех клеток тела.

Допустим, однако, что при переменах в строении организма зародышевая плазма в различных его частях изменилась соответственным образом (адекватно). Генотип представлен, как мы уже говорили, во всех клетках тела (бесполюе размножение, регенерация); поэтому приходится делать третье произвольное допущение о таинственной связи реактива (гена) X специально с зародышевой плазмой половых клеток. В самом деле, как трудно пришлось бы строителям различных частей организма, если бы перемены, происходившие с каждым из них, передавались бы всем остальным. В участке тела, подвергнутом действию фактора А, X становится краснородным; в другом месте, в союзе с В, мы уже имеем отклонение в сторону посинения, и т. д.: если иксы взаимно действуют друг на друга, то получается всеобщая перетасовка новых признаков. Ламаркист этого, разумеется,

признать не может, и он должен допустить, что приобретенное, так сказать, на периферии передается лишь в хранилище определителей наследственных признаков потомков — в половые клетки.

Допустим, что соответственные определители в половых клетках, в противоположность остальным частям зародышевой плазмы, обладают способностью адекватно изменяться. Но на самом деле до половых-то клеток еще далеко; между ними и соматическими клетками связь поддерживается (допустим) кровяной средой. Необходимо допустить, что в этой среде происходят изменения, вызывающие в свою очередь адекватные изменения в определенных частях зародышевой плазмы половых клеток.

Не говоря уже о том, что адекватные изменения должны происходить и в протоплазме половых клеток, так как хромозы отделены ею от внешних факторов (при допущении простого воздействия факторов на зародышевую плазму качество этих влияний ни с чем не адекватно, и поэтому не приходится делать никаких допущений, не увязывающихся с обычными физико-химическими представлениями); у млекопитающих мы имеем, как это отметил Б. М. Завадовский, промежуточную группу фолликулярных клеток, которые, очевидно, также должны адекватно меняться. Но так как промежуточные элементы очень различны, то и адекватность должна быть в каждом случае своеобразна, что по плечу, пожалуй, лишь всемогущей жизненной силе. Первоначальное изменение X в X^1 является причиной некоторых изменений промежуточной среды; изменения эти должны, в свою очередь, стать в определенном месте причиной, вызывающей особенности, характеризовавшие первопричину.

Разрешите пояснить этот запутанный ряд грубой, но жизненной аналогии. Связь супа с готовящим его поваром несомненна, так же, как и связь этого супа с потребителем. Но довод, что в организме все, мол, друг с другом связано, все находится в тесном взаимоотношении, не доказывает еще возможности передачи соответствующих изменений на расстояние, так же, как и перемены, происходящие в поваре, вряд ли с помощью супа реализуются в адекватных изменениях потребителей. Оттого, что у повара болят коренные зубы, суп может быть испорчен; плохой суп, может, в свою очередь, вызвать расстройство в работе потребляющего организма, но чтобы при этом обязательно пострадали коренные зубы — вряд ли решится утверждать даже самый верующий ламаркист. Но допустим, что адекватность изменений в половых клетках все-таки какими-то путями происходит; и этим допущением мы, оказывается, вопроса не разрешаем. Ведь на X , хранимый в половых клетках, действует не только X из произведения $A \times X$, но также и другие факсы, подвергающиеся воздействию других условий — цвет кожи в различных участках тела при различных условиях бывает различный, и поэтому на X половых клеток из разных концов должны направляться воздействия с различными тенденциями (X^1 , X^2 , X^3 и т. д.). Как же прикажете изменяться несчастному X ?

Из этого безнадежного положения один выход: каждый участок тела, каждый признак должен иметь собственное представительство в половых клетках — неизбежно отступление к пангенезису, появившемуся во времена для генетики доисторические. Объективно говоря, с этой точки зрения мы имеем преформированными самые признаки организма, в виде его предста-

вителей; половые клетки в этом случае представляются каким-то гумом¹⁾. Противники этих взглядов представляют себе генотип, как собрание определенного числа реагентов, влияющих на построение фенотипов, особенности которого развиваются под влиянием внешней среды.

Среда определяет результат так же, как и зародышевая плазма — никакие признаки заранее не представлены. Обвинение противников наследия приобретенных признаков в недооценке роли среды ни на чем не основано.

Мне хочется сказать еще пару слов об убедительности некоторых доводов, приводимых в пользу наследования приобретенных признаков. Как опыт, подтверждающий старые эксперименты Каммерера с саламандрой, т. е. Смирновым и Леоньевым («Дискусс. сборн.», стр. 14) приводится случай с изменением окраски взрослого животного, и по этому поводу замечается: «Можно было бы сказать, что опыты Каммерера подтверждены лишь в отношении изменений окраски, а не их наследования. Но мы считаем, что если подтвердилась одна половина опыта, то с полным основанием можно положиться и на вторую половину». Но беда в том, что в первой половине опыта вряд ли кто сомневался. Мне самому приходилось работать с переменной окраски одного моллюска на различных субстратах, но от этого я несколько не уверовал в наследование приобретенных признаков. Все дело, разумеется, во второй половине, но крепко верующий ламаркист считает положительный исход его само собой разумеющимся. Мне кажется, что защищаемая мною точка зрения достаточно выяснена.

4. Группировка биологов трансформистов

Переходим ко второй части нашего доклада. В основу группировки биологов по вопросу трансформизма можно положить два критерия. С одной стороны — принципы ауто или эктогенеза, с другой — признание или непризнание наследования фенотипических изменений. Второй вопрос, относящийся как будто бы всецело к области наследственности, в сущности является, так же как и первый, проблемой изменчивости. В первом случае разногласие сводится к причинам наследственной изменчивости — преформизм или эпигенезис? Во втором случае спор идет о месте первоначальной наследственной изменчивости (безразлично от ее характера) и сводится к вопросу — фенотипы или зародышевая плазма? По решетке Пеннета мы получаем 4 группы. Слева — аутогенетики (в отношении различных вопросов); справа — эктогенетики (тоже весьма различные); сверху (разделим каждую половину прямоугольника на верхний и нижний этаж) — сторонники наследования фенотипических изменений, снизу — генетики, базирующиеся на геновариациях. Разделение аутогенетиков, стоящих на генетической точке зрения, на телеологов и дарвинистов также должно быть принято во внимание.

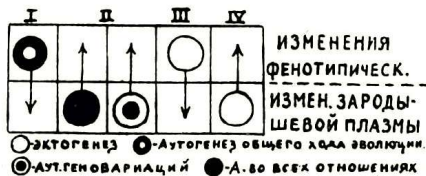
I. Аутогенетики

В левый верхний угол попадает старик Ламарк, Негели, Коп и некоторые другие неоламаркисты. В основу органической эволюции Ламарк кладет аутогенетический закон деградации, и в то же время, для объяснения приспособленности организма к среде, ему приходится внести корректив в виде наследственной изменчивости под влиянием среды и упрощения органов.

¹⁾ Гум — государственный универсальный магазин в Москве.

Эта эктогенетическая сторона эволюции существенно не нарушает общего аутогенетического процесса, и поэтому телеологический характер ламаркизма неоспорим. По установившейся традиции под ламаркизмом подразумевают, однако, не эту существенную сторону учения, а законы приобретения и сохранения приспособительных изменений (упражнение органов и передача приобретенных изменений по наследству), являющихся, в сущности, лишь коррективами к общему эволюционному развитию.

«Я постараюсь показать вам, что природа, создавая животных и растения в течение долгого времени, действительно образовала в том и другом царстве настоящую лестницу в смысле все увеличивающейся сложности их организации, но что ступени этой лестницы можно уловить только в главных группах общего ряда, а не вида, ни даже в родах: причина такой особенности заключается в том, что необыкновенное разнообразие внешних условий, в каких встречаются различные породы животных и растений, не стоит в связи... с нарастающим усложнением организации, что это разнообразие порождает в форме и внешних признаках живых тел такие неправильности и отклонения, какие одно нарастающее усложнение организации не могло бы вызвать» (стр. 94). В другом месте он еще раз останавливается на этом вопросе: «Если бы причина, непрестанно стремящаяся к усложнению органи-

зации, была единственной, имеющей влияние на форму и органы животных, то это усложнение происходило бы всегда в совершенно правильной прогрессии. Но это далеко не так. Природе приходится подчинять свои действия влиянию внешних обстоятельств, каковые и вносят разнообразие в самые произведения. Вот та частная причина, что порождает здесь и там в ходе деградации сплошь и рядом странные отклонения» (стр. 112, Ламарк. «Философия зоологии», изд. 1911 г.).

Направление эволюции внутренними стимулами признается также Негели: «Неопределенное или лишенное направления изменение особей было бы мыслимо, если бы оно обуславливалось лишь внешними влияниями... Если же причины изменения являются внутренними, заложены в свойствах вещества, то дело принимает иной характер. При этом определенная организация вещества должна оказывать решительное влияние на его собственную изменчивость, и это влияние, благодаря тому, что развитие начинается с самых низших ступеней, может оказывать свое действие лишь в направлении вверх. Я назвал это прежде принципом совершенствования, понимая под более совершенным более сложную организацию. Более близорукое усмотрели в этом нечто мистическое, однако, он носит чисто-механический характер и представляет собою закон инерции в области органического развития. Раз уже развитие пришло в ход, оно не может остановиться и должно сохранить свое направление» («Механико-физиологическая теория эволюции», 1884 г.).

Но в вопросе о наследственности Негели делает сравнительно с Ламарком шаг вперед. «Филогенетическое развитие состоит в том, что идиоплазма все

время становится все более сложной под влиянием внутренних причин, и при этом или сохраняет свой прежний приспособительный характер, или же изменяет его, в зависимости от того, остаются ли без изменения или меняются внешние раздражения». Подобно тому, как развитие зародыша из яйца обуславливается чисто внутренними причинами, и развитие органического мира может быть следствием тех же внутренних причин.

Однако, Негели признает наследование некоторых изменений организма под влиянием внешней среды. «Свойства, отличающиеся постоянством и передающиеся по наследству, заключены в идиоплазме, которая и передает их от родителей к детям. Поэтому та причина, которая изменяет длительно организмы, должны преобразовывать идиоплазмы». Коп, представитель психоламаркизма, также признавал наряду с силой, направляющей эволюцию, наследование свойств, приобретенных организмом. Распространяться более о стариках не стоит. Чтобы покончить с телеологами этого типа, приведем характеристику их Морганом: «Доведенная до логического конца, эта теория превращается в какой-то субъективный мистический взгляд, согласно которому эволюция является результатом внутренней движущей силы и принципа, получивших целый ряд названий, как-то: «образующая сила» (Bildungstrieb), «nisus formaticus», «жизненная сила», или «ортогенез». Эволюционная мысль пресыщена различными вариантами этой идеи, часто выраженными наивно, а иногда употребляемыми совершенно бессознательно. В свое время под эволюцией действительно подразумевалось развертывание того, что уже существовало в самом яйце, и этот термин до сих пор содержит в себе некоторую долю своего первоначального значения. Учение Негели, появившееся через несколько лет после «Происхождения видов» Дарвина, служит лишь наглядным примером сказанного. Негели полагал, что в живом существе содержится врожденная сила, стремящаяся к росту и к распространению. Хотя он энергично отстаивал, что имеет в виду лишь механический принцип, но так как ему не удалось приложить этого принципа ни к одному из известных физикам и химикам крупных явлений, то его точка зрения просто оказывается туманным утверждением, которое столь же трудно понять, как и смысл самих явлений, нуждающихся в объяснении («Теория эволюции», стр. 21). Обращаю ваше внимание на определенность отношений Моргана к преформистам.

Представители предыдущей группы признавали аутогенетический характер эволюции органического мира: во вторую группу мы относим аутогенетиков в отношении геновариаций. Совершенно неправильно представлять себе, что всякий, признающий аутогенетические причины геновариаций, тем самым признает предопределенность развития органического мира. Вели дарвинисты, которые составляют большинство этой группы, объясняют ход трансформизма действием естественного отбора. Аутогенетически происходят лишь геновариации, а какие из мутаций и комбинаций в лице происходящих от них фенотипов выдержат борьбу за существование — это уже связано с условиями жизни, т.е. со средой.

Если отнесение преформистов типа Ламарка к финальным (телеологическим) преформистам и правильно, то характеристика позиции большинства современных генетиков, данная Б. Кузиным («Преформизм и эпигенезис»), совершенно не основательна: «Другие полагают, что хотя такой цели впереди

и нет, но, тем не менее, конечный результат эволюционного процесса всякой группы организмов является predeterminedенным самим строением первичного организма, давшего начало данной группе. Этот конечный (или бесконечный?) результат достигается в силу «внутренних причин», действующих внутри половых клеток и совершенно не зависящих от окружающей организм внешней среды».

Отнести к определенной таким образом категории каузальных преформистов можно только сторонников номогенеза (Берга, Соболева и др.), с которыми, к слову сказать, у некоторых механистамаркистов (в том числе и у самого Кузина) имеются серьезные точки соприкосновения (параллельные ряды и многое другое), а вовсе не генетиков-неодарвинистов, признающих за внешней средой, как фактором отбора, огромную роль в ходе трансформизма. Понятие predeterminedенной эволюции дарвинистам вообще совершенно чуждо.

Для нас наиболее интересные и серьезные противники из второй группы, как мы уже указывали, материалисты-генетики, являющиеся аутогенетиками лишь в вопросе геновариаций (диаметральная противоположность предыдущей группы), но согласно вашей схеме (аутогенезис, плюс признание геновариаций за первоисточник наследственной изменчивости) нам приходится включать сюда и сторонников номогенеза (т. Серебровским почему-то причисляемых к ламаркистам). Принципиально между ними и генетиками-дарвинистами колоссальная разница, но их объединяет перенесение центра тяжести с фенотипа на зародышевую плазму.

Еще Келликер выдвинул скачкообразную изменчивость (то, что мы теперь называем мутациями), но он признавал определенное направление их, ведущее к совершенствованию: «Теория гетерогенного развития, или, как я называю ее теперь, теория развития под влиянием внутренних причин, исходит из того, что в основе развития всего мира организмов, как и природы вообще, лежат законы, которые совершенно определенным образом понуждают его ко все более высокому развитию» («Морфология и история развития пеннатулид», 1872 г.). Карл Бер был антидарвинистом и телеологом, но также признавал мутационный характер наследственной изменчивости. Он резко отличал эту последнюю от внешней изменчивости. «Если вы отпимите,—писал он еще в 1834 г.,—вашим коровам и быкам рога, то, несмотря на это, их телата будут все же иметь рога. Однако, если вы скрестите корову, лишенную рогов в силу внутренних задатков (такие особи встречаются в некоторых местах), с подобным же безрогим быком, то их потомство не будет иметь рогов». Отсюда он делает вывод о ненаследовании благоприобретенных изменений. Ход эволюции Бер объяснял не лишенными цели малыми уклонениями, а скачками; направление же развития, по его мнению, было целесообразным. Беру нужно считать аутогенетиком чистой воды (аристотелевского типа). Он утверждает, между прочим, Дарвина в антиэволюционизме: «Вся история живых существ покоится на развитии, а развитие есть подготовка предыдущими стадиями последующих» («О теории Дарвина», 1876 г.). Бер возражает против объяснения развития органического мира «суммированием случайных отклонений». Но на самом деле, между представителями Эмпедокла и дарвинистическими — огромная разница. В то время, как первый признает организм за результат случайных сочетаний (комбинаций), все

части которых случайно оказались на месте, дарвинисты смотрят на организм, как на результат долгой истории. Историческое развитие, при котором отбор постепенно суммировал новые изменения (происходившие в разных направлениях и поэтому являющиеся случайными по отношению к результату отбора), нельзя отождествлять с фантастическим представлением о происхождении сложных организмов, как одновременных комбинаций, из которых удачные выживали, а несурзанные гибли. Дарвина такой неосновательный упрек делали часто (С. Трубецкой, Берг). Требование Берга — получить бросаемым букв определенное сочинение — бьет мимо Дарвина, так как совершенно исключает исторический момент.

Коржинский, выдвинувший и иллюстрировавший множеством примеров гетерогенный ход изменчивости, указывал, что «она заключается в каких-нибудь изменениях, совершающихся в половых продуктах материнского растения, т.-е. в пыльце и семечке». («Гетерогенезис и эволюция», 1899 г.). Изменения эти носят аутогенетический характер: «Способность к изменениям у организмов является их основным, внутренним, независимым от внешних условий свойством». Но Коржинский был убежденным телеологом и антидарвинистом: «Чтобы объяснить происхождение высших форм из низших, необходимо принять у организмов наличие особой тенденции к прогрессу» (предварительное сообщение на немецком языке). У нас наиболее ярким представителем телеологов, признающих мутации за основу наследственной изменчивости, является Берг.

Чтобы покончить с этого рода антидарвинистами, процитируем одну из формулировок этого автора: «4) Образование новых признаков идет не случайно, а на основе закономерностей: новые признаки появляются в определенном, ограниченном количестве, в определенных местах органа или организма, с определенной амплитудой изменчивости. Мало того, новые признаки и новые формы образуются в определенном направлении. Это направление, или иначе — закон эволюции данной группы, можно открыть, если проследить развитие конвергентных форм. Особенно ярко осуществляется определенное направление в явлении предвращения признаков».

5) Появление новых признаков обусловлено: а) внутренними конституционными свойствами организма (точнее — стереохимическими свойствами их белков), понуждающими форму изменяться в определенном направлении; здесь мы видим проявление автономической закономерности, и б) влияние географического ландшафта, тоже преобразующего формы в определенном направлении; это хрономическая (или географическая) закономерность.

6) Итак, развитие организмов есть закономерный, стало быть — идущий в определенном направлении, процесс, или номогенез, на основе причин автономических и хрономических. Целостность телеологической картины нарушается здесь только не совсем понятной хрономической закономерностью («Теории эволюции», стр. 117).

В вопросе о приспособленности организмов Берг также стоит на откровенно-метафизической точке зрения: «Теория Дарвина задается целью объяснить механически происхождение целесообразностей в организмах. Мы же считаем способность к целесообразным реакциям за основное свойство организма. Выяснять происхождение целесообразностей приходится не эволюционному учению, а той дисциплине, которая возьмется рассуждать о

происхождении живого. Вопрос этот, по нашему убеждению, метафизический. Жизнь, воля, душа, абсолютная истина — все это вещи трансцендентные, познания сущности которых наука дать не в состоянии». Совсем по Бергсону (... «свойство благоприятного приспособления к окружающей среде...»).

Переходя к основному ядру второй группы, объединяющему большинство генетиков-менделистов, необходимо указать, что далеко не все они являются беззаветными защитниками аутогенетического характера геновариаций. На ряду с глубоко убежденными сторонниками этого взгляда имеется много условно к нему примыкающих. Дело в том, что экспериментальные данные, надо сознаться, не дают еще эктогенетикам достаточно сильных аргументов, доказывающих изменчивость зародышевой плазмы под влиянием внешних агентов — изменчивость, результатом которой являлись бы настоящие мутации. Многие подходят к вопросу строго академически и указывают, что пока что причины геновариаций от нас скрыты, и посему аутогенетическая точка зрения более соответствует фактам. Можно быть уверенным, что эти потенциальные эктогенетики при первых несомненных успехах экспериментального получения мутаций без особого сопротивления откажутся от чистого аутогенетизма. Этот кадр аутогенетиков явится главным резервуаром для 4-ой группы нашей схемы. Одно можно с уверенностью сказать — никто из второй группы никогда не поддастся наивной вере в наследование фенотипических изменений.

Отношение биологов этой категории к интересующему нас вопросу прекрасно выражено тов. Добржанским («Реформизм и эпигенез», стр. 46). Указав на неудачи в области получения мутаций путем внешних воздействий, он резюмирует взгляд наиболее осторожной части генетиков: «Итак, прямое воздействие внешних условий, повидимому, не может быть причиной появления мутаций. Причина изменения генов, мутаций, нам в настоящее время неизвестна — это все, что может сказать в настоящее время критически мыслящий биолог по этому поводу. Как ни печально это обстоятельство, отсюда вряд ли можно делать вывод, что из-за нашего незнания истинных причин мутационных изменений следует принять явно ни на чем неоснованную возможность наследования приобретенных признаков. Поступить так — значило бы из-за наших симпатий к известной теории пренебрегать огромным количеством совершенно достоверных фактов, свидетельствующих против этой теории».

Мы уже указывали, что для эпигенетика-менделиста наиболее серьезными противниками являются материалисты-менделисты, в вопросе о «природе геновариаций» стоящие на аутогенетической позиции; но для того, чтобы выделить их в чистом виде, необходимо методом исключения избавиться от менделистов с виталистическими тенденциями. Соглашательство далеко не пользуется у нас симпатиями. Желание, стоя на материалистической почве, в то же время не терять лица в глазах виталистов, — совершенно обесценивает защищаемую платформу. Революционный марксист не найдет здесь для себя ничего интересного, но ради выяснения истинных позиций приходится иметь дело и с соглашателями. Филипченко — наиболее авторитетный у нас популяризатор общепроизводственных вопросов — неоднократно указывал, что материалистическая или виталистическая точка зрения дело личной веры каждого ученого и к науке прямого отношения не имеет.

Более того, он считает, что взгляды, приемлемые для тех и других, и являются наиболее научными. Относительно ауто и эктогенеза он стоит на такой же точке зрения.

Считая, что развитие органического мира обуславливается внутренними причинами так же, как и развитие солнечной системы или яйца, он сознается, что неоспаримых доказательств в пользу этого взгляда еще нет, а посему «в настоящее время то или иное отношение к теории аутогенеза есть дело личной веры того или иного биолога: одни считают ее вполне приемлемой, другие не склонны поддерживать это воззрение. Нам хотелось бы только еще раз подчеркнуть здесь, это идея аутогенеза является, во всяком случае, вполне научным построением, хотя, быть может, и недостаточно доказанным. Она соединима с самыми различными представлениями на характер жизненных процессов вообще, что также свидетельствует в пользу ее совершенной научной самостоятельности. Чрезвычайно характерно в этом отношении, что из наших современников и наиболее видный неовиталист Дриш считает себя вынужденным допустить существование «особого закона организации в филогении, если мы вообще признаем справедливость эволюционной теории»; и его полный антипод Пирсон пишет: «По моему мнению, можно количественно показать, что жизненные типы в состоянии изменяться без воздействия органической или неорганической среды, т.-е. под исключительным влиянием чего-то присущего их внутреннему строению». Эти две случайно выбранные цитаты говорят, конечно, в пользу нашей точки зрения» (Филипченко — «Эволюционная идея в биологии», стр. 259). Нам эти цитаты, несомненно, тоже говорят более, чем достаточно. Осторожность Филипченко граничит со смелостью защитника марксизма — Челпанова.

Морган, в противоположность своему цитированному последователю, решительно отмежевывается от витализма и всяческой телеологии: «Хотя мы мало знаем о причинах мутаций, все же нет никаких оснований приписывать их существование какому-либо внутреннему импульсу; поэтому и они не дают нам доказательств правильности гипотезы о врожденной силе» («Теория эволюции в современном освещении», стр. 21). Этот крупнейший генетик современности всецело стоит на материалистической базе. Говоря о взглядах Дарвина на природу явлений, вызывающих изменчивость, Морган подчеркивает: «Если его воззрения и кажутся нам теперь иногда смутными, а иногда проблематичными, часто не имеющими твердых оснований, все же мы на каждом примере видим, что Дарвин искал физические основы изменчивости» (подчеркнуто Морганом, стр. 22).

Приписывание всем генетикам признания неизменности генов (вера в неизменность организмов, якобы, заменилась у менделистов верой в неизменность генов) основано или на величайшем смещении понятий, или является просто полемическим приемом — приписывать противнику неразделенные им взгляды. Что Морган не имеет ничего общего с лотсианством — явствует из всех работ его школы, в центре которых стоят мутации и лежащие в основе их трансгенации.

Морган справедливо считает наиболее убедительным доказательством трансформизма образование на наших глазах новых наследственных признаков: «Если случайные доказательства из области сравнительной анатомии, эмбриологии и палеонтологии достаточно убедительны, то мы должны

были бы наблюдать процесс эволюций и в настоящее время, т.-е. мы наблюдали бы возникновение вариаций и передачу их по наследству. Это действительно выполнено генетиками при изучении мутаций и менделизма»...

Более чем странному обвинению генетиков-менделистов моргановской школы в обесцениении факторов эволюции настолько явно противоречит получение многочисленных мутаций дрозофилы, что противникам пришлось изобрести не менее курьезную дополнительную антиморгановскую гипотезу. Стараясь доказать, что эволюция может идти лишь ламаркистским путем, утверждают, будто бы мутации появляются только при искусственных условиях лабораторной обстановки, а в естественной природе не встречаются. Выходит, что надо прикрыть все экспериментально-биологические лаборатории, так как результаты, получаемые в них, безнадежны. На самом же деле, здесь только лишним раз обнаруживается безнадежность теории, борющейся против фактов, являющихся ключом к пониманию сущности трансформизма и поддающихся лабораторному изучению. «Если быть последовательным, — говорит Морган, — то нужно такое же отношение распространить на употребление спектроскопа при изучении звезд, на пользование мензуркой и весами в химии или гальванометром в физике. Все это — искусственные приборы, употребляемые для выпытывания тайн природы. Я позволю себе думать, что антитеза заключается в действительности не в естественном или искусственном обращении с природой, но, скорее, в возможности проверки данных — с одной стороны, и произвольности обобщения — с другой». Мы остановились на этом моменте для того, чтобы подчеркнуть научно-экспериментальный подход к вопросам трансформизма.

Теперь необходимо отметить еще отношение моргановской школы к вопросу о последовательности в мутационных изменениях. «Так как мы, — говорит Морган, — во многих случаях можем располагать сериями форм от самых простых до более сложных, то у нас легко может создаться неправильное представление, из которого мы делаем вывод, что при построении сплошной серии мы можем найти и все те промежуточные стадии и что все формы возникли в порядке сложности. Этот вывод не всегда правилен». Различные мутации дрозофилы (напр., мутации с измененным строением крыльев), представляющие как бы последовательный ряд изменчивости, на самом деле появились совершенно независимо друг от друга. Бескрылые мухи возникли путем единичной мутации от нормальных, так же как и формы с различными видоизменениями их. Такое образование резких уклонений, служащих прекрасным материалом для естественного отбора, не только не противоречит дарвинизму (хотя сам Дарвин и объяснял бескрылость островных форм постепенным отбором более слабых летунов), но устраняет многие возражения, выдвинутые против возможности отбора мелких индивидуальных уклонений. «Прежде нас учили, — говорит Морган в другом месте, — что безглазые животные развиваются в пещерах. Однако настоящий случай (появление безглазой мутации дрозофилы) показывает, что они могут возникнуть путем изменения одного лишь единственного фактора — стеклянных молочных сосудов».

Говорить о преформизме эволюционного процесса здесь не приходится — все дело тут сосредоточивается на вопросе о природе геновариаций (транскенаций). Причины, вызывающие появление геновариаций, являются, как

мы уже неоднократно указывали, вопросом наиболее актуальным в спорах между материалистами-биологами, стоящими на почве современной генетики. Здесь, именно, и лежит та область, где марксисты (которым, повторяем, нет оснований противиться блестящим завоеваниям современной биологии) должны приложить свой диалектический метод. Синтез в решении основной биологической проблемы касается ауто и эктогенетических факторов, лежащих в основе геновариаций. Аутогенетическая точка зрения менделистов второй группы является антитезой к взглядам менделистов четвертой.

Мне хочется подчеркнуть здесь, что по вопросу об отношениях между фено и генотипом у четвертой группы (куда я отношу себя) и материалистической части второй нет никаких расхождений. Морган подчеркивает («Теории эволюции»... стр. 62), что мутации в хромосомах «не ограничиваются в своем действии на какую-нибудь одну часть тела, точно так же, как ни одна часть тела не подвергается действию этих мутаций чаще других», и далее: «Действительно, если любой фактор может заметно воздействовать на несколько частей тела одновременно, то нет никакого основания допускать какой-либо особой связи между данной хромосомой и определенной частью тела (тем более, скажем мы от себя, воображать обратную связь М. М.). Никогда не следует упускать из виду, что всякий раз, когда мы говорим о каком-либо признаке, как результате действия особого фактора, мы подразумеваем под этим всего лишь наиболее очевидное проявление данного фактора». Наиболее серьезным доводом в пользу аутогенетического характера геновариаций, на котором базируются представители разбираемой группы биологов, является появление мутаций в согласии с законами больших чисел (вне зависимости от окружающих условий). «С одной стороны, — говорит тов. Серебровский («Под знаменем Марксизма» № 3), — мутации возникают случайно в том смысле, что вы можете иметь несколько тысяч нормальных организмов и только один из них рождается с новым признаком. В нем одном, среди тысяч, произошла мутация, и в этом смысле она оказывается явлением случайным. Но, с другой стороны, это явление, возникшее случайно, оказалось, в конце концов, закономерным в том смысле, что не только процент организмов, которые дают мутацию, но даже некоторые мутации возникают тоже закономерно, подчиняясь закону больших чисел». При этом мутации идут в разных направлениях и не обнаруживают никакой целесообразности.

Тов. Серебровский является одним из наиболее близких нам (менделистам-эпигенетикам) теоретиков. Самым важным для нас является признание им возможности с помощью неизвестных еще в данное время физико-химических воздействий влиять на ход геновариаций. Говоря о стойкости генов (в противоположность наивно-лармаркистскому представлению о полной зависимости их от перемен в организме, а, стало быть, и о легкой изменяемости), тов. Серебровский добавляет: «Из этого, конечно, отнюдь не следует, что мы никогда не найдем способа проникнуть сквозь протоплазму, не разрушив ее, и повлиять на хромосомы. Совершенно напротив. Лучшим доказательством этого служат попытки одного из самых блестящих морганистов, Моллера, повлиять на хромосомы икс-лучами, давшие уже некоторые результаты». Здесь чрезвычайно ясно выражена мысль о том, что аутогенетическое изменение генов не исключает возможности эктогенетического вмешательства.

Тов. Серебровский, приводя рельефное сравнение характера геновариаций с явлениями, протекающими в солнечной системе и в области радиоактивности, замечает: «Хотя этот процесс идет, можно сказать, имманентно, подчиняясь внутренним законам, но этот закон — чисто механический, и никакого элемента, противоречащего материалистическому пониманию, в нем нет». А несколько дальше он говорит: «Конечно, это значит, что нельзя внешним воздействием выбить электрон из атома радия. Может быть, мы научимся делать это, узнав точно структуру атома радия. Но как постоянное явление природы, идущее непрерывно на земном шаре, радий разлагается имманентно».

Мне кажется, что задача моя — выявить истинную физиономию (часто представлявшуюся марксистской аудитории в сильно измененном виде) наиболее интересной части менделистов-аутогенетиков — более или менее выполнена. Страшное звание преформистов, под которым их бичуют за отказ от традиционных бытовых верований, мы предпочитаем заменить термином, правда не столь старинным, но зато более определенным. Справедливость требует отметить, что этой группе принадлежат наибольшие заслуги в области мощного развития современной генетики, базирующейся на так наз. корпускулярной теории наследственности. В виду того, что разногласия наши с этой группой сводятся к вопросу о причинах геновариаций, а в остальном мы всецело примыкаем к теории Моргана-Менделя, мы оставляем окончательную характеристику ее (нижний этаж нашей схемы) до разбора четвертой группы, тем более, что возможность получить геновариации путем вмешательства в имманентный процесс некоторыми (т. Серебровский) менделистами-аутогенетиками не отрицается.

II. Эктогенетики

Теперь перейдем к эпигенетикам. С первых же слов должен указать, что принадлежность к эпигенетикам сама по себе не представляет еще ничего материалистического. Все верующие люди, признающие молитву и святую волю, важными факторами в деле наследственной изменчивости, все верующие в знахарство и колдовство являются несомненными эпигенетиками. Страх, которого боятся матери, вероятно у всех народов, и с давних времен, является также фактором эктогенетическим. Морган сравнивает это суеверие с верой в наследование приобретенных свойств: «Мифы о влиянии виденного матерью до рождения у нее потомства на последнее (так называемое «оглядывание») — одно из самых интересных изобретений человеческой доверчивости; они так же древни и широко распространены, как и мифы о различных наследственных влияниях» («Наследственные ли приобретенные признаки», стр. 7). Среди греческих и еврейских сказаний имеются перлы подобных эпигенетических представлений. Люди, не относящиеся критически к явлениям природы, допускают возможность таких воздействий на нее, о которых научно-мыслящий человек не станет и рассуждать. Ведь признается же еще в наши дни возможность вызвать появление вшей из пота или мух — из гниющего мяса. В былые времена алхимики и астрологи верили в возможность сравнительно легко вмешиваться в дела природы. Тов. Серебровский уже указал, что вопрос о наследовании фенотипических изменений относится к категории веры в податливость любых областей при-

роды, процветающей там, где наука находится еще в младенческом состоянии. Для людей, верящих в чудо, нет вообще ничего невероятного. Признание неизменности атомов было антитезой, выдвинутой наукой в свое время против наивных бытовых взглядов. В биологии также можно считать, что *наивно-ламаркистский взгляд на легкую изменчивость зародышевой плазмы, под влиянием самых разнообразных воздействий на родительский организм с антитезой — ее неизменности (в наше время защищаемой одним лишь Лотси), дает синтез* в виде изменчивости генов под влиянием более глубоких причин. Тов. Серебровский справедливо указывает, что признание изменчивости генов «вовсе не является возвратом к лamarкистской точке зрения, которая может считаться похороненной». Но нам с лamarкистами приходится считаться, так как в ряду эпигенетиков они занимают (особенно у нас) видное место. Мы, разумеется, относимся к ним хотя и критически, но серьезно. Эктогенетиков, признающих наследование приобретенных фенотипических изменений, мы относим к третьей группе нашей схемы. Наиболее маститым представителем этой группы является Спенсер, так что механоламаркисты должны, по-настоящему, называться спенсеритами. Спенсер не признавал телеологического характера трансформизма и сводил все к влиянию среды. Не будем приводить примеров наследования приобретенных свойств, на которые ссылался Спенсер в споре своем с Вейсманом. Позиция ортодоксального представителя третьей группы ясна.

Некоторые эпигенетики, защитники наследования приобретенных свойств, пукались в различные хитроумные логические построения, обращитком которых может служить рассуждение Ле-Дантека. «Название приобретенных признаков, говорит он, должно быть оставлено лишь за изменениями окончательными, такими, которые не исчезают вместе с вызвавшей их причиной» (цит. по Делажу). А посему, отсутствие отрубленной руки не наследуется по причине невозвращения удаленной кости в прежнее состояние. Такие рассуждения, разумеется, совершенно не разъясняют сущности вопроса. Самым важным моментом в разбираемой проблеме является, как мы уже указывали, способ передачи изменений от следствия к причине, то, во что веруют, например, при симптоматическом лечении (уничтожением сыпи думают повлиять на источник болезни) и к чему часто сводятся народные средства.

Иногда признание зависимости наследственных изменений от всяких воздействий на организм доходит до абсурда. Шлейх, например, договорился до передачи различных свойств через пищу. Такой чепухи мы, разумеется, не приписываем механоламаркистам, но должны заметить, что механизм передачи приобретенных свойств немногим похитнее, чем механизм передачи китайцу через маис особенностей его предков (очевидно, через их испражнения). Из современных биологов защитником наследования приобретенных свойств является Плате, но на этом черносотенце, считающем религию за «величайшее благо, которое должно быть сохранено для нашего народа, ставшего негодяем, благодаря революции», не хочется и останавливаться.

Среди эпигенетиков-экспериментаторов этой группы наиболее видным является Каммерер, с работами которого все, разумеется, знакомо. Для нас особый интерес представляет группа так называемых механоламаркистов, проявляющих в марксистских кругах Москвы большую активность. Среди

выступлений этих защитников эпигенеза против преформизма (сводящихся, главным образом, к защите наследования фенотипических изменений, замечаются сильные признаки атавизма, в смысле проявления особенностей далекого предка — дедушки Ламарка. Для нас вполне ясно, что механоламаркист не может обойтись без наследования приобретенных свойств; но почему он должен признавать определенное направление и стадии в развитии органических форм — не ясно. Во всяком случае, диалектический материализм этого не требует.

В сборнике «Очерки по теории эволюции», в главе V, принадлежащей тов. Кузину, мы читаем: «В развитии каждой группы можно наблюдать определенные закономерности. Каждая ветвь появляется в более глубоких слоях в виде небольшой группы форм, слабо дифференцированной и немногочисленной. Вслед за этим, в последующих слоях формы этой ветви начинают усложняться, приобретая черты все большей специализации и усложнения отдельных признаков. Эта стадия развития ветви бывает представлена уже большим количеством форм. Затем следует период наиболее пышного расцвета группы, когда ее многочисленные в этот период представители обнаруживают чрезвычайное обилие и разнообразие форм, и обладают высокой степенью специализации отдельных органов. Некоторые ветви переживают еще одну, последнюю стадию, во время которой черты специализации развиваются чрезмерно сильно, или же развитие некоторых признаков приобретает направление обратное тому, каким шла эволюция всей группы. В этой стадии группа имеет небольшое число представителей, и вскоре после нее умирает».

Эти рассуждения совершенно совпадают со взглядами Берга и Соболева, в книге которого («Начало исторической биогенетики») приводятся, кстати, те же примеры параллельных рядов (стр. 156, у Кузина, и стр. 75, у Соболева). В выводах тов. Кузин подтверждает свой далеко не эпигенетический взгляд: «В истории каждой ветви наблюдаются циклические явления, — каждая из них проходит, выражаясь фигурально, стадии юности, расцвета и старости, приводящей к вымиранию ветви». Где же больше преформизма: во взглядах тов. Серебровского, отрицающего направление в эволюции и признающего даже возможность вмешательства в процесс геновариаций, или в приведенных сейчас словах, явно признающих роковую судьбу органических форм, в развитии различных стадий которых внешняя среда играет какую-то непонятную роль? В самом деле, если усложнение локальной линии аммонитов, или увеличение роста в ряду предков лошади шло закономерно, то при чем тут воздействие внешней среды? Ведь нельзя же допустить, что окружающий мир изменялся именно так, как то требовалось для развития определенной стадии данного организма. Определенное направление эволюции филогенетических рядов не выжется, по нашему мнению, с чистым эпигенезом.

Но телеологический характер части московской школы механоламаркистов вполне выявился в статье того же тов. Кузина в дискуссионном сборнике «Преформизм и эпигенезис», оставленной, к нашему удивлению, без замечания со стороны редакции. «Обычно принято считать точку зрения финального преформизма ненаучной. Введение в область биологии антропоморфного понятия цели считается чистой схоластикой, недостойной зани-

мать внимание научно-мыслящего биолога. Наоборот, каузальный преформизм является в настоящее время господствующим и служит исходным пунктом для современных эволюционных построений. Между тем, вряд ли можно согласиться со справедливостью такого отношения. Не являясь сторонником ни той, ни другой разновидности преформизма, я все же склонен считать преформизм финальный если и не лучше обоснованным, то, во всяком случае, несравненно лучше и более логически разработанным, чем преформизм каузальный, а потому и имеющим более научную внешность. Но телеологи открыто оперируют с понятиями, к которым биолог не имеет права подходить со своим оружием естествоиспытателя. Метафизика не входит в компетенцию биолога, и поэтому мы проходим мимо этой точки зрения (все же научной), не защищая ее, но и не отрицая».

Вдумайтесь только в последнюю фразу! Метафизика, к которой всякий материалист, а тем более марксист, должен относиться резко отрицательно, не отрицается и признается научной. Не защищается же она потому, что заниматься открыто метафизикой не дело биолога. Биолог, видите ли, имеет свою компетенцию и не должен залезать в область философии, тем более, что телеологи открыто оперируют понятиями, к которым биолог не имеет права подходить со своим оружием. Бедные биологи! Куда вам залезать в чужую область — ваше дело лягушек потрошить. В то время, как революционный марксизм беспощадно борется со своими врагами, под тенью его провозглашается трогательная терпимость к метафизике. Соглашательские лавры Филиппченко вянут перед материалистом, не отрицающим метафизики и не защищающим ее лишь потому, что она не входит в его специальность. Такая механика вряд ли подходит истинному механоламаркисту.

Для нас ясно одно: деградация дедушки Ламарка воскресает у наиболее откровенных из наших неоламаркистов. Пока группа эта (*механоламаркистов*) действует единым фронтом, она несет ответственность за выступления своих членов. Мне кажется, что сущность третьей группы достаточно выяснена: оговариваюсь, однако, что я безусловно не приписываю всем входящим в ее состав, тенденций тов. Кузина, особенно, разумеется, марксистской ее части.

Переходим теперь к четвертой группе. Как мы старались выяснить в первой части доклада, характерной особенностью защищаемой нами точки зрения является, с одной стороны, отрицательное отношение к вере в наследование фенотипических изменений, с другой — эктогенетический взгляд на природу геновариаций. Признание стойкости генов, несравнимой с легкой податливостью фенотипа на малейшие внешние воздействия, сближает нашу позицию с материалистическими сторонниками моргано-менделевской теории. Ген, как результат долгого исторического развития, особенности которого слагались под влиянием неизвестных нам, но, во всяком случае, не мимолетных воздействий, представляет из себя настолько прочную систему, что, с одной стороны, характер ее изменений в значительной степени обуславливается его строением (вероятно весьма сложным), с другой — не может меняться под влиянием неуправляемых воздействий со стороны меняющейся среды. По отношению к изменчивости генов принцип «куда ветер дует» совершенно не приложим. Напомним, что гены, непосредственно соприкасающиеся друг с другом в хромозоме, не теряют при этом своей индивидуальности.

Прежде, чем заняться вопросом о связи революционного марксизма с защищаемой нами точкой зрения, бросим взгляд на состав четвертой группы. Из стариков сюда следует отнести Вейсмана. Несмотря на то, что мы не можем уже принимать всех теоретических представлений этого великого ученого, произведшего в свое время целую революцию в консервативных умах биологов, мы все же считаем, что Вейсман является главой нашей группы, так же, как Ламарк — первой, Морган — второй и Спенсер, а впоследствии Каммерер, — третьей. Отрицая соматическую индукцию, Вейсман признавал экзогенетические причины изменений зародышевой плазмы. Из современных экспериментаторов, работающих в этом направлении, наибольшей известностью пользуется Тоуэр, именем которого без всякого основания любят прикрываться механистамы. Опыты Гайера и Смиса с воздействием на ген, связанный с образованием хрусталика, также относятся к области наших позиций, а вовсе не ламаркистских. Здесь мы имеем непосредственное химическое воздействие на половые клетки и, быть может, передачу самого реактива потомству.

Работу Б. М. Завадовского с влиянием гормона щитовидной железы на половую нужно также отнести в эту категорию. Б. М. делает следующий вывод из своих опытов: «Таким образом, мы имеем в этих опытах факты, указывающие непосредственно на концентрацию избыточных количеств тироксина в яичниках и в созревающих желтках и косвенно оправдывающие наши ожидания, что такое накопление специфически действующих веществ, какими являются гормоны, не может не отразиться на судьбе развивающихся яиц и зародышей».

К сожалению, я не могу ничего сказать о работах тов. Косминского, которого, по видимому, мы имеем право включить в нашу группу. Результаты работы по экзогенетическим воздействиям на генотип мне неизвестны, но направление их дает право ожидать для нас много интересного. Работы эти производятся в институте экспериментальной зоологии, во главе которого стоит профессор Н. К. Кольцов (относимый нами ко второй группе), и не встречаются там враждебного отношения. Нетерпимость морганистов на деле не столь велика, как фанатизм многих ламаркистов. Пользуясь случаем указать, что высказанное мною однажды соображение, что «профессора Кольцова надо бить его собственным оружием», было обращено к ламаркистам, выдвинувшим против моргано-менделеевской теории свое жалкое первобытное оружие. Выражение это, как мне известно, было впоследствии истолковано совершенно неверно.

Надо сознаться, что число ученых-экспериментаторов генетиков-эпигенетиков сравнительно очень невелико. Довольно велико, вероятно, число теоретических сторонников защищаемой позиции (к числу которых я отношу и себя), но особенно значительны кадры кандидатов в генетики-эпигенетики. Как мы уже говорили, многие биологи менделисты являются аутогенетиками лишь потому, что нет достаточно убедительных фактов в пользу экзогенетического характера геновариаций. С ростом экспериментальных данных четвертая группа будет быстро погоняться левыми сторонниками; материалистическая часть второй группы будет сближаться с четвертой, и, быть может, с ней сольется, но об этом скажем несколько слов в заключение. В то время, как ко второй группе примыкают биологи-специалисты, третьей

группе сочувствует очень много марксистов не то по инерции, не то по недоразумению (неправильная информация). Насколько крепко убеждение, что материалист обязательно должен признавать наследование приобретенных признаков, можно видеть, например, из предисловия к посмертному изданию работ Исаева. В предисловии (от гиза, а не от редакции), указывается, что Исаев — исследователь очень добросовестный и безусловный материалист, но взгляды у него еще очень не установившиеся. На ряду с его материализмом и большой осторожностью в обобщениях, он вдруг высказывает странный взгляд, будто бы приобретенные изменения организма по наследству не передаются. Материалист — и против наследования приобретенных признаков! Мы глубоко убеждены, что мало-по-малу тузан ламаркизма будет рассеиваться и в марксистских кругах, и четвертая группа будет пополняться за счет третьей. В данное время немногочисленная, она имеет большое будущее. Успехи генетики приведут в ее ряды новых сторонников. Но почему актогенетики-менделисты считают свою точку зрения наиболее согласующейся с духом революционного марксизма? Революционный марксизм в противоположность историческому фатализму, характерному для современной социал-демократии, хвостизму и ликвидаторству, придает огромное значение активному вмешательству в исторические события. Дух академического марксизма чужд революционному ленинизму. «Настоящий идеолог идег впереди стихийного движения, указывая ему путь, умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные» элементы движения стихийно наталкиваются» (Н. Ленин).

Вот почему мы не можем примириться с пассивным аутогенезом. Но, с другой стороны, нам еще более чужд идеалистический подход буржуазных историков. Мы не народники, не анархисты и не утопические социалисты. Вера в возможность направлять ход исторического развития куда вздумается давно уже опровергнута теорией исторического материализма. Мы признаем, что система оказывает определенные сопротивления внешним воздействиям и не так-то легко поддается всякому влиянию. Марксист, в противоположность идеалистическому теоретику, не признает уже безграничной пластичности общественной системы. Пора и при решении биологических (также, как и других естественно-научных проблем) отказаться от стародавней веры во всепроникающую силу внешних изменений. Многие внешние изменения не затрагивают основных начал, управляющих историческим развитием, также и фенотипические изменения не могут служить для нас исходным пунктом коренных преобразований. Идеалистический взгляд на всеобщность внешнего воздействия, как тега, фаталистический аутогенез, как антитеза, и экзогенетический (а стало быть и активный) подход к вопросу об изменениях генов, как стойких систем, имеющих сложное историческое прошлое, — как синтез! Революционный марксист может смело принять моргано-менделеевский взгляд в области наследственности, а в области геновариаций он должен бороться с пассивным аутогенезом, защищая научный (не утопический) актогенез (согласующийся с нашей общей философской системой).

Тов. Серебровский настолько близок к четвертой группе (он вполне допускает возможность со-временем научиться изменять гены), что разногласия наши сводятся лишь к вопросу о причинах нормального хода изменения

зародышевой плазмы. Элемента пассивности в его взглядах нет, так же, как и идеалистической простоты в решении сложнейших вопросов. Поэтому в защите моргано-менделеевской теории мы можем с ним действовать рука-об-руку. Блестящее сравнение диалектического подхода революционного марксизма к общественным вопросам с диалектическим развитием биологических представлений принадлежит тов. Серебровскому, и я считаю необходимым привести его мысли полностью. Оговариваюсь только, что не исторический материализм следует противопоставлять утопическому (идеалистическому) социализму, а фаталистическое его понимание. «Наконец, в ответ тем, кто утверждает, что моргано-менделеевская теория наследственности чужда марксизму, я бы хотел отметить удивительный параллелизм истории развития, с одной стороны, марксистской идеи, с другой — идеи генетики. Мы знаем, что в свое время утопические социалисты выставляли свою тезу о том, что мир социальный может быть легко изменен в соответствии с нашими желаниями, нашей программой, которую мы себе ставим, стоит только найти богатого банкира, который даст денег, и т. д. В качестве антитезы на эту наивную тезу мы имеем учение исторического материализма, который показал, что социальные изменения происходят не так легко, не по желанию какого-нибудь добродетельного прозелита-банкира, а по своим собственным внутренним законам, по мере того, как хозяйственные отношения в обществе претерпевают те или другие изменения. И, наконец, в качестве синтеза мы получили революционный марксизм, который говорит о том, что все-таки, несмотря на различие этих вполне закономерных элементов развития общества, мы можем на них влиять, если будем влиять не на добродетельных банкиров, а захватывать банки, захватывать власть, армию и т. д. Совершенно параллельную этому диалектику мы видим сегодня в биологии. Вместо наивной точки зрения, которая утверждала, что наследственные элементы можно менять очень легко, возникла антитеза, которая утверждала их независимость, невозможность их изменить; а теперь мы приближаемся к синтезу, говоря, что, вероятно, и гены можно будет изменять, если только мы научимся понимать, на что и как нужно действовать. Если мы не добились результатов, то лишь пока, но для этого мы должны предварительно стать хорошими морганистами».

Параллель, проводимую тов. Серебровским, можно приложить, с одной стороны, к истории развития биологических представлений в XIX веке, когда синтез наивно ламаркистского эволюционизма и консервативной точки зрения большинства ученых дал научных трансформизм, составляющий основу наших современных представлений в этой области; с другой стороны — к борьбе, происходящей в XX веке уже на более глубоких позициях. Развитие генетики поставило нас лицом к лицу с проблемой ауто или эктогенетического характера геновариаций. Я считаю, что синтез, проводимый тов. Серебровским между неоламаркистским взглядом на изменчивость зародышевой плазмы и лотспанским убеждением в их неизменности, делает много чести тем и другим, но об этом, так же как и о происхождении дарвинизма и неоламаркизма, поговорим подробнее в конце доклада.

Сравнительно с т. Серебровским, Б. М. Завадовский занимает несколько более неопределенную позицию, тем не менее, я не считаю возможным подходить к нему, как к эклектику. Признание им наследования некоторых

фенотипических изменений, касающихся с одной стороны — случаев параллельной индукции, с другой — воздействия на потомство химических реагентов, выработанных родительским организмом при изменении определенных его частей, а также возможности передачи этих реагентов, например, антител, следующим поколениям вовсе не является ламаркизмом, от которого, к сожалению, он отличается недостаточно резко.

«2. Синтез ламаркистских и неоламаркистских концепций лежит в том, чтобы признать эволюционный процесс функцией, как внутренних, так и внешних факторов с преобладанием в пользу первых, но при этом, отнюдь не забывая, что эти эндогенные факторы не представляют собою какие-то особые принципиальные отличные абсолютные сущности. Внутренние факторы в конечном счете есть не что иное, как аккумулярованное во времени влияния той же материальной среды, из которой первоначально зародилась сама жизнь».

И далее: «5. Не разделяя и не принимая остроты противопоставления эпигенезиса и преформизма, моя точка зрения больше и теснее примыкает к преформизму, поскольку этот последний значительно больше и прочнее обосновывается известными нам фактами биологии; но принимаемый нами преформизм лишь формально совпадает с тем преформизмом, который дан, допустим, в формулировке автогенеза у Филипченко, поскольку у нас отсутствует та догматизация автогенных факторов, которая свойственна ученым, привыкшим мыслить понятиями формальной логики. Мой преформизм не исключает, но включает свои линии связи с эпигенетическими фактами». («Дарвинизм и марксизм» стр. 108 — 109).

Если смотреть на зародышевую плазму, как на результат исторического развития под влиянием эктогенных факторов, а мы так и смотрим на гены, то выражение Б. М. «аккумулярованное во времени влияния» вовсе не представляет из себя чего либо замысловатого, а тем более нелепого, как это кажется тов. Островскому («Диск. сборн. эпиген. и преф.», стр. 68): «Но особенно шикарно звучит тирада: «Аккумулярованное во времени влияния среды». Очень бы хотелось у поборника «фактов» хоть один пример в разъяснение сего механизма...».

Странно, как это эпигенетик не понимает того, что к системе, изменяющейся под влиянием целого ряда внешних воздействий, как бы запечатленных в ее строении, может быть применено выражение «аккумуляция влияний». Здесь, конечно, простое недоразумение. Мне кажется, что Б. М. не очень далек от нашей группы, хотя он себя и не признает определенно неоламаркистом. Свое отхождение к монополии на материализм, так шумно защищаемой неоламаркистами, он высказал совершенно ясно: «Идеологическое разделение мировоззрений по линии «материализм и идеализм» совершенно не совпадает с линией раздела двух борющихся в биологии лагерей: ламаркистов и неоламаркистов». Конечно, разделение это неправильно, но от этого мы не собираемся ослаблять своего натиска на ламаркистские позиции.

Бросим теперь взгляд с точки зрения четвертой группы на достижения в области активного вмешательства человека в дело преобразования органического мира. В области отбора человечество достигло, особенно за послед-

нее время, огромных результатов. Селекция стала уже на прочную научную базу. В вопросе о планомерном воздействии на развитие фенотипа агрономия в широком смысле слова, медицина и педагогика делают немалые успехи — нарождается научная евгеника. На третьей ступени сверху идет бурный период роста генетики. Менделизм дал научную основу гибридизации. Власть человека над образованием помесей (соединений различных генотипов) уже достаточно велика. Пользуясь законами больших чисел, можно уже предвидеть числовые отношения в образовании комбинаций. Наконец, в основном ярусе — в мире генов — мы стоим на пороге важных открытий и бодро смотрим в будущее.

Применяя к различным фазам развития органического мира различные методы (в противоположность ламаркистскому принципу однородного действия внешних факторов «прямо и насквозь»), мы не видим теоретических преград для возможности овладения всеми этапами трансформизма. Хотя мы и считаем, что изменение генов зависит главным образом от их строения и что внешнее воздействие имеет дело с системой, сложившейся в течение долгого исторического развития, все же мы думаем, что в конце концов возьмем в руки и эту мало доступную для нас систему и научимся управлять ею так же, как и физико-химики не теряют уверенности когда-нибудь овладеть механизмом атомов.

5. Диалектика в развитии биологических представлений.

Постараемся подвести теперь итоги всему сказанному и выявить ту линию фронта, по которой, по нашему мнению должна и, мы уверены, будет вестись идейная борьба между основными течениями современной научной биологической мысли, оплодотворенной принципами революционного марксизма.

Если мы бросим взгляд на предложенную схему, то не трудно заметить, что группировки наши в общих чертах соответствуют историческому ходу развития биологии. Подходя критически к смене различных руководящих принципов, лежавших в основе биологических представлений, сменявших друг друга в течение последних ста лет, мы без труда обнаруживаем ясную диалектичность этого процесса. Диалектика в развитии биологических представлений в разные периоды настолько ясна, что спор, по нашему мнению, может быть лишь о некоторых частностях.

Разумеется, биологические представления, как часть идеологической надстройки, теснейшим образом связаны с эпохальным базисом, но нам, к сожалению, приходится здесь обойти эту интереснейшую проблему, оставив анализ ее до другого раза.

Какова же историческая роль первой группы? Мы берем первый период ее, когда Ламарк и Жофруа-Сент-Илер вступили в открытую борьбу с традиционными, застывшими представлениями (надо сказать, что принцип постепенного развития органического мира уже до них высказывался некоторыми натуралистами XVIII века, например, Бюффоном, но без теоретического обоснования). Такие представители второй группы, как Коп, относятся уже к периоду борьбы с дарвинизмом, и роль их в отношении общих вопросов безусловно реакционная. Эволюция есть результат непрерывной

изменчивости не мог удовлетворить всех биологов последующего периода. передаются потомству, так что органические формы представляют собою непрерывно текущую массу. Представление о такой абсолютной неустойчивости форм встречало отрицательное и, можно сказать, враждебное отношение со стороны большинства естествоиспытателей. Кроме элемента консерватизма и самые факты говорили против текучести и за известную устойчивость форм. Систематики указывали на то, что хотя индивидуальные изменения могут быть очень значительны, но в массе все они колеблется около известной типичной величины, и признаки вида являются вполне определенными. Трансформизм, построенный на базе индивидуальных изменений, находящихся в полной зависимости от внешних условий, был мало убедителен для специалистов, а неопределенность и необоснованность утверждений, выставившихся, как доказательства существования непрерывного эволюционного развития, совершенно дискредитировали идеи первых трансформистов.

Но не следует думать, что против эволюции, понимаемой таким образом, возражали одни лишь сторонники неизменности органического мира со времени его творения. Кювье, величайший биолог того времени, не отрицал естественной смены одних форм другими. Учение о повторных актах творения принадлежит не ему, а его последователям. Во всяком случае, представление об определенности форм нужно считать тезой, а идею эволюции и непрерывной, текучей изменчивости — антитезой. Синтезом было великое учение Дарвина-Уоллеса.

Разрешение вопроса об общем ходе трансформизма, лишенное мистической подкладки, а также простое объяснение удивительной приспособленности организмов, служившей аргументом премудрости творца, сразу нашло горячее признание прогрессивных кругов естествоиспытателей середины XIX столетия; учение Дарвина быстро распространилось также и в широких кругах не специалистов. Обширное количество фактического материала из различных областей биологии, а, главное, гениальный принцип естественного отбора в борьбе за существование привели к торжеству идеи трансформизма. Но, если в вопросе о фактах, регулирующих развитие органических форм, приспособленных к условиям жизни, Дарвин внес ясность, не потускневшую до сих пор, то в вопросе изменчивости и наследственности он, как мы уже указывали, стоял на точке зрения суммирования случайных индивидуальных уклонений. Но необходимо подчеркнуть, что Дарвин обратил также внимание на существование мутаций (резких уклонений) и, безусловно, резко различал индивидуальные изменения, не передаваемые по наследству, от наследственных. Основной подход Дарвина к вопросу об изменчивости не мог удовлетворить всех биологов последующего периода.

Проблема изменчивости, лежавшей в основе трансформизма, продолжала занимать многих выдающихся биологов конца XIX столетия. Напомним, что еще Карл Бер считал наследственную изменчивость скачкообразной и противопоставлял ее случайным уклонениям: «Отсюда вытекает с несомненностью, — говорит он («Всеобщий закон природы, проявляющийся во всяком развитии», 1834 г.), — что те изменения, которые вызваны случаем, или каким-нибудь внезапным внешним воздействием, ни в малейшей степени не изменяют общего типа потомства. Напротив, каждое, возникающее при обра-

зовании самой особи, уклонение от нормы передается дальше при размножении. Но остро этот вопрос стал лишь в конце столетия. Коржинский и де-Фриз выдвинули гетерогенный, или мутационный, характер изменений, лежащих в основе трансформизма. В противовес представлению о накоплении мелких уклонений выдвигались скачкообразные или гетерогенные изменения. Казалось, что вопрос идет об эволюционном или революционном ходе развития, и Плеханов так и понял мутационную теорию де-Фриза, к которой и отнесся очень сочувственно. В свое время, оставаясь убежденным дарвинистом, я чувствовал непреодолимую симпатию к гетерогенной изменчивости, и старался разрешить вытекающие отсюда противоречия. Теперь мы можем смело сказать, что дарвинизм не только не поблек, но еще более укрепился после вскрытия истинного характера наследственной изменчивости. Но не надо думать, что взгляд, к сожалению еще встречаемый у многих марксистов, будто бы мутации — это какие-то скачки, подготовленные предшествующими влияниями (при чем такая перестройка организма отличается от обычной изменчивости лишь количественно), соответствует нашим теперешним представлениям. Представление о мутациях и их причинах сильно изменилось со времен, когда де-Фриз выдвинул их, как фактор трансформизма. Теперь мы знаем, что все дело в геновариациях. Ведь фенотип происходит не от родительского фенотипа. Но для развития современных генетических представлений требовались еще некоторые другие предпосылки.

Итак, классический дарвинизм, явившийся синтезом эволюционных идей и строго научного подхода к фактическому материалу, сам стал теозой; анти-теозой ему явился взгляд, переносивший наследственную изменчивость в зародышевую плазму и признававший прерывчатый характер наследственной изменчивости. В самом деле, если меняются определители, то зависящие от этого новообразования у потомства вовсе не связаны с особенностями родителей, и строгая постепенность изменений совершенно не требуется. В деле перенесения внимания на зародышевую плазму наибольшая заслуга принадлежит бесспорно Вейсману.

Так внутри второй группы родился неodarвинизм. Должен снова отметить, что историческая заслуга принадлежит лишь старикам из телеологической части второй группы: в данное время бергианство не имеет в себе ничего прогрессивного. Необходимо помнить, что в неodarвинизме мы имеем соединение строго материалистических принципов трансформизма, установленных Дарвином, с материалистическими же представлениями относительно характера наследственной изменчивости. Телеологическая часть взглядов антидарвинистов типа Коржинского и Бера совершенно отпала, а с другой стороны, традиционный и неудовлетворительный подход к вопросам наследственной изменчивости старых дарвинистов также был сдан в архив (в котором многие любят копаться и до сих пор). Представителей неodarвинизма мы находим как среди материалистов аутогенетиков, так и эктогенетиков. Можно было бы принять, что моргано-менделеевское ядро и есть синтез между классическим дарвинизмом и оппозицией в области наследственной изменчивости, или еще правильнее — синтез неodarвинизма и менделизма. Но, по определению т. Серебровского, в этом деле участвовали, с одной стороны, сторонники неизменности генов, с другой — неоламар-

кисты; что ж, станем на его точку зрения, тем более, что тогда за третьей группой можно будет признать хоть некоторое историческое значение.

На заре менделизма была склонность рассматривать гены, как неизменные единицы, но менделизм быстро вырос и освободился от грехов молодости, вернее — детской неразвитости. Вот эти-то представления младенческого менделизма и выставляются неоламаркистами московского издания, как антитеза к их модернизированным, но все же наивным представлениям. Сам неоламаркизм явился синтезом старого ламаркизма и современных научных достижений, а механоламаркизм можно считать оаматериалистиченным неоламаркизмом.

Развивался ли менделистический младенец под ламаркистским влиянием или мы имеем здесь случай педогенезиса — во всяком случае, здоровые черты юного отца безусловно доминируют над слабыми признаками поблекшей, хотя и молодой мамы. Откровенно говоря, менделизм мог бы развиваться аутогенетически, но т. Серебровский сам ввел в свою родовую неоламаркизм, как эктогенетический фактор выработки моргано-менделеевской теории. Сами механоламаркисты охотно говорят об этой борьбе и продолжают с шумом браться оружием против тени противника.

Перейдем теперь к четвертой группе. Я решаюсь определить ее происхождение, как синтез принципов революционного марксизма и новейших достижений в области генетики, при чем в вопросах, касающихся направления трансформизма, а также в области законов наследственности представители ее принимают моргано-менделеевскую теорию, являясь неodarвинистами-менделистами. Разумеется, группа находится еще в младенческом состоянии, теоретическая разработка ее платформы еще только зарождается, а в области фактических данных дело обстоит пока, надо сознаться, весьма не густо. Так как наиболее близкие нам представители второй группы работают в направлении, представляющем для нас огромный интерес, то мне кажется, что в вопросе более глубокого синтеза марксизма и научной генетики им предстоит еще сыграть большую роль. Я не согласен с т. Серебровским в том, что его взгляды являются таким синтезом, но я также не считаю, что эпигенетики-генетики хоть сколько-нибудь значительно исчерпали вопрос.

Сейчас — борьба, в которой необходимо широко использовать как острое оружие диалектики, так и экспериментальные данные в области изучения природы геновариаций. А так как изучение мы мыслим не как созерцание, а как творчество, то в сторону отыскания путей воздействия на зародышевую плазму и должно быть направлено наше внимание, тем более, что это чревато огромными практическими возможностями, открывающими перед нами новые перспективы.

Бросим последний взгляд на арену борьбы различных биологических течений и отделим мертвые (для нас) элементы от живых.

Основоположники первой группы выполнили свою историческую миссию, и за это им вечная память; а так как современные телеологические ламаркисты для нас никакого интереса не представляют, то можно поставить крест на всей первой группе. О телеологической части второй группы можно сказать то же и сдать их в тираж. Среди моргано-менделистической части

следует также произвести чистку. Филипченко, с его стремлением не обострять отношений с виталистами (к которым быть может, он и сам относится, так как агностицизм или беспринципность в этом вопросе делают его позиции неопределенными), для нас сам по себе интереса не представляет; в заслугу ему можно поставить только борьбу с пережитками наивного ламаркизма и популяризацию основ научной генетики.

Во второй группе остается материалистическое моргано-менделеевское ядро, полное жизненных сил. Марксисты, примыкающие к этой группе, или члены этой группы, примыкающие к революционному марксизму (т. Серебровский), являются для нас наиболее ценными противниками. Арена ценнейших научных достижений во всяком случае на ближайшее время будет в их руках.

На третьей группе я бы тоже с удовольствием поставил крест, но материалистам их нельзя совершенно игнорировать. В борьбе с витализмом они проявляют большую энергию, хотя надо сознаться, что архаические представления их в области наследственной изменчивости сильно дискредитируют защищаемые ими позиции. Успех их, в частности — в марксистских кругах, объясняется тем, что взгляды их соответствуют обычным представлениям не-специалистов и не противоречат тому, на чем основывались в свое время основоположники и классики марксизма (Энгельс, Плеханов). Группа эта живет еще отраженным светом и энергично его использует.

Уровень биологических знаний за последние пятьдесят лет чрезвычайно повысился или, правильнее, углубился; поэтому, с марксистским анализом надо подходить к свежему современному материалу. Как материалисты-эпигенетики механоламаркисты этому не чужды. Но вериги ламаркизма делают их для нас более, чем плохими союзниками. Надеемся, что группа эта постепенно рассосется — часть уйдет (быть может, уже уходит) в первую группу, другая — присоединится к нам. Оставляя их в стороне и считая четвертую группу хотя и юной, но вполне жизнеспособной, мы смело вступаем в бой за эктогенетический принцип происхождения геновариаций (понимаемый, разумеется, не в наивной форме) с материалистами-аутогенетиками, являющимися в этом вопросе, как и мы, неodarвинистами моргано-менделеевского толка. Мы уверены, что острому оружию современной генетики в боевых марксистских руках принадлежит блестящее будущее.

Прения по докладу М. М. Местергази

Слепков, В. Решающим материалом в обсуждении этого вопроса, конечно, являются факты, но из доклада товарища Местергази следует как раз, что с фактической стороны не совсем благополучно. Фактами, которые бы показали нам, в чем заключается причина изменчивости, фактами, которые бы нам доказали правильность той или другой точки зрения, такими истерпывающими фактами, мы не располагаем в настоящее время. Именно поэтому в большой степени круг проблем, поднятых товарищем Местергази, и представляет собою проблемы исключительно теоретического порядка, — проблемы, которые нужно ставить не на основании эмпирического материала, а на основе согласия или несогласия той или иной точки зрения с теми или

иными мировоззрениями. Мне кажется, что тут нужно выявить вот какие моменты. Если кто-либо отстаивает точку зрения, которая не удовлетворяет нашему материалистическому мирозерпанию, с этой точкой зрения мы никоим образом согласиться не можем. Вопрос идет о методологической роли той или иной точки зрения. Если брать круг вопросов, поднятых товарищем Местергази в докладе, то мы должны будем констатировать следующий факт: аутогенетический взгляд, который рассматривает как причину изменчивости процессы, происходящие внутри самой плазмы — этот взгляд не является материалистическим, потому что мы привыкли всякий процесс рассматривать, как причинный процесс, а если мы видим попытки изобразить дело таким образом, что эволюционная изменчивость происходит внутри зародышевой плазмы без видимых стимулов, то мы заявляем, что такая постановка вопроса есть чуждая материалистической точке зрения. Поэтому мы берем ее под сомнение и мы ее отвергаем. Этот взгляд в вопросе изменчивости не удовлетворителен, потому что он не удовлетворяет нашим общим представлениям, общей материалистической точке зрения. Тут ставились вопросы так: в какой степени он имеет отношение к эволюции, к эволюционным взглядам в целом. Мне кажется, что он имеет существенное значение. Филипченко стоит на точке зрения, в очень многих случаях, материалистической, он признает принцип отбора, он признает ряд выводов, которые следуют из этого принципа. В вопросе изменчивости он стоит на точке зрения аутогенеза, и эту точку зрения аутогенеза он приводит в конце концов к эволюции в целом. Филипченко говорит о постоянной роли момента отбора и момента аутогенетического и последнему обстоятельству он отводит очень существенное место. Этот факт доказывает, что, признавая в общем и целом эволюционную теорию и будучи материалистом, нельзя безразлично относиться к вопросу об изменчивости. Если это сделаешь, то тем самым изменишь свою концепцию.

Вот почему, товарищи, я считаю, что в эволюционной теории нельзя ставить вопроса таким образом, что нам нет дела до причин изменчивости. Другой вопрос, имеем ли мы определенные фактические данные относительно того, каковы причины изменчивости. Что касается этого, то мы вынуждены пока, не вдаваясь слишком глубоко в анализ конкретных данных, постулировать, что внешняя среда безусловно есть главенствующий фактор эволюционного процесса, что эта внешняя среда вызывает изменчивость, потому что этого требуют наши причинно-материалистические установки. Естественный отбор, это — живое воздействие среды.

Дальше я хотел остановиться на следующем моменте. Меня не удовлетворяет и постановка вопроса об эволюционном процессе у генетиков. Как они себе представляют процесс эволюции? Они себе представляют так, что есть генотипы и есть фенотипы. Прохождение этих генотипов и есть эволюция, а все фенотипы это не есть настоящее, что-то постоянное, это — что-то такое, что в эволюционном процессе не играет роли. Это приводит к опасной парадоксальной формулировке, что эволюция настоящего реального организма, который мы с вами наблюдаем, — это не есть эволюция. Эволюция — это есть те процессы, которые совершенно невидимы для нас, и с известной точки зрения — абстрактный процесс. Это и есть настоящая эволюция, это и есть самый центр эволюционного

процесса. Я не берусь конкретно анализировать эти взгляды. Я говорю, что такой уклон, такой узко генетический уклон в трактовании эволюционного процесса, приводит к такой, как я выразился, парадоксальной формулировке. Товарищи, мне кажется, что мы должны всячески подчеркнуть ту роль, что соматический фенотип в процессе эволюции безусловно играет роль; но какую роль, это другой разговор. Мне кажется, что есть ряд данных, пока не совсем определенных, я их только перечислю, которые говорят насчет того, что соматическая и зародышевая плазма — это не такие уже подлюсы.

Тов. Местергази приводил здесь следующий факт, факт, про который очень часто забывают, что зародышевая плазма не есть достояние только половых клеток, что зародышевая плазма свойственна всей соматической клетке, что каждая клетка наделена зародышевой плазмой. И уже одно это обстоятельство заставляет нас призадуматься над вопросом, действительно ли половой путь представляет собою главный в организме, и что в нем только сосредоточена наследственная масса организма.

Следующее, что заставляет нас подчеркнуть роль соматического фенотипа в эволюционном процессе, это момент, который подчеркивал здесь товарищ Местергази, это то, что данный признак порождается не отдельным геном, а целым комплексом генов. Тов. Местергази совершенно правильно подчеркнул, что нет отдельных генов, есть коллективы генов, комплексы генов, связанная система, которая вместе действует. Это обстоятельство в высокой степени подчеркивает ту мысль, что зародышевая плазма не есть нечто изолированное от соматического. Понимать ее как некую абсолютную абстракцию нельзя.

Еще пара мыслей такого порядка: что, ведь в сущности, фенотип — это находится в связи с тем, что я раньше говорил — есть не что иное, как реализованный генотип. Рассматривать фенотип как что-то постороннее и заявлять, что, в конце концов, это единственная самая надежная реальность, которой мы манипулируем, никоим образом нельзя. Фенотип есть реализация генотипа. Этот факт в ряде других, мне кажется, доказывает, что никоим образом нельзя отрывать фенотип от генотипа, никоим образом нельзя успокаиваться на тех схемах, которые имеются в распоряжении генетики относительно того, что есть зачатковый путь, с одной стороны, и фенотип — с другой, которые друг с другом находятся в таком странном отношении, когда один — все, а другой — почти ничто.

Левит, С. Г. Я почти целиком согласен с докладчиком. Поэтому возражать по существу я не буду, а задам только несколько вопросов для уточнения отдельных формулировок.

Докладчик очень хорошо здесь отделяет то, что есть существенного и главного в дарвинизме, от тех примесей, которые не играют существенной роли. Но то же следует сделать и с ламаркизмом. Ламаркизм состоит из разных частей, и если нужно откинуть «стремление к правильной градации», о котором писал Ламарк, если нужно откинуть наследование упреждения органов, если, как вполне правильно тов. Серебровский выставил еще в прошлом году это положение, поиски всюду адекватных изменений попадают в витализм, то этим еще ламаркизм, как таковой, не исчерпывается, необходимо помнить, что принцип влияния внешней среды на организм наиболее четко и рельефно выражен все же в ламаркизме. И в этом смысле говорить о ламаркизме, как о чем-то включенном в дарвинизм, безусловно

следует. Как будто докладчик и не говорил против этого, а только дает некоторую другую формулировку.

Дальше я хотел бы обратить внимание на вопрос о наследовании приобретенных признаков. Ведь точка зрения докладчика, если я ее правильно понимаю, не говорит против постановки этого вопроса. Она говорит лишь против такой постановки вопроса, как это делают ламаркисты, которые всюду ищут адекватных изменений. Но если вы скажете, что вот, нагревая, скажем, кожу организма лучами солнца, вы получаете, допустим, некоторые изменения в печени, которые затем наследуются (т. Местергази: «Четвертая группа»), то это будет правильная постановка вопроса о наследовании приобретенных признаков, но только в другом, видоизмененном и, если так можно выразиться, облагороженном виде.

Я хотел бы и другое замечание сделать. Теория адекватности не только виталистична, но и механистична. Нам никак иначе нельзя представить себе эту адекватность реакции, как только мысля организм, как некоторую количественную арифметическую сумму отдельных органов. Если представлять себе организм, как некоторую количественную сумму отдельных органов, тогда будет логически правильно предполагать, что воздействие на данный орган даст изменение обязательно того же органа. Но, ведь, мы говорим об организме, как о некоторой единой системе, в которой отдельные органы и ткани связаны между собою не только механически, но и целым рядом связей биологического характера.

Шмидт, Г. А. Я хотел бы остановиться на некоторых частных вопросах доклада. В этом докладе, прежде всего, очень резкое противопоставление тому спору, который в прежнее время велся — наследственность или воспитание. Докладчик выясняет, что весь вопрос здесь идет о фенотипе и генотипе, и очень резко отмежевывается от вейсманизма. Эту последнюю сторону нужно особенно подчеркнуть, хотя за краткостью времени докладчик не успел на этом вопросе походить остановиться (т. Местергази: «Великий старик, но старик»). Он говорит на этот счет: небольшое количество генов и масса условий для их формирования. Здесь он вполне отрицает то, что говорил в свое время Вейсман в своем учении о полноценности половой плазмы и неполноценности плазмы соматической. Вейсман основывал свое учение на ряде фактов, особенно на фактах зародышевого развития, раннего формирования половых клеток, на фактах т. н. детерминированного дробления, когда в дроблении отдельные клетки являются зачатками определенных органов. Но то толкование, которое этому дал Вейсман, это его собственное толкование. В последнее время описан объект из группы, имеющей детерминированное спиральное дробление, у которого, однако (см. Waididae), все бластомеры дикокомплексуются, плавают в жидкости бластоцеля, затем складываются в общую кучу клеток. Здесь уже о детерминации говорить не приходится, т. к. развитие зачатков является функцией положения данного клеточного комплекса. Этот факт подкрепляет позицию докладчика. Докладчик точно так же резко протестует против на деле уже оставленного взгляда на генотип, как на собрание представителей.

Теперь относительно генотипа. Приходится иметь дело с такими случаями, где определенно можно сказать, что во внешних условиях, в

сложной причинной зависимости — источник изменчивости, но это еще не говорит за то, что эта изменчивость пойдет в определенном направлении. Может быть, в одном направлении количество вариаций будет больше, чем в другом. Докладчик решает встать на эту точку зрения, эта точка зрения не является такой, какую мы видим у Берга и других. Иногда, действительно, можно предполагать, что внешнее воздействие влияет на изменчивость, кривая изменчивости изменяется в одну сторону. В этом самом трудном вопросе, в вопросе о причинах геновариаций, такие факты помогут разобраться. Важно отметить, что данное изменение находится в сложной зависимости от внешних воздействий.

Последний вопрос, который докладчик ставит и который потребовал бы специального исследования, — это относительно социальных корней ламаркизма. Вопрос этот сложный. Относительно дарвинизма некоторые работы намечаются, но выкинуть лозунг «назад к Ламарку», не учтя его социальных корней, по меньшей мере, странно. Именно у Ламарка мы имеем феодализм во всем его учении — и в первом законе, и во втором законе о влиянии некоторых обстоятельств. Как известно, один из вождей механо-ламаркизма поставил вопрос: «Рабы ли мы прошлого или творцы будущего»? Конечно, это одни фразы, а как он понимает строительство будущего — из этой фразы не видно. — Я думаю, что в дальнейшем, может быть, эти частные вопросы на особых дискуссиях могут быть выяснены.

Косминский, П. А. Я больших замечаний к докладу делать не буду. Положение, которое высказал докладчик, я в свое время высказал в печати, так что, в общем, наши мнения не расходятся. Я хочу только сказать, что, может быть, получилось несколько оптимистическое представление из доклада относительно фактического материала, который имеется по этому поводу. В смысле фактического материала здесь обстоит не блестяще. Те опыты, на которые ссылался докладчик, опыты Тоуэра — они требуют проверки, прежде всего, генетической. Докладчик указывал на мои работы. Работы мои находятся в таких стадиях, что о них говорить не приходится. В общем, я считаю, что пока природа гена не известна, у меня нет оснований предполагать, что те изменения, которые происходят в генотипе, не такие, какие происходят в других органах.

Дучинский, Ф. Я выступаю в связи с тем, что А. С. Серебровский назвал меня механо-ламаркистом. Я не являюсь механо-ламаркистом, но нахожу, что, когда докладчик резко напал на механо-ламаркистов, он был не прав. Он выхватил одно место из их книги «Преформизм и эпигенезис», где сказано, что они не защищают и не отрицают метафизическую точку зрения профермизма. Мне как раз приходилось рецензировать эту книжку, и я на это место не обратил внимания. Мне казалось, что это была просто неудачная фраза. У меня было такое впечатление.

Что касается механо-ламаркистов, то тот же Т. Кузин меняет позицию. Он говорит, что существуют только длительные модификации. Признание же длительных модификаций — это одно, а признание наследования признаков — это другое. Позиция механо-ламаркистов не так резко отличается от той позиции, которую занимает докладчик. Докладчик говорит, что геновариации происходят в природных условиях, но каким путем — нам не ясно. Он допускает возможность, что экспериментально, путем влияния внешних факто-

ров, может быть, даже в условиях лабораторных, можно вызвать геновариации. Он себя выделяет в 4-ю группу, но я думаю, что точка зрения т. Серебровского, который отнесен ко 2-й группе, не отличается от точки зрения докладчика. Тов. Серебровский также допускает возможность появления геновариаций под воздействием внешних условий на зародышевую плазму. Я не знаю, в чем разница между второй и четвертой группами.

Что касается точки зрения механо-ламаркистов, то, как будто, она также не так резко отличается от точки зрения докладчика. Докладчик признает, что посредством экспериментального воздействия можно вызвать геновариации. Механо-ламаркисты говорят, что под влиянием внешнего фактора можно вызвать мутацию. Между третьим и четвертым столбцом можно провести соединяющие их линии. Я считаю, что точки зрения трех последних групп не расходятся так резко между собой, как хотел изобразить докладчик. Здесь обсуждается чрезвычайно сложная и трудная проблема. Едва ли можно говорить так, что одна точка зрения правильна, а другая неправильна. Это вопрос спорный.

Я хотел бы остановиться на некоторых положениях доклада, прежде всего, на критике дарвинизма. Мне кажется, что нет оснований так легко разделяться со стариком Дарвином. Многие его положения потом нашли подтверждение. Такова теория мутаций. Затем менделевизм дал сильное подтверждение дарвинизму. И когда докладчик говорит, что дарвинизм — это теория естественного отбора минус все прочее, — это неверно. Это неодарвинизм, который совпадает с дарвинизмом только в одном основном пункте, но не по всем линиям. Дарвинизм — это теория естественного отбора плюс воздействие внешней среды на изменчивость организмов. Дарвин чрезвычайно много фактов приводит в пользу видоизменяющего влияния окружающей среды на организм, приводит чрезвычайно много примеров из мира домашних животных и из растительного мира. И если Дарвин говорит о случайной изменчивости и не решает вопроса о причинах изменчивости, то это можно объяснить состоянием знаний в этой области в его время. Действительно, вопрос и тогда и сейчас остается нерешенным. Это заставило Дарвина говорить, что причины изменчивости нам неизвестны. Но в конечном счете, несомненно, Дарвин стоял на точке зрения видоизменяющего влияния внешних условий, в частности, даже признавал влияние упражнений на изменчивость организмов.

Я хотел бы отметить в речи докладчика еще один пункт. Он разделяет автогенетиков на две категории: с одной стороны автогенетики, которые признают изменение генов, но не признают автогенетического развития органического мира, направления эволюции в определенную сторону под влиянием изменения генов. С другой же стороны те автогенетики, которые признают подобное автогенетическое направление эволюции. Если автогенетики признают изменение генов под влиянием каких-то внутренних причин, то как же они объясняют определенное направление линий в эволюции? Если быть последовательным автогенетиком, нужно стоять на точке зрения автогенетических процессов в эволюции. Если не изменяется ген под влиянием внешних причин, то он подчиняется внутренним причинам, и вся эволюция протекает под влиянием внутренних процессов. Не знаю, как можно роль влияния внешней среды в эволюционном развитии организмов свести

только к роли естественного отбора, как это делает докладчик. Роль внешней среды гораздо более солидная, более глубокая. Она влияет не только в смысле естественного отбора, не только способствует отбору между различными организмами, но оказывает и другое влияние. В чем это влияние — в немногих словах трудно сказать. Свою точку зрения я не предполагаю сейчас высказать. Может быть, сделаю это в специальном докладе.

Волоцкий, М. В. Нужно иметь в виду, что если у нас нет экспериментальных доказательств того, что результаты упражнения органов могут иметь наследственное значение, то у нас нет также и данных для безусловного отрицания такой возможности. Вообще, может быть, весь этот вопрос не так-то легко разрешить при современном состоянии наших методов исследования. Обуславливается это тем обстоятельством, что по сравнению с теми процессами, которые имеют место в природе, экспериментальные воздействия оказываются слишком кратковременными. Обычно последнее обстоятельство пытаются компенсировать тем, что для эксперимента берут органические формы, отличающиеся быстрой сменой поколений. Однако, в данном случае, этим приемом указанное затруднение не может быть устранено, так как у нас нет никаких оснований полагать, что организмы с быстрой сменой поколений соответствующим образом быстрее же способны и эволюционировать. Наоборот, мы знаем, что многие формы прошедшие очень длинный путь эволюционного развития, например, высшие млекопитающие, включая сюда человекообразных обезьян и человека, отличаются в то же время очень медленной сменой поколений. Все это говорит за то, что, выбирая для эксперимента организмы с быстрой сменой поколений, мы не имеем никаких оснований полагать, что по отношению к ним может быть сокращена и продолжительность внешних воздействий, предназначенных для вызывания более или менее устойчивых наследственных изменений. Что же касается временных наследственных изменений, вызванных влияниями окружающей среды, то они столько раз описывались различными авторами, что игнорировать их, это значит идти против фактов. Я имею в виду те так называемые «длительные модификации» и сходные с ними изменения, которые были получены Иоллосом, Вольтерком, а по отношению к млекопитающим — Пшибрамом, Семнером, П. П. Сахаровым и рядом других исследователей. Все эти работы, если и встречали по отношению к себе возражения (Морган, Филипченко), то лишь чисто словесного, а не фактического порядка. Все указанные выше исследования показывают, как приобретенные изменения организма, будучи раз вызваны, наследуются затем, правда, в быстро убывающей степени, в течение 2—3 поколений. При более продолжительных и интенсивных воздействиях можно даже наблюдать явления «наследственной аккумуляции» и т. п. Как можно судить по докладу тов. Местергази, он, по видимому, не склонен считаться со всеми этими фактами. Во всяком случае, чтобы выяснить положение, я позволю себе задать тов. Местергази вопрос: почему он в своем докладе совершенно не коснулся многократно подтвержденного и ни разу не опровергнутого факта длительных модификаций (который имеет непосредственное касательство к теме его доклада), и каково его отношение к этому факту?

Серебровский, А. С. Список оппонентов исчерпан. Я позволю себе взять слово.

Докладчик несколько раз затруднялся, к какой группе биологов отнести меня, и отнес в конце концов ко второй группе. Но я хотел бы вкратце сформулировать некоторые положения современной генетики для того, чтобы показать, что меня и, конечно, большое число других генетиков можно называть автогенетиками с известными оговорками.

Первая оговорка вот какая. Прежде всего, когда мы говорим о внутренних причинах мутаций, то мы имеем в виду только ту категорию мутаций, которые носят название, по последней терминологии моргановской школы, трансонаций, т. е. изменение хромозом в их определенных пунктах. Но наряду с этими мутационными изменениями мы имеем ряд других мутационных изменений, которые не являются изменениями в определенных пунктах хромозомы, и вот в этой области генетика установила возможность вмешательства внешних условий. Таковы явления нарушения правильности митозов с последующим изменением числа хромозом, возникновением полиплоидии и т. д. Здесь внешние условия играют большую роль, и поэтому если мы допускаем автогенез, то только в отношении определенной частной группы мутационных процессов. Далее, необходимо подчеркнуть, что автогенез рассматривает ход эволюционного процесса, т. е. процесса исторического, а не только физиологического (возникновение изменений признаков). В связи с этим, очевидно, еще подлежит разрешению вопрос, какие, собственно, мутационные изменения играют роль в эволюции. Может быть, мутации именно типа определенных точек, трансгенации, играют роль в эволюции, может быть, другие, может быть, и те, и другие и т. д. Поэтому если, напр., окажется, что трансгенации не играют роль в эволюции, то, собственно говоря, мы по этой классификации не будем автогенетиками, а будем эктогенетиками. Но так как лично я думаю, что в эволюции играют роль различные мутационные явления¹⁾, то я являюсь автогенетиком именно в том проценте, в каком проценте трансгенации играют роль в эволюции. Это первое замечание.

Теперь второе замечание: о нашей позиции в отношении к причинам этих трансгенационных изменений. Вопрос идет прежде всего о том, есть ли какие-нибудь общие соображения, которые заставляли бы нас держаться внешнего источника трансгенаций, а не внутреннего источника. Здесь, конечно, можно многое говорить и за, и против, но можно наметить один источник соображений, который может нас заставить думать, что, по крайней мере, в современном и достаточно высоко организованном организме эти внешние причины более или менее устранены из влияния на гены. Совершенно отчетливо видно, что эволюция всех существ, особенно более сложных, направлена все время в ту сторону, чтобы оградить себя от влияния внешних условий. Постоянство температуры, замечательный буферный механизм крови, кожные покровы и пр. приспособлены для того, чтобы защищать организм от влияния внешних условий. И так как наследственные свойства являются наиболее ценными свойствами организмов, то ясно, что они защищены в достаточной степени от различных внешних влияний.

¹⁾ См. мою статью „Хромозомы и механизм эволюции“. — Успехи Биологии, 1926, т. V, в. I.

К этому вопросу нужно подходить исторически, вполне допуская, что первобытные элементарные существа мутировали под влиянием внешних условий, но что теперь гены организмов в большей степени ограждены от влияния внешних условий. В какой степени это ограждение достигнуто? Здесь уже вопрос не теории, а практики. Практически мы констатируем, что в настоящее время экспериментаторам ни при каких условиях не удастся экспериментально вызвать трансгенации. Вот основное. Если будут собраны факты, которые покажут, что трансгенации могут происходить под влиянием внешних условий, то мы сейчас же станем на эту точку зрения, потому что принципиального спора здесь никакого нет.

Относительно второй и четвертой групп я должен сказать, что они не исключают друг друга и что между ними возможен известного рода синтез. Дело в том, что когда мы говорим об эволюции, то мы рассматриваем те процессы, которые происходят *в природе*. У химиков идет такой же спор, изменяются ли химические элементы или нет. Теперь опыты показали, что химические элементы могут быть разрушены влиянием очень сильного экспериментального воздействия. Но значит ли из этого, что и в природе элементы изменяются под влиянием внешних воздействий? Нет, это не значит, хотя мы научаемся разрушать атомы по нашей воле. Если мы научимся воздействовать на гены и вызывать трансгенацию, в чем я не сомневаюсь, то это вовсе не будет служить доказательством, что *в природе* трансгенации происходят от внешнего воздействия. Таким образом, мы откажемся от нашей автогенетической позиции по отношению к трансгенациям только тогда, когда будет доказано, что *в природе* эти трансгенации происходят под влиянием внешних условий. В пользу этого фактически пока нет никаких показаний, и мы, как ученые, обязаны стоять на той точке зрения, что трансгенации в природе (как и в лаборатории) идут без воздействия внешних условий. Если хотите, это точка зрения условная, но мы будем защищать ее до тех пор, пока не будет установлено фактов, которые заставили бы нас изменить нашу позицию.

Заключительное слово М. Местергази

Товарищи! Я очень доволен, что предложенная мной схема группировки основных биологических течений в области трансформизма в общем не встретила возражений. Задачей своей я ставил выяснение позиций, на которых должна, по моему мнению, вестись работа, — борьба среди марксистов-биологов и, в частности, среди марксистов-биологов нашего кружка здесь, в стенах Комм. Академии.

Повторяю, я старался расчистить лишь плацдарм по затронутому вопросу, а вовсе не вел еще атаки на серьезного противника.

Быть может, создалось впечатление, что я, почти не критикуя автогенетиков-менделистов, на продолжении почти всего доклада главные удары направлял против ламаркистов. Дело в том, что задача выделения наиболее серьезного противника потребовала также чистки рядов эпигенетиков; поэтому в мою прямую задачу входило точное выявление собственной позиции, путем резкого отмежевания от неоламаркизма, пользующегося еще более, чем достаточным, влиянием в наших марксистских кругах. Прежде, чем

бороться в автогенетиками-менделистами (материалистами), необходимо рассеять туман ламаркизма в стане марксистов-эпигенетиков — вот почему я взял на себя эту, быть может, рискованную, но необходимую предварительную работу.

Определяя свою позицию, как синтез неодарвинизма и менделизма в сочетании с революционно-марксистским подходом, мы считаем, что наша задача — подвергнуть марксистскому анализу действительные основы современной биологии (в частности генетики); подчеркиваю — современной, понимая под этим уровень знаний и теоретические представления начала XX века, а не конца XIX, как это делают, обычно, старые марксисты (т. Степанов-Скворцов, например). Считать сейчас фактический материал и теоретические представления по интересующему нас вопросу, с которыми оперировал, скажем, Геккель, за современные или даже почти современные — для биолога-специалиста совершенно невозможно. Для нас Геккель представляет только известную историческую ценность. Современная постановка затронутой нами проблемы базируется на совершенно новых началах (цитологический и статистический подход). Т.т. Слепкова и Агола-я, разумеется, не причисляю к марксистам, пользующихся устаревшим биологическим материалом.

Тов. Слепков поддержал меня в своем выступлении относительно невозможности для марксиста быть чистым автогенетиком, но эктогенетический подход т. Слепкова вполне учитывает особенности органических систем, к которым он не побоялся даже применить на своем докладе термин «телеология» в материалистическом (все же это, по моему, дело рисованное), разумеется, смысле. Это не наивный, а строго-научный марксистский эктогенез. Я уверен, что марксист не только может, но и должен признавать известную предопределенность характера геновариации, как изменение системы, имеющей определенное строение. Ведь сила и характер взрыва, например, предопределены количеством и качеством взрывчатого вещества, но причиной, вызывающей перегруппировку атомов, является все же эктогенный детонатор. Мне кажется, что т. Слепков не возражает против такой постановки вопроса.

Тов. Слепков коснулся интересной стороны разбираемой проблемы, о которой я забыл упомянуть. С некоторой долей грусти он указывает, что принять защищаемый мной взгляд на ход наследственной изменчивости — значит признать, что основной момент трансформизма лежит глубоко скрытым внутри организма, не доступный нашему непосредственному наблюдению. Да, изменения зародышевой плазмы, результатом которых являются мутации, происходят внутри хромозом, и процесс этого изменения скрыт от наших взоров; но ход его может быть доступен биологу так же, как и сущность процессов, протекающих внутри молекул, доступна химику. Великие завоевания химии, имеющие такое огромное практическое значение, основываются на знании и управлении скрытыми процессами, лежащими в основе видимых явлений.

Но в отношении хода трансформизма дело ведь не ограничивается мутациями признаков — комбинации уже захвачены сильной рукой генетиков, а научно поставленная селекция на наших глазах творит чудеса. Вспомним хотя бы Бербанка и Мичурина. Но то, что наследственная изменчивость,

оказывается, протекает в ряду зародышевой плазмы, как базы, а организм есть лишь реализация, так сказать — надстройка, по совести сказать, несколько не должно нас смущать. Ведь все условные рефлексy, а стало быть вся идеология, вся масса культурных ценностей есть достояние и завоевание одних только фенотипов. Как бы ни формировались генотипы — живут, страдают, любят, борются за мировую революцию и строят социализм все же фенотипы. Не будем бояться правды, а постараемся проникнуть в тайну генов, овладеем ими, и тогда область евгеники станет столь же актуальной, как сейчас долженствующая стоять в центре нашего внимания евгеника, направляющая все свои силы на улучшение фенотипической массы.

Выступление тов. Левита меня очень порадовало. Не разделяя всех, защищаемых мною положений, он все же отнесся сочувственно к постановке проблемы и правильно понял мой подход к вопросу о синтезе марксистской теории и данных современной биологии. Одним словом, выбрав самые ответственные участки биологического фронта и определив наиболее серьезных и интересных для нас противников, а в известных случаях союзников, мы должны постараться возможно глубже охватить марксистским анализом едва еще початые в этом отношении толщи современных биологических достижений. Члены нашего кружка, повидимому, все стоят на такой же точке зрения.

Тов. Дучинскому я должен еще раз подчеркнуть, что я безоговорочно возражаю не против участия внешних агентов в изменении наследственных признаков, а против возможности получения изменений зародышевой плазмы адекватных переменам в соответствующих частях фенотипа. Фенотипические изменения не могут быть, по нашему мнению, первоисточником новообразований у потомков. Характер звуков, издаваемых инструментом определенного строения, зависит от акустических условий помещения; однако, изменение звука, вызванное переменной среды, не влечет за собой адекватных изменений в строении соответствующих частей самого инструмента. Можно ли отсюда сделать вывод, что инструмент абсолютно независим от среды? Разумеется, нет — в сыром помещении различные части инструмента могут заржаветь или покоробиться, что повлечет за собой (внутренние причины) зафиксированные перемены в качестве издаваемых звуков. Если бы я отрицал вообще значение экзогенных факторов в этом деле, я не имел бы права считать себя членом четвертой группы, а оказался бы в ряду автогенетиков.

Относительно длительных модификаций, которым тов. Волоцкой придает такое большое значение, могу сказать, что длительные модификации не являются истинными мутациями. Непосредственная зависимость потомства от фенотипа матери приводит часто к тому, что перемены, произошедшие в нем, отзываются на ряде поколений. Особенно важен прямой переход веществ из тела матери к детям. У растений часто плохие условия питания приводят не только к ускорению цветения данного организма, но сказываются также в укорочении жизненного цикла потомства. Относительно опытов Иоллоса с инфузориями могу сказать, что считаю их совершенно неубедительными в отношении интересующего нас вопроса о фенотипической наследственности. Ведь, простейшие являются аналогами половых клеток, и зародышевая плазма подвергается здесь непосредственному воздействию; с другой стороны, и вся остальная масса родительского организма у них

прямо переходит к потомкам, а стало быть все, пережитое предками, не может не сказаться на следующих поколениях.

Указание тов. Косминского на незначительность имеющихся уже достижений в области экспериментального получения мутаций не должно нас смущать. Мы ждем дальнейших успехов в этой области, в первую очередь — от самого тов. Косминского.

Тов. Шмидт указал на важность некоторых проблем, затронутых мной под свежим углом зрения. Можно надеяться, что устарелый подход, сыгравший уже свою историческую роль, не будет больше использоваться против защищаемых нами позиций. Вейсман — великий человек, но все же мы не берем на себя ответственности за его ошибки.

Тов. Серебровскому могу сказать одно — я думаю, что для меня теперь вполне ясна его позиция, и я считаю ее наиболее интересной для нас среди остальных участков биологического фронта.

Итак, авто- и эктогенетическая природа геновариаций или, как их называет тов. Серебровский, трансгенаций — вот центральный пункт наших разногласий. Не ржавые мечи и копья, а дальнобойные орудия современной науки должны быть использованы в решении этого вопроса. А борьба должна вестись под знаменем революционного марксизма всюду, и в первую очередь здесь, в стенах нашей Коммунистической Академии.

III. — КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ т.т. I—V

Экономическая часть

Выход в свет Большой Советской Энциклопедии представляет собой явление крупнейшего значения. Как правильно замечает редакция в своем обращении к читателям, Энциклопедия эта будет „памятником нашей великой революционной эпохи и опорой для дальнейшего массового социалистического строительства“. Именно поэтому Энциклопедия должна быть подвергнута детальной оценке и критике.

Нам представляется, что критика эта может достигнуть надлежащей вдумчивости и обстоятельности лишь при том условии, если мы станем оценивать Энциклопедию не только в ее целом, но и в отдельных частях. Материал, охватываемый ею, настолько обширен и всеобъемлющ, что вряд ли найдется человек, который смог бы с одинаковой компетентностью судить обо всех его частях. Труд по оценке „Б. С. Э.“ необходимо разделить между рядом авторов, сообразно их специальности.

Исходя из этих соображений, мы предполагаем остановиться в настоящей рецензии только на *экономической* части Энциклопедии, включая сюда теоретическую экономику, экономику сельского хозяйства, промышленности и торговли, экономическую политику и финансовую науку, но исключая экономическую географию и экономическую историю.

По-настоящему судить об экономическом содержании „Б. С. Э.“ можно будет, конечно, лишь по завершении ее издания. Только тогда отдельные статьи, посвященные экономическим вопросам, сольются в единое целое, превратятся в части единой системы. Это позволит подойти к оценке экономического содержания Энциклопедии *по проблемам*. До тех же пор, пока вся изданная часть работы ограничивается несколькими (пятью) томами, экономические статьи, включенные сюда, неизбежно носят отрывочный характер. Каждую статью приходится оценивать, как самостоятельное целое, почти не касаясь вопроса о связи ее с другими частями произведения, приходится отказываться от ответа на вопрос, насколько данный материал является исчерпывающим.

Переходя к оценке вышедших томов, мы считаем необходимым прежде всего указать на исключительную методологическую целостность Энциклопедии. Если все другие энциклопедии носили (и носят) более или менее эклектический характер, то этого никак нельзя сказать о нашей „Б. С. Э.“ Буржуазия в целом никогда не имела единого последователь-

ного мировоззрения. Отдельные отряды ее всегда примыкали к различным „течениям“ и „школам“, между которыми подчас велась довольно ожесточенная идейная борьба. Выходившие до сих пор энциклопедии всегда объединяли по несколько таких течений, всегда привлекали „виднейших“ авторов, хотя бы эти авторы принадлежали к самым различным „школам“, имели совсем неодинаковое мировоззрение. В результате — одна страница энциклопедии полемизировала с другой, и получалась основательная неразбериха. Сбитый с толку читатель не только получал два ответа на один вопрос, но по разным вопросам получал ответы, проистекающие из разных методологических корней, ответы, совершенно непримиримые между собой. От этого избавлен читатель Большой Советской Энциклопедии. Большинство авторов-экономистов принадлежат к одному „течению“, к одной „школе“. Эта школа — ленинизм, последовательный революционный марксизм. Те немногочисленные авторы, которые не принадлежат к этой „школе“, благодаря умелому распределению тем, не вносят диссонанса в общую картину. В результате этого единства мировоззрения Энциклопедия приобретает небывалую стройность, небывалую последовательность и, мы бы сказали, небывалую логичность. „Б. С. Э.“ — энциклопедия пролетариата, объединенного единым мировоззрением, единым *credo*. И это делает Энциклопедию не только „памятником нашей великой революционной эпохи“, не только „опорой для дальнейшего массового социалистического строительства“, но и взрывчатый снарядом громадной мощности, заложенным под твердыни капитализма.

Вышедшие тома Энциклопедии не позволяют пока вынести окончательное суждение о том, насколько исчерпывающим будет ее экономическое содержание. В вышедших томах обращает на себя внимание ярко выраженный уклон в сторону конкретно-описательной экономики вообще и в сторону экономики сельского хозяйства в частности. Правда, уклон этот может быть в значительной мере объяснен алфавитным расположением материала, без которого Энциклопедия обойтись, конечно, не могла. На первые две буквы алфавита (а вышедшие пять томов еще не вышли за пределы этих букв) падает большое количество слов, относящихся именно к экономике сельского хозяйства. (Таковы: аграрная история, аграрная политика, аграрные реформы, аграрное движение, аграрные программы, аграрный вопрос, аграрный протекционизм, аренда земли, барщина, батрак, беднота деревенская и т. д.). Таким образом, уклон в сторону экономики сельского хозяйства образуется как бы сам собою. Однако нужно сказать, что составители значительно усилили этот уклон, допустив два промаха. Они, с одной стороны, не исчерпали списка слов, которые следовало бы включить в вышедшие тома, и, с другой стороны, не вскрывали надлежащим образом экономическое содержание некоторых понятий из числа попавших в словник Энциклопедии. В результате те статьи, которые должны были попасть в вышедшие тома и уравновесить обширный материал, посвященный экономике сельского хозяйства, в Энциклопедию не попали, и тем усилилась отмеченная диспропорция.

Даже бегло просматривая словник вышедших томов, мы обнаруживаем отсутствие в нем ряда важнейших экономических слов и

терминов. Таковы например: абсолютное перенаселение, абстрактный метод, абстрактный труд, абстрактный капитализм, авансированный капитал, австро-марксизм, аграрное перенаселение, активный капитал, англо-американская школа, аннуляция (обязательств), арендная плата, арендная система, ассоциация капиталов, ассоциация труда, баланс валютный, банкир, банковая прибыль, банковый вексель, банковый расчет, бездеятельный капитал и проч.

От некоторых из этих слов еще можно было, пожалуй, в крайнем случае отказаться. Напр., статья о банках написана настолько подробно, что при нужде можно было обойтись без детального раз'яснения слов: банковый вексель, банковый расчет и др., сделавши в соответствующих местах ссылки на статью о банках. Однако пропуск ряда из перечисленных слов следует признать действительным промахом. Несомненным упущением является также неполное использование словника Энциклопедии. Некоторые слова, нуждающиеся в детальной экономической расшифровке, просто переведены на русский язык. Вместо того, чтобы вскрыть экономическое содержание понятия, авторы раз'ясняют термин. Возьмем, например, слово „автаркия“. От этого понятия авторы отделяются несколькими строками: „В экономике — теоретически мыслимый хозяйственный уклад страны, которая может самостоятельно существовать независимо от иностранного ввоза и вывоза в силу расположения ее на территории, богатой естественными силами. Как пример, приближающийся к А. в экономике, можно назвать С.-А. Соед. Штаты“. Ни слова об автаркических устремлениях современных государств, служащих осью их таможенной политики. Ни слова о связи между этими стремлениями и системой империализма. Ни упоминания о противоречиях автаркической политики в условиях мирового хозяйства. Ни намек на отношение нашей хозяйственной политики к вопросу о создании автаркии. Все это несомненные упущения.

Весь экономический материал, включенный в первые пять томов Энциклопедии, может быть разбит на четыре отдела: 1) Отдел сельско-хозяйственной экономики, охватывающий ряд детальных и интересных статей; 2) Финансово-кредитный отдел, тоже представленный довольно богато; 3) Отдел экономики промышленности и торговли, представленный довольно скромно; 4) Теоретический отдел, тоже представленный относительно слабо.

К первому отделу относятся статьи: Аграрный вопрос (В. П. Милютин), Аграрная политика (Е. А. Преображенский), Аграрная политика СССР (В. П. Милютин), Аграрные программы (А. В. Шестаков), Аграрные реформы (Н. Мещеряков, Ф. Бошкович, А. Хевеши, З. Ангаретис и Ф. Кон), Аграрный протекционизм (Н. Петров), Аренда земли (А. Г. Гойхбарг и Б. Я. Зиман), Барщина (Г. Меерсон), Батраки (А. В. Шестаков) и Беднота деревенская (В. П. Милютин).

В. П. Милютин в своей статье с большой ясностью излагает основы марксовой теории аграрного вопроса. Остановившись бегло на аграрном вопросе в древности и в средние века, он далее переходит к выяснению пережитков капитализма в современном сельском хозяйстве. Врываясь

в феодальное сельское хозяйство, капиталистические законы до крайности обостряют классовые отношения в деревне. С одной стороны, обезземельная крестьян и, с другой стороны, охватывая их рыночными связями, капитализм ставит крестьянство в невыносимое положение, единственным выходом из которого является пролетарская революция. Остановившись на критике буржуазных и мелкобуржуазных учений, отрицающих действие законов капиталистической концентрации, и дав им достойный ответ, тов. Милютин переходит далее к советской экономике и показывает, как разрешается аграрный вопрос ставшим у власти пролетариатом. Статья тов. Милютина носит законченный и цельный характер. От начала и до конца она пропитана неподдельным ленинизмом.

Отметим один только недостаток статьи. Давая характеристику социальному расслоению деревни в современных странах, тов. Милютин берет явно недостаточный признак — он судит о положении крестьянина по размерам принадлежащей ему земельной площади и только. В результате он приходит к выводу, что в Германии беднейшее крестьянство составляет 76,6% всех земельных собственников, а во Франции даже 84,6%. Тов. Милютин, видимо, совершенно не учитывает влияния на положение отдельных групп крестьянства степени интенсивности их сельского хозяйства. Из его внимания выпадает тот простой факт, что 10 гектар виноградников вовсе не равны 10 гектарам пашни и пр. Кроме того, самые цифры наделов, служащие критерием при определении благосостояния крестьянина, берутся произвольно. Так, в Великобритании беднейшими являются, по мнению тов. Милютина, крестьяне с наделом до 2 г., в С. Штатах — до 4 г., в Германии — до 5 г., во Франции и Румынии — до 10 г. (Ту же ошибку тов. Милютин повторяет в своей статье „Беднота деревенская“).

Чрезвычайно интересна статья тов. Е. А. Преображенского об аграрной политике. Эта статья, рассматривающая вопрос с строго классовой точки зрения, удивительно выпукло и четко выявляющая классовые противоречия в деревне, несомненно, является одной из лучших статей в Энциклопедии. Однако она интересна не только с этой стороны. Основное значение этой статьи заключается в том, что автор „Новой экономики“ самым энергичным образом разделяется здесь со своими собственными взглядами. Вот что пишет в этой статье тов. Преображенский: „Принципиальное отношение победившего пролетариата к этому (крестьянскому. А. К.) хозяйству было установлено еще основателями научного коммунизма — Марксом и Энгельсом (см. в частности брошюру Энгельса „Крестьянский вопрос во Франции и в Германии“). Крестьянству предоставляется полная свобода выбора форм землепользования на национализированной земле и гарантируется полная добровольность в деле перехода к социалистической форме земледелия. В то же время пролетарское государство должно будет оказывать всяческую, и прежде всего материальную, поддержку переходу крестьянского хозяйства к высшей, т.-е. коллективной, форме обработки земли. Разумеется, политика пролетариата в отношении к крестьянскому хозяйству будет различной в преимущественно крестьянских и преимущественно индустриальных странах. Что касается СССР, то здесь аграрная политика пролетарского

государства определяется не только тем, что наша страна является страной мелкого крестьянского хозяйства, но и тем, что это — пока единственная в мире страна с социалистическим режимом. В такой стране политика соглашения с крестьянством во всем, в том числе в деле социалистического строительства и в деле использования части прибавочного продукта деревни для накопления в государственной промышленности особенно необходима (см. об этом программу ВКП в аграрном вопросе и статьи и речи Ленина, посвященные этой проблеме). Если в вопросе о Брест-Литовском мире РКП согласилась на потерю пространства, чтобы выиграть время, то при диктатуре пролетариата в крестьянской стране иногда приходится идти на потерю времени, на более медленный темп социалистического преобразования земледелия, чтобы удержать завоеванное для диктатуры пространство“ (курсив мой А. К.). Для каждого, кто знаком с пресловутым „законом первоначального социалистического накопления“, ясно, что все сказанное здесь тов. Преображенским совершенно исключает его „закон“, предполагающий, как это указывалось неоднократно, максимальное отчуждение прибавочного продукта несоциалистической среды. В настоящей статье тов. Преображенский становится на партийную точку зрения и это должно, конечно, отметить. Интересно было бы установить, когда написана эта статья.

Очерк тов. Милютина „Аграрная политика СССР“, благодаря отказу тов. Преображенского от своей неверной точки зрения, вполне гармонирует со статьей последнего и является иллюстрацией того, как осуществляет пролетариат, ставший у власти, свои основные задачи. Обрисовав программу большевиков в дооктябрьский период, тов. Милютин переходит далее к конкретному рассмотрению нашей аграрной политики. Эту политику он разбивает на четыре последовательных периода: 1) с 1917 по вторую половину 1918 г. — период осуществления требований крестьянства относительно земли и организации органов рабоче-крестьянской власти в деревне, 2) период военного коммунизма — период комбедов, раскулачивания, продразверстки, с.-х. коммун и организации с.-х. пролетариата, 3) новая экономическая политика в деревне — период установления смычки с деревней — продналог, свобода торговли, землеустройство, восстановление продукции с. х.-ва, плановое регулирование цен и роста с. х.-ва, 4) современный период, характеризующийся реорганизацией с. х.-ва, его механизацией, общим повышением технической базы деревни, окончанием землеустройства, ростом кооперации. Статья рисует уже пройденный путь в борьбе за крестьянство и за переустройство крестьянского хозяйства и намечает перспективы этой борьбы.

Очерк „Аграрные реформы за границей“ с еще большей яркостью оттеняет тот факт, что только пролетариат, ставший у власти, может вывести крестьянство из того тупика, в который заводит его капитализм. В одиннадцати странах, в результате войны, правительства, напуганные угрозой революции, пошли на аграрные реформы. И во всех одиннадцати странах эти реформы сошли на-нет, как только затихли раскаты революционного грома. Буржуазия не хочет и не может разрешить аграрного вопроса — таков вывод из очерка. Очерк состоит из одиннадцати самостоятельных статей, авторы которых нарисовали цельное полотно аграрной „реформы“

в условиях капитализма. Этот выход из опыта самых разнообразных стран по данным различных источников, обработанных различными авторами, производит действительно сильное впечатление.

Для полноты картины недостает только сведений о положении отдельных слоев крестьянства до реформы.

Очень интересна статья т. А. В. Шестакова об аграрных программах различных партий дореволюционной России и об эволюции аграрной программы большевиков. В качестве дефекта этой статьи следует отметить недостаточно четкую расшифровку понятий национализации, муниципализации и социализации земли.

Интересна и богата материалом статья Н. Петрова „Аграрный протекционизм“.

Статья „Аренда земли“ делится на две, далеко неравноценные части. Первую часть этой статьи, посвященную теоретической стороне вопроса, следует признать неудачной. Автор ее, т. Гойхбарг, сосредоточил главное внимание на формальной, внешней стороне вопроса. Его интересует не столько экономическая сущность аренды земли, сколько формы этой аренды. Правда, автор выделил капиталистическую аренду в самостоятельный раздел, однако и в этом разделе он занимается преимущественно вопросом о соответствии арендных отношений общему характеру капитализма. Вопрос о связи аренды земли с рентой, вопрос о торможении развития сельского хозяйства, происходящем из арендных отношений, вопрос о социальном содержании аренды совершенно обходятся автором. Автор также не останавливается и на вопросе об арендной плате, ее составных частях, уровне, факторах, определяющих высоту арендной платы, и т. д.

Гораздо интереснее статья Л. Зимана об аренде земли в дореволюционной России и в СССР, богатая хорошо подобранным и прекрасно разработанным материалом. Интересна статья Г. Меерсона „Барщина и барщинное хозяйство“. Очень живо и прямо художественно написана статья А. В. Шестакова о батраках. Автору удается не только сообщить необходимый фактический и теоретический материал, но и воздействовать на эмоциональную сторону восприятия.

Отметим еще статью о деревенской бедноте т. Милютина, кратко очертив содержание этого термина, автор отмечает далее общность интересов пролетариата и беднейшего крестьянства и затем переходит к политике пролетариата по отношению к деревенской бедноте, которой и посвящена основная часть статьи.

В целом весь рассматриваемый раздел Энциклопедии носит печать законченности. Нужно пожалеть, что вопрос об аграрных кризисах, непосредственно примыкающий к комплексу вопросов первых пяти томов, здесь почему-то не рассматривается, а отнесен к статье о кризисах, где он вряд ли сможет найти достаточно подробное освещение.

Переходя к следующему, финансово-кредитному, отделу, остановимся прежде всего на очерке „Банки“. Этот очерк состоит из шести разделов, принадлежащих перу различных авторов. Статьи „Функции банков“, „Классификация банков“, „Основные операции коммерческих банков“,

„История банков“ и „Банки дореволюционной России и СССР“ написаны М. Цыпкиным, „Банки в важнейших иностранных государствах“ — Б. Жуковецким. Первая статья в целом написана недурно, хотя и носит несколько ученический характер. Автор останавливается не только на функциях банков в системе капитализма вообще, но рассматривает также их роль в системе современного финансового капитализма. В качестве мелких дефектов следует указать на следующие лягусы: 1) Автор полагает, что „привлеченные в Б. вклады могут быть востребованы вкладчиками в любой момент и не допускают помещения на заведомо длительные сроки“. Нечего, конечно, говорить, что это справедливо только по отношению к т. н. бессрочным вкладам и во всяком случае не относится к вкладам долгосрочным. 2) Автор указывает, что в ходе развития капитализма банки идут по пути универсализации своей деятельности. Фактически же на ряду с универсализацией руководящих банков наблюдается тенденция к специализации (по отраслям промышленности) т. н. промышленных банков.

Промышленных банков автор статьи совсем не признает. Они выпали даже из той довольно дробной классификации банков, которую автор дает во второй своей статье.

Полное игнорирование автором специализации банков в капиталистическом обществе делает совершенно непонятной ту специализацию банковского дела, которая происходит в нашей экономике и которую автор отмечает в своей последней статье.

Очерк Б. Жуковецкого о „Банках в важнейших иностранных государствах“, хотя и слишком краток, все же остается интересным. Здесь дается описание банковских систем отдельных стран и тех специфических форм кредитных операций, которые свойственны отдельным странам.

Статья М. Цыпкина о банках в дореволюционной России и в СССР дает только примитивные фактические сведения из истории банковского дела в России. Автор совершенно не касается вопроса о влиянии иностранных капиталов на банковую систему дореволюционной России и роли банков, как орудия превращения России в полуколонию. Советская часть статьи страдает уклоном в конкретную экономику. Автор даже не пытается рассмотреть вопрос о банках, как орудии социалистического накопления.

Весьма интересные сведения даются в статье т. С. Мстиславского о рабочих банках. Автор не только дает интересный фактический материал об этом любопытнейшем явлении современного рабочего движения, но и вскрывает оппортунистическую мелкобуржуазную сущность увлечения рабочими банками. Нужно заметить, что в статье, посвященной рабочим банкам, следовало бы хоть несколько слов посвятить рабочим банкам утопистов. Между тем об этом совершенно не упоминается.

Статья Л. Юровского о банкнотах в целом очень интересна и написана с большим знанием дела. Следует отметить, однако, неправильное с нашей точки зрения разграничение между банкнотами и бумажными деньгами. „Основное экономическое различие между теми и другими, — пишет Л. Юровский, — заключается не в том, кем эмитируются бумажные деньги, и не в том, разменны они или нет, а в том, какая функция

выполняется эмиссией: кредитование ли хозяйственных предприятий, при котором банкноты в определенные сроки притекают обратно в кассы банка, или покрытие государственных расходов, при котором обратный приток ничем не обеспечен и самые размеры выпусков зависят не от состояния народного хозяйства и его потребности в деньгах, а от величины дефицита по госбюджету“. Хотя цели эмиссии и ее направление несомненно являются одним из определяющих моментов в деле размещения банкнот и бумажных денег, однако этим признаком, конечно, нельзя ограничиться. Банкнота представляет собою прежде всего кредитный документ; поэтому падающие банкноты представляют собой горячий лед или холодный кипяток. Между тем определение Л. Юровского допускает понятие падающей банкноты.

Из остальных статей этого отдела отметим еще прекрасные статьи Ш. М. Дволайцкого о платежном балансе и об арбитраже.

Статьи т. Д. Кузовкова об акцизах, об амортизации налогов и бесплатном снабжении не представляют никакого интереса. В статье об акцизах автор занят, главным образом, отграничением понятия акцизов и перечислением их видов. Автор не останавливается на выяснении вопроса о социальном значении акцизов, отсылая читателя к статье о косвенном обложении. Тот же уклон в сторону техники финансового дела сказывается и в статье об амортизации налогов. Однако особенно резко выраженный характер этот уклон принимает в статье о бесплатном снабжении. Вместо того, чтобы перенести центр вопроса на характеристику бесплатного снабжения в эпоху военного коммунизма, когда бесплатное снабжение превратилось в систему, автор посвятил статью формальной классификации различных видов бесплатного снабжения, встречающихся в различные периоды истории.

Несколько интереснее статья того же автора о безденежных расчетах.

К третьему отделу относятся следующие статьи: И. Рубина „Амортизация“, Л. Зимана „Практика амортизации“, М. Комаринец „Аренда государственных пром. предприятий“, „Баланс торговый“ и Н. Вишневого „Баланс хлебо-фуражный“.

Статья И. Рубина, хоть и написана весьма недурно, не представляет все же особого интереса. В статье Л. Зимана весьма интересны цифры, иллюстрирующие норму амортизации по статьям и зависимость ее от степени интенсивности использования оборудования. Статья М. Комаринца представляет собою детальный отчет советско-канцелярского типа и не затрагивает принципиальных вопросов. Недурна, хотя и слишком коротка, анонимная статья о торговом балансе.

Статья Н. Вишневого о хлебо-фуражном балансе посвящена, главным образом, методологии составления х.-ф. б. и представляет интерес скорее для статистика, чем для экономиста.

В целом, третий отдел представлен, как мы видим, чрезвычайно бедно.

К последнему отделу мы относим все статьи как чисто теоретического характера, так и примыкающие к вопросам теоретической экономики. В этом отделе прежде всего должна быть отмечена коллективная статья о безработице.

М. Н. Смит дает интересный и содержательный очерк „Безработица в капиталистических странах“. Автор выясняет причины безработицы в капиталистическом обществе, выводя безработицу, вслед за Марксом, из основного закона накопления капитала. Установив причины безработицы, как постоянного спутника капитализма, автор переходит к объяснению цикличности безработицы и к выявлению основной тенденции, скрывающейся за этой цикличностью. Автор приходит к заключению, что безработица в капиталистическом обществе обнаруживает тенденцию к постоянному возрастанию. Этот свой вывод автор иллюстрирует очень интересной диаграммой движения безработицы в Англии за 40 лет и в Германии за 20 лет. Две другие диаграммы показывают различие в движении безработицы в аграрных и индустриальных странах. Диаграммы показывают, что в аграрных странах безработица в гораздо большей мере подвержена сезонным колебаниям, чем в развитых промышленных странах. К сожалению, к объяснению этого явления автор не переходит. Заняться этим вопросом автору мешает то обстоятельство, что он не остановился в статье на формах безработицы и, в частности, на вопросе о влиянии „крестьянского резерва“ на безработицу в городах. Между тем, именно здесь лежит ключ к пониманию сезонных колебаний безработицы. Не остановился автор также и на вопросе о безработице среди женщин и молодежи и на ее последствиях. Несмотря на эти дефекты, статью, написанную сжатым и ясным языком и охватывающую вопрос с достаточной полнотой, несмотря на недостаток места, следует признать безусловно удачной.

Несомненно интересна статья Л. Н. Крицмана о безработице в дореволюционной России и в СССР. Статья наиболее ценна в ее советской части. Что касается первой части, посвященной дореволюционной России, то она не могла стать сколько-нибудь интересной вследствие полного отсутствия фактических материалов, которые можно было бы для нее использовать. Тов. Крицман пытается заполнить этот пробел, используя частичные данные по Петербургу, Москве и Баку. Однако использованные им данные не кажутся нам достаточно достоверными, ибо из сопоставления приведенных им цифр оказывается, что наемные рабочие и служащие составляли в 1912—13 г. почти половину *всего* населения Петербурга и Москвы (в частности, по Москве 774 тысячи) и почти три четверти *самодельного* населения.

Гораздо интереснее части статьи, посвященные вопросу о безработице в эпоху военного коммунизма и в настоящее время. Автор отмечает полное исчезновение безработицы в период военного коммунизма, которое имело место наряду с катастрофическим сокращением продукции промышленности. Автор объясняет это парадоксальное явление 1) ростом армии (красной и белой), 2) отливом населения из городов в деревню, 3) громадным падением производительности труда и 4) своеобразной анархией производства, свойственной, по мнению автора, системе военного

коммунизма. Останавливаясь на росте безработицы в настоящее время, росте, который имеет место наряду с неуклонным увеличением числа занятых в производстве рабочих, автор объясняет его усиленным притоком рабочей силы из деревни. Свой вывод тов. Крицман подтверждает таблицей, показывающей, что особенно сильный рост безработицы наблюдается в отраслях, требующих малоквалифицированной рабочей силы.

Статья Л. Минца посвящена вопросу о методах учета безработицы и об аппарате этого учета. Она сопровождается рядом таблиц, которые иллюстрируют не столько статью Минца, сколько статью Крицмана.

Очень ценный материал о государственной помощи безработным, страховании от безработицы и борьбе профсоюзов с безработицей содержит статья С. Мстиславского „Борьба с безработицей в капиталистических странах“. Впрочем, статья построена в достаточной мере неуклюже, что лишает ее значительной доли ценности. К очень ясным выводам приводит произведенное тов. Мстиславским сопоставление капиталистических методов борьбы с безработицей с нашими методами.

Весьма интересной является также коллективная статья А. В. Карасса, С. Б. Членова и Н. Г. Финкельштейна об акционерных обществах. Статья разбита на четыре подотдела: 1) История и законодательство (Л. Карасс), 2) Экономический рост акционерных обществ (С. Б. Членов), 3) Акционерные общества за границей (С. Б. Членов) и 4) Акционерные общества в дореволюционной России и в СССР. Если первые три раздела можно считать весьма удачными, то четвертый раздел вызывает некоторые сомнения. Дело в том, что автор дает лишь статистику акционерного дела в СССР и совершенно не останавливается на выяснении сущности советских акционерных обществ, столь отличной от сущности капиталистического акционерного общества. Этого недостатка не может устранить то обстоятельство, что т. А. Карасс в своей статье мельком останавливается на этом вопросе, ибо он подходит к нему с юридической точки зрения.

Остановимся, наконец, на статье И. Рубина об австрийской школе. Статья эта не прибавляет к критике австрийской школы, данной в свое время Гильфердингом и Бухариным, ничего нового. Изложена статья очень недурно. Как дефект следует отметить, что автор не пытается дать социальной характеристики австрийской школы.

Заканчивая нашу рецензию, отметим, что несмотря на ряд дефектов, которыми страдают отдельные статьи, Энциклопедию несомненно следует считать громадным достижением. Это — наша, марксистская, пролетарская энциклопедия.

А. Кон

И. Луппол. *Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции*. ГИЗ. 1927. Стр. 208.

Работа т. И. Луппола ставит себе широкие задачи. Автор не только излагает философские основы марксизма устами Ленина, как это у нас обычно делается, он не только отвечает устами Ленина на важнейшие актуальные вопросы философии, особенно на те вопросы, которые разделили русских марксистов-философов на два лагеря — сторонников механического миропонимания и сторонников диалектического материализма. Он идет дальше. Он пытается дать анализ социальной методологии, теории пролетарского государства, проблемы диктатуры пролетариата, теории культурной революции у Ленина. В обобщающей форме автор делает попытку надлежащим образом осветить вопрос об отношении философии к революции. Автор не ограничивается только задачей систематизировать, обобщить все, что написано Лениным в данной области, и соответственным образом его истолковать, — хотя одно это было бы большим делом, — но автор пытается связать теорию, методологию Ленина с практикой. Основной стержень работы т. И. Луппола — это показать Ленина в теории и в практике, как материалиста-диалектика, осветить ленинскую методологию знания на основе действия и методологию действия на основе знания, показать, как Ленин понимает теорию диалектики, какое место он уделяет диалектике в марксизме и как он применяет материалистическую диалектику в своей революционной практике. Потребность в такой самостоятельной исследовательской работе по Ленину огромна. И нам кажется, что тов. И. Луппол в значительной степени восполнил этот пробел в нашей литературе и справился со своей сложной задачей.

В основу настоящей работы автор положил четыре статьи о Ленине, напечатанных в различных журналах в течение 1924 и 1925 г.г. („П. З. М.“, „Воинсмат“, „Мол. Гвар.“ и „Печ. и Рев.“). Надо отдать справедливость автору в том, что он значительно переработал эти свои статьи и дал читателю внутренне-законченную работу. „В предлагаемой книге это уже не самостоятельные статьи, а звенья одной цепи — главы единой работы“. Вместе с автором нам приходится сожалеть, что давно уже обещанные философские тетради, специальный философский сборник Ленина, еще не вышли в свет, и автор (и не один т. Луппол) не имел возможности их использовать.

Архитектоника рецензируемой работы т. И. Луппола представляется в следующем виде: в первой главе (введение) автор разбирает вопрос о соотношении теории и практики в свете диалектического материализма, во второй — на протяжении почти 40 страниц он излагает устами Ленина основы материалистической теории познания, в третьей главе автор занимается специальной теорией материалистической диалектики, в четвертой — проблемой социальной методологии Ленина, а в последних двух главах автор дает анализ ленинской теории диктатуры пролетариата и теории культуры. Центральной и в то же время самой интересной частью в работе т. И. Луппола являются те главы, где он освещает проблемы материалистической теории диалектики и социальной методологии в постановке Ленина. Мы должны подчеркнуть, что во всей своей работе автор твердо стоит на ортодоксальной марксистской позиции и всю его линию можно признать вполне выдержанной.

Остановимся сперва на проблеме материалистической диалектики (гл. III)

В переживаемую нами эпоху развитие марксистской философии мысли выдвинуло вперед во всей широте проблемы научной методологии марксизма. Перед нами встала задача разработки теории диалектики. Ясно отсюда, что интерес к Гегелю повышается с каждым днем. Еще Г. В. Плеханов в свое время пророчески предсказал „новое оживление интереса“ к Гегелю „в недалеком будущем“. Более определенное, более решительное слово по этому поводу сказал Ленин. В своей статье („П. З. М.“ за 1922 г.) о „воинствующем материализме“ он в настойчивой форме призывал к изучению Гегеля; он даже предлагает редакции журнала „П. З. М.“ организовать общество материалистических друзей гегелевой диалектики. Фрагмент Ленина „К вопросу о диалектике“, его концепт гегелевой „логики“ дают богатейший материал для выяснения отношения Ленина к Гегелю и в то же время помогают нам материалистически понимать Гегеля. Больше того. В своих лишь частично опубликованных философских тетрадках Ленин писал, что „Капитал“ Маркса нашими марксистами как следует еще не вполне понят, потому что для основательного понимания „Капитала“ требуется знание Гегеля, а наши экономисты Гегеля не знают (см. А. Деборин „Наши разногласия“ во II книге „Летописей Марксизма“ стр. 32).

Тов. Луппол в обстоятельной и убедительной форме развивает мысли Ленина, начиная с его ранних работ („Друзья народа“...) и кончая его последней статьей (философским завещанием), о месте философии, марксизме и тут же дает ответ на вопрос о „снятии“ философии, вопрос, поставленный Энгельсом в „Анти-Дюринге“. Ленин тут целиком верен старику Энгельсу. По Ленину, задача теоретического знания заключается в том, „чтобы овладеть методом адекватного познания и изучения предмета, и в таком случае материалистическая диалектика (= диалектический материализм = философия марксизма), как диалектика знания, отражающего предмет, является учением о методе познания предмета или, что то же, методологией научного познания. В этом значении, прежде всего как метода, диалектический материализм выступает и у Ленина“ (стр. 64).

В фрагменте о диалектике Ленин ставит вопрос о соотношении теории познания (гносеологии) и диалектики. В отличие от кантианцев и прочих буржуазных мыслителей, которые занимаются вопросом о границах познания, Ленин подчеркивает исторический момент в познании. С точки зрения Ленина гносеология составляет момент диалектики, как методологии знания. Она включается в диалектику. И там же он бросает упрек Плеханову в том, что тот противопоставляет теорию познания диалектике.

В „Конспекте“ у Ленина имеются глубокие мысли о соотношении формальной и диалектической логики. Формальная логика составляет часть объективного научного познания. Формальная логика не может объяснить реальные процессы в истории общества и природы. Она не может сообразоваться с объективной реальностью. „Чтобы отражать их (эти процессы, Д. Н.), она из формальной должна стать реальной, реальной наукой об общих, скажем, законах природы и общества“ (стр. 65).

Реальная логика „это — логика, которая сообразуется с реальностью, которая свои понятия и их сочетания, связи, опосредствования, последовательность располагает в порядке отражения объективно сущих предметов и их сочетаний, связей, опосредствований, последовательности“ (стр. 65). „Логика и теория познания,— говорит Ленин в „Конспекте“,— должны быть выведены из „развития всей жизни природы и духа“. Ленин понял глубже всех, „что, прежде чем критиковать формально-логические принципы тождества, противоречия и исключенного третьего, нужно поставить вопрос о причине их недостаточности, а этот вопрос выходит уже за рамки чистой логики, являясь вопросом теоретико-познавательным. Формально-логический принцип тождества и т. п. обречен на познавательное бесплодие именно потому, что он сконструирован не в порядке „сокращения“ действительности, абстракции от объективного содержания действительности“ (стр. 67).

Ленин особо подчеркивает то, что логические категории Гегеля являются объективными, что они представляют собой абстракции действительности. Абстрактный метод занимает важное место в диалектической логике. Абстракция — первое условие науки. „Только научные абстракции позволяют нам охватить не отдельные материальные вещи, а законы их движения, что и составляет суть содержания действительности“ (стр. 69). Но истина конкретна. „Если истинное абстрактно, то он не истинно“, — говорит Гегель. „Философия же в высшей степени враждебна абстрактному и ведет обратно к конкретному“. Диалектическая логика не разделяет конкретное от абстрактного. Они представляют две стороны одного и того же, истина их — в единстве абстрактного и конкретного. „Логика (речь идет о диалектической логике. Д. Н.)— говорит в „Конспекте“ Ленин — есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей“, т.-е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т.-е. итог, сумма, вывод истории познания мира“. Такова ленинская постановка вопроса о соотношении формальной и диалектической логики, таково замечательное определение диалектической логики.

Автор в изложении мыслей Ленина о диалектике меньше всего останавливается на проблеме качества, количества, их связи и их взаимных переходов. Эта проблема заслуживает того, чтобы на ней останавливали внимание читателя, тем более, когда она в наше время стала центром философских дискуссий. Если Ленин сравнительно мало писал специально о качестве, количестве и т. д. в плоскости строго теоретической разработки, то зато трудно найти сколько-нибудь серьезную работу Ленина, где бы он не применял их со свойственным ему мастерством. Взять хотя бы „Развитие капитализма в России“, где он дает замечательные образцы применения методов качественного и количественного анализа. В сущности, в указанной и во всех позднейших аграрных работах Ленин дал блестящую марксистскую методологию статистики. Нашим современным близоруким механистам, конечно, трудно понять Ленина. Тов. Луппол не подчеркивает в достаточной мере ленинскую диалектику в его теории социальной революции, особенно проблему непрерывности и прерывности. Здесь в иной форме мы имеем дело с проблемой качества и

количества. Стронник механического (механистического) миропонимания оперирует только голым количеством, качества для него нет (о возникновении *нового* качества нечего и говорить). Занимаясь исключительно количественным анализом, механист неизбежно стоит на точке зрения *непрерывности*. Прерыва непрерывности, скачка в их концепции нет. В переводе на язык социальных отношений это значит реформизм, чистейший оппортунизм, отрицание революции. Это возвращает нас ко временам Л. Тихомирова, П. Струве и др. В фрагменте „К вопросу о диалектике“ („П. З. М.“ № 5—6 за 1925 г.) Ленин говорит о „разрыве“ постепенности, о скачке, о единстве непрерывности и прерывности. Достаточно прочесть V главу „Государства и Революции“ Ленина, чтобы понять глубоко диалектическую постановку вопроса о непрерывности, прерывности, о скачках и т. д. и отличить революционно-диалектическое учение Ленина от оппортунистических мыслей механистов, повторяющих избитые „истины старых друзей“ марксизма, П. Струве и К. о. Можно было бы привести превосходные места из „Империализма“ Ленина для конкретного применения процесса перехода качества в количество и обратно.

Больше всего у Ленина можно найти рассуждений о диалектическом законе единства противоположностей. В сущности этому вопросу посвящен почти весь фрагмент Ленина о диалектике. Приведем наиболее характерное место из этой статьи Ленина: „Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из сущностей, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель... Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (напр., у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма *примеров* (напр., „зерно“, „напр., „первобытный коммунизм“), то же у Энгельса. Но это для популярности, а не как закон *познания* (и закон объективного мира). В математике $+$ и $-$. Дифференциал и интеграл. В механике — действие и противодействие. В физике — положительное и отрицательное электричество. В химии — соединение и диссоциация атомов. В общественной науке — классовая борьба“. („П. З. М.“ № 5—6). Этот замечательный отрывок, в котором Ленин в двух-трех словах так глубоко поставил проблему единства противоположностей, нуждается в определенных комментариях. Их читатель найдет в рецензируемой работе. Ленинская постановка вопроса о единстве противоположностей попадает не в бровь, а в глаз механистам, которые дальше метафизического, формально логического понимания противоположностей не пошли. Конспект Ленина второй книги „Науки и Логики“ Гегеля („Сущность“) еще не опубликован. Именно в этой части „Конспекта“, надо полагать, можно найти богатые мысли Ленина о законе проникновения противоположностей. И автор правильно делает, когда именно на вопрос о единстве противоположностей обращает в своих комментариях такое большое внимание.

Отметим еще одну весьма интересную мысль Ленина о развитии противоречий в „Капитале“ Маркса. У Маркса в „Капитале“ сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое

обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного товарного общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) все противоречия (через зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост, и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ (в сумме, в системе) его основных частей от его начала до его конца“ („К вопросу о диалектике“). Ленин здесь поставил вопрос о начале „Капитала“, о переходе от абстрактного к конкретному (ср. „Логика“ Гегеля) и, самое главное, о единстве противоположностей, лежащем в основе товара, стоимости, абстрактного труда, капитала, закона тенденции нормы прибыли к понижению, классовой борьбы, закона неравномерного развития капитализма, накопления и обнищания рабочего класса, кризисов и т. д.

Значение материалистической диалектики т. Луппол видит в том, что „она есть методология знания на основе действия и методология действия на основе знания“ (стр. 91, курсив автора). С таким определением нельзя не согласиться.

В конце главы о диалектике автор совершенно верно и полно осветил отношение Ленина к диалектике Гегеля.

Теперь перейдем к вопросу о социальной методологии Ленина.

Первый вопрос, который встает перед нами,— это вопрос о марксистском понимании теории исторического материализма. Самым распространенным взглядом у нас является совершенно неправильное отождествление („незаконный брак“) истмата и социологии — как марксистской социологии. Автор в этом вопросе опирается на ранние работы Ленина („Друзья...“ и др.) и устами Ленина опровергает этот обычный взгляд. С точки зрения марксизма, с точки зрения исторического и конкретного метода мы „социологию“ не приемлем. Во-первых, социология не является исторической наукой, во-вторых, социология в обычном понимании является наукой об обществе вообще. А мы в категорической форме отбрасываем всякое абстрактное общество вообще. Общество с точки зрения марксизма должно быть понимаемо, как конкретное, данное, исторически определенное общество. Обычно в учебниках понимают общество, как ту или иную систему взаимодействующих людей. Маркс в „Наемном труде“, в конце 2-й ч. III т. „Капитала“ и в др. работах дал прекрасное определение общества, как исторически определенную совокупность производственных отношений. Ленин именно так и ставит вопрос. Он выдвигает теорию общественно-экономической формации, которая является основным в историческом материализме, и противопоставляет ее абстрактной, метафизической теории общества. Абстрактные определения общества — говорит Ленин в „Друзьях Народа“ — есть „только подсовывание под понятие общества либо буржуазных идей английского торговца, либо мещанско-социалистических идеалов российского демократа — и ничего больше“.

Теорию исторического материализма мы понимаем не как социологию, а как методологию истории, методологию социальных наук, короче говоря, социальную методологию. Мы отказываемся от философии, как „науки наук“, точно также от социологии, тоже претендующей быть

„царицей наук“. Исторический материализм — это применение диалектического материализма к истории. Диалектический материализм = философию (марксизма) мы понимаем как методологию всех наук (= теорию, логику наук). А раз это так, мы обязаны именно так понимать и истмат. Марксистской социологии быть не может, она может быть только буржуазной. А кто понимает истмат, как социологию, должен отказаться от методологического понимания философии и вернуться к гносеологическому или догматическому периоду в ее развитии. Тов. Луппол разработал этот вопрос достаточно основательно, используя почти все работы Ленина.

На содержании двух последних глав работы т. Луппола мы не имеем возможности подробнее остановиться. Проблема диктатуры пролетариата освещена в достаточной степени. Ясно, что автор тут нового ничего не дал и вероятно и не намеревался это сделать. Хорошо то, — и это надо подчеркнуть, — что он подходил ко всей сумме этих вопросов с методологической стороны. Несколько особняком стоит последняя глава о ленинской теории культурной революции. Тов. Луппол собрал воедино важнейшие мысли Ленина о культуре, представил читателю их в связанном виде и пытался их соответственным образом истолковать. И это он сделал очень хорошо. Тут интересно отметить, что статья о проблеме культуры была написана автором до появления знаменитых ленинских замечаний о теории пролетарской культуры Плетнева. Автор, пользуясь методом марксизма, встал уже тогда на верную точку зрения.

У автора встречаются отдельные неточные, неосторожные формулировки и выражения (напр., „Ленин, как идеолог пролетариата и беднейшего крестьянства“, стр. 133). Это только неточные выражения, которые не портят все: о контекста.

Язык книги популярный. Приятно читать серьезную книгу, написанную популярным языком. Однако местами автор изменяет этому качеству. Напр., на стр. 72 он цитирует „Конспект“ Ленина и не переводит на русский язык целый ряд специфических философских выражений на немецком языке. В конце приложен словарь (пояснения), помогающий мало подготовленному читателю лучше усвоить текст книги.

Книгу тов. Луппола, являющуюся ценным вкладом в нашу литературу по ленинизму, мы горячо рекомендуем читателю. Мы надеемся, что во втором издании автор расширит свою работу, несомненно используя „Философский сборник“ Ленина и др. новейшие материалы.

Дж. Намев

МЕЖДУ СПИРИТУАЛИЗМОМ И МАТЕРИАЛИЗМОМ

„Пути реализма“. Философский сборник. Москва. Издание авторов. 1926 г.

Рядом с укреплением философских позиций пролетариата и проникновением в широчайшие массы идей диалектического материализма, рядом с разработкой и популяризацией материалистической диалектики мы видим и явления обратного порядка, т.-е. вульгаризацию идей диалектического материализма, антифилософское и „механистическое поветрие“

в среде некоторых марксистов, увлечение модным идейным производством Запада (фрейдизм и т. п.), грубый реализм и практицизм.

Со всеми этими течениями, которые подчас маскируются самыми революционными названиями, прикрываются именами Маркса, Энгельса и Ленина, идет решительная борьба. Но нельзя вместе с тем упускать и того, что происходит в среде не-марксистов, в среде старой профессуры, среди бывших „патентованных“ философов.

Как влияет и отражается на их взглядах та „атмосфера марксизма“, в которой они живут, работают, учат других и в которой, если нашли в себе силы освободиться от косности и предрассудков, сами учатся у богатейшего времени, которое когда-либо было.

Выпущенный недавно философский сборник „Пути реализма“ в этом отношении крайне характерен. Субъективно авторы далеки от философского материализма, но в то же время их взгляды показывают, что они от спиритуализма уже отошли.

В этот философский сборник под общим названием „Пути реализма“ (Москва, издание авторов, 1926 г.) вошли следующие статьи: 1) Б. И. Бабынин — Критика наивного реализма, 2) Ф. Ф. Бережков — К проблеме объективности качественной действительности, 3) А. И. Огнев — Сознание и внешний мир, 4) П. С. Попов — О реальности категории и 5) его же — О функции суждения в познании. В предисловии, написанном Бабыниным, так характеризуются задачи сборника и среда авторов.

„Объединение в этом сборнике статей четырех исследователей неслучайно. Правда, авторы далеко не во всем солидарны друг с другом, они идут разными философскими путями, но их сближает общность реалистического направления в решении гносеологической проблемы внешнего опыта и, что особенно важно, та интуитивистическая форма этого решения, которая упраздняет антагонизм между философской теорией и жизненной практикой, устанавливая между ними гармонию“.

Итак, по Бабынину, авторов объединяет интуитивистическая форма реалистического направления в философии, которая призвана устранить антагонизм между философией и „жизненной практикой“. Правда, Бабынин считает, что в этих статьях читатель не найдет еще законченного очерка системы „нового реализма“, что „гносеологическая позиция этой системы еще недостаточно закреплена“, что еще идет борьба между „новым реализмом“ и другими гносеологическими течениями, опирающимися на властную силу традиций, „однако перспективы для построения системы нового реализма здесь открываются широкие“.

В этой связи интересно заслушать еще одно программное заявление Б. И. Бабынина в том же предисловии: „При защищаемой здесь реалистической позиции в теории знания остается непредрешенным, какому из выдвигаемых философами начал — материальному или нематериальному — следует отдать предпочтение в онтологии; может быть, даже не ставится самого вопроса о том, следует ли вообще отдавать предпочтение одному из них на счет другого. Эта точка зрения является онтологически нейтральной“.

Отметим пока для памяти, что указанные авторы считают вполне возможным решать в „новом духе“ вопросы теории познания и одновременно оставаться „нейтральными“ в решении онтологической проблемы о материальном и нематериальном начале.

Указанные заявления заставляют нас с известным интересом развернуть дальнейшие страницы этой книжки и познакомиться с „интуитивистической формой нового реализма“, открывающей такие широкие перспективы и реформирующей старые гносеологические теории и взгляды.

I

В первой статье того же автора (Бабынина) дается обоснование того, что автор понимает под наивным реализмом, и критикуются физические, физиологические, психологические взгляды, которые ведут современных естествоиспытателей и философов к солипсизму.

Под наивным реализмом понимается такое мировоззрение, которое свойственно „неискушенному научной рефлексией“ человеку. Тут же автор добавляет, что ему много приходилось беседовать с людьми, которые не знакомы с философией, и он вполне убедился в том, что эти люди стоят интуитивно на точке зрения наивного реализма.

Основные черты наивного реализма, по Бабынину, состоят в следующем: 1) в убеждении непосредственной данности предметов знания и 2) в убеждении о независимости содержания знания от познающего субъекта, как такового. Автор считает, что отрицание позиции наивного реализма неизбежно должно вести к идеализму и солипсизму. Автор борется с последним. Солипсизм, по его мнению, опровергается не только практически, как думают многие философы, но и теоретически. В чем же состоит это теоретическое опровержение? Оно, с точки зрения автора, заставляет обратиться к интуиции, т.-е. к простому указанию на „соданность субъекта и объекта и на их гносеологическую равноправность“. Итак, основная критика субъективного идеализма и солипсизма проводится автором с точки зрения интуитивной соданности субъекта и объекта, критика же трансцендентального реализма — с точки зрения того, что „знание должно быть непосредственным“.

„Наивно-реалистическая“ точка зрения, как мы видим, оказывается, по сути дела, основным положением *материализма* о существовании или реальности внешнего, объективного мира вне и независимо от сознания. Это основное положение является исходным пунктом как материалистической гносеологии, так и „онтологии“, выражаясь в терминах авторов. Раз вы считаете, что не может быть решения гносеологических проблем без этой основной посылки, будьте любезны признать: 1) что вы стоите в основном на материалистической позиции, 2) что тем самым вы и „онтологически“ вовсе не нейтральны. Онтологическая нейтральность ваша доказывает, что вы не можете всецело оторваться от идеализма, от спиритуализма и вообще от всякой такой философии, которая разрывает „теорию“ и „жизненную практику“. Вашу, по существу, материалистическую посылку в решении гносеологических вопросов (правда, довольно коряво сформулированную) вы прикрываете маской „наивного

реализма". Но материализм ни в чем другом и не состоит кроме того, чтобы признавать реальность, материальный мир существующим вне и независимо от субъекта и его сознания.

Верно, что основная посылка материализма есть также точка зрения всякого здравомыслящего человека. Однако наивна ли такая концепция? Не запутываем ли мы дело, говоря о наивности, интуитивистичности и т. д. и т. п.? Ведь эта точка зрения, эта посылка есть исходный пункт всего естествознания, всей науки вообще. Всякая наука — по своему существу материалистична, ибо она, изучая материальный мир, имеет предпосылкой его независимое существование.

Не наивен ли автор, который утверждает с серьезным видом о наивности, „неискушенности“ основной исходной позиции науки? Материализм не только исходный пункт, он *также результат* всякой науки, ибо развитие знаний, развитие наук неопровержимо каждый раз доказывает правильность материализма.

Бабынин недоволен критерием практики, являющимся с точки зрения марксизма основным моментом, опровергающим солипсизм. Этот критерий он хочет подкрепить еще интуицией. Но, во-первых, ссылка на интуицию навряд ли может быть признана „теоретическим“ опровержением солипсизма? Не наивно ли это в действительности? Во-вторых, что значит „интуитивная соданность субъекта и объекта“? Не есть ли эта „новая“ теория перефразировка старого хлама теории Авенариуса „о неразрывной координации (т.-е. соотносительной связи) нашего „я“ и среды“. Ленин уже давно показал, что „строить теорию познания на посылке неразрывной связи объекта с ощущением человека („комплексы ощущений“ — тела; „элементы мира“, тождественные в психическом и физическом; координация Авенариуса и т. п.) значит неизбежно скатиться в идеализм“. Одним своим туманным положением о „соданности“ субъекта и объекта автор вычеркивает все то, что он пишет против солипсизма, субъективного и других видов — идеализма. Наконец, если стоять вообще на точке зрения интуиции, то тут прокладывается прямая дорога к спиритуализму, мистицизму и всякому идеализму.

Интуиция нам врождена. Спиритуализм может сослаться на то, что *интуитивно* мы стремимся к богу! Стоя на точке зрения интуиции, — чем вы это опровергнете? Впрочем, может быть, из-за вашей „онтологической нейтральности“ вам и нежелательно это опровергать?

Материализм в борьбе с солипсизмом не нуждается в интуитивистической „поддержке“. Интуиция — темное место, где все кошки серы. Интуиция — это фактический выход за пределы философии, за пределы науки, о которой так „пекутся“ авторы.

Раз вы признали основную материалистическую посылку в теории познания, будьте тогда последовательны, рвите с „онтологической нейтральностью“, с „интуицией“. Выбросьте всю эту поповщину. Знакомьтесь с глубочайшим содержанием марксистской философской мысли, почитайте таких корифеев мысли, какими были Маркс, Энгельс, Ленин, Плеханов, и тогда вы поймете всю наивность „наивного реализма“ и сделаете дальнейший шаг к диалектическому материализму.

II

Интересна статья Ф. Ф. Бережкова „К проблеме об'ективной качественной действительности“. Общая установка — та же самая, что у других авторов этого сборника, т.-е. „оправдание об'ективности, или настоящей реальности знания, должно быть поставлено в основу современной философии“. Исходя из этой общей установки, автор критикует точку зрения первичных и вторичных качеств. Он считает, что если идеалистически истолковать вторичные качества — краски, звуки, цвета и пр., — то нельзя удержаться также на об'ективности пространства, материи, эфирных и воздушных волн и всего прочего — т.-е. первичных качеств — и придется логически неизбежно переходить на точку зрения Беркли. Он ставит вопрос так (стр. 49). „Одно из двух или: „физическая вещь“ есть конкретно эмпирическая вещь, имманентная опыту, тогда, в случае объявления вторичных качеств субъективными, такими же станут и первичные (пространство, движение и пр.), и физический мир будет „чисто субъективным“, что нелепо. Или же „физическая вещь“ определится исключительно такими понятиями, как атомы, ионы, энергия и т. п. или во всяком случае такими пространственными процессами, кои выразимы лишь материалистически, тогда она станет совершенно трансцендентной в конкретном опыте данной вещи. Физика тогда не может считать свои вещи пребывающими в естественно-воспринимаемом пространстве — другими словами, ее физическое пространство не может быть пространством жизненного мира восприятий“.

Позиция автора сводится к признанию об'ективности вторичных качеств (красок, цветов, звуков и пр.), к признанию, что эти качества присущи самым вещам независимо от воспринимающего их субъекта.

Рассматривая эту позицию автора, необходимо отметить следующее: он совершенно незнаком с *диалектикой*, с разрешением этого вопроса диалектическим материализмом. Опираясь на „властную силу традиции“ буржуазной философии, он не считает нужным принимать во внимание глубокое содержание диалектического материализма, разрешающего все вопросы теории познания. Благодаря своему незнакомству с диалектикой, автор, отрицая субъективизм, махизм, кантианство, не находит правильной дороги и становится на ненадежные с научной точки зрения пути „наивного реализма“.

Диалектический материализм — *различает*, субъективное представление, субъективную окраску (теплое, мягкое, красное, вкусное и т. д.) того или иного явления; он различает тот или иной „вид“ вещей — от „формы“ вещи, от того, что вещь представляет собой в действительности. Диалектический материализм не отождествляет субъективные качественные представления с реально существующими об'ективными качествами.

Проводя, однако, такое различие, диалектический материализм видит и единство наших восприятий с реальным миром; последнее состоит в том, что воспринимаемому нами качественному различию предметов соответствует и в действительности их качественное различие, т.-е. различие их строения, различие их формы, их действия, их внутренней закономерности. Об'ективный мир определен как количественно, так и качественно. Однако

объективное качество вещей отличается от „вида“ этого качества, т.-е. от субъективной и сообразно строению субъекта произведенной переработки этого внешнего объективного качества. Диалектический материализм своим решением вопроса избегает ошибок, с одной стороны, субъективного идеализма, беркленизма, махизма и т. п., а с другой стороны — „наивного реализма“, объявляющего субъективные качества реальными. Автор, благодаря незнанию диалектики или сознательному ее отрицанию, борясь с субъективизмом в различных формах, впадает в „наивную“ точку зрения. Несмотря на все это, он дает местами интересную критику механистического естествознания, рассматривающего объективный мир только в его количественной определенности.

Статья Ф. Ф. Бережкова наиболее выдержана в материалистическом духе из всего сборника. Приходится только пожалеть, что автор, став стихийно на материалистическую точку зрения в основном вопросе о сознании и бытии, боится об этом сказать ясно и открыто, не делает дальнейшего шага в сторону диалектического материализма, а защищает и пытается теоретически обосновать безнадежную позицию „наивного реализма“.

III

Один из авторов, Попов, занимается весьма интересным вопросом о реальности категории. И тут мы видим то же, что и раньше. Автор знает или, вернее, признает только Аристотеля, как философа, который широко и основательно поставил проблему логики, проблему категорий вообще и в частности проблему реальности категорий. Что касается других мыслителей, занимавшихся этими вопросами, то они остаются вне поля зрения автора. О категориях Канта он предпочитает не говорить, ибо относится отрицательно к трансцендентальному идеализму и критицизму. О Гегеле, который действительно впервые поднял на должную высоту, хотя и в идеалистической форме, учение о категориях, автор хранит полное молчание. Совершенно понятно в связи с этим, что в работе Попова не остается никакого места для марксистского решения вопроса о категориях и их „реальности“.

Попов совершенно правильно ставит вопрос о недостаточности наивного реализма для решения таких вопросов, каким является вопрос о категориях. На стр. 100 он пишет: „Если мы, пробив брешь во внешний мир (?), признаем только его чувственно-наглядный характер, его непосредственно данную красочность, то этим будет сделано еще очень немного, а, пожалуй, главное и не будет затронуто. Наивный реализм, как таковой, как простая теория восприятия основного *онтологического* вопроса, разрешить не может по существу своих заданий“.

Для того, чтоб дополнить, углубить „наивный реализм“, Попов фактически выходит за его пределы. Этим самым он доказывает, что точка зрения других авторов сборника крайне „недостаточна“. Он занимается довольно пространством анализом аристотелевских категорий, излагает различные толкования его учения и сам присоединяется к его реалистическому пониманию. Однако в результате своего присоединения он считает необходимым сделать оговорку, что нет необходимой связи между аристо-

левским учением о категориях, толкуемым в духе „нового“ реализма, и метафизикой его учения. Он пишет: „Разделяя и безусловно придерживаясь реалистического толкования аристотелевских категорий, мы несколько не ввергаем себя в его специфическую метафизику, она вовсе для нас не обязательна“. Делая еще ряд оговорок относительно возможной недостаточности категорий Аристотеля, о необходимости внести в общий строй сущего идеи единства, автор переходит потом к дальнейшему изложению своих взглядов. При этом он довольно основательно критикует тех, которые, подобно Лотце, проводят резкую грань между пределом *идей*, их содержанием и действительным объективным миром.

Мы не будем в этих коротеньких заметках касаться того, правильно ли толкование аристотелевских категорий, данное Поповым, можно ли согласиться со всеми положениями его критики Лотце и др. (хотя отметим, что критика в целом ведется с точки зрения материализма), — нам важно выяснить существо взглядов автора по вопросу о реальности категорий.

Взгляды эти сводятся к следующему: не может быть разрыва, пропасти между реальностью и понятием, между „реальным существованием и сущностью“, ибо в таком случае у понятия не было бы реальности, а у реальности не было бы понятия. Отсюда автор делает вывод о реальности категорий. *По сути дела* у автора высказана совершенно правильная мысль, только в своеобразной терминологии. Действительно, с точки зрения диалектического материализма, не может быть дуалистического разрыва между материальными предметами и понятиями, в которых первые научно познаются.

Понятия и категории сознания, будучи формами мысли, являются отражениями форм и содержания материального бытия. Этим самым уже дан ответ на вопрос — реальны ли категории? Категории с точки зрения диалектического материализма реальны в том смысле, что, будучи общими понятиями, они отражают и научно познают общие формы бытия. Каждая индивидуальная вещь, будучи вещью единичной, одновременно заключает в себе общее.

Категории материалистической диалектики не являются абстрактными понятиями, в смысле формально логическом. Они — конкретные понятия, при помощи которых индивидуальное, единичное, познается в своей общности. Эти категории являются основными инструментами научного познания.

Попов очень близко подходит к такому пониманию категорий, однако у него неясно формулирована материалистическая точка зрения, совершенно обойден вопрос о гегелевском учении о категориях, о переходе категорий друг в друга и т. д., и т. п.

Иными словами: в этой интересной статье сказалось то же, что присуще другим статьям этого сборника, — незнание материалистической литературы или сознательное ее игнорирование.

IV

Некоторого внимания заслуживает статья Огнева „Сознание и внешний мир“. Но не потому, что это наиболее близкая к материализму статья, а совершенно наоборот, — именно потому, что эта статья, хотя и признает общую всем авторам предпосылку материализма, наиболее

далека от него из всех статей сборника. В примечании в начале статьи А. Огнев пишет о себе следующее: „Если в начале моих самостоятельных занятий в области философии я определенно склонялся к спиритуализму, то с течением времени у меня стали закрадываться сомнения в *универсальной* (только в универсальной?! М. М.) истинности этой теории. Теперь я чувствую властную для себя необходимость значительно пересмотреть мое отношение к этому течению в области онтологии. Такая перемена моего отношения к спиритуалистической теории сущего, как ни отвечает она всему духовному складу, тем не менее тяжела мне в том отношении, что она знаменует *известное* расхождение с идеями моего незабвенного учителя, профессора Л. М. Лопатина, живую связь с мыслями и личностью которого, а также неизменной пиэтет, к которому я, конечно, по-прежнему в полной мере чувствую“ (Курсив мой. М. Б.).

Сама эта характеристика вполне ясна. Кто такой Лопатин, не требует особых разъяснений, стоит лишь вспомнить характеристику его как „философского черносотенца“, данную ему Лениным, и поэтому в статье Огнева больше остатков спиритуализма, лопатинщины, с которыми автор полновинчато пытался разделаться.

Посмотрим хотя бы на то, как автор характеризует материализм (стр. 68). „Если материализм, нашедший свое *наиболее полное* выражение в классическом атомизме, *совершенно игнорирует* внутренний мир человека и *догматически* полагается на одни показания внешнего опыта, то спиритуализм впадает в противоположную крайность...“ (курсив мой).

Ведь это поклеп на материализм! Ведь это полное невежество и повторение буржуазных сказок о том, что собой представляет современный материализм. Если не невежество, то сознательное его извращение.

Или вот еще местечко: „Если для всего строя мысли философов материалистов типичен рационализм в смысле отрицания всякого творчества и качественных изменений бытия, то для большинства спиритуалистов характерна утрата чувств количественной стороны бытия и подчеркивание индивидуально творческой природы его единиц“. О каком материализме ведется здесь речь, какой материализм отрицает качественные изменения бытия, об этом у автора ни слова.

Заслушаем еще одно место из статьи Огнева, которое показывает, как у него преломляется „наивный реализм“ и как он понимает объективность чувственных качеств. „Об явленные современной наукой субъективными так называемые „вторичные качества вещей“ являются *единственной нашей нравственной* связью с внешним материальным миром и изгнание их из него является не более и не менее, как изгнанием из мироздания красоты, как воплощения в чувственно воспринимаемом идеального начала“.

Пожалуй, ясно, что собой представляет „наивный реализм“ А. И. Огнева. Ясно также и то, что собой представляет „онтологическая нейтральность“ по вопросу об идеальном и материальном. Статья А. И. Огнева является известным диссонансом в этом сборнике.

V

После критического разбора этого сборника можно подвести некоторые итоги. Все авторы по сути дела отошли в большей или меньшей степени от спиритуализма, от идеализма и признали *основное положение материализма о существовании внешнего материального мира вне и независимо от сознания субъекта*. Однако авторы боятся признаться себе в своей материалистической исходной точке зрения и предпочитают называть свои взгляды наивным реализмом, новым реализмом и т. д. Это — трусливый материализм. Такая неудовлетворительная с нашей точки зрения терминология отнюдь не случайна, она является отражением непоследовательности и путаницы, которая существует у авторов. Действительно, как мы видели выше, когда авторы пытаются развить свои взгляды, уточнить свои положения, развернуть „новый реализм“, тут полностью сказывается их непоследовательность и путаница.

Авторы, как и полагается официальным и присяжным „философам“, совершенно игнорируют материалистическую философию вообще, а тем более современный диалектический материализм. Только в одной статье мы видим ссылки на „Материализм и эмпириокритицизм“ Ленина. Вся богатейшая сокровищница мысли, вся философская марксистская литература остается вне поля зрения философских „новаторов“. „Атмосфера марксизма“, как выражается в другом месте и по другому поводу один представитель старой профессуры, атмосфера, в которой живут, работают и занимаются „исследованиями“ авторы, как будто не производит на них никакого впечатления. Конечно, по сути дела именно она, бессознательно для самих авторов, является тем будирующим фактором, который толкает их менять свои философские „вехи“.

Этот сборник показывает, что не только игнорируется материалистическая философия, к которой авторы обычно фактически приходят. Он показывает также и то, что у части нашей профессуры до сих пор существует крайне неправильное представление о материализме. Судя по отдельным замечаниям на этот счет, представление о материализме у них такое, которое бесконечно распространялось в буржуазных философских „трудах“.

Все статьи этого сборника свидетельствуют о сдвиге у авторов, отошедших от спиритуализма, критикующих различные виды идеализма, однако занимающих еще не научную, половинчатую, крайне непоследовательную философскую позицию. Никаких перспектив у „наивного реализма“, тем более подправленного интуицией, — нет и быть не может. Никакой новой системы реалистического направления не создать, ибо это будет лишь перепоном довольно старых теорий неокантианства, махизма, авенариусизма и т. д. и т. п.

Единственный последовательный путь (а „последовательность — одно из основных свойств философа“) от признания „наивной“ точки зрения, т.-е. существования вне и независимо от субъекта объективного мира, — это путь к современному диалектическому материализму. Мы можем только пожелать авторам сборника (конечно, живым: Огнев умер в 1925 г.) действительно стать на этот путь — познакомиться с современным материализмом

по первоисточникам, а не из третьих рук буржуазной философии, окончательно отказаться от „онтологического нейтрализма“ и перейти с „наивной“ точки зрения на действительно научное понимание материализма.

М. Митин.

Э. Кречмер. — „*Медицинская психология*“. Русский перевод с третьего немецкого издания. Стр. 349. Изд. „Жизнь и Знание“. 1927.

Книга Кречмера, недавно появившаяся в русском переводе, способна привлечь к себе внимание всякого, кто углубленно интересуется проблемами психологии и психопатологии. Кроме того, она имеет несомненно и более широкое значение, как связанная с вопросами обще-теоретического и методологического характера. Именно в этом последнем ее качестве нам желательно здесь подчеркнуть ее разбору, что не исключает, конечно, необходимости анализа этой книги и с целого ряда других — более специальных — точек зрения.

Одно из основных достоинств „Медицинской психологии“ состоит в том, что собранный в ней фактический материал оценивается и связывается под углом зрения известных философских предпосылок. В дальнейшем будет показано, что некоторые из этих предпосылок ничего общего не имеют не только с марксизмом, но и с основами материализма вообще. И, тем не менее, следует считать чрезвычайно ценной самую попытку широко теоретически подойти к эмпирическим данным психологии, — даже независимо от действительного содержания теоретических обобщений. Однако, как мы увидим далее, в разбираемой книге есть много элементов подлинной материалистической диалектики, что придает книге еще больший интерес.

Поскольку в широких кругах специалистов в области психологии и психопатологии господствует более или менее выраженное пренебрежение к проблемам философии, — сознательный отказ от грубого эмпиризма, последовательно проводимый в книге Кречмера, должен быть сугубо подчеркнут.

Уже тем самым, что „Медицинская психология“ порывает с эмпиризмом, она в значительной степени готовит почву для применения философии марксизма к проблемам психологии. Более того, эта книга вступает в определенное отношение к борьбе между механистами и диалектиками в области психологии — момент, особенно подчеркивающий принципиальное значение книги Кречмера.

Отмеченная борьба сильно оживилась за последние годы и сравнительно недавно нашла свое яркое выражение в выступлениях Струминского, как законченного идеолога наших рефлексологических школ, с одной стороны, и Корнилова, руководителя Моск. Психол. Института — с другой стороны.

Основным предметом борьбы было истолкование сущности психики и установка тех методологических положений, которые непосредственно связаны с характером этого истолкования.

Поскольку психика может быть рассматриваема и как субъективная и как объективная категория, разногласия естественнее всего сгруппировать вокруг трактовки каждой из этих категорий.

С субъективной стороны психика есть совокупность непосредственно воспринимаемых переживаний. Являются ли эти переживания реальным качеством мозговых процессов, или же они — лишь видимость, лишь иллюзия, подлежащая разоблачению? Таков первый из основных вопросов в сущности старинного, но в новых условиях вновь ставшего актуальным спора. Как и следовало ожидать, механисты от психологии, верные своему обыкновению растворять качество в количественных изменениях материи, решают поставленную дилемму во втором смысле. „Психика есть миф“ — такова наиболее отчетливая из формулировок Струминского. С его точки зрения, мысль есть заторможенный рефлекс — и ничего более. Субъективное состояние, вопреки очевидности, не есть реальность для Струминского; оно подлежит полному отождествлению, вернее, слиянию с движением материи. Этим самым проблема субъективности — объективности в ее онтологической постановке снимается полностью или, другими словами, разрешается в духе вулгарного материализма прошлого столетия. О ближайшем родстве такого решения с шумевшей в свое время теорией Енчмена особо говорить не приходится.

Само собой разумеется, подобного рода взгляды не имеют ничего общего с диалектическим материализмом. Теоретики марксизма, начиная с Энгельса, продолжая Плехановым и Лениным и кончая Бухариным, рассматривали психику как реальное свойство особо организованной и особым образом движущейся материи на высших ступенях ее развития. Подобно тому, как колебания эфира извещной частоты приобретают свойство разлагать бромистое серебро на фотографической пластинке, так и нервное вещество, организованное в сложнейшие комплексы нейронов, в процессе своего функционирования начинает обладать способностью регистрировать, осознавать свою собственную функцию. Выделять эту способность в особый вид материи, отличный от нервного вещества и невродинамики, — значит, во первых, заниматься совершенно необоснованным „удвоением“ (по выражению Бухарина) материальных процессов мозга и, во-вторых, ни на шаг не продвигаться в разрешении поставленной проблемы.

Отмежевываясь, таким образом, от вулгарного материализма, основоположники марксизма, с другой стороны, дают резкий отпор и спиритуалистическим построениям. Поскольку субъективные переживания суть не что иное, как свойство материи, не может быть и речи о том, что они являются выражением чего-то, от материи независимого и субстанционально-отличного. Напротив, ощущение и сознание связаны с материей неразрывно, именно, как ее свойство, подобно тому, как четырехугольная форма данного стола не обладает никаким отдельным от этого стола бытием, а, наоборот, спаяна с бытием стола теснейшим образом.

Если субъект и объект подлежат противопоставлению, то это допустимо и необходимо лишь в условном, относительном смысле, а именно при гносеологической постановке вопроса, т.-е. тогда, когда под субъектом разумеется познающее „я“, а под объектом — внешний мир. Но

поскольку соотношение субъективного и объективного рассматривается с точки зрения связи между психическим и физическим у данного индивидуума, „оперировать с противоположностью материи духу...“, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой“. Последние слова, заключенные в кавычки, взяты у Ленина, которому принадлежит и весь только что изложенный ход мыслей об отношениях между субъективным и объективным (Ленин, Собр. соч., Т. X, стр. 204—205).

В духе этой именно теории психо-физического монизма, органически спаянной с основами материалистической диалектики, и было сделано контр наступление диалектиков в ответ на механистическую вылазку Струминского и его сторонников.

Едва ли только что очерченную борьбу взглядов можно третировать, как схоластическое словопрение. Такое отношение к вопросу было бы ошибочным, ибо от оценки природы психических состояний зависит и ряд практических, методологических выводов, крайне важных для научной психологической работы. В частности, из марксистского решения проблемы вытекает, с точки зрения методологии, принципиальная необходимость не только объективного, но и субъективного (путем интроспекции) изучения механизмов поведения. Разумеется, эта принципиальная сторона дела отнюдь не предрешает вопроса о равноценности обоих методов — вопроса, разрешаемого в процессе конкретной научной работы. Именно этот конкретный подход обнаруживает столь много недостатков за методом самонаблюдения, что этому методу можно отвести лишь подчиненное место, предоставив безусловное первенство объективным способам изучения.

Еще более глубокое методологическое значение для психологии имеет вопрос о психике, как об *объективной категории*. — второй узловой пункт борьбы между механистами и диалектиками в науке о механизмах поведения.

Рассматривать психику с объективной стороны — значит иметь в виду те именно процессы высоко организованной материи, о субъективно-психических свойствах которой шла речь на предыдущих страницах.

Что эти процессы действительно относятся к биологически наиболее дифференцированной материи — не пытается оспаривать ни один механист. Другое дело — вопрос об отношении этих процессов к процессам *нервно-физиологического* порядка, также протекающим в мозговом веществе. Механист и диалектик решают этот вопрос по разному.

Для психологов типа Струминского материально-динамический субстрат психических состояний не обладает никакими качественными отличиями по сравнению с физиологическими процессами. С его точки зрения психические процессы есть те же физиологические, только усложненные, измененные количественно. Конкретно это означает, например, что механизм любого, самого сложного психического акта следует рассматривать никак иначе, чем *сумму* рефлексов — в виде ли одновременного сочетания этих последних или в виде последовательной смены отдельных звеньев рефлекторной цепи. Другими словами: нет такого акта поведения, механизм которого в *ближайшем, непосредственном счете* не сводился бы для механиста к примитивным рефлекторным реакциям.

Из такого фактического отрицания каких бы то ни было качественных градаций в аппаратуре поведения следует целый ряд выводов, принципиально важных в методологическом отношении. Прежде всего, с этой точки зрения, психика отрицается *нацело*, — нацело потому, что отрицание относится здесь уже не только к субъективным состояниям, но и к *объективному* качественному своеобразию психики. Вместе с этим, естественно, лишается всяких прав на существование и психология, как наука о наиболее сложных механизмах поведения. В лучшем случае сохраняется в угоду традициям лишь самый термин „психология“ — с тем, однако, чтобы вложить в этот термин исключительно физиологическое и рефлексологическое содержание.

С методологической точки зрения это означает не что иное, как, с одной стороны, пренебрежение ко всем положительным достижениям объективной экспериментально-психологической методики, а с другой стороны — попытку перенести на человека приемы рефлексологического изучения принципиально в том же виде, как это имеет место в павловских лабораториях на животных.

С большей или меньшей степенью договоренности эта серия взглядов проводится всеми механистами в области психологии, в том числе и рефлексологами, поскольку они впадают в теоретические обобщения. Сам И. П. Павлов является среди них наиболее осторожным, но и в его формулировках звучит отрицание качественной грани между физиологией и психологией.

С точки зрения подлинного марксизма вышеприведенный круг взглядов отягощен всеми недостатками упрощенства, столь характерного для механистов и столь опасного для поступательного хода научной работы в любой области.

Высшие формы мозговой деятельности отличаются от низших ее форм не только субъективно-психическими свойствами, но и объективными качественными особенностями. Такова единственно плодотворная диалектическая предпосылка всякой работы в области психологии.

И, тем не менее, наши механисты обвиняют ее во всех грехах витализма, достаточно ясно характеризую этим лишь уровень своего знакомства с основами марксизма, от имени которого они пытаются выступать.

Для марксиста качественное своеобразие психики отнюдь не является чем-то привнесенным *извне* в мозговую деятельность, как это свойственно утверждать разного рода спиритуалистам и эклектикам. Психика есть особая форма движения материи, возникшая в *процессе развития* других, более примитивных ее форм. Другими словами, между физиологическими процессами, с одной стороны, и психическими — с другой, несмотря на их качественное отличие друг от друга, существует непосредственная *преемственность*. Разве одного лишь этого раз'яснения недостаточно для того, чтобы стала ясной та непроходимая пропасть, которая отделяет диалектика от виталиста?

И еще один существенный момент. С точки зрения реакционного психолога особые качества психики *непознаваемы* в отношении их происхождения и возникновения. С нашей же точки зрения, *генез* каждого психического качества целиком об'ясним из тех более примитивных

процессов, которые лежат в его основе; объясним потому, что принципиально новое качество может быть выведено, *воспроизведено* из сочетания этих более простых процессов, а воспроизведение есть единственный необходимый и достаточный критерий для объяснимости и познаваемости любого объекта.

Другое дело, если речь идет о новых закономерностях, характерных для нового качества, раз оно *уже* возникло. Здесь, конечно, необходимо твердо оговорить несомненную *специфичность* этих новых закономерностей; и поскольку это так, к изучению таких закономерностей следует подходить с *особой* объективной методикой, с особо поставленным экспериментом, с особой единицей количественного учета.

Само собой понятно, что такое положение вещей создает твердую почву для существования психологии, как самостоятельной науки. Эта наука специально относится к высшим механизмам человеческого поведения, и поскольку эти высшие механизмы действуют не изолированно, а в тесном и сложном контакте с остальными мозговыми процессами, психология, тем самым, является наукой о механизмах поведения вообще, во всей их совокупности.

Все только что сказанное о борьбе механистов и диалектиков в области психологии имеет самое непосредственное отношение к оценке рецензируемой работы Кречмера. Богатая как фактическим материалом, так и теоретическими обобщениями, эта работа, разумеется, интересна с очень различных сторон. Здесь, однако, нас интересует ее общая теоретическая оценка.

Прежде всего работа Кречмера является блестящим практическим обоснованием права как психологии, так и психопатологии на самостоятельное существование. Если старая т. н. эмпирическая психология с перманентным бесплодием всех ее начинаний, действительно, создавала почву для отрицания психологии вообще, то современная психология, поскольку она стала на правильный методологический путь и собрала огромную массу ценного фактического материала, завоевала себе тем самым достаточно солидное „место под солнцем“. Именно это и доказывалось всем содержанием книги Кречмера.

В связи с только что сказанным большую важность приобретает вопрос о тех методах, при помощи которых раскрыты новые психологические факты и закономерности. В работе Кречмера достаточное место отводится достижениям физиологии, но физиологический анализ, как способ изучения психологических актов, играет в книге самую скромную роль. Зато первенствующее значение придается, с одной стороны, специально-психологическому эксперименту, с другой стороны, учету тех психологических изменений, которые возникают при психических заболеваниях. Все эти данные сопоставляются с многочисленными наблюдениями из повседневной жизни, а также с фактами филогенетического порядка. Очень существенно также, что материалом для изучения являются почти исключительно *объективные* выражения психической жизни — протокольные записи высказываний, рисунки и др. продукты изобразительной деятельности. Богатство результатов, достигнутых таким именно образом, есть, на наш взгляд, наилучшее оправдание того метода, который при этом

был избран, и полной адекватности этого метода относительно изучаемого психологического материала.

В тех случаях, когда Кречмер пользуется физиологическим или примитивно биологическим анализом (например, в учении о темпераментах и влечениях), он ясно отдает себе отчет в том, что он изучает лишь элементы, лежащие в основе психики, но еще не самое психику.

Переходим к оценке содержания книги по существу.

В изложении Кречмера материально-динамическая аппаратура поведения предстает перед нами, как исключительно сложная. Многообразие функций и их механизмов воплощается не только в многослойной структуре психики, но и в множественности механизмов, действующих в пределах одного и того же слоя. Разумеется, психология еще не созрела до того, чтобы с полной ясностью установить все основные связи между этими механизмами. Кречмер ясно сознает, что такая именно задача во всей ее трудности еще стоит перед психологией. Именно поэтому он не берется дать совершенно стройную схему взаимоотношений между психическими функциями. С другой стороны, наличие большого количества неясностей и еще нерешенных проблем отнюдь не оказывает тормозящего влияния на его научную мысль. В „Мед. психологии“ нет недостатка в попытках связать некоторые из смежных областей, если для этого есть достаточно оснований. В результате такой работы психика в изображении Кречмера рисуется, как достаточно связанное целое.

О каких же механизмах идет речь у Кречмера? Прежде всего — о наиболее элементарных, субстратом которых является не совокупная нервная система, а лишь отдельные ее части. Это — механизмы мозговой физиологии в узком смысле этого слова. Здесь отдельному рассмотрению подвергается физиология коры и физиология подкорковых образований, при чем особо учитываются все новейшие данные относительно серых узлов полушарий с их автоматически-двигательными, вегетативными и аффективными функциями. Кречмер относится с тем большим вниманием к этой области, что в подкорковых узлах он видит основной органический источник энергии, питающий психические механизмы, главную передаточную станцию между биохимическими процессами организма, с одной стороны, и психикой — с другой. Эти же узлы имеют и большое значение для свойств темперамента, этого объекта известных исследований Кречмера.

В отношении функций коры сообщаются интересные данные о закономерностях элементарных процессов ощущения и о синтезе этих процессов в более высокие — так наз. форменные функции, по законам которых работают аппараты гнозии (примитивное узнавание) и праксии (действие по автоматическим двигательным формулам).

Систематический обзор всех этих физиологических (и частично стоящих на грани с психологией) функций логически связан у Кречмера со всем дальнейшим изложением, отнюдь не производя впечатления побочного привеска. — впечатления, столь характерного для ряда старых курсов психологии. У Кречмера физиологические механизмы достаточно ярко фигурируют, как те элементы, из которых синтезируются высшие психические функции.

В только что очерченной физиологической сфере различные механизмы соответствуют различным ступеням филогенетического развития; и сообразно этому Кречмер формулирует здесь целый ряд основных „законов напластования“ функций.

Тот же принцип напластования характеризует, по Кречмеру, и область подлинно психических образований. Так, например, в сфере мыслительной деятельности следует различать, с одной стороны, механизмы апперцептивного, логического мышления — этот продукт высших стадий исторического развития, и, с другой стороны, так наз. *гипоноические* механизмы, свойственные мышлению дикарей, детей и душевно-больных людей с распадом более высоких психических пластов. То же самое имеет место в сфере психомоторных механизмов, при чем здесь квалифицированным волевым актам нормального взрослого человека противостоят более примитивные функции, обозначенные Кречмером как *гипобулические*. Как гипоноическим, так и гипобулическим механизмам Кречмер уделяет особенно большое внимание в связи с тем, что его „Медицинская психология“ преследует, главным образом, психопатологические цели.

Здесь не место вдаваться в подробный разбор этой части работы Кречмера. Следует лишь подчеркнуть, что гипоноические механизмы характеризуются целым рядом им одним свойственных отличий. В них нет той дифференцированности и систематизированности отдельных актов, тех процессов сложного анализа и синтеза, дедукции и индукции, какие специфичны для квалифицированного мышления. Зато в гипоноической сфере действуют другие закономерности, и притом характерные для нее одной. Сюда относятся законы так наз. сгущения образов, их замещения, стилизации, символики и т. д.; аффективные компоненты этой сферы также имеют ряд своеобразных черт, напр., амбивалентность¹⁾, тенденция к проецированию во-вне и т. п. Именно это качественное своеобразие механизмов известного пласта психической жизни мы подчеркиваем здесь с особенной силой, ибо признание этого обстоятельства, — кстати сказать, хорошо доказанного у Кречмера аргументами из различных областей знания, — имеет большое методологическое значение.

Поскольку теория гипоноических механизмов имеет ряд точек соприкосновения с теориями Фрейда, здесь нельзя не сделать хотя бы краткого замечания об отношении Кречмера к фрейдизму. Кречмер отнюдь не приемлет фрейдизм, как систему; он заимствует из работ Фрейда лишь отдельные фактические положения, да и то лишь те, которые подтверждаются на его собственном объективном материале.

Для Кречмера наличие бессознательной „сферы“ бесспорно. И в этом он прав, ибо психические двигатели поведения отнюдь не исчерпываются лишь теми, которые ясно регистрируются в поле сознания. И тем не менее, между бессознательным Фрейда и Кречмера существует огромная разница.

¹⁾ Т.-е. наличие в психике двух взаимно исключаящих друг друга отношений к одному и тому же объекту.

По Фрейду, бессознание характеризуется не столько особыми формами своей деятельности, сколько специфическим ее *содержанием*; специфическим — потому, что, с точки зрения Фрейда, бессознание есть совокупность унаследованных переживаний доисторического человека. В этом своем виде бессознание противостоит сознанию, как особая психическая инстанция, совершенно самостоятельная и обязательно враждебная тенденциям сознания. У Кречмера дело обстоит иначе. Качественное отличие бессознательной сферы состоит лишь в особой *структуре* ее механизмов; содержание же работы этих последних в такой же мере определяется наличной социальной средой, как и содержание сознательной деятельности, а стало быть — не имеет ничего специфического. Это означает, что у Кречмера бессознание фигурирует не как самостоятельный двигатель поведения, а как группа механизмов сравнительно низкой квалификации, принимающих участие в общей работе психики. Никакой абсолютной конкуренции между бессознанием и сознанием не существует, ибо в известных условиях работа высших механизмов только и возможна при сотрудничестве со стороны аппаратов низшего порядка. Таким образом, взгляды Кречмера на природу бессознательного ничего общего не имеют с метафизичностью и биологизмом, столь характерными для построений Фрейда. Точно так же Кречмер достаточно далек и от фрейдовского пансексуализма.

Заканчивая обзор содержания „Медицинской психологии“, следует особо отметить те главы книги, где разбираются наиболее сложные механизмы психической деятельности, именно такие механизмы, в работе которых совместно участвуют все компоненты психики — от низших до высших. Здесь речь идет, главным образом, о структуре *характера*, который, по Кречмеру, складывается из взаимодействия врожденно конституциональных моментов, с одной стороны (сюда К. относит особенно сти темперамента и влечений), и целого ряда вторичных, нажитых психических образований — прямых продуктов наличной социально-экономической обстановки, — с другой. Моменты обоих порядков отнюдь не сожительство изолированно друг возле друга, а, напротив, оказывают друг на друга трансформирующее влияние и, действуя совместно, дают начало таким психическим образованиям (вроде, напр., так наз. сверхценной идеи), которые надолго определяют все поведение личностей или, по крайней мере, придают ему ряд характерных черт.

Качественное своеобразие также и этих механизмов, не только по сравнению с частичными механизмами человеческой психики, но и по сравнению со сходными целостными функциями животных, находится вне всякого сомнения.

К каким теоретическим и методологическим выводам обязывает материал, изложенный в работе Кречмера?

Прежде всего к выводу о том, что область психики качественно неоднородна, что внутри психики есть целый ряд механизмов, качественно отличных друг от друга и обладающих каждый своими особыми закономерностями. Многократная качественная ступенчатость психики становится еще очевиднее при учете того обстоятельства, что социальные влияния не только определяют *содержание* реакции, но и трансформируют ее

врожденно органический механизм; другими словами, влияния социальной среды материализуются в психической аппаратуре в виде особых компонентов последней. Тем самым в число психических закономерностей, по мере развития личности, входят закономерности еще более высокого, так сказать, *социально-психического* порядка.

Второй вывод должен относиться к вопросу о связи между качественно столь разнородными психическими механизмами. Что эти механизмы действительно находятся в теснейшей связи друг с другом — об этом говорит каждая страница „Медицинской психологии“. В первую очередь совершенно явственно выступает наличие *генетической* преемственности между различными слоями психической жизни, как это показывают приводимые Кречмером факты из морфологической и функциональной истории развития. С другой стороны, и независимо от этих фактов Кречмера, основываясь, главным образом, на данных рефлексологии, можно легко вывести качественные особенности низших психических функций из количественных изменений в области безусловных и условных рефлексов. Это не значит, конечно, что то же самое можно сделать также и в отношении высших психических функций. В ближайшем счете павловским рефлексам здесь делать нечего, но подобно тому, как эти рефлексы обусловили возникновение низших психических образований, так и сочетание этих последних порождает качественные особенности высших механизмов психики. *В последнем же счете* и здесь генетическая роль безраздельно принадлежит примитивным рефлекторно-физиологическим процессам. Таким образом, все многообразие механизмов психики отчетливо укладывается по непрерывной, но испещренной качественными узлами линии исторического развития.

Помимо генетической преемственности, связь между различными психологическими механизмами осуществляется еще и в форме их совместного сочетанного действия. Ни один из механизмов не работает изолированно. Об этом в первую очередь говорят, например, характерологические исследования Кречмера. То же самое относится и к области мышления. Вот что по этому поводу пишет Кречмер: „Мы должны вообще представлять себе, что более высокий апперцептивный тип мышления никогда не совершается один, сам по себе, но всегда представляет только верхнюю надстройку над постоянно продолжающим работать внизу механизмом свободных ассоциаций мысли. Непрерывно по всем направлениям там внизу совершаются свободно-ассоциативные соединения, но руководящее представление, как магнит, висит над ними и притягивает родственные ему элементы наверх, в свет сознания, между тем как другие элементы, едва успев возникнуть, уже снова теряются в темной сферической (бессознательной. *И. С.*) подпочве“ (стр. 144).

Строго говоря, ни одна психическая функция не совершается без совокупной целостной работы всей нервной системы. Более того, учет всех факторов эндокринного, вегетативного и биохимического порядков заставляет, как на это указывает и Кречмер, прийти к заключению, что в момент проявления любой психической функции действует *весь организм в целом*. Само собой разумеется, такая целостная работа всего организма отнюдь не исключает, а даже, наоборот, предполагает преиму-

щественную локализацию возбуждения в каком-нибудь одном из аппаратов нервной системы.

Еще одно важное замечание: если психика представляет собой единое связанное целое, то это еще отнюдь не означает, что это целое является гармоничным, согласованным во всех своих частях. И данные повседневного наблюдения, и объективные факты из психопатологии, в достаточном количестве приводимые и Кречмером, указывают на то, что психические образования связаны друг с другом не только по типу сотрудничества, но и по типу *противоречия*. Там же, где налицо система противоречий, неизбежно возникают все частные законы диалектического развития. Глава из „Медицинской психологии“, где идет речь о так наз. *эксплозивных* и *внезапных* реакциях, прекрасно иллюстрирует один из этих диалектических законов — закон скачкообразного возникновения качества.

Суммарный вывод из всего вышесказанного должен быть сформулирован следующим образом: богатый фактический материал, изложенный в „Медицинской психологии“ Кречмера, дает прочное подтверждение тому взгляду, что область психологии есть область господства объективных диалектических законов.

Если объективно дело обстоит именно так, то и *субъективное* отношение исследователя к проблемам психологии должно быть построено на принципах диалектической методологии.

Что касается Кречмера, то у него, несомненно, имеются элементы сознательной диалектической методологии, хотя бы у него ни разу не упоминалось слово „диалектика“.

Лучшим доказательством этого положения является то место из „Медицинской психологии“, в котором Кречмер, апеллируя к „гносеологически образованному читателю“, с полным основанием доказывает, что факты из старой, т. н. ассоциативной психологии и факты из новейшей „психологии переживаний“ не исключают друг друга, как на этом настаивают сторонники обеих психологических школ, а, наоборот, взаимно друг друга дополняют, ибо обе категории соответствуют каждая особому качественному слою психических механизмов.

Характеризуя мышление Кречмера, больше чем об *отдельных элементах* диалектического материализма говорить нельзя, ибо у автора „Медицинской психологии“ можно подчас обнаружить и такие элементы мышления, которые находятся в резком контрасте даже с основными принципами любой разновидности материализма вообще. Чего стоит, напр., такое заявление Кречмера: „Во всяком случае, — пишет он, — можно осмелиться сказать, что некоторые виды *спиритуалистического монизма* (курсив автора) образуют то мировоззрение, которое, очевидно, еще наилучшим образом соответствует современному дисциплинированному мышлению. Это мировоззрение при строгом подчеркивании последнего единства всех вещей признает несомненным эмпирический примат духовного перед материальным“. Такого сорта принципиальное заявление можно было бы, пожалуй, положить в основу всей оценки данной работы Кречмера, и если я, тем не менее, этого не сделал, то прежде всего потому, что такое *credo* автора фактически не оказало сколько-нибудь заметного влияния

на действительное содержание его работы. Повидимому, логика фактического материала оказалась сильнее, чем идеалистические абстракции Кречмера. Я не стану также особо подчеркивать некоторых более частных недостатков книги, к числу которых относится, например, почти полное умолчание о достижениях рефлексологии — этой достаточно важной составной части общей науки о механизмах поведения. Кроме того, к ошибкам Кречмера следует причислить и то, что он недостаточно критически относит к врожденным особенностям темперамента ряд таких свойств личности, которые, несомненно, в огромной степени являются продуктом социальной среды.

Такого рода „мягкое отношение“ к недочетам Кречмеровой работы вызвано тем, что положительные ее стороны развиты достаточно мощно, и именно эти стороны делают из книги Кречмера хорошее орудие в руках тех, кто участвует в борьбе за проникновение диалектического метода в область психологии и психопатологии.

И. Санин

IV. ХРОНИКА

ПОЛОЖЕНИЕ (УСТАВ) О КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ПРИ ЦИК СОЮЗА ССР ¹⁾

I. Общие положения

1. Коммунистическая Академия является высшим всесоюзным ученым учреждением, имеющим целью изучение и разработку вопросов обществоведения и естествознания, а также вопросов социалистического строительства, на основе марксизма и ленинизма.

2. Коммунистическая Академия состоит при ЦИК Союза ССР и представляет ежегодно Президиуму ЦИК Союза ССР отчет о своей деятельности.

3. В задачи Коммунистической Академии входит:

- а) разработка вопросов марксизма и ленинизма;
- б) борьба с буржуазными и мелкобуржуазными извращениями марксизма;
- в) борьба за строгое проведение точки зрения диалектического материализма как в обществоведении, так и в естественных науках и разоблачение пережитков идеализма.

4. Для осуществления этих задач Коммунистическая Академия:

- а) ведет научно-исследовательскую работу во всех отраслях знания;
- б) привлекает к общей работе родственные по цели учреждения и отдельных научных работников марксистов как в пределах Союза ССР, так и за рубежом, а равно оказывает означенным учреждениям и лицам всестороннюю помощь;
- в) создает кадры высококвалифицированных работников в области теории и практики марксизма и ленинизма;
- г) распространяет среди широких масс трудящихся знания, проникнутые духом марксизма и ленинизма;
- д) ведет научно-экспедиционную работу.

¹⁾ Утверждено Президиумом ЦИК ССР 26 ноября 1926 г.

5. Коммунистическая Академия устанавливает и поддерживает связи с учебными учреждениями и научными обществами как Союза ССР, так и других стран.

6. Коммунистическая Академия публикует труды своих членов, научных сотрудников и др. ученых, а также своих учреждений в периодических изданиях, сборниках или отдельными книгами как на русском языке, так и на языках наций, населяющих Союз ССР, а в отдельных случаях и на иностранных языках.

7. Коммунистическая Академия имеет право учреждать исследовательские институты, секции и т. п. подсобные научные учреждения и организации, по соглашению с Комитетом по заведыванию ученой, учебной и литературно-издательской частью учреждений ЦИК Союза ССР, с последующим утверждением Президиума ЦИК СССР.

8. Производственные планы Коммунистической Академии утверждаются Комитетом по заведыванию ученой, учебной и литературно-издательской частью учреждений ЦИК Союза ССР.

9. Коммунистическая Академия имеет право объявлять конкурсы и назначать премии. Для осуществления указанных задач Коммунистическая Академия образует специальные комиссии.

10. Коммунистическая Академия состоит на государственном бюджете по общей смете ЦИК Союза ССР.

II. Состав Коммунистической Академии

11. Коммунистическая Академия состоит из действительных членов и членов-корреспондентов, ученых специалистов, а также старших и младших научных сотрудников.

12. Действительными членами могут быть лица, способствовавшие развитию идей марксизма и ленинизма и приобретшие широкую известность или научными трудами или своей плодотворной практической деятельностью.

13. Действительные члены избираются общим собранием Коммунистической Академии и в установленном порядке утверждаются ЦИК Союза ССР.

14. Действительные члены обязаны:

- а) участвовать в общей работе Коммунистической Академии;
- б) вести работу по крайней мере в одном из учреждений Коммунистической Академии;
- в) выполнять отдельные задания по поручению Коммунистической Академии;
- г) руководить научной работой ученых специалистов и научных сотрудников по соответствующей специальности.

15. Право рекомендовать кандидатов в действительные члены Коммунистической Академии принадлежит:

а) членам Коммунистической Академии, при чем рекомендация должна быть поддерживаема не менее, чем тремя членами Коммунистической Академии;

б) научным учреждениям Коммунистической Академии, и

в) аналогичным научным учреждениям союзных и автономных республик.

16. О всех выдвигаемых кандидатурах Президиум Коммунистической Академии извещает действительных членов не позднее, чем за два месяца до того общего собрания, на котором данные кандидатуры будут подвергнуты голосованию. О каждой кандидатуре Президиум дает общему собранию Коммунистической Академии свое заключение.

17. Членами-корреспондентами могут быть избираемы лица, известные научными трудами в области марксизма и ленинизма; члены-корреспонденты избираются общим собранием Коммунистической Академии.

18. Члены-корреспонденты поддерживают связь с Коммунистической Академией, участвуют в ее печатных органах, делают доклады, представляют на обсуждение секций, институтов и обществ свои научные труды.

На заседаниях Коммунистической Академии члены-корреспонденты пользуются правом совещательного голоса.

19. Право выдвигать кандидатов в члены-корреспонденты принадлежит действительным членам и научным учреждениям Коммунистической Академии, а также научным учреждениям автономных и союзных республик. Порядок утверждения кандидатур членов-корреспондентов тот же, что и действительных членов.

20. Выбытие из состава действительных членов и членов-корреспондентов Коммунистической Академии может происходить:

а) в случае, если согласно отчета, представленного общему собранию Президиумом, действительный член или член-корреспондент Академии в течение 2 лет не принимал участия в работах Академии и при утверждении отчета не состоялось постановления общего собрания об оставлении данного члена в составе Коммунистической Академии;

б) по специальному постановлению общего собрания.

21. Секции и институты Коммунистической Академии могут приглашать для постоянной работы ученых специалистов, известных своими научными трудами. Ученые специалисты утверждаются Президиумом Коммунистической Академии.

Права и обязанности ученых специалистов определяются положением тех научных учреждений, в работе которых они принимают участие.

22. Секции и институты могут приглашать старших научных сотрудников из числа лиц, обнаруживших достаточную подготовку к самостоятельной научно-исследовательской работе и имеющих печатные труды.

Старшие научные сотрудники утверждаются Президиумом Коммунистической Академии.

23. Младшими научными сотрудниками могут быть, по преимуществу, лица, окончившие высшие учебные заведения и представившие работу, свидетельствующую о способности к самостоятельной научно-исследовательской работе.

Младшие научные сотрудники приглашаются научными учреждениями и секциями Коммунистической Академии и утверждаются Бюро Президиума (ст. 33).

24. Права и обязанности старших и младших научных сотрудников определяются особым положением о научных сотрудниках Коммунистической Академии, утверждаемым Президиумом Коммунистической Академии.

III. Об общих собраниях Коммунистической Академии

25. Общие собрания Коммунистической Академии созываются не реже одного раза в 6 месяцев.

26. Правом решающего голоса на общих собраниях Коммунистической Академии пользуются все действительные члены.

Директоры институтов и руководители научных учреждений Коммунистической Академии, не являющиеся действительными членами Коммунистической Академии, имеют на общих собраниях решающий голос лишь по вопросам, касающимся возглавляемых ими учреждений.

Члены-корреспонденты, ученые секретари, ученые специалисты, старшие и младшие научные сотрудники пользуются на общих собраниях Коммунистической Академии правом совещательного голоса.

27. Чрезвычайные общие собрания созываются по постановлению Президиума Коммунистической Академии или по требованию одной трети действительных членов Коммунистической Академии.

28. Все дела в общих собраниях Коммунистической Академии решаются простым большинством голосов. Собрание считается состоявшимся при наличии не менее одной трети действительных членов.

Примечание: В случае неявки требуемого числа членов, следующее собрание считается действительным при любом количестве явившихся.

29. Общее собрание заслушивает отчет Президиума о его деятельности, а в случае надобности и отчеты отдельных учреждений Коммунистической

Академии, рассматривает и утверждает планы работ Коммунистической Академии, избирает действительных членов и членов-корреспондентов.

IV. Президиум Коммунистической Академии

30. Общее собрание избирает для руководства деятельностью Коммунистической Академии Президиум в составе 15 членов сроком на один год.

31. Президиум разрешает все важнейшие вопросы научного, научно-организационного и административно-хозяйственного характера, дает директивы всем учреждениям Академии, утверждает планы их работ, утверждает организацию новых учреждений, институтов, секций Коммунистической Академии и т. д., утверждает смету и штаты Коммунистической Академии, рассматривает и вносит на общее собрание вопросы об избрании и выбытии действительных членов, членов-корреспондентов, утверждает научный персонал Коммунистической Академии (директоров, их заместителей и членов руководящих коллегий, институтов, секций, библиотеки, членов секций, ученых специалистов и старших научных сотрудников), заведующего Курсами Марксизма, утверждает состав редакционных коллегий всех периодических изданий Коммунистической Академии, избирает общую редакционную коллегию Коммунистической Академии, подготавливает к общему собранию отчеты и планы работ, а также вырабатывает повестку дня.

Примечание: Собрания Президиума происходят не реже одного раза в месяц.

32. Председатель Президиума Коммунистической Академии и его заместитель утверждаются Президиумом ЦИК Союза ССР.

V. Бюро президиума

33. Из среды своих членов Президиум выделяет Бюро в составе председателя, его заместителя и трех членов Президиума. Председатель Президиума вместе с тем и председатель Бюро.

34. Бюро является исполнительным органом Президиума. Заседания Бюро происходят не менее 3 раз в месяц.

35. Члены Бюро распределяют между собой обязанности по руководству научной работой, административно-хозяйственной частью Коммунистической Академии, библиотекой, издательством и «Вестником Коммунистической Академии».

VI. Ученый Секретариат

36. Ученый Секретариат выполняет все распоряжения и решения Бюро и Президиума, касающиеся научно-организационной деятельности Коммунистической Академии.

Ученые Секретари назначаются Президиумом Коммунистической Академии.

На заседаниях Президиума и Бюро и на общих собраниях Коммунистической Академии ученые секретари пользуются правом совещательного голоса.

37. В круг обязанностей Ученого Секретариата входит:

а) организация заседаний Бюро Президиума и общих собраний и ведение протоколов заседаний;

б) подготовка материалов и предварительная проработка вопросов, подлежащих обсуждению Бюро, Президиума и общего собрания;

в) информация о деятельности Коммунистической Академии;

г) организация докладов, как отдельных научных учреждений Коммунистической Академии, так и Коммунистической Академии в целом;

д) организация отчетности научных учреждений и научных работников: Коммунистической Академии;

е) поддержание связи между Коммунистической Академией и другими учреждениями по линии научно-организационной;

ж) установление связи между учеными учреждениями Коммунистической Академии.

38. Ответственные работники Ученого Секретариата приглашаются Ученым Секретариатом и утверждаются Бюро Президиума.

VII. Управление делами

39. Управление делами ведает под руководством одного из членов Бюро Президиума административно-хозяйственной и финансовой частью Коммунистической Академии.

40. Непосредственное заведывание Управлением Делами Коммунистической Академии поручается Управляющему Делами, назначенному Президиумом. Управляющий Делами, пользуется на заседаниях Бюро, Президиума и на общих собраниях Академии правом совещательного голоса.

VIII. Учреждения Коммунистической Академии

41. Непосредственное руководство учреждениями Коммунистической Академии — секциями, институтами, библиотекой, Курсами Марксизма и т. д. — возлагается на председателей секций, директоров и руководящие коллегии институтов, председателей обществ, директора библиотеки, заведующего Курсами Марксизма и правление издательства.

42. Работа секций и учреждений протекает согласно программам и планам работ, утверждаемым Президиумом Академии, которому секции и учреждения представляют также отчеты о своей деятельности.

43. Научные учреждения Коммунистической Академии имеют право устраивать от своего имени как закрытые, так и публичные доклады и издавать печатные труды.

44. Общий план издательской деятельности научных учреждений Коммунистической Академии и издание отдельных трудов утверждаются редакционной коллегией Коммунистической Академии (ст. 31).

45. Научные учреждения Коммунистической Академии руководствуются в своей деятельности особыми положениями, утверждаемыми Президиумом Коммунистической Академии.

46. Сметы и штаты научных учреждений Коммунистической Академии проходят по общей смете и штатам последней, за исключением Издательства, финансируемого в особом порядке.

47. К составу Коммунистической Академии принадлежат нижеследующие секции, институты, учреждения:

1) Экономическая Секция,

2) Аграрная Секция,

3) Секция Общей Теории Права и Государства,

4) Секция Естественных и Точных Наук,

5) Секция Научной Методологии,

6) Секция Литературы и Искусства,

7) Секция Истории Революционного Движения,

8) Институт Советского Строительства,

9) Институт Мирового Хозяйства и Мировой Политики,

10) Институт по изучению Высшей Нервной Деятельности,

11) Комиссия по изучению Аграрной Революции,

12) Кооперативная Комиссия,

13) Курсы Марксизма,

14) Библиотека Коммунистической Академии,

15) Издательство Коммунистической Академии.

При Коммунистической Академии состоят Общества: 1) Историков-Марксистов и 2) Статистиков-Марксистов.

Примечание: Изменения списка учреждений Коммунистической Академии производятся на основании ст. 7 настоящего положения.

IX. Особые права Коммунистической Академии

48. Коммунистическая Академия по всем своим делам спосится непосредственно с Народными Комиссариатами и другими учреждениями Союза ССР и Союзных Республик, а по вопросам, требующим разрешения правительства Союза ССР, входит через Комитет по заведыванию ученой, учебной и лите-

ратурно-издательской частью учреждений ЦИК Союза ССР в Президиум Союза ССР.

49. Коммунистическая Академия и все ее учреждения имеют право, на основании существующих узаконений, бесплатной пересылки во все местности Союза ССР почтовых отправок и посылок.

50. Коммунистическая Академия имеет право самостоятельных закупок за границей, по соглашению с Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней Торговли.

51. Все каким бы то ни было способом закупаемые или выписываемые из-за границы книги и всякие другие предметы научного назначения направляются непосредственно в адрес Коммунистической Академии и ее учреждений.

О получении таковых на местах назначения подлежащие учреждения, портовые и другие таможи, обязаны немедленно уведомлять Коммунистическую Академию.

Таможенный досмотр полученных в адрес Коммунистической Академии или ее учреждений груза, по требованию Коммунистической Академии, должен производиться по доставлении в надлежащие учреждения Коммунистической Академии, в присутствии уполномоченного Таможенного Ведомства.

52. Отправляемые Коммунистической Академией за границу грузы с печатными и рукописными произведениями, с инструментами, приборами, коллекциями и т. п. научными принадлежностями, по постановлению Президиума Коммунистической Академии, должны беспрепятственно допускаться к вывозу, по соглашению с Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней Торговли.

Кроме того, Коммунистическая Академия имеет право беспопытного ввоза из-за границы в ее адрес, или в адрес ее учреждений, книг, карт, машин, приборов, инструментов, коллекций и всяких других принадлежностей научного характера.

53. Коммунистическая Академия имеет печать с изображением государственного герба и с надписью: «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ при ЦИК Союза С.С.Р.».

Председатель Центрального

Исполнительного Комитета Союза ССР *М. Калинин*

Секретарь Центрального

Исполнительного Комитета Союза ССР *А. Енукидзе*

IV. ПРИЛОЖЕНИЕ

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДЕКАБРИСТАХ

(ОКОНЧАНИЕ)¹⁾

Отдельные декабристы

Записки, сочинения, показания, письма, деловые бумаги декабристов, исследования, статьи, заметки и проч. об отдельных декабристах.

617. **Базилевич, В.** Письма декабриста П. В. Аврамова из Сибири. (Из архива Юшневских).—Дек. на торговле, 244—248.—6 писем П. В. Аврамова к С. П. Юшневскому. Из них одно (13. III. 1833. Чита) печатается полностью (245—246), остальные из крепости Акши (15. XI. 1833; 1. II. 1853; 6. XII. 1835; 10. III. 1836; 1. X. 1836) в выдержках и пересказе. Из бумаг архива Юшневских.

618. **Трунев, П. Т.**²⁾ Декабрист Я. М. Андреевич. (К юбилею декабристов).—БМП. 1924, № 290, 25 дек. О смерти и похоронах Я. М. Андреевича. Справка из местного архива ЗАГС'а, в метрической книге В.-Удинской Спасской церкви за 1840-й год.

(236). Дело **Я. М. Андреевича**.—Восстание дек., V, 345—408, 476—479.

619. Декабрист И. А. Анненков и Полина Гебель.—КГ. Вв. 1925, 30 дек.—Из рассказов внука дек. И. А. Анненкова—Г. П. Анненкова.

(23а). Дело **А. П. Арбузова**.—Восстание дек., II, 1—53, 379—383.

620. **Барятинский, А. П.** A. Madamela P-sse T...kou n6e esse W...n. (Im-promptu) („Qu'6crirai-je sur cette page?...“) 2. Княгине Т...кой, рожд. графине В...н. (Экспромт). («Что написать мне в ваш альбом?...») 2. Примечания Б. Л. Модзалевского. (Перевод В. П. Буренина)³⁾.—Атеней, III (1926), стр. 10 и 29

примеч. Стих. обращено к кн. Э. П. Трубецкой, рожд. гр. Витгенштейн.

621. Два стихотворения **А. П. Барятинского**. Перевел Федор Солугуб.—Б. 1926, № 1 (35), стр. 11—13.—I. Послание к Ивашеву. («Бездельник, милый мой, беглец Пермской сени») 2. 11—12.—П. И. Пестелю. («Товарищ первый наш!») 2. 13.

622. **Модзалевский, Б. Л.** Декабрист Барятинский и его стихотворения.—Б. 1926, № 1 (35), стр. 1—10.

623. **Розанов, Иван.** Декабристы-поэты. Атеист А. П. Барятинский.—КНОВЬ 1926, III, 250—256.—С прозаическими переводами стихов его: Экспромт кн. Трубецкой («Что написать мне Вам?...»); послание к Ивашеву («Твое вдохновение спит...»); к Пестелю («Вот уже четыре месяца...») и стихов с рукописи, отыскавшейся в Госуд. архиве (с водяным знаком 824 г.)—Восседающий на молниях...—Ср. № 620.

624. **Потанин, Г. (Н.)**²⁾. Гавриил Степанович Батеньков.—СибО. 1924, № 2, апр.-май, 66—74.—Неопубликованная ранее рукопись, хранящаяся в библиотеке Томского университета.—Биографический очерк с примеч. В. В. Вегмана. Опечатки: СибО. 1924, № 4, сент.-окт., 206.

625. **Чернов, С. (Н.)**²⁾. Саратовская родня декабриста Батенькова.—Труды Нижне-Волжского Областного О-ва Краеведения. «Ист. Арх. Эт» бывш. Саратов. О-ва Истории Археологии и Этнографии. Вып. 34, часть 2 (Саратов, 1924), стр. 26—31.—Реп.: Пресняков, А. Этюды С. Н. Чернова по истории декабристов. Б. 1926, № 1 (35), стр. 195—197.

¹⁾ См. «В. К. А.», кн. 16 и 18.

626. **Чернов, С. (Н.)**³. Саратовская родня декабриста Батенькова.—Отд. отт. из брошюры «Истархэт», Саратов. 1925. 8^ю. 6 стр. 60 экз.—С письмом (с 1—2) к Г. С. Батенькову Анны Муратовой (Саратов), 26, I. 1825. Ср. № 625.

627. **Шестериков, С. П. Г. С.** Батеньков о Сперанском.—Дек., 168—181.—Стр. 171—181; записка Г. С. Батенькова о М. М. Сперанском (авг. 1854 г.) с параллельным текстом вопросов С. В. Пахмана, на которые она и является ответом. На вкл. л. к стр. 169: Гавриил Степанович Батеньков, с портретом дочери декабриста С. Г. Волконского—Елены Сергеевны. По фотографии с натуры начала 1860-х годов.

628. Декабрист Г. С. Батеньков—КЗнамя (Томск) 1925, 25 дек. С портр.

629. Арест декабриста Г. С. Батенькова. (По неизданному материалу). Сообщ. Г. М. Котляров.—Б. 1925, № 6 (34), стр. 13—19.—По материалам архива министерства путей сообщения, секретное дело 1825 г. по делу корпусу путей сообщения «Об арестовании инженер-подполковника Батенькова и о принадлежащем ему имуществе», № 273.—Письмо (копия) Г. С. Батенькова к С. Т. Аргамакову с распоряжением о своих вещах, 18. I. 1826 (стр. 17).

629а. **Мягков, И.** Гибнут постройки декабриста Батенькова, Томск, 4 августа.—ССибирь 1926, 6 авг.

630. Неизданная рукопись декабриста **Н. В. Басаргина**. Сообщ. Е. Е. Якушкин.—КС. 1925, № 5 (18), стр. 161—173.—Воспоминания о дкб-х: Бестужевых—А. А., Н. А. и М. А., 162—164 (под впечатлением опублик. в Отеч. Зап. 1869 г. писем А. А. Бестужева); И. Д. Якушкин; 165—166 (со сведениями о педагогич. деятельности его в Ялutorовске); И. И. Пущине, 166—167; М. К. Кюхельбекере, 167—168; П. И. Пестеле, 169—171; М. Бестужева-Рюмице, 171—172 и С. П. Трупецком, 172—173. Ср. № 226в.

630а. Б. Забытая могила (П. П. Беляева)² — Известия (Саратов) 1926, 12 авг. Со снимком ее.

630б. **В. М. (Мняковский, Вл.)**³. Декабрист Берстель. — Дек. на Украине, 141—142.

631. **Азадовский, М. (К.)**³. Автографы А. и М. Бестужевых в Читинском музее—Дек. в Забайкалье. 95—97.—Письмо А. А. Бестужева к матери (12 мая 1825 г. Москва и сопроводительная записка к нему М. А. Бестужева к М. Д. Позняку (1 ноября 1869).—Приложен и снимок с последней.

23). Дело А. А. Бестужева.—Востание дек. I, 423—473, 525—527.

632. **Залкинд, Л.** Из жизни декабристов братьев Бестужевых в г. Селенгинске Забайкальской области.—Тайные общества, 172—175.

633. **Оксман, Ю. Г.** Последняя попытка «облегчения участи» А. А. Бестужева.—Дек., 89—96.—По материалам архива Новороссийского генерал-губернаторства. Дело по частной канцелярии гр. М. С. Воронцова о прапорщике Бестужеве, прошившем перемещения из военной в гражданскую службу. 1836 г. № 74. на 11 листах. Письмо А. А. Бестужева к гр. М. С. Воронцову. 5. XII. 1836 г. Керчь. 94—95.—Ответ (Черновик) гр. М. С. Воронцова на письмо А. А. Бестужева. 24. XII. 1836. Одесса. 95—96.

634. **Прохоров, Г.** Три письма декабриста А. А. Бестужева из Якутска.—Б. 1925, № 5(33), стр. 114—120.—1. П-лу А. Бестужеву. Якутск. 10. I. 1828. 116.—2. Ему же. Якутск. 10. I. 1829. 117.—3. П-ру А. Бестужеву. Якутск. 10. I. 1829. 119.

635. **Тарасов, Е.** Якутская ссылка Бестужева-Марлинского.—Дек. на каторге. 249—264.

636. **Измайлов, Н. В. А. А.** Бестужев до 14 декабря 1825 г.—Памяти дек. I, 1—99.—1. Н. А. Бестужев А. А. Бестужеву. 29. IX. (1816—1817). Стр. 8—14.—Письма А. А. Бестужева: 2. С. В. Савицкой. (1817—1819) 15.—3. Ей же. I. IV. (1819) 18—4. Е. А. Бестужевой. 27. X. (1820. Петергоф). 20.—5. Матери. 11. V. (1821. Дер. Лялицы). 21.—6. Ей же. Торманс-Гоф. в 45 верстах от Дерпта. 23. V. 1821. 23.—7. Ей же. В 35 верстах от местечка Режиц в Витебской губернии. Мыза Зеленополь. 2. VII. 821. 25. 8. Ей же.

(июль—август 1821). 27.—9. Матери и сестрам. Деревня Выгоничи в 40 верст. от Минска. 22. X. 1821. 27.—10. Матери. Выгоничи. 7. XII. 1821. 30.—11. Н. А. Бестужеву. Выгоничи в 40 верстах от Минска. 7. XII. 1821. 31.—12. Матери. Минск. 7. I. 1822. 33.—13. Е. А. Бестужевой. Минск. 7. I. 1822 (франц. текст и русск. перевод). 35.—14. Н. А. Бестужеву. 14. I. 1822. Минск. 38.—15. М. А. и О. А. Бестужевым. 14. I. (1822. Минск). 39.—16. Матери. (1822—1823? Пб.). 39.—17. Ей же. 3. IX. (1823. Пб.). 40.—18. Сестрам. (3. IX. 1823. Пб.). 41.—19. Н. А. Бестужев—А. А. Бестужеву. 24. VII. (1824. Брест). 42.—20. А. А. Бестужев—матери. 2. VIII. 1824. Спб. 42.—21. Сестрам. Пб. 21. VIII. 1824. 45.—22. Сестрам. С. Пб. 8. IX. (1824). 47.—23. Матери. (1824 г. Половина сентября. Пб.). 48—24. Сестрам. 30. IX. (1824. Пб.). 49.—25. Матери. 12. V. 1825. Москва. 50.—26. Ей же. 20. VIII. (1825. Пб.). 51.—27. Сестрам. Пб. 4. IX. (1825). 53.—28. Матери. (28. XI. 1825. Пб.). 54.—Записки А. А. Бестужева о поездке в Москву в 1823 г. 55.—Памятная книжка А. А. Бестужева в 1824 г. 59.—Примечания. 70.—В дневнике упоминаются имена: Рылеев, Батеньков, Митьков, Торсон, Оболенский, Пущин, Оржицкий, бр. Мухановы, Адам Мицкевич и др.—Письмо Н. А. Бестужева и письма А. А. Бестужева к С. В. Савицкой приготовлены к печати Г. В. Прохоровым.

636а. **Азадовский, Марк.** Поэма Шамиссо. (Die verbannten)³ о декабристе А. Бестужеве.—СибО. 1926, III, май—июнь. 148—157.—Ср. № 38.

636б. **Прохоров, Г. В. А. А.** Бестужев-Марлинский в Якутске.—Памяти дек. II, 189—226.—Письма А. А. Бестужева: 1. Матери. Иркутск. 7. XII. 1827. (1932).—Ей же. Якутск. 9. I. 1828. (1932).—3. Ей же и сестрам. Якутск. 10. IV. 1828 (194).—4. Ей же. Якутск. 23. IV. 1828 (198).—5. Сестре Е. А. Бестужевой. Якутск. 25. V. 1828 (200).—6. Матери и сестрам. Якутск. 10. VI. 1828 (202).—7. Матери. Якутск. 25. VI. 1828 (207).—8. Ей же и сестрам. Якутск. 25. VII. 1828 (209).—9. Им же. Якутск. 10. XI. 1828 (213).—10. Им же. Якутск. 10.

XII. 1828 (214).—11. Матери и сестре Е. А. Бестужевой. Якутск. 25. I. 1829 (216).—12. Им же. Якутск. 25. II. 1829 (219).—13. Им же. Якутск. 9. III. 1829 (221).—14. Е. А. Бестужева—брату Александру. С. Пб. 31. V. 1829 (224).—15. А. А. Бестужев—матери. Якутск. 3. VI. 1829 (226).

636в. **Коварский, Н. (А.)**³. Ранний Марлинский.—Русская проза. Под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Сборник статей... Л. «Academia». 1926. (Госуд. Ин-т Истории Искусств. Вопросы поэтики. Вып. VIII). Стр. 135—158.

636г. **Роботи, Т. (А.)**³. Литература путешественников.—Там же, стр. 42—73. Стр. 65; ранние повести Марлинского, обработка их в виде «путешественных», «стернианские» приемы, литературный язык.

(23). Дело М. А. Бестужева.—Востание дек. I, 475—494, 527—528.

637. **Троцкий, И. М.** Письма М. А. и Н. А. Бестужевых к Петровского завода 1835—1838 г.г.—Бунт дек. 359—371.—«Очевидно, что писались они только Н. А. Бестужевым». !. К Павлу А. Бестужеву. 19. VII. 1835.—2 и 3. К А. А. Бестужеву. 31. VII. 1836; 5. II. 1837.—4 и 5. К Павлу А. Бестужеву. 7. III. 1838; 4. VII. 1838.

638. **Давыдова, М.** Воспоминания о М. А. Бестужеве и его семье.—Тайные общества. 176—178—60-ые и 70-е г.г. в Москве.

(23а). Дело Н. А. Бестужева.—Востание дек. II, 55—98, 383—385.

639. **Азадовский, Марк. Н.** Бестужев-этнограф. Приложение: три бурятских сказки, записанные Ник. Бестужевым.—Спб. Живая Сталина (Иркутск. 1925). вып. III, 9—40.—Рец.: Северная Азия (М.) 1925. V—VI, 191. А. Турунов.—Ср. № 640.

640. **Азадовский, Марк. Н.** Бестужев-этнограф. Приложение: три бурятских сказки, записанные Ник. Бестужевым К столетию 14 декабря 1825 года. Иркутск. ВСОРГО Гостиполит. 1-я. 1925. (23 × 16). 32 стр. (Б. ц.). 575 экз.—(Отд. оттиск из сборника «Сибирская Живая Сталина» вып. III, стр. 9—40)¹. Ср. № 639.—Рец.: Гирченко, В. Литература о декабристах.—Жизнь

Бурятии 1925, I—II, 121—124.—СибО. 1926, I, янв.—февр., 263. В. Н. Ямин.

641. **Лернер, Н. О.** Кончина Н. А. Бестужева.—Б. 1925, № 5 (33), стр. 145.—Рукописная поправка И. В. Ефимова на полях книги «Воспоминания о Сибири 1848—1854». Б. В. Струве. СПб, 1889 (отд. отт. из «Русск. Вестника» 1888, IV—VII, X) о смерти Н. А. Бестужева.

642. **Бестужев, Н. А.** Дневник путешествия нашего из Читы. 1830. Примеч. М. К. Азадовского.—Атеней, III (1926), 21—25 и 32—34 (примеч.—Ср. № 761).

643. **Бестужев, Н. А.**, декабрист. Дневник путешествия от Читы. Под ред. Марка Азадовского. Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР. Л., Госуд. Академич. Тип. 1926. (24×16). (1)+7 стр. Печ. обл. (Б. ц.). 300 экз.—(Отдельн. оттиск из сборника «Атеней», книга III).

643а. **Азадовский, Марк.** Областные слова Селенгинского округа в записи декабриста Н. А. Бестужева.—Бурятоведческий сборник. Вып. II. Изд. Бурят-Монгольской Секции ВСОРГО (Восточно-Сибирского Отдела Рус. Географич. О-ва)¹. Иркутск. 1926. Стр. 46—49.

643аа. **Азадовский, Марк.** Областные слова Селенгинского округа в записи декабриста Н. А. Бестужева. Иркутск, тип. Изд. «Власть Труда». 1926. (22×16). 6 стр. (Б. ц.). 150 экз. (Отдельн. оттиск из «Бурятоведческого сборника» Бурят-Монгольск. Секции ВСОРГО. Вып. II за 1926 г., стр. 46—49).

* 643б. **Азадовский, Марк.** Статья Н. Бестужева о бурятском хозяйстве.—Жизнь Бурятии 1926, I—II.

643в. **Богданова, Н. Г.** Письмо М. П. Бестужева-Рюмина к А. И. Чернышову.—Памяти дек. II, 88—94.—Письмо (франц. текст и русск. перевод. стр. 92—94) датировано 11. VI. 1826 г. Касается участия И. В. Поджо в делах Общества.—Из бумаг Н. Ф. Дуровина, № 332.

643г. **Модзалевский, Б. Л.** Страница из жизни декабриста М. П. Бестужева-Рюмина.—Памяти дек. III, 202—227.—Письмо М. П. Бестужева-Рюмина к С. М. Марты-

нову. Васильков, 16. XI. 1824 (205—209).—Ответное письмо (копия) к нему С. М. Мартынова. (Не датировано). (214—217). Письма печатаются по-французски с переводом на русск. язык и содержат историю неудачного сватовства Бестужева-Рюмина к Е. А. Давыдовой.—Предсмертное завещательное распоряжение Бестужева-Рюмина, продиктованное последним дек. П. А. Муханову для сообщения родственникам: «Июль 1826 года в Санкт-Петербургской Крепости» (224—225).—Письма из архива К. Н. Бестужева-Рюмина, поступившего в Пушкинский Дом Акад. Нлук.

644. **Кубалов, Б.** Работы комиссии по подготовке юбилея декабристов. В. А. Бечасный в Смоленщине.—ВТ. 1924, № 243 (1448), 21 окт.—По воспоминаниям старожила Ин. Н. Ярошенко (76 л.), лично знавшего Бечасного. Могила его в ограде Знаменского монастыря в Иркутске.—Протест Бечасного против оставления его под надзором после амнистии 1856 г.

645. Могила декабриста (Бечасного)² и его жены-крестьянки. (К 100-летию юбилею декабрьского восстания).—ВТ. 1925, 26 сент.—Ср. №№ 644, 646.

646. **Очевидец.** Последняя могила. К столетнему юбилею декабристов. (Письмо из Иркутска).—И. 1925, 13 окт.—Могила В. А. Бечасного.—Ср. № 644, 645.

646а. **Очевидец.** Последняя могила. К столетнему юбилею декабристов. (Письмо из Иркутска).—Парижский Вестн. 1925, 18 окт.—Могила В. А. Бечасного на кладбище Знаменского монастыря в Иркутске. Ср. № 646.

(236). Дело **В. А. Бечасного.**—Восстание дек. V. 261—315, 473—474.

646б. **Рябинин-Скляревский, А. А.** Вирш декабриста Н. С. Бобрищева-Пушкина.—Рух дек. на Украине. 116.—Нач.: «Друзья! есть наше счастье»... 1827 года. Чита. Н. Б. П. С. Высокое (1856 г.)². Стихи были написаны в альбом В. М. Артемьевой.

(236). Дело **А. И. Борисова 1-го.**—Восстание дек. V. 77—100, 469—470.

(235). Дело **П. И. Борисова 2-го.**—Восстание дек. V, 7—75, 466—469.

646в. **Назарев, О. I.** До биографии бр. Борисовых.—Дек. на Украине, 179—184.—Справка (17. IX. 1826) Ахтырского земского нач-ка о материальном положении родителей бр. Борисовых.—Письма последних к гр. А. Х. Бенкендорфу (оба из с. Подлопатного 18. III. 1841 г.) с просьбой о переводе их в одно из селений близ Иркутска.—Список с представления иркутских властей ген.-губ. В. Сибири (31. I. 1855) об обстоятельствах смерти бр. Борисовых.—По материалам Харьков. Центр. Историч. Арх. (фонд канцелярии Харьков. губернатора) и политической секции Ленинградского Централхива (фонд «III отд. соб. Его И. В. Канцелярии»).

647. Происхождение Павла I. «Записка одного из декабристов, фон-Бриггена, о Павле I. Составлена в Сибири». Сообщ. Б. Л. Модзалевский.—Б. 1925, № 6 (34), стр. 3—12.

648. Стихотворение декабриста. Сообщ. Е. Е. Якушкин.—КА. 1925, т. 3(10), Из записной книжки архивиста, 317—319.—Стихи Ф. Ф. Вадковского. Желания. («Помнишь ли ты нас, Русь святая наша мать»...)².—Требования общества. Писаны рукой Ф. Ф. Вадковского.—По копии, находящейся в «Арх. Октябр. Рев.» в Москве в бумагах быв. «Б-ки Зимнего дворца». (Тетрадь под № 2284 с пометкой: «Из бумаг кн. А. Б. Лобанова-Ростовского» и озаглавленная: «Из записок Александра Михайловича Муравьева»).

649. **Сиверс, А. А.** Декабрист (Ф. Ф.)². Вадковский в его письмах к Е. П. Оболенскому.—Дек., 197—229.—Письма Ф. Ф. Вадковского: 1. (10-го авг. 1839 г. Туркинские воды). Стр. 201—204. С припиской А. П. Барятинского. (Франц. и рус. текст письма). 204—205.—2. Le 16 août 1839. (Туркинские воды). (Франц. и рус. текст). 206—209.—3. (7-го окт. 1839. Иркутск). 209—216. Со сведениями о М. Н. Глеbove (212), семье Трубецких (212—213), Никите и Александре Муравьевых (213—

214), М. С. Лунине (214). Вольфе (214), семье Волконских (214—215). А. И. Якубовиче (215).—4. Перехваченное Шу Обделением письмо к сестре С. Ф. Тимирязевой. Le 20 août 1839. Туркинские воды. (Франц. и рус. текст, с комментариями А. А. Сиверса). 217—221.—5. (1 дек. 1840—9 янв. 1841. Обк 222—229).

650. Письма **А. И. Вегелина** из ссылки. Сообщил и снабдил приключениями А. А. Сиверс.—Б. 1925, № 5(33), стр. 120—142.—1. К М. И. Козенс. Большой Нерчинский завод. 10. II. 1833. 121.—2. К С. И. Засс. Село Стретенское. 25. II. 1833. 123.—К Эм. Ив. и Флепе А.—евне Вегелин. № 2. Село Стретенское. 11. III. 1833. 127.—4. К Софье Ив. Засс. Стретенское. 30. V. 1833. 130.—5. К М. И. Козенс. Стретенск. 14. VI. 1833. 133.—6. К М. И. Козенс. С. Стретенск. 11. VIII. 1833. 134.—7. Ей же. Стретенск. 29. IX. 1833. 137.—8. Ей же. Стретенск. 6. I. 1834.—9. Ей же. Стретенск. 29. I. 1835. 141.

651. **Дербина, Вера.** Декабрист А. (В.)². Веденяпин в Сибири.—Сибирь и дек., 47—64.—На поселении в Киренске (Иркутск губ.) и в Иркутске. Отрывки писем Ап. Веденяпина а 30-х гг.

652. Неизданное письмо декабриста **А. В. Веденяпина** (к брату Ап. В. Веденяпину)². (Сообщ.)² И. Бородин.—Новый Восток. кн. 12 (М. 1926). Хроника, 351—354.—Датировано: Город Арзарум, 1829-го года, июля 8-го дня. Получил сентября 27-го 1829 г. В письме говорится о своих восточных впечатлениях, успехах русского оружия и описывает древние памятники, им виденные. Упоминаются декабристы В. М. Голицын и А. К. Берстель.—Письмо воспроизводится по заверенной копии оригинала (с сохранением орфографии) доставленной его дочерью А. А. Веденяпиной И-Малаховой.

653. **Модзалевский, Б. Л.** Декабрист Волконский в каторжной рабстве на Благодатском руднике.—Бунт дек., 332—358.—Письма С. Г. Волконского: к сестре кн. С. Г. Волконской (5. X. 1826. Нико-

лаевск; 8. X. 1826. У озера Байкал; 13. X. 1826. Верхнеудинск; 26. X. 1826, в 30 верстах от Нерчинских рудников; 18. XI. 1826. Благодат.; 21. XII. 1826. Благод.; к жене (5. X. 1826. Николаевск; 13. X. 1826. Верхнеудинск; 12. XI. 1826. Благодат.; 18. XI. 1826. Благод.); к матери (12. XI. 1826. Благод.)—Письмо Н. Н. Раевского к зятю С. Г. Волконскому (23. VIII. (1826). Москва).—Письмо И. Б. Цейдлера (6. X. 1826). (Иркутск) к кн. С. Г. Волконской с договором вольноотпущенного Волконских Гр. Павлова (9. X. 1826).—Письма Волконского не дошли до адресатов и были частью уничтожены III Отделением, др. часть писем публикуется по сохранившимся черновикам.

654. Декабрист (С. Г. Волконский)² на каторге.—Голос Текстилей (М.) 1926, 8 янв.

655. **И. Г.** На могилah декабристив. Сергея Волконского и Александра Поджио.—ПП. 1925, 8 окт.—Беседа с правнуком дек. А. Поджио—М. В. Плеским. Ср. № 610.

656. Могилы декабристов Волконского, (А.)² Поджио на Нежинщине.—КЗнамя. Утр. вып. (Чернигов) 1925, 31 дек.

656а. **Козаченко, Ан.** Два листи Волконских до матери.—Рух. дек. на Украини, 110—115.—Французские письма (с переводом на украинский язык) М. Н. Волконской (26. I. 1829. Читинский острог) и С. Г. Волконского (не датировано). Хранятся в Петтавском Губ. Историч. Архиве.

656б. **Переселенков, С. А.** Материалы для биографии князя Сергея Григорьевича Волконского.—Памяти дек. II. 227—233.—Письма: I. Н. Г. Репнин и Н. Г. Волконский—Н. Н. Раевскому (старш.) 12. III. 1829 (228)—2. Н. Г. Волконский—П. Г. Масальскому (10 V. 1830) (232).—Сведения об имущественном положении кн. С. Г. Волконского. Письма из собрания Пушкинского Дома.

657. **Волконская, кн. М. Н.** Записки. Вступительная статья и примечания П. Е. Щеголева. Л. изд. и тип. Печатный Двор Госуд. Изд-ва. 1924. (23×15). 72 стр.+(1)

вклад. лист. портр. (Б. ц.). (Б-ка Меумаров. Под общей редакцией П. Е. Щеголева). 5.000 экз. Обложка: А. Лео.—Рец.: КС. 1924. № 4 (11). Библиография, 292—293. С. Штрайх.—Вест. Книги 1924. VII—VIII. М. К. (Клевенский)².

658. Труды Государственного Исторического Музея. Выпуск II. Разряд исторических источников. Неизданные письма **М. Н. Волконской**. Предисловие и примечания О. И. Поповой, М. Изд-во М. и С. Сабашниковых, тип. Интернациональная (39-я) «Мосполиграф». 1926. (27×18). 142 стр. (Б. ц.). 1.000 экз.—Текст смешанный на русском и французском языках.—Предисловие. О. Попова. 5—10.—Письма М. Н. Волконской. 1. Брату Н. Н. Раевскому (1824). 13.—2. Ему же. Киев, 21. X. (1824?). 13.—3. Ему же. Киев. Вторник (1824). 15.—4. К сестре Е. Н. Орловой (урожд. Раевской). 13. VI. (1825), Одесса. 17.—5. Брату Н. Н. Раевскому. Вторник (1825), Умань. 18.—6. Отцу Н. Н. Раевскому. 17. IV. (1826), Пб. (с приписками С. Н. Раевской). 19.—7. Ему же. 20. IV. (1826), Пб. (с приписками С. Н. Раевской). 19.—7. Ему же. 20. IV. (1826), Пб. (с приписками С. Н. Раевской и А. Н. Раевского, 19 апр.). 21.—8. Брату Н. Н. Раевскому. 28. IX. (1829), Читинский острог. 23.—9. Ему же. 18. II. 1833. Петровский завод. 26.—10. Ему же. 11. VIII. (1833). Петровский завод. 30.—11. Ему же. 9. III. 1834. Петровский завод. 34.—12. К матери С. А. Раевской (рожд. Константиновой). 20. IV. 1834. Петровский завод. 36.—13. Е. С. Уваровой, урожд. Луниной. 13. III. 1836. Петровский завод (с письмом М. С. Лунина к сестре, переписанным рукою М. Н. Волконской). 39.—14. А. М. Бороздиной (впоследствии по мужу Раевская). 20. IV. 1838. Усть-Куда. 41.—15. Брату Н. Н. Раевскому. 3. VII. 1838, Усть-Куда. 42.—16. Ему же. 5. VIII. 1838. Урика (с припиской дек. С. Г. Волконского). 46.—17. (А. М. Раевской, рожд. Бороздиной). 6. III. 1839, Урика. 49.—18. Е. С. Уваровой, урожд. Луниной. 23. III. 1839.

Урика (с письмом М. С. Лунина к сестре, написанным по его поручению М. Н. Волконской). 51.—19. А. М. Раевской, урожд. Бороздиной. 23. III. 1839, Урика. Сибирь. 56.—20. Ей же. 25. VIII. 1839. 61.—21. Ей же. 7. IV. 1840. 64.—22. Ей же. 14. VII. 1840. 68.—23. Ей же. 24. VIII. 1840. 72.—24. Ей же. 22. XI. 1840. 75.—25. Ей же. 14. VI. 1841. 79.—26. Ей же. 23. XI. 1841. 83.—27. Ей же. 10. X. 1842. 87.—28. Ей же. 15. III. 1843. 91.—29. Ей же. 15. V. 1845, Иркутск. 94.—30. К сестрам Е. Н. Орловой (рожд. Раевской) и Елене и Софье Никол. Раевским. 10. V. 1848, Иркутск. 98.—31. (А. М. Раевской, урожд. Бороздиной). 14. IV. 1852. 103.—32. Ей же. 10. VII. 1852, Дарассун. 106.—33. Ей же. 31. I. 1853 (с припиской Елены Серг. Молчановой, урожд. Волконской). 112.—34. Ей же. 14. II. 1853. 115.—Примечания. 117.—Указатель имен. 137.—Библиография. 141.

658а. **Васенко, П. Г.** Письмо М. Н. Волконской к мужу С. Г. Волконскому (1826 г.).—Памяти дек. II. 95—98.—Франц. текст и русск. перевод письма (28. VI. 1826 г. Александрия) из собрания бумаг о декабристах, поступивших в Рукоп. Отд. Б-ки Академии Наук в 1918 г.

659. **З. Могила декабриста (А. С. Гангбллова)².** (З Катеринославщины).—ПП. 1926, 14 мая.

660. **Чернов, С. (Н.)².** К истории «Союза Благоденствия». (Из бумаг Ф. Н. Глинки).—КС. 1926, № 2(23), стр. 120—132.

661. Письмо декабриста **И. И. Горбачевского** (нач. янв. 1862 г. Петровский завод)² к Н. П. Оболенской. (О реформе 19 февраля 1861 года). Сообщ. Б. Сыроечковский.—КС. 1925, № 1 (14). Мелочи прошлого, 169—172.

Горбачевского (нач. янв. 1862 г. ки и письма декабриста И. И. Горбачевского. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского. Издание 2-е дополненное и исправленное. М., Кн-во «Современные Проблемы». Н. А. Столяра, тип. М. К. Х. им. Ф. Я. Лаврова. 1925. (18×13). 398+(1) стр., с портр.+(1) стр. объявл. 2 руб. (Б-ка Декабристов). 3.000 экз.—Обложка:

В. Р.—Оглавление: I. I. И. И. Горбачевский и его «Записки». (Статья Б. Е. Сыроечковского). Стр. 5.—2. К портретам. 37.—II. Записки декабриста И. И. Горбачевского. I. Происшествия Лещинского лагеря. 41.—2. Восстание Черниговского полка. 93.—3. Судьба участников. 203.—III. Письма И. И. Горбачевского. I. К Е. П. Оболенскому (28-мь. 1839—1864 гг.). 239.—2. К Н. П. Оболенской (нач. янв. 1862 г.). 312.—3. К И. И. Пущину (6-ть. 1840—1843 гг.). 315.—4. К М. А. Бестужеву (три, 1861 г.). 337.—5. К П. И. Першину-Караксарскому (два, 1861—1862 гг.). 377.—IV. Два рассказа И. И. Горбачевского (в передаче П. И. Першина-Караксарского). 380.—V. Указатель. 385.—Портреты: И. И. Горбачевский в 30-х годах (из собрания М. М. Зензинова). 3.—И. И. Горбачевский в последние годы (из собрания В. Р. Зотова). 237.—И. И. Горбачевский в последние годы (из собрания В. С. Манасеина). 335.—Рец.: СИБО. 1926, I—II, янв.—апр., 243—245. Марк Азатовский.—КС. 1926, № 4 (25), стр. 267—269. М. Нечкина.

(236). Дело **И. И. Горбачевского**.—Восстание дек. V, 181—259. 472—473.

663. Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова. Неизданные письма. С комментариями Н. К. Пиксанова—Источн.-Марксист (М.) 1926, I, (май), 175—200.—Из подготовленных к печати М. О. Гершензоном документов из архива В. Л. Давыдова. «Тексты писем печатаются по новой орфографии, но с соблюдением особенностей живой речи». Французские письма печатаются в переводе М. О. Гершензона.—I. Письма В. Л. и А. И. Давыдовых (176—183): 1. В. Л. Давыдова к жене из крепости. Спб., 26. I. 1826 (177—178); 2. В. Л. Давыдов к жене. (Чита). 20 сент. (1827 г) (178); 3. В. Л. и А. И. Давыдовы к дочери Марии. (Не датировано) (Подлинник по-французски) (179—182); 4. В. Л. Давыдов к брату Петру Л. Давыдову. (Подлинник по-французски). (Не датировано). (182—183). —II.

Письма А. И. Якубовича (183—192): 1. М. М. Спиридову. 20. V. (1839). Малая Развод. (185—186); 2. В. Л. Давыдову. 11. XII. (1840?). Алек. Завод (186); 3. Ему же. 18. X. (1841?) (186—187); 4. Ему же. 3. IX. (1842?). Ермак (188—189); 5. Ему же. 13. IX. (Б. г.). Разводная (189); 6. Ему же. 17. IX. (Б. г.). Разводная (190); 7. Ему же. 25. VIII. (Б. г.). Енисейск (190—191); 8. М. В. Давыдовой. (По-русски). (Не датировано). (191—192); 9. В. Л. и А. И. Давыдовым. 14. IX. 1844 (192).— III. Письма декабристов к В. Л. и А. И. Давыдовым (192—200): П. С. Бобрищев-Пушкин к В. Л. Давыдову. 10. V. 1840. Тобольск (192—193).—М. А. и Н. Д. Фонвизинных к Давыдовым. (По-французски). 11. X. 1840. Тобольск (193—195).—Е. П. Оболенского к В. Л. Давыдову. (Подлинник по-французски). 28. V. 1843. Туринск (195—197).—И. Д. Якушкин к В. Л. Давыдову. (Подлинник по-французски). 12. VI. 1843. Ялуторовск (197).—А. З. Муравьев к В. Л. Давыдову. (Подлинник по-французски). 4. III. 1844 (197—198).—С. П. Трубецкой к В. Л. Давыдову. 28. X. 1852 (198—199).—И. В. Поджио к В. Л. Давыдову. (Подлинник по-французски). (Не датировано) (199—200).—М. М. Спиридов к В. Л. Давыдову. (Не ранее 1848 г.) (200).

664. **Чернов, С. Н.** Поиски сношений декабристов с Западом.—Из эпохи борьбы с царизмом, V (1926). 113—123. — Неожиданный увоз декабриста В. Л. Давыдова из Благодатских рудников в Верхнеудинск (ноябрь 1826 г.). Показания Давыдова (стр. 119—123) по вопросным пунктам, предложенным ему иркутским гражданским губернатором Цейдлером, о предполагаемых правительствам сношениях Давыдова через кн. Броглио с французскими политическими обществами (предположения были вызваны показаниями Никиты Муравьева) и о сношениях Южного и Северного Обществ с др. иностранными тайными обществами.

665. **Харчевников, А. В.** Высылка декабриста Д. И. Завалишина из г. Читы в 1863-ем году по архивным материалам Читинского музея.— Дек. в Забайкалье, 48—94. С текстом «протеста» Д. И. Завалишина.—Ср. № 666.

666. **Оксман, Ю. Г.** Высылка декабриста Д. И. Завалишина из Читы.—Б. 1925, № 5 (33), стр. 148—152.—С текстом «протеста» Д. И. Завалишина (9. VI. 1863 г. Чита).—Ср. № 665.

667. **Оксман, Ю. Г. Д. И. Завалишин в борьбе за опубликование своих Записок.**—Дек., 185—196.—Стр. 188—190: рапорт цензора проф. В. М. Ведрова в С.-Пб. Цензурный Комитет от 23 дек. 1881 г. по поводу опубликования М. И. Семенским Записок Д. И. Завалишина «Вселенский Орден Восстановления и отношения мои к Северному Тайному Обществу». (Из писем Д. И. Завалишина к М. И. Семеновскому). Р. С. 1882. I. 11—66. Цензурой были исключены стр. 32—40.—Письмо Д. И. Завалишина к гр. Н. П. Игнатьеву. Москва, 6 апр. 1882 г. 191—196.

667а. **Щеголев, П. Е. Петрашевцы.** В воспоминаниях современников. Сборник материалов. Составил П. Е. Щеголев. С предисл. Н. Рожкова. М. (и) Л., изд. и тип. «Красный Пролетарий» Госуд. Изд-ва в Мск. 1926. (24×16). XX+295 стр. 1 руб. 80 коп. 10.000 экз.—Стр. 139—144: Письмо М. В. Буташевича-Петрашевского Д. И. Завалишину 15 июня 1860 г. Минусинск. Перепеч. из «Сборника старинных бумаг, хранящ. в музее им. Щукина», ч. X. М. 1902, стр. 266—270.

668а. **Петров, А. В.** Письма Д. И. Завалишина из Читы к Е. П. Оболенскому и И. И. Пущину.—Памяти дек. III. 124—149.—1. Е. П. Оболенскому. Чита. 9. X. 1840 (132—138) (по поводу кончины жены Ап. Сем. р. Смольяниновой).—2. Ему же. Чита. 14. X. 1850 (139—142) (о Чите и ее судьбах).—3. И. И. Пущину. Чита. 23. IV. 1849 (142—149) (о Калифорнии).—Стр. 131, примеч. 1: библиография сочинений Завалишина. Письма хранятся в Рвкоп. Отд. Б-ки

Акад. Наук СССР, среди бумаг акад. Н. Ф. Дубровина, за № 311.

668. **Буланова, О. К.** Роман декабриста. Декабрист В. П. Ивашев и его семья. (Из семейного архива). (С предисл. С. Я. Штрайха)². М., Изд-во Всесоюзного Общ. Политич. Каторжан и Сс.-поселенцев Т.п. изд-ва Брокгауз-Ефрон в Лгр. 1925. (24×16). 256 стр.+ (2) вклад. лист. портр. 2 руб. (Историко-революционная Б-ка Журн. «Каторга и Ссылка». Воспоминания. Исследования. Документы и др. Материалы из Истории Революционного Прошлого России. Книга VI). 5.000 экз.—Обложка: Д. Б.—В книге опубликованы письма В. П. Ивашева, его родных, К. П. Ивашевой, М. Н. Волконской, Н. В. Басаргина и мн. др.—Снимки: В. П. Ивашев, К. П. Ивашева (урожд. Ле-дантю). С акварельных портретов 1832—35 гг. по семейному преданию написанных В. П. Ивашевым. (Собрание О. К. Булановой). К стр. 13.—В. П. Ивашев в возрасте 12—13 лет с матерью В. А. Ивашевой и сестрой Лизой. Миниатюра на табакерке 1811 г. (Собр. О. К. Булановой). Портрет В. П. Ивашева в мундире камер-пажа в возр. 16 лет. Снимок с большого портрета масляными красками, принадлежавшего дочери декабриста М. В. Трубниковой. К стр. 17.—Факсимиле писем Камиллы Ле-дантю (101) и В. П. Ивашева (235).—Рец. ЗВ. 1926. 7 февр. Р. Матерская.—КНовь 1926. IV, 237—238. И. Браславский.

669. **Буланова, О.** Дочь декабриста (В. П. Ивашева)². (Из семейной хроники).—Б. 1925, № 5(33), стр. 163—189; № 6 (34), стр. 20—37.

670. **Пилясов, М.** Декабристы—наши земляки. Декабрист В. П. Ивашев.—Пролетарский Путь (Ульяновск) 1925, 29 дек.—С портр.: Н. И. Тургенева, уроженец Симбирской губернии.

670а. **Беляев, М. Д.** От ареста до ссылки. (По данным семейного архива Ивашевых).—Памяти дек. II. 1—72.—По письмам П. Н. Ивашева (отца дек. В. П. Ивашева), хранящимся в Пушкинском Доме Академии Наук.

(23). Дело П. Г. Каховского.— Восстание дек., I, 333—389, 520—523.

23а. Дело В. К. Кюхельбекера.— Восстание дек. II, 133—199, 387—392.

671. **Модзалевский, Б. Л.** Сто лет тому назад. (Роман декабриста Каховского).—Б. 1924, № 26, стр. 3—60.

672. **Модзалевский, Б. Л.** Роман декабриста Каховского, казенного 13 июля 1826 года. Труды Пушкинского Дома при Академии Наук СССР. Л., изд. и тип. Печатный Двор Госуд. Изд-ва. 1926. (18×14). 126 стр.+ (2) стр. объявл. 1 руб. 50 коп. 3.000 экз.—Обложка: Марк Кирнарский.—Рец.: НГ. 1926, № 37. 14 февр. Т. Левит.

673. Петр Григорьевич Каховский.—**Щеголев, Дек.** 153—228. (Признания в следственной комиссии, письма его из крепости к Николаю I, к Левашову, показания о нем. сделанные его товарищами).

673а. **Розанов, Ив.** Поэты-декабристы. Кюхельбекер — Ленский. — КНовь 1926, VI, 212—219.

673б. Пушкин в мировой литературе. Сборник статей. (Л.), изд. и тип. им. Ивана Федорова. Гос. Изд-ва. 1926. (23×15). VII+408+(3) стр. 4 руб. (Научно-исследовательский Институт Сравнительного Изучения Литературы и Языков Запада и Востока при Ленинградском Государственном Университете). 2.000 экз.—Стр. 266—281, 283—285 и 391—393 (примеч.): литературная деятельность В. К. Кюхельбекера: Кюхельбекер — Ленский (параллель). В статье Ю. Тынянова «Арханглы и Пушкин». См. также и другие упоминания по указателю еще о Бестужеве (Марлинском) и Рылееве.

674. **Грум-Гржимайло, А. Г.** Письмо А. О. Корниловича из Петропавловской крепости (к брату подполковнику корпуса гогографов Без-Корниловичу, 5 авг. 1832 г.)².—Бунт дек., 393—396.

675. **Грум-Гржимайло, А.** Декабрист А. О. Корнилович на Кавказе.—Дек. на каторге, 307—336.—Письма А. О. Корниловича к брату М. О. Без-Корниловичу. Екатеринбург. 29. XI. 1832 и Тифлис. 4. XII. 1832 (приниска) (310—

312); Царские Колодцы, 20. XII. 1832 (313—14); 10. VII. 1833 (318—19); 4. X. 1833 (319—20); 26. X. 1833 (320—21); 20. XII. 1833 (321—24); 28. II. 1834 (324—27); 9. V. 1834 (327—29); 15. VI. 1834 (330); 31. VII. 1834 (330); из Кубы, 21. VIII. 1834. 1834 (330).—К А. Х. Бенкендорфу. Царские Колодцы, 30. XII. 1832. (314—15).—Письма кн. В. М. Голицина к М. О. Без-Корниловичу—24. I. 1835 (332—33) и 30. XI. 1835. Екатеринодар в Черноморье (334—36) с подробностями о последних днях жизни Корниловича.

676. Благоразумные советы из крепости. (Декабрист А. О. Корнилович).—**Шеголев**, Дек., 293—341.

677. **Оксман**, Ю. Г. Письмо декабриста С. Г. Краснокутского.—Дек., 165—167.—К сестре Н. Г. Лукашевич. Г. Тобольск 20 Ген.: 840 (166—167).

678. **Петров**, В. «Тайное общество», открытое в Астрахани в 1822 году.—Тайные общества, 9—31.—По материалам дела «о майоре Кучевском и бригадном писаре Пружковском, обвинявшихся в собрании тайного неопозволенного общества» и представляющего собой переписку астраханского губернского прокурора о привлеченных по этому делу лицах гражданского ведомства (ржп. Р. П. Б. Г. IV, № 63), а также по подлинному делу, хранящемуся в архиве аудиторского департамента во II отделении Юридической Секции ЕИГАФ.—Рец.: КЛетопись 1926, № 4 (19), Библиография, 67—168. И. Троицкий. Ср. № 679.

679. **Кубалов**, Б. А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов.—Тайные общества, 32—67.—По материалам Иркутского центр. архива Нерчинской каторги, нижеперечисленным письмам, хранящимся в Иркутской Публ. Биб-ге, и дела о Кучевском, находящемся в Московско-военно-морской секции Центрархива (Лефортовский архив).—В приложении (стр. 51—67)—19 писем к Кучевскому. Письма I—V, VII, XIV—XVI, XIX были напечатаны в «Трудах Иркутск. Уч. Архив. Комиссии» за 1914 г.

вып. 2-й.—И. Е. П. Оболенского. 7. VIII. 1839. Етаницкой волости, Турунтаевская слобода (51—53).—II. Его же. 13. II. 1840: Турунтаевская слобода, Етаницкой волости (53—54).—III. Ар. З. Муравьева. 21. II. (1840). Анок (55).—IV. С. П. Трубецкого. 3. III. 1840. Оек. (55).—V. Е. П. Оболенского. 24. VI. 1840. (Турунтаевская слобода, Етаницкой волости) (56).—VI. Его же. 26. VII. 1840. (Оттуда же) (56—58).—VII. Его же. 1. II. 1841. (Оттуда же) (58—59).—VIII. Его же. 7. I. 1842. (Туринск?) (59—60).—IX. С. П. Трубецкого. 9. XII. 1843. Оек (60—61).—X. Его же. 24. XII. 1843. Сл. Оек (61).—XI. Его же. 21. II. 1844. Оек (61—62).—XII. П. Б. Пушкина. (П. С. Бобрищев-Пушкин 2-й). 7. III. 1845. Тобольск (62—63).—XIII. С. П. Трубецкого. 5. IV. 1845. Оек (63).—XIV. П. Бобрищева-Пушкина. 5. III. 1846. Тобольск (63).—XV. С. П. Трубецкого. 6. V. 1846. (Оек) (64).—XVI. Е. П. Оболенского. 13. VII. 1846. (Ялutorовск) (64—65).—XVII. С. П. Трубецкого. 16. II. 1847. Иркутск (65—66).—XVIII. Его же. 29. IX. 1847. (Иркутск) (66—67).—XIX. Его же. 27. I. 1848. (Иркутск) (67).—Рец.: КЛетопись 1926, № 4 (19). Библиография, 168—169. И. Троицкий.

680. **Модзалевский**, Б. Л. Три письма В. К. Кюхельбекера к Е. П. Оболенскому.—Дек., 157—164.—I. (1-го окт. 1839 г. Баргузин). Стр. 158. С приписками И. С. Ветрова (158) и М. К. Кюхельбекера (159).—2. 25 ноября 1839. (Акша?). 159.—3. 5 июня 1841 года. Акша. 160—161. (С мыслями о воспитании своих учеников).—Письмо М. К. Кюхельбекера к Е. П. Оболенскому. (Окт.—ноябрь 1839 г. Баргузин). 161—164.—К стр. 161 на екл. л.: Вильгельм Карлович Кюхельбекер. По фотографии с оригинального рисунка.—В примеч. к стр. 157: библиография писем В. К. Кюхельбекера.

681. В. К. Кюхельбекер. (Совр. шарж) Музей Революции. (Снимок).—ЖИ. 1925, № 51 (1078), 22 дек. 19.

682. **Гробер**, Л. Декабрист в ссылке. М. К. Кюхельбекер.—РКличь 1925, 25 дек.

683. **Левит**, **Теодор**. Вильгельм Карлович Кюхельбекер. — Новый Зритель (М.) 1926, № 1, стр. 11.

683а. **Литвинов**, В. В. Декабрист Е. Е. Лачинов. (1799—1875 г.). Известия Воронеж. Краеведческого О-ва 1926, № 7—9, янв.—март, стр. 1—5. С портр. по фотографии.

684. Письма **М. С. Лунина** из Акатуя. Примечания Б. Л. Модзалевского.—Атеней, III (1926), 14—20 и 31—32 примеч.—1. Кн. М. Н. Волконской. 1842, 30 янв. (Акатуй).—2. С. Г. Волконскому. (Ноябрь—дек. 1843 г. Акатуй). Письма на франц. яз., с пер. на русский.—В первом письме имеется приписка сыну М. Н. Волконской (по-английски) и С. Г. Волконскому (по-французски).

685. **Муравьев**, М. Статья М. С. Лунина «Взгляд на дела Польши».—Дек. на каторге, 265—280.—Взгляд на дела Польши 1840 г. (Перевод с французского). 270—280.—По списку, сделанному в 50-х гг. в Иркутске Е. Н. Муравьевой. Сверено с подлинной рукописью Лунина, находящейся в собрании Б. Л. Модзалевского в части архива С. Г. Волконского. Ср. № 689.

686. **Шеголова**, С. А. Материалы о М. С. Луние.—Памяти дек. I, 100—107.—1. Духовное завещание М. С. Лунина. (Первая редакция. Москва. 29. II. 1818 * г.). Стр. 101.—2. Ген.-адъютант Бенкендорф—Е. С. Уваровой. 102.—3. М. С. Лунина—сестре Е. С. Уваровой. № 63. Siberie, 21 octobre 1837 (франц. текст и русск. пер.). 102.—4. М. С. Лунина—сестре Е. С. Уваровой (15. IX. 1838). (Франц. текст и русск. пер.). 105.—5. Секретное отношение Иркутского земского исправника от 22 декабря 1839 г. за № 335 заседателю Птичкину (о разрешении Лунину возобновить запрещенную переписку с родными)³.

687. Декабрист М. С. Лунина в Сибири.—**Кубалов**, Дек., 122—155.
688. **Кашин**, Н. (П.)³. К биографии декабриста М. С. Лунина.—КС. 1925, № 5(18), Мелочи прошлого,

241—243.—О годе рожд. М. С. Лунина (вторая пол. 1787 г.) по сохранившимся письмам деда дкб-та М. Н. Муравьева к отцу и сестре (матери дкб-та).

689. **Гессен**, С. Я. и **Коган**, М. С. Декабрист Лунина и его время. Труды Пушкинского Дома при Академии Наук СССР. (Л.), «Наука и Школа», тип. Первой Ленинградской Артели Печатников, 1926. (18×14). 312 стр. 1 руб. 50 коп. 2.000 экз.—(Посвящается)* «светлой памяти Нестора Александровича Котляревского».—Оглавление. Предисловие Стр. 7.—I. Жизнь и деятельность. 1. Среда и воспитание (13). 2. Лунина в гвардии (25). 3. Лунина во Франции (35). 4. Тайное общество (56). 5. Следствие и крепость (73). 6. Каторга и поселение (101). 7. Акатуй (121).—II. Политические и общественные взгляды. 8. Тайное общество в освещении Лунина (139). 9. Литературная деятельность Лунина в Сибири и ее политическое значение (162). 10. Исторические труды Лунина (181). 11. Лунина и польский вопрос (198). 12. Лунина и крестьянский вопрос (219).—III. Неопубликованные материалы. 1. М. С. Лунина. Взгляд на Польские дела. (Coup d'oeil sur les affaires de Pologne). Урик 1840 г. (245—264). (Печатается с франц. подлинника, находящегося у Б. Л. Модзалевского, в переводе Л. Л. Домгера). 2. М. С. Лунина. Письма из Акатуя: к М. С. Волконскому (1842 г.) (269—270); к С. Г. Волконскому (конец 1842 г. или начало 1843 г.) (270—272); к М. Н. Волконской (вторая половина 1843 г.) (272—274); к М. С. Волконскому (конец 1843 г. или к 1844 г.) (274—275); к М. Н. Волконской (конец 1843 г. или к 1844 г.) (275—276); к С. Г. Волконскому (написано после предыдущего письма и не позднее 1844 г.) (277); Ему же (конец 1844 г. или начало 1845 г.) (279—280). Примечания (283—285). (Письма печатаются по копиям и фотографическим снимкам, принадлежащим Б. Л. Модзалевскому, в переводах с английского (письма к М. С. Вол-

конскому) и французского (письма к С. Г. и М. Н. Волконским).—3. Е. Ф. Муравьева. Письма к М. С. Лунину: 5. IV. 1824 (289); 18. III. 1825 (290—291) с припиской дек. А. М. Муравьева к письму матери (291). Примечания (292).—4. Н. А. Лунина. Письма к М. С. Лунину из с. Богороцкого: 2. II. 1824 (293—294); 28. IV. 1824 (294—295); 3. VI. 1824 (295—298); 23. X. 1824 (298—301). Примечания (302—303). Указатель личных имен. 305.

689. **Лунин, М. С.**, декабрист. Общественное движение в России. Письма из Сибири. С портретом и пятью снимками. Редакция и примечания С. Я. Штрайха. М. (и) Л., изд. и тип. 1-я Образцовая Госуд. Изд-ва в Мск. 1926. (24×16). 64 стр. 80 коп. (Музей Революции Союза ССР (Москва)). 2000 экз. Обложка по рисунку художника И. Ф. Рерберга.—Содержание: Предисловие С. Я. Штрайха. 7.—М. С. Лунина. Общественное движение в России в нынешнее царствование. 1840. 13.—М. С. Лунина. Письма к сестре (Ссылка 15. IX. 1839; Ссылка 13/1 дек. 1839 г.; Ссылка 28/16 янв. 1840). 31.—Рукописи Лунина в Музее Революции СССР. С. Я. Штрайха. 41.—Примечания к тексту. С. Я. Штрайха. 52.—Дополнения к литературе о Луние. 62.—Илл.: Автографы Лунина: титул статьи «Общественное движение»... (в натуральную величину)—стр. 11, отрывки из этой статьи (в натуральную величину)—стр. 12, 28, 40, снимок с письма к сестре от 15/IX 1893 г. (уменьшено на 1/2)—стр. 30.—Рец.: Кн. 1926. № 37/38. 15 окт., 33. В. Л.—ПР. 1926. VIII. 152—153. В. Дитякин.

690. Забытый декабрист (А. Н. Луцкий)—**Кубалов**. Дек., 156—166. (236). Дело Ю. К. Люблинского.—Восстание дек. V. 409—426, 479—480.

691. **Штрайх, С.** Кающийся декабрист. (К биографии основателя Союза Спасения А. Н. Муравьева По неизданным письмам).—КНОВ 1925. № 10. дек., 143—169.—Административная карьера А. Н. Муравьева. В тексте письма А. Н. Муравьева: к А. Н. Мордвинову. (Иркутск. 13. VIII. 1832). 151—152; (То-

больск. 11. XI. 1832). 153; (Тобольск. 10. XII. 1832). 154; (Тобольск. 3. VI. 1833). 155; (Тобольск. 4. XI. 1833). 157; (Тобольск. 2. XII. 1833). 158; (Вятка. 9. V. 1834). 162—163; (Вятка. 23. V. 1834). 164—166.—К А. Х. Бенкендорфу (Тобольск. 2-я пол. 1833 г.?), 161.—К имп. Николаю I (Иркутск, март 1830 г.). 152.

692. **(Якушкин, Е. И.)**. О записках декабриста А. М. Муравьева. Сообщ. Е. Е. Якушкин.—Б. 1924. № 25, стр. 273—277.—См. Декабрист А. М. Муравьев. Записки. Перевод, предисловие и примечания С. Я. Штрайха. П., Изд. «Былое». 1922.

693. **Чернявский, К.** Записки декабриста.—ЗВ. 1926. 1 янв.—Экземпляр рукописи А. М. Муравьева в Гос. Университете Грузии. Внешний записок. Изучение их. Подробное описание декабрьского восстания.—Записки готовит к печати проф. М. А. Голиевтов.

694. **Муравьев, М.** Декабрист Артамон Захарович Муравьев.—Тайные общества. 103—128.—Биографический очерк. В приложении—письмо В. А. Муравьевой вел. кн. Михаилу Павловичу. 22. I. 1826 (123—125) и 4 письма А. З. Муравьева, рукою М. К. Юшневской под его диктовку, к жене 24 апр. (6 мая) 1836 (125); Петровский завод. 11/23 дек. 1836 (125—126); Петровский завод 25 дек. (6 янв. 1837). (Перевод с франц.) (126—127) и к сыну Александру (Петровский завод 25 дек. (6 янв. 1837). (Перевод с франц.) (127).

695. Гр. М. Н. Муравьев—заговорщик (1816—1826).—**Шеголев**. Дек., 127—152 (с всеподданнейшим прошением М. Н. Муравьева на имя Николая I. 20. I. 1826 г., 140—141; прошениями на имя Бенкендорфа. 21. III. 1826 и 4. IV. 1826, 145—152; ответы Муравьева в комитете).

(23). Дело **Н. М. Муравьева**.—Восстание дек. I. 287—331. 516—520.

696. Конституция **Н. Муравьева**. С введоной статьей А. И. Яковлева.—Дек., 58—62. 63—100 (текст конституции).—«Текст взят из бумаг декабриста Пущина, храня-

щихся в рукописном отделении Библиотеки им. В. И. Ленина (быв. Румянцевском музее). Эта рукопись ускользнула в свое время из рук Следственной Комиссии и в составе архива Якушкина была передана в собрание Румянцевского музея. В 1906 г. этот текст конституции был издан В. Е. Якушкиным, но издатель не опубликовал тогда замечаний к тексту «Конституции», сделанных на полях рукописи в подлиннике, и выпустил обширное критическое рассуждение о «Конституции» неизвестного автора (по вероятному предположению В. И. Семевского—декабриста флотского офицера Торсона), следующих за текстом подлинника... Рукопись «Конституции» написана рукою К. Ф. Рыльева».

697. **Энгельгардт, Б. М.** Письма С. И. и М. И. Муравьевых—Апостолов к А. Д. и А. И. Хрущовым—Памяти дек. I. 108—139.—Письма (12) С. И. Муравьева—Апостола: 1. А. Д. и А. И. Хрущовым. С-Пб. 20. VI. 1820. Стр. 112.—2. Им же. Хомулец. 10. IV. 1821. 115.—3. Им же. Киев, 28. VI. 1821; 118.—4. Им же. Васильков. 13. VIII. 1821. 120.—5. Им же. Васильков. 17. VIII. (1821). 122.—6. Им же. 30. IX. 1821. 124.—7. Им же. 10. II. 1823. 125.—8. Им же. Хомулец 6. III. 1823. 126.—9. Им же. Васильков. 8. III. 1823. 128.—10. А. И. Хрущовой. (Не датировано). 131.—11. Ей же. 2. XI. (Год не обозначен). 132.—12. Ей же. (Не датировано). 133.—Письма М. И. Муравьева—Апостола: 13. А. Д. и А. И. Хрущовым. С-Пб. 21. II. 1822. 133.—14. Им же. Бухтарминск. 30. XII. 1835. 136.—Письма на франц. яз. с русск. переводом.

698. Письмо декабриста **С. Муравьева—Апостола**.—КГ. 1925. 26 сент.—Письмо к брату Матвею (1826 г.). Факсимиле отрывка этого письма ранее было напечатано в сборнике в пользу голодающих.

699. Катехизис Сергея Муравьева—Апостола. (Из истории агитационной литературы декабристов).—**Шеголев**. Дек., 229—259.

699а. **Мняковский, В.** Революционный катехизис 1825 року.—Жит-

тя й Революция 1925, ч. 12, ст. 70—75.

700. **Сиверс, А. А.** П. А. Муханов. Материалы для биографии.—Памяти дек. I, 151—237.—Письма П. А. Муханова: 1. Матери Н. А. Мухановой. (Пб). 23. III. (1823). 154.—2. Ей же. (Пб. 6. IV. 1823). 156—157.—3. Сестрам Екатерине и Елизавете Мухановым (Киев, 26. IX. 1823). 160. (Франц. текст и русск. пер.).—4. Сестре Екатерине Мухановой. (Конец июня 1824). 164. (То же).—5. Ей же. 4. III. 1825. Киев). 169. (То же).—6. Ей же. (8. III. 1825. Киев). 171. (То же).—7. Матери Н. А. Мухановой. (22. III. 1825. Киев). 172—173.—8. Ей же. 4. VII. 1826. Крепость. 175—177. (С припиской кн. Ек. А. Шаховской. 11. VIII).—9. Ей же. 24. XI. (1827). Иркутск. 179.—10. М. Н. Волконская—Е. А. Мухановой. 25. X. 1829 Четинский Острог 180 (Франц. текст и русск. пер.).—11. П. А. Муханов—матери Н. А. Мухановой. 21. I. 1833. Иркутск. 183.—12. Ей же. 28. I. 1833. Братский Острог. 187.—13. Ей же. Братский Острог. 3. II. 1833. № 3. 190.—14. Графу А. Х. Бенкендорфу. (3. II. 1833. Братский Острог). 192.—15. И. Б. Цейдлер.—А. С. Лавинскому. 5. IV. 1833. Иркутск. 194.—16. А. С. Лавинский—графу А. Х. Бенкендорфу. (8. IV. 1833. Иркутск). Секретно. 195.—17. Гр. А. Х. Бенкендорф—А. Н. Муравьеву. № 3055. 5. VII. 1833. 196.—А. Н. Муравьев—графу А. Х. Бенкендорфу. 23. VII. 1833. Тобольск. 198. (С выпиской из письма княжны В. М. Шаховской от 29-го июля 1833 г. на имя гр. А. Х. Бенкендорфа, приложенного к письму А. Н. Муравьева).—19. П. А. Муханов—И. Б. Цейдлеру. (31. VIII. 1836. Братский Острог). 200.—20. Матери Н. А. Мухановой и сестре. 31. VIII. 1833. Братский Острог. 201.—21. Граф А. Х. Бенкендорф—А. С. Лавинскому. № 5076. 6. XI. 1837. Секретно. 202.—22. С. Б. Броневский—Н. А. Мухановой. 13. II. 1837. Иркутск. 203.—23. Гр. А. Х. Бенкендорф—Н. А. Мухановой. 20. XI. 1841. № 6716. 204.—

24. П. А. Муханов—сестре Е. А. Альфонской. 28. XII. 1842 (Усть-Куда). 205.—25. Ей же. 29. I. (1843. Усть-Куда). 207.—26. Матери Н. А. Мухановой. 5. II. 1843. 209.—27. Сестре Е. А. Альфонской. Август 1843. Усть-Куда). 211—213.—28. Ей же. Конец августа—сентября 1853). 215.—29. М. А. Дорохова—Е. А. Альфонской. 18. XI. 1853. 217. (Франц. текст и русск. пер.).—30. П. А. Муханов—сестре Е. А. Альфонской. 7. I. (1854). 220.—31. М. А. Дорохова—Е. А. Альфонской. 8. I. 1854. 221. (Франц. текст и русск. пер. 32.—Ей же. 9. II. 1854. 225. (Франц. текст и русск. пер.).—33. П. А. Муханов—сестре Е. А. Альфонской. 11. II. (1854). 227.—34. А. Белоголовый—А. А. Альфонскому. (12. II. 1854. Иркутск). 229.—35. М. А. Дорохова—Е. А. Альфонской. (12.—13. II. 1854. Иркутск). 230. (Франц. текст и русск. пер.).—36. М. А. Дорохова—Н. А. Мухановой. 19. II. (1854). 232.—37. М. А. Дорохова—Е. А. Альфонской. 18. IV. 1854. 232. (Франц. текст и русск. пер.). 38. А. Белоголовый—Е. А. Альфонской. (19. IV. 1854. Иркутск). 235—236.

701. Попов, П. П. А. Муханов в Сибири.—Дек. на каторге, 201—243.—Жизнь Муханова в Братском Остроге (1832—1841 гг.) и в селе Усть-Куде (1842—1849 гг.) по неопубликованной (из архива Шаховских) переписке его с сестрой Ел. А. Шаховской и мужем ее Вал. М. Шаховским (1833—1849 гг.). Полностью напечатаны след. письма П. А. Муханова к В. М. Шаховскому: Братский Острог. 5. V. 1833 (204); 1. I. 1837 (224); 6. IV. 1839 (225); Икугун. 17. VIII. 1842 (231); Усть-Куда. 8. III. 1848 (240); 9. III. 1849. (240).—Приложение. Письмо кн. В. Шаховской Бенкендорфу. 12. VIII. 1833. Тобольск (242—243).

702. Иеропольский, К. А. М. А. Назимов. (Биографическая справка).—«Познать свой край». Сборник Псковского О-ва Краеведения. Вып. 1-й. Псков. изд. Псковского Общества Краеведения. 1924. Стр. 41—44.

С портр.—Упомянуется о рукописи записок Назимова, переданных через А. Н. Яхонтова поэту Некрасову.

703. Шестериков, С. Декабрист В. С. Норов. (Заметка к его биографии).—Б. 1925, № 2 (30), стр. 87—89.—Рассказ А. В. Никитенко о столкновении В. С. Норова с вел. кн. Николаем Павловичем (в 20-х гг.). По рукописной копии, содержащей ненапечатанные места из дневника Никитенко (запись от 25. X. 1869 г.).

704. Поливанов, Т. Н. В. С. Норов по воспоминаниям современников и неизданным письмам.—Дек. Дмитров. 1925, 26—49.

705. Смирнов, И. А. Декабрист Василий Норов.—Дек. Дмитров. 1925, 50—82.

706. Письмо декабриста Оболенского к С. Н. и Н. С. Кашкиным. Сообщ. и пояснил Б. Л. Модзалевский. — Дек., 238—276—1. С. Н. Кашкину. 7. X. 1825. Пб. Стр. 242.—2. Семейству Кашкиных. 26. III. 1858. 247.—3. С. Н. Кашкину. (Вторая половина окт. 1858). 249.—4. С. Н. Кашкину. 13. XI. 1859. 250.—5. Н. С. и С. С. Кашкиным. 30. III. 1860. 253.—6. Н. С. Кашкину. 9. IV. 1860. 256.—7. Н. С. и С. С. Кашкиным. 16. IV. 1860. 259.—8. Н. С. Кашкину. 23. IV. 1860. 260 (с припиской Г. С. Батенькова. 263).—9. Н. С. Кашкину. 5. VI. 1860. 263.—10. С. Н. Кашкину. 23. VII. 1860. 266.—11. С. Н. Кашкину. 3. IX. 1863. 267.—12. С. Н. Кашкину. 14. XII. 1863. 268.—13. Н. С. Кашкину. 13. IX. 1864. 270.—14. Н. С. Кашкину. (Ноябрь—декабрь 1864). 274 (с припиской кн. Н. П. Оболенской. 275—276 и приложением рецепта для чернил, написанным Е. П. Оболенским. 276). Письма №№ 2—14 из Калуги.

707. Декабрист Е. П. Оболенский. Письмо к Я. Н. Толстому. Сообщ. С. Шестериков.—Б. 1925, № 1 (29), 66—69.—Письмо Е. П. Оболенского к Я. Н. Толстому. Ноября 25-го 859 г. Калуга. 67—69.—Библиография писем Е. П. Оболенского и Я. Н. Толстого и писем к ним. стр. 66—67, примеч.

23). Дело кн. Е. П. Оболенского I.—Восстание дек. I. 219—286. 510—516.

708. Одоевский, А. И. (Неизданное стихотворение). («Что мы, о боже?—В дом небесный...»). Примечания Н. В. Измайлова.—Атеней. III (1926). 8 и 28—29 прим.

709. Сакулин, П. Н. А. И. Одоевский в неизданных письмах.—Дек. на каторге. 124—200.—27 франц. писем А. И. Одоевского к отцу. И. С. Одоевскому. Печатаются в оригинале и в переводе на русский язык. Два первых письма—одно из Великих Лук, 3. VI. 1832, другое из С.-Пб. 23. XII. 1824, остальные из Елани: 19. VII. 1833; 19. IX. 1833; 10. X. 1833; 23. X. 1833; 29. X. 1833; 14. XI. 1833; 22. XI. 1833; 4. I. 1834; 23. I. 1834; 1. VII. 1835; 15. VII. 1835; 4. VIII. 1835; 3. X. 1835; 12. X. 1835; 5. XII. 1835; 1. I. 1836; 20. I. 1836; 30. I. 1836; 15. II. 1836; 12. III. 1836; 30. IV. 1836; 15. V. 1836; 28. V. 1836; 10. VI. 1836; 21. VI. 1836.

(23а). Дело кн. А. И. Одоевского.—Восстание дек. II, 239—273, 399—403.

710. Письмо М. Ф. Орлова (8. VII. 1822. Село Милутино) к кн. Н. Б. Юсупову. Сообщ. Н. П. Кашкин.—Б. 1925, № 5 (33), стр. 45—46.

711. Попов, П. С. М. Ф. Орлов и 14 декабря.—КА. 1925, т. 6 (13), стр. 148—173.—Письма М. Ф. Орлова: к кн. Д. В. Голицину (перевод с франц. по копиям с оригиналов, хранившихся в одном из архивов князей Голицыных)—22. XII. 1825. Москва (стр. 151—155) и 28. VII. 1826. Москва (172—173); к Николаю I—22. XII. 1825. Москва (с оригинала, написанного по-русски) (155—157); 29. XII. 1825 (157—159). (Это и все след. письма в переводе с франц. оригиналов, хранившихся в Особом Отделе б. Госуд. Архива. IV. дело № 83); записка для Николая I-го 29. XII. 1825. Санкт-Петербург (159—167). (Более поздняя записка Орлова о тайном обществе опубликована у Довнар-Запольского «Мемуары декабристов», стр. 1—22); к Левашеву—2. I. 1825; 10 ч. у. (168).—Выписка из журнала Комитета 30 декабря 1825 года (167—168).—Записка Боровко-

ва о генерал-майоре Орлове (168—171).—Справка из доклада аудиториатского департамента о бывшем командире 16 пехотной дивизии генерал-майоре Орлове 1 (171—172).

(23а). Дело Н. А. Панова.—Восстание дек. II, 99—115, 385—386.

711а. Перетц, Вл. Н. и Л. Н. Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Биографический очерк. Документы. Л., Изд-во Акад. Наук СССР, тип. Торг. Палаты. 1926. (21×14). 112 стр.+ (2) вклад. лист. портр (Б. ц.). 5.000 экз.

711б. Баум, Я. Д. Еврей-декабрист. Григорий Абрамович Перетц.—КС. 1926, № 4 (25), Из истории революционного движения, 97—128.

711в. И. Еврей-декабрист одесит.—Вечерние Известия (Одесса) 1926. 5 авг.—Г. А. Перетц.

712. Баум, Я. Д. Бердичевский еврей Давыдко Лошак и полковник Пестель. (По архивным материалам).—КС. 1925, № 8 (21), стр. 248—251.—Рец.: Кн. 1926, № 34, 15 сент., По журналам, 7. Ю. Бочаров.

713. Шебалов, А. В. Арест Пестеля.—Бунт дек., 329—331.

714. Нарбут, Н. П. И. Пестель в Пажеском корпусе. (По неопубликованным материалам).—КГ. Вв. 1926, 13 янв.—«Дело о производстве камер-пажа Павла Пестеля» 1811 г. Донесение ген. Ф. И. Клингера Александру I о невозможности представить Пестеля к выпуску в офицеры.

715. «Практические начала политической экономии» П. И. Пестеля. (Сообщ.)³ С. С. Мильман.—КА. 1925, т. 6 (13), стр. 174—249.—Трактат написан не ранее 1819 и не позже 1820 г. Печатается в русском переводе (стр. 189—249) с французского оригинала, находящегося в Архиве Октябрьской Революции. «Госархив» IV. дело № 473: «Черновые записки П. И. Пестеля по делам военного управления, по командованию полком, по командировке в Бессарабию и некоторые выписки из книг».—На вклад. листе к стр. 176—снимок: Титульный лист «Русской Правды». (Архив Окт. Рево-

люции. Особ. Отдел, Фонд XXI, д. № 10, л. 62). (В уменьш. виде).

716. **П. И. Пестель.** «Конституция Государственный завет». Сообщ. С. С. Мильман.—КА. 1925, т. 6 (13), стр. 280—284.—Публикуется по копии, снятой Борисовым 2-м. Находится она в деле Шимкова (№ 445, л. л. 8—9). В предисловии — краткая история этой копии. — На вкл. листе к стр. 281 — снимок: Страница из подготовительных набросков Пестеля к «Русской Правде», содержащая проект аграрной реформы. (Архив Окт. Революции. Особ. Отд. Фонд XXI, д. № 10, л. 230).

717. Завещание **П. И. Пестеля.** Сообщ. Б. Пушкин.—КА. 1925, т. 6 (13), стр. 320.—Печатается полностью по автографу, хранящемуся в Арх. Окт. Революции, Особый Отдел, Фонд XXI. «Госархив ИВ» дело № 293, л. 326.

718. **Анненков, Георгий.** Найденный отрывок из музыкальных произведений декабриста Пестеля.—КГ. Вв. 1926, 11 марта.—Со снимком с нот, озаглавленных: Réverie musical composée par P. Pestel. 1825. (236). Дело **А. С. Пестова.** — Восстание дек. V, 317—343, 475.

718а. **Круглый, А. О. П. И.** Пестель по письмам его родителей.—КА. 1926, т. 3 (16), стр. 165—188.—По письмам И. Б. и Е. И. Пестелей за время с 1801 по 1825 г. Хранятся в Арх. Окт. Рев., особ. отд.: Гос. Архив, разряд 1-й, лист В, №№ 474, 476, 477, 478. Всего около 300 писем.

718б. **Покровский, Ф. И. и П. Г. Васенко.** Письма Пестеля к П. Д. Киселеву. (1821—1823 гг.). — Памяти дек. III, 150—201.—1. Тульчин, 19. VII. 1821 (155—159).—2. (Конец ноября—начало дек. 1821 г.) (159—161).—3. (Середина февр. 1822 г.) (161—171).—4. 23. II. 1822 (172—175).—5. Ставши, 2. IV. 1822 (175—177).—6. (1822 г.) (177—185).—7. Линтцы, 15. XI. 1822 (186—196).—8. Линтцы, 2. IV. 1823 (196—197).—9. Линтцы, 16. V. 1823 (197—201).—Печатаются по-французски и в русском переводе. Извлечены из архива Киселева. Первые пять писем к печати приготовлены Ф. И. Покровским.

остальные четыре.—П. Г. Васенко.

719. **Гирченко, Вл.** Из неизданной переписки декабристов.—Дек. в Забайкалье, 25—30.—Письмо А. В. Поджио к А. Ф. Фролову, Петровский завод 30. I. 1837. Переписано с черновика рукою М. Н. Волконской с припиской ее к тому же адресату. Приложен снимок с 1-й стр. письма.

720. **В. Г. (Гирченко, Вл.?)**. Новые материалы о декабристах.—БМП. 1925, 19 мая.—Извлечение из архивных фондов Буреспублики ряда бумаг, касающихся золотых промыслов А. В. Поджио и дела 1854 г. «о скоропостижно умершем в Кабанском селении государственном преступнике Михайле Глебове».

721. **Пушин, И. И.**, декабрист. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха, 4 портрета И. И. Пушина. М., тип. Центр. Т-ва «Кооп-го Изд-ва». 1925. (19×14). 368 стр.+ (4) вклад. лист. портр. в 2 краски, 2 руб. (Всесоюзное Общ-во Политич. Катержан и Ссылно-поселенцев). 2500 экз.—Содержание. Предисловие. 5.—И. И. Пушин, биографический очерк. С. Я. Штрайх. (1. Пушкин и Пушин. 9.—2. Юношеские годы Пушина. 30.—3. Общественно-политическая деятельность Пушина. 43.—4. Пушин в Сибири. 56.—5. Возвращение в Россию. 76).—Записки (И. И. Пушина)² о Пушкине. 81.—Письма (Пушина. №№ 1—104)². 1. Письма до Сибири (1820—1825 гг.)². 137.—2. Письма из Сибири (1827—1856 гг.)². 144.—3. Письма после Сибири (1857—1858 гг.)². 225.—И. И. Пушин в процессе декабристов. 289.—Примечания. 306.—Литература о Пушине. 325.—Указатель имен. 342.—Портреты: П. И. Пушин—1825 г. Из группы Д. М. Соболевского. К стр. 9.—И. И. Пушин—1830 гг. С портрета Н. А. Бестужева. 41.—И. И. Пушин—1850 гг. С портрета Мазера. 57.—И. И. Пушин—1856 г. С фотографии. 81.—Рец.: ПР. 1925, IV, июль, 266—267. Г. Винокур.—КЛетопись. 1925, № 2 (13), 272—276. А. Шебу-

нин.—Б. 1925, № 2 (30), стр. 237—238. М. Королицкий.—КС. 1925, № 3 (16), стр. 242—243. Н. Лернер.—Руль. 1925, № 1361, 27 мая. М. Л. Гофман.—КНовь. 1925, VIII, окт., 293. Н. Пиксанов.—А. Сабинин (должно быть А. Н. Шебунин)². Декабризм и поэт. КГ. Вв. 1925, № 76. 1 апр.—Вест. Книги (М.) 1925, IV, 58—59. М. К (левенский?)².—СибО. 1926, IV—V, авг.—сент., 248—250. Марк Азадовский.

721а. **Модзалевский, Б. Л. И. И.** Пушин. Новые письма и другие материалы. Памяти дек. III, 1—86.—Предисловие. Стр. 1—5.—Письма к Е. П. Оболенскому. 1. Иркутск, 16. VIII. (1839 г.) (6—12).—2. Иркутск, 2. IX. 1839 (12—13).—3. Туринск, 18. X. 1839 (14—20) (с припиской Н. В. Басаргина. 27 окт., стр. 18).—4. Туринск, 1. XII. 1839 (20—22).—5. Туринск, 12. I. 1840 (22—24).—6. Туринск, 29. II. 1840 (24—27).—7. (Туринск), 21. IV. 1840 (27—31).—8. (Туринск), 23. V. 1840 (31—33).—9. (Туринск), 27. VI. 1840 (34—36).—10. П. И. Пушин и княгиня Е. И. Трубецкой. (Туринск), 28. VI. 1840 (37—41).—11. К Е. П. Оболенскому, Тобольск, 1. VIII. 1840 (42—44).—12. Тобольск, 4. IX. 1840 (44—47).—13. Тобольск, 9. X. 1840 (47—50) (с припиской П. С. Бобрищева-Пушкина, стр. 50).—14. Тобольск, 14. XI. (1840) (51—54) (с припиской П. С. Бобрищева-Пушкина, стр. 53—54).—15. Тобольск, 10. XII. 1840 (54—59) (с припиской П. С. Бобрищева-Пушкина, стр. 59).—16. Туринск, 17. I. 1841 (59—62).—17. Туринск, 16. II. 1841 (63—67).—18. (Туринск), 21. III. 1841 (67—68).—19. Туринск, 18. IV. (1841) (69—72).—20. Туринск, 16. V. 1841 (72—76).—21. Туринск, 19. VI. 1841 (76—79).—22. Туринск, 8. VIII. 1841 (79—81).—23. (Туринск, авг.—сент. 1841 г.) (81—82).—Подписка декабристов (И. Пушина. Е. Оболенского. И. Якушкина. В. Тизенгаузена и Матвея Муравьева-Апостола, данная ими Ялutorовскому Полицейскому Управлению в янв. 1846 г., в том, что они не имеют и не будут иметь у себя дагерротипов. Ср. № 302)² (82).—И. И. Пушин.—М. Н. Пушиной. (С. Ма-

риной), 29. I (1858 (83—84)).—Семейный летописец И. И. Пушина (84—86).—В письмах подробности о смерти Ивашева, данные о его детях и теще, сведения о женитьбе Басаргина, о службе Семенова, об Анненкове. Фонвизине, Нарышкине, Одоевском, Бобрищевых-Пушкиных, Борисовых, Поджио, М. Пушине и других.

(23а). Дело **И. И. Пушина.**—Восстание дек. II, 201—238, 393—398.

722. **Штрайх, С. Я.** Декабрист И. И. Пушин. Историко-биографический очерк. М., (тип. Центр. Т-ва «Кооперативного Издательства»). 1925. (1924)². Загл. лист+ (9—80) стр. (Отдельн. оттиск из книги «Декабрист И. И. Пушин. Записки о Пушкине и письма из Сибири». Изд. «Об-ва Политкоржан». М. 1925)¹.—Ср. № 721.

723. **Оксман, Ю. Г.** Из писем и записок В. Ф. Раевского.—КА. 1925, т. 6 (13), 297—314.—Письма В. Ф. Раевского о (стр. 300—306) к капитану К. А. Охотникову—23. XI. 1820). С. Карамказы (300—302); (1. V. 1821) (302—303); Конец апр.—начало мая 1821 г.) (303); (17. VI. 1821) (303); (14. VII. 1821) (304); (22. VII. 1821) (305); (25. VII. 1821) (305); (Последние числа июля 1821 г.) (305—306).—К полковнику А. Г. Непенину—(1. II. 1822) (306).—Примечания. 306—309.—«О солдате». Записка В. Ф. Раевского. 311—314.—Письма печатаются с оригиналов, находящихся в деле главного аудиториата «О майоре 32 егерского полка Раевском 5-м», 1827 г., № 42. т. 7, л. л. 117—134.—Записка «О солдате» печатается с чернового оригинала, находящегося в деле аудиториатского департамента о майоре Раевском, 1827 г., № 42, лит. В., т. 10, л. л. 7—12. («Дополнительное исследование о Союзе Благоденствия и о дружеском листе, который был заведен в 32 егерском полку. 1819 года, в м. Линшах»).

724 **Раевский, В. Ф.** Письмо Г. С. Батенькову. (1815). («Когда над родиною моею...»). Примечания Ю. Г. Оксмана.—Атеней. III (1926), 5—7 и 26—28 примеч. (с вариантами).

725. Возвращение декабриста. В. Ф. Раевский в 1858 году.—**Щеголев**, Дек., 71—83 (с записками В. Ф. Раевского о своей поездке в Россию, о своем возвращении, 75—83).

726. **Кудрявцев, Ф.** «Первый Декабрист» В. Ф. Раевский в селе Олонках.—ВТ. 1924, 4 ноября.

727. **Кудрявцев, Ф.** Первый декабрист В. Ф. Раевский в Олонках—Сибирь и дек., 65—78.

728. **Кудрявцев, Ф.** Первый декабрист В. Ф. Раевский в Олонках. Иркутск. 1-я Гостинопит. 1925. (26×18). 14 стр., с илл. (Б. ц.). 100 экз. (Отдельн. оттиск из сборника «Сибирь и Декабристы», стр. 65—78). Ср. № 727.

729. О рабстве крестьян. (Из неизданной речи «первого декабриста» **В. Ф. Раевского**). (Отрывки).—ЛП. 1925, 28 дек.

730. Владимир Раевский. (Первый декабрист.—**Щеголев**, Дек., 7—70 в приложении—всподданнейший доклад нач-ка Гл. Штаба И. И. Дибича по делу о В. Ф. Раевском и брате его Григории Раевском, 59—70).

731. **Лернер, Н. (О)**. Где бумаги В. Ф. Раевского?—КС. 1926, № 2 (23), стр. 143—145.—С письмом Л. Ф. Пантелеева к Н. О. Лернеру (от 3. IX. 1912 г.), где рассказана судьба оставшихся бумаг В. Ф. Раевского.

(23а). Дело **Н. П. Репина**.—Восстание дек. II, 353—376, 410—413.

732. **Оксман, Ю. Г.** Мытарства декабриста (Иосифа) Ринкевича.—Дек., 81—88.—С письмом И. Ринкевича гр. Ф. П. Палену. Кишинев. 12 июля 1827 (стр. 88).

733. **Сырочковский, Б. (Е)**. Письмо декабриста А. Е. Розена (к М. В. Машиной). Курган. 21. X. 1832 г.—Дек., на каторге, 281—286. О жизни на каторге в Чите, о переходе его вместе с другими декабристами в августе 1830 г. в Петровский завод и о встрече его с женой во время этого перехода.

(23). Дело **К. Ф. Рыльева**.—Восстание дек. I, 147—18, 510.

734. Из архива К. Ф. Рыльева. I. Неизвестные письма **Рыльева** (3

письма к матери (С. Подгорелое. 13. X. 1818; 29. VIII. 1819; (Пб.). 26. III. 1822). Доверенность, данная жене (Спб. 12. IV. 1826). Письмо **Н. М. Рылеевой** к мужу. 31 (марта) 1826. Письмо **Рыльева** к В. И. Туманскому (Пб.). 3. X. 1823). (Ср. № 737—публикация по автографу). Б. Л. Модзалевский. 2. Стихи («Когда, прикинув к наготовлю...»; Люби меня, Вольный перевод с французского) и семейные бумаги **Рыльевых** (письма к Н. М. Рылеевой **Ф. П. Миллера** (отрывки. 1827 г.) и **П. Н. Мыслевского** (отрывки 1827 г.)². Сообщ. П. Н. Корелли (комментировал Н. В. Измайлова)².—3. К. Ф. Рыльева и Е. И. Малютина (с письмом **Е. И. Малютиной** к поэту, без даты). П. Н. Корелли.—Б. 1925, № 5(33), стр. 28—44.

735. **Рылеев, К. Ф.** (Приписываемое ему послание к А. А. Бестужеву). («По чувствам братья мы с тобой...»). Примечания Н. В. Измайлова.—Атеней. III (1926). 9 и 29 примеч.

736. **Измайлов, Н. В.** Из бумаг К. Ф. Рыльева. — Памяти дек. I, 140—150.—1. К. Ф. Рылеев—родным жёны: I. М. М. Тевяшевой. (Пб. 20. IX. 1823). 142.—II. И. М. Тевяшеву (получено 4. X. 1823). 142.—2. К. Ф. Рылеев—жене. С. П. Б. 12. III. 1825. 143.—3. К. Ф. Рылеев: ей же. 13. V. 1826. 144.—4. О. М. Сомов—Н. М. Рылеевой: I. 18. III. 1827. С.-Пб. 146.—II: С.-Пб. 4. VIII. 1827. 147.—Примечания. 148.

737. Письмо **К. Ф. Рыльева** к В. И. Туманскому (3 окт. 1823 г.)². С примеч. Г. П. Георгиевского.—Дек.², 18—19, 20—31 примеч.—Печатается по автографу, хранящемуся в рукописном отделении Публичной библиотеки СССР им. Ленина.—Ср. № 734, где публикация по копии.

737а. **В. Б—ич. (Базилевич, В.)**. Вирши Рыльева в альбомах 1830-х гг.—Дек. на Украине. 185—187.—Рукопись Киевского Музея Революции. Имеются разночтения сравнительно с изд. соч. Рыльева, Спб. 1874 г.

738. **Клевенский, М. К. Ф.** Рылеев. М. (и) Л., изд. и тип. I-я

Образцовая в Мск. Госуд. изд-ва. 1925. (20×13). 78+(2) стр.+1 вкл. л. (портрет). 60 коп. (Биографическая Б-ка). 5.000 экз.—Рец.: Сйскуство 1925, № 8, ноябрь.—Кн. 1925, № 35 (116), 27 ноября. 12. Е. Сказин.

739. **Шувалов, С. В.** Рылеев и Байрон.—Свиток, IV (М. 1925).

739а. **Быков, П. В.** Яркий светоч революции. (К 130-летию со дня рождения К. Ф. Рыльева).—Вестник Знания (Лгр.) 1925, № 16, стр. 1087—1088.

740. **Цейтлин, А. Г.** Творческий путь Рыльева.—Бунт дек., 223—283.

741. **Маслов, В. И.** Поэт-декабрист К. Ф. Рылеев—Из эпохи борьбы с царизмом, V (1926), 85—96.—«Доклад, прочитанный 27 (14) декабря 1825 г. в заседании Исторического Общества Нестора Летописца в Киеве, посвященном столетию восстания декабристов».—Со снимками: Кондратий Федорович Рылеев. Стр. 86.—Письмо Рыльева к жене в день казни. (Факсимиле на вкладн. листе к стр. 89).—Ср. № 746в.

742. **Лелевич, Г.** Памяти К. Рыльева. (1795—29 сентября—1925).—И. 1925, 29 сент.

743. **Соловьев, Д.** Кондратий Федорович Рылеев. К столетию восстания декабристов.—Призыв (Владимир) 1925, 24 ноября.—Критический обзор его поэзии.

743а. Новые данные о могилах декабристов.—КГ. Вв. 1925, 12 дек.—О могиле Рыльева по новонайденным письмам Ф. П. Миллера и Н. М. Рылеевой.—Ср. № 734.

744. Массонские знаки Рыльева.—КГ. Вв. 1925, 23 дек.

745. **Либерман, Гр.** Поэт-декабрист. (Памяти К. Ф. Рыльева).—БР. 1925, 29 дек.

746. Новый документ о декабристах. Найдено предсмертное письмо **Рыльева** (к жене 12 июля 1826 г. Выдержки)³.—Призыв. (Владимир) 1926, 22 янв.—Подлинник находится в библиотеке Владимир. историч. област. музея.

746а. **В. Т—ский.** Памяти К. Ф. Рыльева. (К столетию со дня его смерти). (1795—1826 гг.).—РПуть (Омск) 1926, 25 июля.

746б. **Вяткин, Г.** Первый русский поэт-революционер. (К столетию со дня казни К. Ф. Рыльева).—ССибирь 1926, 2 июля. С портр.

746в. **Маслов, В. И.** Поэт-декабрист К. Ф. Рылеев. Киев. Тип. Киевского Политического Института. 1926. (23×15). 14 стр., с илл.+1) вкладн. лист снимок с автографа. (Б. ц.). 100 экз. (Оттиск из сборника «Из эпохи борьбы с царизмом», № 5)⁴. Ср. № 741.

746г. **Филипович, Павло.** Рылеев и Державин.—Дек. на Украине, 124—135.

747. Четыре письма **М. М. Спиридова** к И. И. Пущину. (Сообщ.)⁵ Е. Е. Якушкин.—Доклады Переяславль-Залесского. Научно-Просветительного Общества. Вып. 13. Переяславль-Залесский. 1925. Стр. 10—19.—Письма: 10. XI. 1839. Красноярск (11—12); 30. XII. 1839. Красноярск (13—14); 4. IV. (1841 г.) (14—17); (Нач. окт. 1842 г.) (18—19).

748. **Смирнов, М. И.** Памяти декабриста Спиридова. (1825—1925).—Доклады Переяславль-Залесского Научно-Просветительного Общества. Вып. 13. Переяславль-Залесский. 1925. Стр. 1—9.—Воспоминания старожилов М. Д. Нашивочкина и гр. Вульф д. Дрожиной (в 12 верстах от Красноярска), где проживал последние 10 лет Спиридов (8—9).

(236). Дело **М. М. Спиридова**.—Восстание дек. V, 101—180, 470—472.

(23а). Дело **А. Н. Сутгофа**.—Восстание дек. II, 117—132, 386.

749. **Оксман, Ю. Г.** Письмо В. И. Сухачева (9. VI. 1826)² к гр. М. С. Воронцову из Таганрогского тюремного замка.—Дек., 75—80.—Печатается по материалам Архива Новоросс. и Бессарабск. генерал-губернаторства, часть секретная, 1826 г., № 12. Дело о Сухачеве, лист 91.

750. **Оксман, Ю. Г.** Поимка поручика И. И. Сухинова. (По неизданным материалам).—Дек., 53—74.—По материалам из архива Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства. Часть секретная. 1826 г., № 5. Дело по донесению Херсонского губернатора об оты-

скании поручика Сухинова (он же Емельянов), бывшего в числе главных мятежников Черниговского пехотного полка. На 140 листах.

751. **Азадовский, М. К.** Загадочный документ.—Б. 1925, № 5 (33). Декабристы на каторге и в ссылке, 109—114.—Письмо Ивана Бушаева к некоему Ивану Васильевичу от 30 февр. Год не обозначен. «Подпись и обращение вымышленны... Вероятнее всего, что эта записка адресована самому Сухинову. Основной смысл ее—предупреждение о готовящемся наказании кнутом и покаянием». «Наиболее вероятным является приурочение этого загадочного письма к известному делу Сухинова»...

751а. **Барвинский, В.** До биографии поручика И. И. Сухинова. (Лист Сухинова до Миколи I.—Дек. на Украине, 167—170.—К роли Сухинова в восстании Черниговского полка. «Покаянное» письмо помечено: 15. I. 1826 г.—Из материалов Аудиториатского Департамента Главного Штаба 1826 г.

751б. **Багалий, Ольга.** Новый документ до биографии Тизенгаузена. (Откровение Василия Тизенгаузена, которое желаю утвердить торжественной присягой).—Дек. на Украине, 171—178.—Госуд. Арх. I. В. «Особый Отдел» № 406, 6—12.

751в. **Щеглова, С. А.** Переписка Я. Н. Толстого с А. И. Тургеневым.—Памяти дек. II, 164—188.—1. А. И. Тургенев—Я. Н. Толстому. Париж 31. V. 1827 (166).—2. Я. Н. Толстой—А. И. Тургеневу. Париж. 5. VI. 1827 (168).—3. Я. Н. Толстой—А. И. Тургеневу. Париж 20. II. 1829 (171).—4. А. И. Тургенев—Я. Н. Толстому. Париж 1830 (171).—5. Я. Н. Толстой—А. И. Тургеневу. Париж. 6. V. 1830 (173).—6. Я. Н. Толстой—А. И. Тургеневу. Четверг 6 мая (1830) (173).—7. Записка Я. Н. Толстого о тайных обществах. (Франц. текст (174) и русск. перевод (178)).—8. Я. Н. Толстой—А. И. Тургеневу. (Б. д.) (181).—9. Я. Н. Толстой—А. И. Тургеневу. Париж 5. VI. 1830 (182).—10. А. И. Турге-

нев—Я. Н. Толстому. (Б. д.) (184)—11. Я. Н. Толстой—А. И. Тургеневу. Париж 11. VI. 1830 (184).—12. Я. Н. Толстой—А. И. Тургеневу 22. V. (1838?) (186).—13. А. И. Тургенев—Я. Н. Толстому. 16. IX. (1847?) Luxemburg (187).—14. Я. Н. Толстой—Н. И. Тургеневу. Париж. 18. IX. 1856 (188).—Из архива Тургеневых.

752. **Толстой, Я.** Революция 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого). Под ред. и с предисл. Г. Зайделя и С. Красного. Л., изд. и тип. Печатный Двор Госуд. Изд-ва. 1925. (1926)². (26×17). 183 стр. 1 руб. 70 к. (Центрархив). 5.000 экз.—Обзор содержания см. Г. А. Русский вельможа—агит-провокатор.—КГ. 1925, 14 окт.—Рец.: Кн. 1926, № 3—4 (124—125), 29 янв., 36. Проф. И. Бороздин.—ПР. 1926, I, янв.—февр., 189—190. М. Клевенский.—И. 1926, № 163 (2794). 18 июля. Леднев.

752а. Три письма декабриста Торсона. (Сообщ.). В. Троицкий.—Жизнь Бурятии (Внерхнеудинск) 1926, № 1—3. Критика и литература, стр. 39—49.—1. К. Н. А. Бестужеву. Крепость Акша. I. XII. 1836 (40—45).—II. Ему же. (Крепость Акша)³. 6. II. (1837)³ (45—46).—III. Н. А. и М. А. Бестужевым. Селенгинск. 24. VI. 1837 (46—49).—Письма печатаются из собрания Бестужевских бумаг, хранящихся в Пушкинском Доме Академии Наук СССР, и посвящены по преимуществу истории постройки торсоновой машины, а первое письмо интересно, кроме того, с точки зрения Забайкальского краеведения.

(27) Дело кн. С. П. Трубецкого.—Восстание дек. I, 1—35, 503—510.

753. **Лавров, Н. Ф.** «Диктатор 14-го декабря». (Кн. С. П. Трубецкой)².—Бунт дек. 129—222.—Реабилитация.

754. **Рейснер, Лариса.** Князь Сергей Петрович Трубецкой.—И. 1926, I янв. С портр.

755. **Записка Н. И. Тургенева.** (Сообщ.). Н. Ф. Бельчиков.—КА. 1925, т. 6 (13), стр. 68—147.—«Записка о свойстве и мере моего участия в тайных обществах» составлена Н. И. Тургеневым во

второй половине 1826 г. (закончена приблизительно в октябре 1826 г.). На архивной обложке дата: «Чельтенгам 27 октября 1826 г.». Печатается (стр. 70—147) с подлинника, хранившегося в архиве б. библиотеки Зимнего дворца, ныне в архиве Октябрьской Революции, особ. отдел, фонд XXI—В. № 1447.—В предисловии к «Записке» Н. Ф. Бельчиков публикует русские тексты (перевод с франц.) писем гр. Генриеты Разумовской к В. А. Жуковскому (29. XII. 1827 г.) с ходатайством за Н. И. Тургенева и в кн. Константина Павловича к Николаю I-му с отзывом о «Записке» Тургенева. Историю попыток Н. И. Тургенева оправдаться и историю четырех его записок (публикуемая записка по счету вторая) см. у Е. И. Тарасова «Декабрист Н. И. Тургенев в Александровскую эпоху». Самара, 1923, гл. 12, стр. 599—447. Ср. № 755а.

755а. **Заозерский, А. И.** Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева.—Памяти дек. II, 99—163.—Записка (писалась в Лондоне в сент. 1826 г.) печатается в сокращенном виде. В основу положена «Таблица, представляющая обвинения и доказательства достоверные», Н. И. Тургенева, а в дополнение к ней из записки извлечены материалы, которые находятся в ближайшей связи с пунктами таблицы, а также отрывок из записки—«О деятельности тайного общества (Союза Благодетствия)», хотя последний и не имеет непосредственной связи с таблицами.—Извлечения из записки печатаются по полному тексту ее, с рукописи (рукой неизвестного), хранящейся в Архиве Тургеневых (за № 135) в Рукоп. Отд. Б-ки Академии Наук. Ср. № 755.

755б. **Фетисов, И. И.** Из переписки Николая Ивановича Тургенева в 40—60-е гг.—Памяти дек. III, 87—103.—1. Н. И. Тургенев—Д. Н. Блудову. «Письмо г-ну Блудову в Киссинген, посланное 16 августа 1843 года, относится к 392 странице Оправдательной записки». (На француз. яз.—стр. 88—89. с переводом на

русский—90—91).—2. Н. И. Тургенев—императору Александру II. (Написано не ранее 1855 г. и не позже 1857. Две редакции)³ (91—97).—3. Прошение Н. И. Тургенева Александру II о пересмотре его дела. (29. I. 1857)³ (97—99).—4. Н. И. Тургенев—А. И. Герцену и Н. П. Огареву. 30 марта (1861 г.) (99—100).—5. Н. И. Тургенев—императору Александру II. 23. VII. 1865 (101—102).—6. М. А. Бакунин—Н. И. Тургеневу. Лондон, 30. VII. 1862 (102—103)—Из архива бр. Тургеневых в Рукоп. Отд. Б-ки Акад. Наук СССР.

756. **Завич, И.** Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством.—Тайные общества, 88—102.—По дипломатической переписке англ. мин. ин. дел, хранящейся в Record Office.

757. **Шебунин, А. Н.** Николай Иванович Тургенев. М., изд. и тип. 1-я Образцовая Госуд. Изд-ва. (1925)³. (21×14). 132 стр. + (1) вклад. лист портр. 60 коп. (Биографическая Б-ка). 4.000 экз.—Рец.: КС. 1925, № 6 (19), стр. 268—271. С. Чернов.—ПР. 1925, IV, июни, 263—264. Н. Пиксанов.

757а. **Богданова, Н. Г.** Из переписки М. А. фон-Визина.—Памяти дек. III, 104—123.—Письма к кн. Е. П. Оболенскому: 1. Тобольск. I. V. 1844 (107—108).—2. Тобольск. 15. V. 1851 (109—110).—3. Тобольск. 6. VI. 1851 (11—113).—4. Тобольск. 22. VII. 1851 (113—115).—5. Тобольск. 13. XI. 1851 (115—117).—6. Тобольск. 14. X. 1852 (117—119).—7. С. Марьино. 4. VIII. 1853 (119—120).—Письмо к С. Я. Знаменскому. Тобольск. 30. XI. 1851 (120—123).

(236). Дело А. И. Тютчева.—Восстание дек. V, 427—459, 480—481.

(23а). Дело Н. Р. Цебрикова.—Восстание дек. II, 305—351, 406—410.

758. **Бакай, Н.** О литературных занятиях декабристов в Восточной Сибири.—СибО. 1922, № 3, июнь. 60—65.—Дело декабриста Н. Чижова о напечатании им стихотворения «Нуча» в «Моск. Телеграфе» 1832. № 8. Расследования об этом иркутской, олекминской и якутской администрации.—Стр. 61: письмо Н. Чижова к иркутскому губер-

натору Цейдлеру (1832 г.) с объяснениями о напечатанных им стихах.—Показания о том же Н. Чиждова управляющему Олекминским округом Козловскому.—Стр. 64—65: Нуча. (Якутский рассказ). Стих Н. Чиждова.

759. Декабрист князь Ф. П. Шаховской.—Шеголев. Дек., 343—361.

760. Обвинский, Владимир (В. И. Штейнгель)². Замечания на статьи энциклопедического лексикона. Сообщ. М. К. Азадовский.—Сибирь и дек., 113—120.—Письмо адресовано издателем «Северной Пчелы» и помечено: Иркутск, 17 июля 1836 г. Публикуется в части, относящейся к Сибири.

761. Модзалевский, Б. Л. Переход декабристов из Читы в Петровский завод. Дневник барона В. И. Штейнгеля. 7. VII. 1830 г.—23. IX.—Дек., 128—148.—Стр. 133—148: Дневник достопамятного нашего путешествия из Читы в Петровский завод 1830 года. (Бар. В. И. Штейнгеля)². «По списку, сохранившемуся в бумагах М. И. Семевского, хранящихся ныне в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук».—Илл. на вкл. лл.: «Ключи. Дневка 11-го Авг. 1830». С рисунка сепией, принадлежавшего И. И. Пущину. К стр. 137.—«Укиря». Дневка 22-го Августа 1830». С рисунка сепией, принадлежавшего И. И. Пущину. 139.—«Петровский железный завод за Байкалом. Фасад тюрьмы». План, сообщенный М. И. Семевскому М. А. Бестужевым в 1861 г. 149.—Ср. очень близкий и местами тождественный «Дневник путешествия нашего из Читы». 1830. Н. А. Бестужева. № 642 и 643.

762. Неопубликованная заметка декабриста Штейнгеля. Сообщ. М. Азадовский.—Сибирь (Новосибирск) 1926, № 2, 15 февр., 5, с илл.—Заметка о крепостном праве и о несообразности с духом самой веры закона о богохульниках и святотатцах. В конце подписи: «Излияние сердца 1-го октября 1833 года в Петровской тюрьме». Хранится в Пушкинском Доме при Академии Наук.—Снимки: Дом декабриста Трубецкого в

Иркутске.—Дом в Иркутске, в котором жил Волконский.—Памятник на могиле Никиты Муравьева в с. Урике, до реставрации.—Декабрист Фаленберг, с семьей.—Дом в Минусинске, построенный декабристом Модзалевским.

763. Модзалевский, Б. Л. Замечания декабриста Штейнгеля на воспоминания Е. П. Оболенского о Рылееве.—Дек., 182—184.—«Заметки при прочтении «Воспоминания о К. Ф. Р.—е» (Рылеев)². (Бар. В. И. Штейнгеля)². Написаны в 1861 г.—К стр. 183 на вкл. л.: Барон Владимир Иванович Штейнгель. По фотографии с портрета, принадлежавшего в 1884 г. А. В. Баранову в г. Бирске.

(23). Дело кн: Д. А. Щепина-Ростовского.—Восстание дек. I. 391—421, 523—525.

764. Базилевич, В. М. Из архива декабриста Юшневского. — Бунт дек., 323—328.—Три письма А. П. Юшневского к брату С. П. Юшневскому: 1. Кишинев. 8. IX. 1817; 2. М. Тульчин, 23. I. 1820; 3. м. Тульчин. 13. VI. 1820 (с припиской М. К. Юшневской).

(23а). Дело А. И. Якубовича.—Восстание дек. II. 275—304, 403—406.

764а. Устимович, П. М. Письма и рисунки А. И. Якубовича.—Дек., 230—237.—Три письма А. И. Якубовича к Ос. Адам. Лепарскому. 1. Не датировано; 2. С припиской. В. Л. Давыдова и датой 1838 г. 18 февраля; 3. Петровск 1838 г., 15 марта. Каземат 53; записка (не датирована) и два снимка: 1) часть письма с виньетки (акварель)—голова Якубовича с крыльшками в сиянии (234) и 2) шуточный диалог руки Якубовича с виньетки (акварель)—жандармский штаб-офицер, железной цепью стягивающий окруженного частоколом Якубовича. Хранится в Рукопис. Отд. Пушкинского Дома при Акад. Наук СССР.

765. Чернов, С. Несколько справок о «Союзе Благодетеля» перед Московским съездом 1821 г. (Примечания к запискам И. Д. Якушкина).—Ученые Записки Государственного Саратовского имени Н. Г. Чернышевского университета 1924, т. II, вып. III, стр. 34—67.—

Рец.: Б. 1926, № 1 (35), стр. 195—197. Пресняков, А. Этюды С. Н. Чернова по истории декабристов.

766. Чернов, С. Из отчета о командировке в Москву и Ленинград осенью 1922 г. Саратов, Сарполиграфпром. 10 отд. 1924. 28 стр. 100 экз.—Командировка имела целью собирание материалов к исследованию о жизни и «записках» декабриста И. Д. Якушкина.—Рец.: Б. 1926, № 1 (35), стр. 195—197. Пресняков, А. Этюды С. Н. Чернова по истории декабристов.

767. Чернов, С. Отчет о командировке в Москву летом 1924 г. Саратов. Изд. автора. 1925. 116 стр. 150 экз.—«Представление» ген. Ил. Вас. Васильчикова о неудачливом доносчике корнете Ронове (1820 г.). сведения о политическом розыске в солдатской среде Петербурга (того же года) и настроении офицерства, выдержки из рукописных «Воспоминаний» В. И. Лыкошина, с примеч. его сестры А. И. Колечниковой, из записок Марии Рачинской и др. материалов, ведущих к «более правильному пониманию и критике» «Записок» И. Д. Якушкина.—Рец.: Б. 1925, № 6 (34), стр. 239. Н. Лернер.—КС. 1925, № 6 (19), стр. 267—268. Н. Лернер.—Б. 1926, № 1 (35), стр. 195—197. А. Пресняков Этюды С. Н. Чернова по истории декабристов.

768. Якушкин, И. Д. Записки И. Д. Якушкина. Изд. 7-е дополн. и исправл. М. Книво «Современные Проблемы» Н. А. Столляр, тип. МКХ им. Ф. Я. Лаврова. 1926 (1925)¹. (17×13). 191 стр., с портр. + (1) стр. обьявл. 1 руб. (Б-ка Декабристов). 3.000 экз.—Обложка:

Дополнения.

3а. Декабристы в литературе.—Шлях Овिति. Путь Просвещения (Харьков). 1925, № 12 (44). стр. 226—230.

16а. Що читати. Декабристы 1825—1925.—Життя и Революция (Київ) 1925, XII, Серед книжок та журналів, 110—111.

В. Р.—Предисловие Е. Е. Якушкина. «В издании 1925 года восстановлены те пропуски, которые в 1905 г. были сделаны по цензурным условиям. В приложении помещены: 1) сводка показаний И. Д. Якушкина; 2) письмо Якушкина к Николаю Павловичу (22. II. 1826)¹ (из дела Муханова), 3) записка Н. Д. Фонвизиной, относящаяся, вероятно, к 1830 г. Кроме того, даны пояснения некоторых мест в «Записках». (Из предисловия к изд. 1925 г., стр. 5).—Портрет И. Д. Якушкина, рис. в 1851 г. Мазером (стр. 3) и снимок с 1-й стр. письма И. Д. Якушкина к сыну Евгению (Иркутск, 19. XI. 1854) (стр. 168).—Рец.: СибО. 1926, I—II, янв—апр., 243—245. Марк Азадовский.—КС. 1926, № 4 (25), стр. 266—267. Влад. Кун.

769. К истории освобождения крестьян декабристом И. Д. Якушкиным. Сообщ. Н. Ф. Лавров.—КА. 1925, т. 6 (13), стр. 250—257.—Прощение Якушкина на имя министра внутр. дел О. П. Козодавлева (29. VII. 1819) (стр. 251) и дальнейшее производство по нему; стр. 254: прошение И. Д. Якушкина на имя вяземского уездного предводителя дворянства М. П. Потулова (писано писарским почерком и подписано собственноручно Якушкиным). 12. IX. 1819. С полинников, хранящихся в 3-м отделении юридич. секции Ленингр. Центр. Историч. Архива (архив б. м-ва внутр. дел) в деле 1819 г. № 203, под названием: «о увольнении крестьян в свободные хлебопашцы помещиком Якушкиным». Нач. 13 июля 1819 г., конч. 7 января 1820 г. (на 12 листах)».

226. Васенко, П. Г. и Измайлов, Н. В. Обзор хранящихся в Академии Наук СССР материалов о декабристах.—Памяти дек. III. 228—241.—I. Рукописное Отделение Библиотеки. П. Васенко. 228—234.—Пушкинский дом. Н. Измайлов. 234—241.

22в. **Нечкина, М.** Портреты «предков». (Юбилей декабристов за рубежом). — ПР. 1926, VIII, (дек.), 28—38.

23б. Восстание декабристов. Материалы. Т. V. (Дела Верховного Уголовного Суда и Следственной Комиссии, касающиеся государственных преступников. Т. V. Подготовлен к печати Н. П. Чулковым)¹. М. (и) Л. Госуд. Изд-во, тип. «Печатный Двор» в Лгр. 1926. (МСМХХVI)¹. (28×19). 494+(1) стр.+ (4) вкладных листа факсимиле. 6 руб. (Центрархив). 2.000 экз.—На обороте титульного листа заглавие: «Материалы по истории восстания декабристов. Под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского». — Содержание. Дело П. И. Борисова 2-го. Стр. 7.—А. И. Борисова 1-го. 77.—М. М. Спиридова. 101.—И. И. Горбачевского. 181.—В. А. Бечасного. 261.—А. С. Пестова. 317.—Я. М. Андреевича. 345. Ю. К. Люблинского. 409.—А. И. Тютчева. 427.—Приложения. Следственные дела членов Общества Соединенных Славян. (Н. П. Чулков)¹. 463.—Предметный указатель. 482.—Личный указатель. 486.—Опечатки и поправки. 493.—Факсимиле на вкладных листах: Польский текст Правил Соединенных Славян (см. стр. 14). К стр. 17.—Показание подпор. П. И. Борисова 2-го от 13 февраля 1826 г. с объяснением символических знаков (см. стр. 30—31). 33.—Письмо И. И. Горбачевского к ген.-ад-ют. Левашеву от 5 февраля 1826 г. (см. стр. 188). 193.—Ответы Ю. К. Люблинского на вопросы «о воспитании» (см. стр. 413—414). 417.—Рец.: Кн. 1926, № 40, 30 окт., стр. 23—24. И. Картавцов.

25а. Список оснб. причетных до справ про таємни товариства. Подав. Володимир Мияковський.—Украина (Київ) 1925. кн. 6 (15), стор. 68—71.

42а. **Гермайзе, Осип.** Рух декабристів и українство.—Украина (Київ) 1925, кн. 6 (15), стор. 3—4.

42б. **Грушевський, Михайло**, акад. 1825—1925.—Украина (Київ) 1925, кн. 6 (15), стр. 3—4.

49а. **Ладыхенский, А. М.** Декабристы. Мироззрение, организация, выступление. Киев, тип. Киевского Политехнического Института. 1926. (23×15). 36 стр., с илл. (Б. ц.). 100 экз. (Оттиск из сборника «Из эпохи борьбы с царизмом», № 5)¹.

52а. **Мияковский, Владимир.** Видуги в Харкові та Києві на смерть Рилеева, (Справка Ландсберга та П. Балабухи 1827 р.).—Украина (Київ) 1925, кн. 6 (15), стор. 57—68.—«Дело о студентах Балабухе и Бутовском по предмету зловердных сочинений». КИИА. Фонд К. губернатора, 1827, № 17.

52б. **Мияковский, Владимир.** Виктор Фурнье та родина Раевських.—Украина (Київ) 1925 кн. 6 (15), стор. 50—56.

60а. **Рибаков, Иван.** 1825 рік на Україні.—Украина (Київ) 1925, кн. 6 (15), стр. 5—24.

* 64а. **Рябинин-Скляревський, А. А.** Масони Рашильєвського Лицею.—Вистник Одеської Комисии Краєзнавства при У. А. Н., ч. 2—3. Одеса, 1925.

64б. **Серафимович, А. Юда-Шервуд.** Зоря (Катеринослав) 1925, ч. 12, стор. 20.

65а. **Слабченко, Тарас.** До історії «Малоросійського Общества». —Украина (Київ) 1925, кн. 6 (15), стор. 46—49.—Дело «Об отправлениях в Петербург к Е. И. В. Ст. Сов. Алексеева». (Секретная часть Новорос. ген-губ. Одесский Губ-архив, дело № 6 за 1826 г.).

88б. Памяти декабристов. Сборник материалов. III. С 7 портр. и снимками. Л., Изд-во Акад. Наук СССР, тип. Изд-ва Сев.-Зап. Промбюро ВСНХ. 1926. (24×16). (3) + 258 стр.+ (7) вклад. лист. илл. и портр. 3 руб. 50 коп. (Акад. Наук СССР). 1.050 экз.—Текст смешанный—на русск. и франц. языках—Оглавление. Б. Л. Модзалевский. И. И. Пущин. Новые письма и другие материалы. Стр. 1.—И. И. Фетисов. Из переписки Николая Ивановича Тургенева в 40—60-ые гг. 87.—Н. Г. Богданова. Из переписки М. А. Фонвизина. 104.—А. В. Петров. Письма Д. И. Завалишина из Чи-

ты к Е. П. Оболенскому и И. И. Пущину. 124.—Ф. И. Покровский и П. Г. Васенко. Письма Пестеля к П. Д. Киселеву (1821—1823 гг.). 150.—Б. Л. Модзалевский. Страница из жизни декабриста М. П. Бестужева-Рюмина. 202.—И. Г. Васенко и Н. В. Измайлов. Обзор хранящихся в Академии Наук СССР материалов о декабристах. 228.—Н. С. Чаев. Указатель к трем выпускам Сборника. 242—258.—Иллюстрации. Вывод декабристов на прогулку. Акварель. (П. Муханов—в центре, С. П. Трубецкой—справа). — Декабристы И. Д. Якушкин, П. С. Бобринцев, Пушкин и М. К. Кюхельбекер на Петровском заводе. Акварель. К стр. 33.—Петровский железный завод за Байкалом: фасад и внутренняя часть каземата. Акварель. 65.—Каземат И. И. Пущина на Петровском заводе. Акварель. (Два снимка). *. 97.—Дом И. И. Пущина в Ялutorовске. Акварель. 129.—Комната в доме И. И. Пущина в Ялutorовске. (М. И. Муравьев-Апостол—у каминна, И. И. Пущин, В. К. Тизенгаузен, И. Д. Якушкин—сидит). Акварель. 161.—И. Д. Якушкин в Ялutorовске. Сепия. 193.—М. А. Назимов. Акварель. 225.

89а. Повстання декабристів на Україні. За ред. акад. Д. Багалія. (Харків). Держ. Вид-во України. У. С. С. * Р. Народний Комисаріят Освिति. Управління Науковими Установами. Друк-Лит. Д. В. У. 1926. (23×15). 234+(1) стор.—с илл. (1 крб. 25 коп.)². 1000 пр.—Зміст. Передмова. Дм. Багалій. Стр. 3.—Проф. М. І. Яворський. Основи декабризма на Україні. 5.—Л. П. Добровольський. Повстання Чернігівського полку. 43.—О. Д. Татаринова-Багалія. Учасники повстання Чернігівського полку перед військовим судом у Могильові. 169.

89б. **Покровский М. Н.** Декабристы. Сборник статей. М. (и) Л., изд. и тип. 1-я Образцовая Госуд. Изд-ва в Мск. 1927. (1926)². (23×15). 94+(1) стр. 80 коп. (Центрархив). 3000 экз. Содержание: Предисловие. Стр. 3.—Из истории общественного движения в России в на-

чале XIX века. 5.—Декабристы (Легенда и действительность). 32.—Предисловие к брошюре Г. В. Плеханова: «14-е декабря 1825 г». 53.—Предисловие к брошюре А. И. Герцена о декабристах. 58.—14-е декабря 1825 года. 62.—14/26 декабря 1825 года. 69.—Из статьи «Два поруженных восстания» (1825—1906) 76.—Предисловие к XIII тому «Красного Архива». 84.—Из предисловия к IV тому «Восстания декабристов». 89.—Рец.: В. М. 1926, 14 дек. В. Касаткин.—П. 1926, 17 дек. В. Малаховский.

96а. **Яворський, М. І.**, проф. Основа декабризма на Україні.—Повстання декабристів на Україні. Харків. 1926. Стр. 5—42.

110а. Повстання Чернігівського полку на Київщині.—Глобус (Київ) 1925, № 23—24 (51—52), стор. 529.

111а. **Оксман, Ю. Г.** Восстание Черниговского полка. По неизданным материалам и документам. Очерк.—О. 1926, № 2 (146), 10 янв. стр. 10—12 нел., с илл.: Переходная колонна восставшего Черниговского полка. Перед царскими пушками—3 января 1826 года. С картины худож. Френцена, хранящейся в Ленинградском Музее Революции.

114ж. **Добровольский, Л. П.** Повстання Чернігівського полку—Повстання декабристів на Україні. Харків. 1926. Стр. 43—167.—I. Чернігівський полк перед повстанням.—II. Повстання Чернігівського полку.—III. Учасники подій.—Додаток. Систематичний огляд літератури до справи, про повстання Чернігівського полку (с. 149—166).—Схема повстання Чернігівського полку (с. 167).

1176а. Повстання декабристів на Україні. 3 матеріали Київського Центрального Історичного Архіву. За ред. В. Базилевича, Л. Добровольського та В. Мияковського. (Харків. Центральне Архівне Управління УССР)¹, (друк. «Черв. Друк»)². (1926)¹. 104+(1) стор. I крб.— («Окремі видбитки 3 видання. Укцентрархіву «Рух декабристів на Україні»)². Ср. № 906.

118а. **Татаринова-Багалій, О. Д.** Учасники повстання Чернігівсько-

го полку перед вийськовим судом у Могильови.—Повстання декабристів на Україні. Харьков, 1926. Стр. 169—234.—По материалам II юридич. секции Ленинградского Централархива, фонд аудиторского департамента главн. штаба, 1826 г., пачка 14, дело 35.—Об офицерах, участвовавших в мятеже Черниговского пехотного полка».

127а. К вопросу о нижних чинах-декабристах. (Неизданные материалы Одесского исторического архива). Сообщ. С. А. Семенов.—КС 1926, № 6 (27), Мелочи прошлого, 115—116.—Отношение (№ 88, 23 февр. 1826 г.) исправляющего должность гражданского Бессарабского губернатора Арсеньева Килийской градской полиции о розыске 11 нижних чинов Черниговского пех. полка, бежавших после 3 янв 1826 г., и рапорт (№ 66, 2 марта 1826 г.) квартальных надзирателей в Килийскую градскую полицию о безрезультатных поисках беглецов.—По делу Килийской градской полиции: «О наблюдении за появлением разных лиц, нужных по секретным делам фальшивых ассигнаций и прочем». № 15, 1826 г., лл. 7—8 и 9.

136у. Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. Сообщ. Б. Сыроечковский.—КА 1926, т. 4 (17). Из записной книжки архивиста, 174—181.—По материалам, хранящимся в «Особом Отделе». Центр. Архива Октябрьской Революции в Москве, фонд XXI, (б. «Разряд I В. Госуд. Архива»). Дело № 648 «Бумаги начальника главного штаба е. в. барона Дибича, относящиеся до заговора декабристов, с августа 1825 г. по июль 1826 г.—Использованы и др. печатные и архивные источники.

227а. Асеев, Николай. Изморозь. Стихи 1925—1926. (М. и) Л., Госуд. Изд-во, тип. 1-я Образцовая в Мск. 1927 (1926)². (17×13), 56 стр. 50 коп. 3.000 экз.—Стихи о декабристах (47—55). Декабрьский туман 49.—Синие гусары. 52.—Ср. № 227.

227б. Агницев, Николай. «Отходы до грузозика». Стихи. 1916—1926 гг. М. (и) Л., изд. автора. Го-

суд. тип. им. Ивана Федорова в Лгр. (1926)². (15×10), 106+(2) стр. 1 руб.—Белой ночью. («Белой мертвой странной ночью...»). Стр. 49—51.—Шпага Декабря. («На снежной площади»...), 95.

3196. Пушкин. Письма. Под ред. и примеч. Б. Модзалевского. Т. I. 1815—1825. Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР. М. (и) Л., изд. и тип. Печатный Двор Госуд. Изд-ва в Лгр. 1926. (24×16). XI.VIII 538+(1) стр. 7 руб. 2000 экз.—Обложка: А. Лео.—Письма А. С. Пушкина к: А. А. Бестужеву (9), 1822—1825 г.г.; В. Л. Давыдову (3), 1821 и 1824 г.г.; В. К. Кюхельбекеру (1), 1825 г.; А. Н. Раевскому (1), 1823 г.; В. Ф. Раевскому (1), 1821—1822 г.; Н. Н. Раевскому (младш.) (1), 1825 г.; К. Ф. Рылееву (3), 1825 г.; Я. Н. Толстому (1), 1822 г.; П. Я. Чаадаеву (2), 1820 г.

335б. Чуковский, К. Подлинный «Дедушка». (Новонайденная рукопись Некрасова).—И. 1926, № 276 (2907), 28 ноября.

399а. Виленский-Сибиряков, Вл. Столетие декабристского восстания.—Спутник Агитатора (М.) 1925, № 19, 1 ноября, стр. 32—36.

402аа. Парадиський, Ол. «Декабристы» в школи.—Шлях Освिति. Путь Просвещения (Харьков) 1925, № 11 (43), ноябрь, Методи освітньої роботи, стор. 77—85.

480а. Мняковський, В. Повстання Декабристів. (До 100-ліття грудневого виступу 1825 р.).—Глобус (Київ) 1925, № 23—24 (51—52), стор. 525—528. С илл.

480б. Новополн, Г. Пам'яті декабристів. (14—27 грудня 1825 року).—Зоря (Катеринослав) 1925, ч. 12, стор. 18—19. С илл.

480в. Пакуль, Н. Декабристы и просвещение.—Шлях Освिति. Путь Просвещения (Харьков) 1925, № 12 (44), дек., стр. 26—32.

497а. Багалий, Дм. акад. Декабристы на Украине. З приводу сторіччя їх повстання на Україні—1825—1925 р.—Червоний Шлях (Харків) 1926, № 1 (34), стор. 93—116.—Публичная лекция на собрании научных работников в Доме Ученых в Харькове. Отд. изд. см. № 344а.

584а. Зубківський, І. Декабрист-парожденці Полтавщини.—Червоний Шлях (Харків) 1925, № 11—12 (32—33), стор. 116—119.—Сергей, Матвей и Ипполит Муравьевы-Апостолы.—Статья—выдержка из рукописи автора «Миргород у його минулому», приготовленной к печати.

646г. Нечкина, М. Три письма декабриста Петра Борисова.—КС. 1926, № 6 (27), стр. 57—64.—К П. Ф. Выгодковскому. Новград-Вольнык, 12. VI. 1825.—Ему же. Лагерь близ Новград-Вольныкского, 23. VII. 1825.—Ответ П. Ф. Выгодковского П. И. Борису (по черновику, датируется июлем—авг. 1825 г.).—Из письма П. И. Борисова (от 21. IX. 1825 г., по копии) к П. К. Головинскому.—Находятся в Арх. Октябрьской Рев., дела декабристов № 451, л. 16 и сл. и № 146, л. 26.

К № 8—рец.: Современ. Записки т. XXVIII (Париж, 1926). Критика и библиография, 503—506. А. Кизеветтер.—Украина (Київ) 1925, кн. 6 (15), стр. 145—146. Л. Д. (Л. Добровольский)³.

К № 11—рец.: Украина (Київ) 1925, кн. 6 (15), стор. 146—147. Л. Д. (Л. Добровольский)³.

К № 22—рец.: Современ. Записки, т. XXVIII (Париж, 1926), Критика и библиография, 499—503. А. Кизеветтер.

К № 24—рец.: Украина (Київ) 1925, кн. 6 (15) стор. 142—145. Л. Д. (Л. Добровольский)³.

К № 44—рец.:—Жизнь Бурятии (Верхнеудинск) 1926, № 1—3, Би-

блиография, 141—143. Н. Козьмин. (Отзыв почти исключительно о статье Е. Б. Покровской. «Достоевский о декабристах»).—Украина (Київ) 1925, кн. 6 (15), стор. 39—45. Леонид Добровольский. Нове про декабристів на Україні. (Главным образом о публикации Ю. Г. Оксмана «Восстание Черниговского пехотного полка»).

К № 49—рец.: КС. 1926, № 6 (27). Библиография, 257—259. Б. Сыроечковский.—Киевский Пролетарий 1926, 13 апр. Б. Р.

К № 79б.—окончание, т. 4 (17), стр. 156—173.—4. Легенда о Константино Павловиче. 5. Ложные слухи (о заговоре на Николая I). 6. Отголоски в Грузии. (Сепаратистские стремления). 7. Крепостной интеллигент.

К № 83—рец.: ПР. 1926, VIII, (дек.), 152. М. Нечкина.

К № 96—рец.: К. С. 1926, № 5 (26), Библиография, 278—282. Ю. Г. Оксман.

К № 114а—рец.: Життя й Революція (Київ) 1925, XII, Сред книжок та журналів, 108—109. П Бензя.—Украина (Київ) 1925, кн. 6 (15), стор. 147—148. Л. Добровольский.

К № 185—рец.: Северная Азия (М.) 1926, кн. 5—6, Библиография, 177—178. Проф. Александр Филипов.

К № 257—рец.: КН. 1926, XI, Критика и библиография, 245—246. Борис Губер.—Киевский Пролетарий 1926, 1 сент., Что читать. И. Ямпольский.

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Дволайцкий, Ш. М., Деборин, А. М., Крицман, Л. Н., Милютин, В. П., Покровский, М. Н., Преображенский, Е. А., Ротштейн, Ф. А.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

	<i>Стр.</i>
Покровский, М.— Ленин и внешняя политика	3
Деборин, А.— Механисты в борьбе с диалектикой	21
Пашуканис, Е.— К характеристике фашистской диктатуры	62
Блюмин, И.— Теория Курно	92
Хмельницкая, Е.— Плановое регулирование в военном хозяйстве Германии. 137	137
Гроссман-Рощин, И.— Мысли о Ленине	165
Фогараши, А.— Из истории диалектики в XIX веке	178

II. Стенограммы докладов читаемых в Комм. Академии

Местергази, М.— Эпигенезис и генетика	187
Прения по докладу М. Местергази (Волоцкой, М., Дучинский, Ф., Кос- минский, П., Левит, С., Серебровский, А., Слепков, В.)	222
Заключительное слово М. Местергази	230

III. Критика и библиография

Кон, А.— Большая Советская Энциклопедия. т. т. I—V. Экономическая часть	234
Нагиев, Дж.— И. Луппол.— Ленин и философия. К вопросу об от- ношении философии к революции	244
Митин, М.— Между спиритуализмом и материализмом. (По поводу философского сборника „Пути реализма“)	249
Сапир, И.— Э. Кречмер.— «Медицинская психология». Русский перевод с третьего немецкого издания	258

IV. Хроника

Устав Коммунистической Академии при ЦИК СССР	269
--	-----

Приложение

Ченцов, Н.— Юбилейная литература о декабристах (окончание)	277
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

	<i>Стр.</i>
Покровский, М.— Ленин и внешняя политика	3
Деборин, А.— Механисты в борьбе с диалектикой	21
Пашуканис, Е.— К характеристике фашистской диктатуры	62
Блюмин, И.— Теория Курно	92
Хмельницкая, Е.— Плановое регулирование в военном хозяйстве Германии. 137	137
Гроссман-Рощин, И.— Мысли о Ленине	165
Фогараши, А.— Из истории диалектики в XIX веке	178

II. Стенограммы докладов читаемых в Комм. Академии

Местергази, М.— Эпигенезис и генетика	187
Прения по докладу М. Местергази (Волоцкой, М., Дучинский, Ф., Кос- минский, П., Левит, С., Серебровский, А., Слепков, В.)	222
Заключительное слово М. Местергази	230

III. Критика и библиография

Кон, А.— Большая Советская Энциклопедия. т. т. I—V. Экономическая часть	234
Нагиев, Дж.— И. Луппол.— Ленин и философия. К вопросу об от- ношении философии к революции	244
Митин, М.— Между спиритуализмом и материализмом. (По поводу философского сборника „Пути реализма“)	249
Сапир, И.— Э. Кречмер.— «Медицинская психология». Русский перевод с третьего немецкого издания	258

IV. Хроника

Устав Коммунистической Академии при ЦИК СССР	269
--	-----

Приложение

Ченцов, Н.— Юбилейная литература о декабристах (окончание)	277
--	-----